

		AND THE PROPERTY OF THE PARTY O	
	Оглавление		STATE OF THE STATE
THE SECOND SECON	Предисловие Лирическая преамбула Физфак шестидесятых Архимед Строительные отряды Походы Подмосковные встречи ДУЭТ Еще немного о личном Еще немного поэзии На салфетках Последние дни на земле Приложения (в отдельном томе): Ранние стихи Детские стихи За семью замками Май Целинная ахинея Стихи 1968 года (и около) Регsonalia Ветеран—30 Усьваение Родне «Три четверти века с улыбкой» Библиография О Канере вспоминали (именной указатель)	5 4 8 24 31 77 86 100 126 136 175 214 2 24 29 35	CONTRACTOR ROCK FOR NOT PAPER THE NOT THE WASHINGTON
東洋和	Dag VIDE LANGE STATES	**************************************	

Предисловие

У этой книги о Валерии Канере, как видно из обложки, большое число авторов. Поэтому она — не связная биография, а сборник эпизодов, которые сохранились в памяти друзей, где каждый эпизод связан с именем рассказчика. Таким образом, эта книга не только и не столько о Канере, но и о нашем времени и нашей судьбе.

Материал располагается по главам, при этом составители стремились построить книгу в виде диалога, в котором участвуют друзья Канера по студенческим годам его жизни, по поездкам в стройотряды, по Архимеду, по ДУЭТу. Каждая глава отражает определенный этап жизни Валеры (хотя иногда они пересекаются) и имеет эпиграфом строки из его стихов. Разумеется, это лишь часть большого архива и число авторов могло быть намного больше. Но объем книги заставил ее составителей ограничиться отобранным материалом.

Вместе с текстами воспоминаний приводятся стихи В. Канера, ранее не публиковавшиеся или публиковавшиеся отрывочно.

Валерий Викторович Канер родился 7 сентября 1940 года в г. Москве. Школу закончил в Волгограде с золотой медалью, после чего, не поступив в университет, один год проработал токарем на заводе «Баррикады». В 1958 году он поступил на Физический факультет МГУ. Учился отлично, получал Ленинскую стипендию, с отличием защитил диплом. Был принят в аспирантуру на кафедру волновых процессов. Руководителем дипломной и кандидатской работы был академик Рем Викторович Хохлов.

окончания аспирантуры Канер был распределен Московский Геологоразведочный институт (недавно переименованный в Геологоразведочную Академию), где проработал всю жизнь, обучая физике студентов младших курсов, будущих геологов, геофизиков, экономистов. Здесь он прошел путь от ассистента до профессора, свыше 20-ти лет исполнял обязанности зам. зав. кафедрой общей физики по учебной работе. В 1979 году защитил кандидатскую диссертацию. Награжден знаком «За отличные успехи В области высшего образования» и тремя медалями.

Число книг и статей с воспоминаниями о Канере со временем растет. Среди них статья академика О. В. Руденко «Валерий Канер — физик и поэт» с подробной библиографией книг В. Канера [1], книги В. А. Миляева [2], В. Г. Недорезова [3], авторский сборник фотоматериалов В. М. Шарапова [4]. Настоящая книга написана в несколько необычном формате неформального разговора. Список ее авторов очень широк и отражает основную черту характера Валеры

Канера — умение объединять вокруг себя огромное количество людей, которые становились его друзьями.

У Валерия Канера сравнительно немного научных работ (около 50), но они посвящены весьма важным проблемам из области нелинейной акустики и оптики, привлекающим к себе внимание уже много лет. В частности, им предложен новый метод расчета мощных акустических полей в резонаторе, введено понятие нелинейной добротности, исследован процесс установления нелинейных вынужденных колебаний. Эти работы, выполненные в 70-х годах, до сих пор широко цитируются в научной литературе.

Валерий Канер с юных лет писал стихи и песни, которые до сих пор пользуются большой популярностью. В студенческие годы в нем проявился талант автора и режиссера, сумевшего объединить стремления молодого поколения к полноценной творческой, активной жизни. Это выразилось в написании и постановке оперы «Архимед» (совместно с В. Миляевым), в выступлениях на многочисленных поэтических вечерах и представлениях авторской песни. Большая жизненная энергия реализовалась в строительных студенческих отрядах, участником которых Валерий Канер был много лет.

В 1985 году В. Канер принял самое активное участие в организации эстрадного театра ДУЭТ в Центральном Доме ученых на Кропоткинской, который в течение многих лет, как магнит, притягивал к себе научные творческие силы, представляя образцы юмористического жанра (капустники) на самом высоком уровне. Частично они отражены в двух сборниках под названиями, характерными для Валерия Канера: «Шизики футят» и «Издранное».

Разумеется, наиболее замечательным наследием В. Канера являются его стихи и песни, опубликованные в разные годы в его книгах. Наиболее известна песня «А все кончается...», написанная в одном из строительных отрядов на Сахалине и вошедшая в первый диск «Песни нашего века». Об истории создания этой песни вспоминает в этой книге один из ближайших друзей Канера — В. Чечин.

22 июня 1999 года Валерия Канера не стало. Его первая посмертная и наиболее полная книга «Листья лета», составленная Наталией Тиме, вышла в 2000 году.

Воспоминания друзей Канера начинаются с первых лет учебы на физфаке МГУ. Среди авторов — В. Чечин, Е. Полищук, Л. Богданова, С. Чекалин, Л. Колодяжная, В. Рукавишников и многие другие, всего более тридцати человек. Чтобы сократить повторы в диалогах, записки авторов подвергнуты некоторому сокращению, тем более, что часть воспоминаний записана с диктофона.

Интересно проследить, как создавались стихотворения Канера. Не секрет, что он мог даже стенографический отчет Российского Физического общества представить в стихотворном виде. Но ведь каждое стихотворение связано с каким-то эпизодом его жизни. Вот об этом и пойдет разговор.

Составители: И.Зубова, В.Недорезов, Е.Полищук, В. Рукавишников, Н Тиме, В.Чечин

Лирическая преамбула

Мы ещё не подкованы — Вечно ищем пути. («Мое двадцатилетие»)

Пока ещё за льдинами Едва видна весна, Но ночь такая дивная, Что вовсе не до сна. («Римские каникулы»)

Валерий Миляев. По стихам В. К. люди будущего узнают о наших мыслях, делах, развлечениях, понятиях о любви, дружбе, совести, предательстве, т. е. о всем том, что можно назвать менталитетом нашей высокоученой прослойки. В. К. предельно искренен в своих стихах, он плоть от плоти этих людей, пропитанных духом коллективизма, идеями служения своей стране. Нам не пришлось воевать с врагами, на наше поколение выпали — стройотряды, целина (где она теперь?) Во всяком случае, мы начинали жить в еще героическую эпоху, а В. К. пел про нас и про себя...

Я очень люблю раннего Канера. На мой взгляд такие стихи, как: «Молнии синие-синие вплотную ко мне подошли...», «Ты спрашиваешь, почему грусть втягивает мою голову в плечи...», «Мне не нужно многое...» — подлинные шедевры. В. К. — мастер неожиданных рифм, резких смысловых и ритмических поворотов. Эта непредсказуемость, необузданность фантазии в процессе творчества — свидетельство настоящего таланта. Аура творца окружала его, затягивала и заставляла людей рядом с ним тоже что-то сочинять, рисовать, петь, шутить, чтобы хоть как-то ему соответствовать. (Ранние неопубликованные или опубликованные с сокращениями стихи Валеры Канера помещены в Приложении I.)

Евгений Полищук. Он более всех нас ценил дружбу, товарищество, равного которому, по слову Гоголя, нет в других землях. И там, где Валера писал о любви, о мужской дружбе — он достигал подлинных высот. Именно такова его знаменитая песня «А всё кончается...», ставшая почти ритуальной не только в стройотрядовской среде, где была написана, — она исполняется везде и всюду товарищами, единомышленниками, свершившими вместе трудное дело и стоящими на пороге расставания. Это поэтическое объяснение в любви личности — коллективу; в ней «Я» присутствует лишь настолько, чтобы было от имени кого сказать о своей любви к «Мы». Дух артельности, товарищества в высокой степени присущ нашему народу, и я счастлив, что был причастен хоть в малой степени к его проявлению в нашем поколении — как через строительные отряды моих друзей-физфаковцев, так и через творчество нашего общего друга Валерия Канера.

Для нас, его близких друзей, он был вовсе не выразителем духа поколения, но человеком, который стремился и умел украшать своим творчеством нашу повседневную жизнь, не упуская для этого ни одного повода. Далеко не все свои стихи он отшлифовывал, доводил до законченного с точки зрения формы вида; зато у каждого из его друзей сохранилось бесчисленное количество его юмористических экспромтов, записанных на чем придется...

Валерий Канер помогает нам и после своей смерти, словно опровергая и одновременно подтверждая себя: не «всё кончается» в этой жизни, и мы все «когда-нибудь куда-нибудь вернемся».

Дмитрий Гальцов. В моей жизни Валерий Канер занимает особое место. Я не входил в первый круг его друзей, не был на целине, не был на Сахалине. Но случилось так, что Валера стал для меня настоящим объектом поклонения, как только я впервые его увидел, а точнее, услышал. Это произошло в 1960 году, в переполненной Центральной Физической аудитории в МГУ, куда я, будучи первокурсником, забрел случайно, и где, вместо отчета о комсомольской работе, Валера читал свои стихи. Там были строчки, от которых у меня, в то время не очень искушенного в поэзии, перехватило дыхание:

А сегодня на улицах яблони расцвели... Сегодня деревья в белой пыли, Белой-белой. Облака застревали, как на мели, Все затихло и разомлело...

Это было чудо. Стояла абсолютная тишина, только тихий голос Валеры, немного неровный от волнения, передававшегося слушателям

как электрический ток. В холодной и чопорной Большой Физической вдруг стало солнечно и просторно. Возникла какая-то новая реальность. И не от того, что стихи звучали в столь неожиданном месте, а от того, какие это были стихи! Я вдруг понял, что поэзия — это не совсем то, чему нас учили в школе, и даже совсем не то, а какая-то неведомая сила, уносящая тебя в другой мир. Источником этой силы был худощавый юноша с большой головой, из-за своей худобы казавшийся особенно высоким, который читал стихи просто, будто рассказывал что-то обыкновенное, но слова эти вызывали особое ощущение, от которого сердце сжималось и начинало биться как в лихорадке. Учащение пульса при контактах с Валерой осталось у меня надолго, и в этом было что-то сакральное. И сейчас, когда я пишу, это ощущение снова приходит. Потом Сойфер ставил в агитбригаде «Целинную поэму», в которой были Валерины строчки:

Работа до пота, до боли работа, как будто завел нас могучий кто-то...»,

и я с упоением писал на них музыку; воображая себя Прокофьевым, считал такты, чтобы точно уложиться в дробный ритм. «Целинную поэму» возили в Ленинград, и от этой поездки осталась в памяти другая вспышка молнии — Валера вскакивает в троллейбус, стремительно проходя вперед, и все преображается — это уже не троллейбус, а корабль, который мчится вперед на всех парусах. В общем, мистика и магия.

Другое яркое воспоминание — апрель 1961 года, после полета Гагарина. Народ валит в ту же Центральную Физическую, где Валера читает стихотворение «Пионерам»: «Одни плывут в кильватере, другие — в авангарде» («Листья лета», с. 14). Несколькими словами и куда сильнее было сказано то, на что ораторы тратили столько времени и слов. Это был настоящий праздник. Уже потом я понял, что тогда случилось — Валера открыл мне поэзию. Я стал читать стихи чаще, чем прозу, влюбился в Цветаеву, Пастернака и уже много лет спустя дорос до понимания Пушкина. И всегда ищу в стихах то ощущение замирания сердца, которое у меня вызвали тогда стихи Валеры. Сейчас, пытаясь анализировать свою жизнь, я понимаю, что Валера оказался для меня одним из учителей, открывших мне вещи, ставшие потом главными. Так же было и с музыкой, когда за два года до этого я встретил замечательного музыканта Илью Романовича Клячко: он вдохновенно пел сонаты Бетховена, передавая самую суть этой музыки, которая вдруг стала для меня своей и близкой.

Володя Недорезов. Шестидесятые годы прошлого века стали легендой в жизни многих людей не только потому, что это были годы запуска первого спутника в космос, создания первого атомного ледокола, развития загадочной ядерной физики. Не меньшее влияние на наше сознание оказывало «физическое искусство», как его определили классики этого жанра Валера Канер, Валера Миляев, Гена Иванов, Саша Кессених, — все выпускники, а в те годы студенты физического МГУ им. М.В. Ломоносова. Физическое объединяло в себе строгий физико-математический подход и свободное лирическое выражение мысли. Деление на физиков и лириков оказалось Валерий Миляев неоднократно искусственным. И совершенно справедливо отмечал в своих выступлениях на разных поэтических вечерах, что стихи очень похожи на формулы, потому что они придают особый, более точный порядок выражению мысли. И не случайно поэтические вечера, столь популярные в те годы и собиравшие огромную аудиторию, проходили в Политехническом музее и известных академических институтах, таких как знаменитый Физический институт академии наук.

Попасть на вечера поэзии, выступления агитбригады Физического факультета, а уж тем более на представление физфаковских опер было очень трудно, особенно первокурсникам. Стихи и песни записывались вручную и передавались из рук в руки, как учебники или лекции по математическому анализу. И здесь роль Валеры Канера нельзя переоценить. Его стихи глубоко проникали в душу и находили там нужный отклик. Жизнь становилась правильной и осмысленной, несмотря на все ее сложности. Достаточно вспомнить что-то из первых стихов Валеры, чтобы с благодарностью окунуться в прошлое. Вспомним хотя бы одно от его стихотворение, написанное в 1960-м году:

Первый мартовский теплый Этот вечер не зря. На сверкающих стеклах Догорает заря — День необыкновенный! Все сегодня скажу. И тебя непременно В танце я закружу!

И так ведь было на самом деле. А еще были стихи: «А сегодня на улицах яблони расцвели...», и это тоже на самом деле и так же точно, как математическая формула. На этом фоне жизнь вспоминается как сказочное чудо. А хорошие воспоминания, как сказал, кажется, тоже

кто-то из физиков, — это лучшее из того, что доступно человеку в старости.

Валерий Чечин. Впервые я увидел Валерия Викторовича Канера 2 сентября 1958 года. Было это так. Наша группа № 110 собралась на первый семинар в аудитории № 458 на физическом факультете МГУ.

Нам было по 17–18 лет; слегка напуганные новой обстановкой мы с интересом рассматривали друг друга. Наверняка в наших головах были совершенно одинаковые мысли: «А это кто? С кем я буду дружить?». Потом вошел довольно грузный мужчина и сказал: «Я вам буду преподавать начертательную геометрию. Моя фамилия Кутузов, но я не обижаюсь, когда меня называют Суворовым». Все рассмеялись, и напряженность в аудитории слегка спала. Затем мы вставали поочередно по списку, который читал наш староста. Встал и Валера: худой юноша в очках, несколько выше среднего роста, ничего особенного.

Первые недели мы присматривались друг к другу, и скоро аморфная масса однокурсников распалась в нашем восприятии на отдельные личности. Валера сделался центром нашей группы. Это стало особенно заметно 20 сентября 1958 года, когда мы отмечали день рождения Иры Скворцовой в квартире ее родителей: Валера сыпал шутками и эпиграммами, организовал танцы под патефон, разливал портвейн «777», таскал из кухни тарелки с закуской. Тут проявилась его замечательная черта: он всегда был открыт к окружающим людям, и ему нравилось делать им приятное.

Конечно, мы были очень влюбчивы и слегка конкурировали из-за наших очаровательных девушек. По этому поводу я сочинил небольшой стишок, состоящий из вполне безобидной брани. Выслушав меня, Валера тут же на листочке написал:

«Литературу осквернив словесной вязью, Залил товарища он грязью. Внемлите юноши стихам. Поймите сами, автор — хам».

На наших приятельских отношениях этот эпизод никак не сказался. На переменах, где-нибудь в уголке, он читал мне свои новые стихи, а потом с азартом включался в наши обычные игры: «дуй-болл» мячиком для пинг-понга на преподавательском столе, «жучок» и футбол большим гардеробным номерком. Валера организовывал совместные посещения музеев и театров, сбор макулатуры, агитационные посещения двухэтажных бараков в Раменках (перед выборами) или просто прогулки по окрестностям МГУ.

Постепенно наша группа стала распадаться на пары: Валера и Ганна Андрианова (первое увлечение Валеры в МГУ), Борис Потемкин и Ирина Скворцова, Ольга Одинцова и я. На первом курсе Валера почему-то не получил общежития и ночевал у своей тети, к которой ездил всю зиму в прорезиненном «китайском» плаще. «Да ты

околеешь!», — говорил я ему. «Ничего, до метро я добегу», — бодрился Валера.

Мы тогда не подозревали, что эти юношеские привязанности сохранятся на долгие годы. Но жизнь сложилась так, что в течение 40 лет я был рядом с Валерой, он оставался для меня одним из ближайших друзей. Круг общения Валеры был большим уже в студенческие годы, а с течением времени все расширялся. Поэтому любые воспоминания о нем, в том числе и мои, будут однобокими, так как я лишь один из многих людей, которым повезло общаться с Валерой.

Евгений Полищук. Подружившись после похода на Керженец и целины с Валерой, я прежде всего воспринял его как поэта (гораздо позже я узнал, что на нашем курсе были и другие поэты, причем тоже на нашем 2-м потоке — Сергей Крылов и Гена Иванов). Были у него и стихи «идейные», сейчас бы сказали — в стиле «Взвейся-развейся» («Пионерам» — о первооткрывателях и первопроходцах, «Воскресник в МГУ» и др.), он читал их на физфаковских конкурсах самодеятельности и срывал аплодисменты, ибо и в них чувствовалась искренность, ощущалась вера в будущее страны (ведь то были годы оттепели, породившие столько надежд). К сожалению, эпоха была такой, что авторы в порядке самоцензуры при публикации своих произведений портили их: так и у Валеры «Воскресник первоначально кончался словами (речь идет о проходе студентов после работы в главное здание МГУ без пропусков):

Усталость — без горести. Могуч, широкогруд, В наплевательской гордости Идет труд!

В «Листьях лета» слово «наплевательской» Валера заменил словом «уверенной», чем приблизил стихотворение к официозу.

Однако не за эти все же немногие в его творчестве стихи я полюбил Канера-поэта. И не за поэтические зарисовки природы в разных ее календарных состояниях. А за его лирику, способностью выразить в слове такую тонкую материю, как любовь с ее приливами и отливами, взлетами и падениями. Юмор тоже имел свое значение, но он шел уже на втором месте, как доступный многим (про гражданскую лирику я и не говорю).

Осознав «величие» Канера как поэта, я завел себе толстую тетрадь (гроссбух) и стал в нее переписывать Валерины стихи и даже целые поэмы. И особенно потрясало то, что в них часто шла речь о людях, хорошо тебе известных, которые, таким образом, делались предметом

высокой литературы («попадали в историю»). Так, в поэме «Себе очень трудно солгать» («Листья лета», с. 18) речь шла о Томке Гавриленко, с которой я тогда учился в одной группе (кстати, в эту поэму Валера включил целый ряд ранее отдельно существовавших стихов).

И я так часто перечитывал эти стихи (и не только для себя, но и для некоторых друзей), что многие из них выучил наизусть. К сожалению, впоследствии я стал записывать в эту тетрадь различные произведения студенческого фольклора («Евгения Стромынкина», песни химического факультета, мехмата), брать ее с собой в строительные отряды; в результате она стала столь ценным собранием, что ей кто-то приделал ноги.

Наталья Тиме. Раннего Канера ценили друзья-поэты. Так, в 1995 году на юбилейном вечере в Доме ученых Валера Миляев, вместо договоренного с Канером рассказа о встречах с Ландау, стал читать «Молнии синие-синие» и еще что-то, объясняя, что он очень любит раннюю лирику Валеры. Но быстро был призван режиссером вернуться в рамки сюжета вечера.

Азим Рустамов. Познакомился с Валерой я 5 декабря 1961 года на дне рождения у Толи Широкова, которого Валера сильно уважал и любил. Валера был четверокурсником, а я второкурсником. С Толей я познакомился и сдружился летом в стройотряде на целине и впервые попал в компанию его друзей. По этой причине и, наверное, в силу природной скромности, за весь вечер я не произнес ни одного слова.

А какой-то худющий очкарик с непонятным лицом все время балагурил, пикировался в стихах с высоким, крупным, старше всех присутствующих, красивым человеком. Как потом мне сказал Широков, это был Саша Кессених, который был женат на однокурснице Толи Гале Кужман. Уже тогда поразила безудержность, азарт поединка, остроумное подначивание соперника и неуступчивость. Кессених уже утомился напрягаться, а Канер только разошелся и продолжал неутомимо выдавать остроты одну за другой, касающиеся уже не только Кессениха, а практически по поводу всех присутствовавших (Лида Приходько, Жанна Лесовая, Гриша Похил, Жора Пак, Эдик Лонский, Рудик Эрамжан).

Компания и общий веселый настрой взбудоражили его, и достаточно было очень легкого повода, чтобы Валера искрометно реагировал на него, выдавая поэтический каламбур. Помню, как он привел в смятение Эдика Лонского, когда на его традиционное поздравительное четверостишие Канер мгновенно среагировал пародией. Эдик от растерянности на некоторое время потерял дар речи, а затем стал смеяться вместе со всеми.

Видно было, какое громадное удовольствие Валера получал от обожания двух красавиц — Лиды и Жанны. Импровизированные шутливые стихи сыпались, как из рога изобилия. Заметив мою полнейшую молчаливость, он в очень мягкой форме (мы были еще совершенно не знакомы, но он, наверное, нутром почувствовал мою жуткую обидчивость на шутки надо мной, в дальнейшем это было зачастую предметом наших конфликтов) подшутил над этим:

Сидит, молчит, улыбается. Кажется, Азимом называется. Лиду с Жанной глазами пожирает, Сразу видно, как их обожает.

С этих пор мы стали регулярно общаться.

Валерий Чечин. На первом курсе у Канера был хвост трубой. Иногда мы с ним пересекались по женскому вопросу. Кстати, он и на Ольгу Алексеевну глаза пялил, мою будущую жену.

Светлана Щеголькова. По этому поводу уместно вспомнить стихотворение Канера, написанное им на первом курсе.

У меня товарищ все не женится. Заниматься мой товарищ ленится. Он в окно глядит на лужи первые, Говорит он не словами — перлами. Что идет весна, и он, как пьяница, Что снега — и те от солнца плавятся... У меня товарищ все не женится. А весна в апрельских грозах пенится, А весна бросает громы-молнии, Девушкам вручает платья модные. А весна кричит о нежных почках, О заваленных работой почтах, О цветах на солнечных перронах И о море яркого перлона. А потом вдруг выкинет коленце, И метелью как обдаст всего!

... У меня товарищ все не женится — Может, мне жениться за него?

О мечтах Валеры можно прочитать и в другом его стихотворении:

Ах, эта девушка чудная, Девушка вся в голубом...

Улицы солнце чувствуют Своим застекленным лбом. Гул перекрестков задорный — Очень Москве к лицу. Еду к тебе по Садовому, Радужному кольцу. У магазина «Мясо» Я привычно схожу. Ты знаешь, я очень маялся, Ты знаешь, — тебе скажу. Все недомолвки улажу, Верить не станешь молве. Солнце рукой поглажу На твоей голове. Вспыхнет лицо улыбкой — Зайчиком от блесны, Неоспоримой уликой Неотразимой весны. Ты что-то шепчешь губами, Ты чуть кивнешь головой, Девушка голубая, Словно шар голубой. Улицы ночью плавные. Улицы видят сны. Бродят обычные пьяные, И пьяные от весны. Полночь московская чуткая, Мост над Садовой горбом... Ах, эта девушка чудная, Девушка вся в голубом!

Евгений Полишук. Начиная со второго курса я часто играл по утрам в футбол в спортгородке МГУ. А так как игра начиналась довольно рано (ведь потом нужно было бежать на занятия), то мне, как москвичу, приходилось выезжать из дома ни свет ни заря. Слава Богу, после нашего первого целинного отряда, в котором принимал участие почти весь наш курс, у меня появилось множество друзей, живущих в общежитии и позволявших мне ночевать у них, экономя таким образом время на дорогу.

И вот однажды я ночевал в блоке, где кроме меня были также Толя Филозов, Леня Грищук и Валера Канер. Конечно, мы долго болтали,

обсуждая различные животрепещущие вопросы, в том числе и политику. Наконец, энтузиазм иссяк и постепенно мы стали погружаться в сон.

Но мы еще не успели окончательно заснуть, как из постели Канера, который уснул раньше всех, начало исходить какое-то неясное бормотание, как будто во сне он беседует с кем-то. Мы прислушались: временами его речь становилась более отчетливой, и тогда становилось ясно, что Валера ведет речь о периоде культа личности, о каких-то преступлениях Сталина и других коммунистических вождей. Все это было очень интересно, но утром надо было идти на занятия, и мы растолкали Канера. — А? что? — говорил он спросонья. — Ничего не знаю, — и снова засыпал. Но по прошествии минут пяти бормотание возобновлялось, оно делалось то членораздельнее, то невнятнее. Мы много раз будили его, но через некоторое время он снова продолжал вещать. В конце концов Грищук, как только Канер засыпал, начинал говорить у него под ухом: «Валера, кончай клопа давить, давай, трави дальше про Сталина...» Так мы провели всю ночь, а утром Валера объявил, что он нас разыгрывал. Мы его чуть не убили... Чтобы понять происходившее, надо учесть, что в те годы культ личности хотя и был разоблачен в секретном докладе Хрущева, но доклад этот не был опубликован, время самиздата также еще не пришло, отчего различные устные истории о том времени очень ценились. Вот почему мы легко повелись, как сейчас говорят, на Валерины байки, чем он с удовольствием воспользовался, изобретая все новые истории про Сталина, а потом на самом интересном месте снова «засыпая».

Сергей Никимин. Знакомство. Я, первокурсник, пришел в агитбригаду физфака. Занятия в хоре («Куба, любовь моя», «Бухенвальд»), попытка организовать вокальный мужской ансамбль, поначалу был секстет. И вот встреча с Канером.

Он (строго): Песни сочиняешь?

Я (робко): Да, пробую.

- Ну и сколько уже сочинил?
- Одну.

В ответ снисходительная улыбка многоопытного сочинителя, старшего товарища: ну ничего, мол, все еще впереди...

Сергей Чекалин. Впервые я увидел Валеру в читалке физфака, тогда он ухаживал за девушкой с нашего курса и даже был некоторое время женат на ней. Мои однокурсницы, показав на него пальцем, сказали: «Это Канер. Он очень умный. И что он в ней нашел?».

Евгений Полищук. На своей первой жене Татьяне Скомороховой Валера женился на пятом курсе, но был женат недолго, наверное,

полгода. Женился он для меня как-то неожиданно, стихов он ей мало написал — я помню только один:

Прощай! Спокойно, деловито, Без поцелуев. — Ну, иди! И нежность ждущим динамитом Еще не взорвана в груди. («Сто стихов», с. 15)

Памятью об их семейной жизни остались прозвища, которые они использовали для обращения друг к другу: Валера называл Таню Шурой, а она его — Васей (с тех пор мы использовали имя Вася для неофициального именования своего друга в разные лирические моменты). Еще мне запомнилась их свадьба. В качестве главного номера там исполнялась Широковым, Лидой Приходько и еще кем-то опера про Канера. Помню, там были такие строки (на мотив «За что ж вы Ваньку-то Морозова»):

За что же вы Валеру Канера, Ведь он ни в чем не виноват, Ведь это всё проделки Танины, А он ни в чем не виноват.

Это речь шла про главное хобби Валеры:

Его наукам обучили, А он монеты собирал.

(Я, кстати, видел эту коллекцию, которую он собирал еще школьником, но не оставил в Волгограде, а привез в Москву).

Конец оперы был исполнен подлинного трагизма: Кессених неподражаемым, как у Левитана, голосом, тем самым, которым он читал содержание каждого действия физфаковских опер, произносил:

Монета падает в щель. Занавес.

Евгений Полищук. На военных сборах после 4-го курса Валера не оставил своего любимого дела — выпуска юмористической газеты, которая теперь называлась «Левое плечо вперед» и имела подзаголовок: «Регулярная боевая трибуна бывших колебателей¹, а ныне... (см. п. 4 Военной присяги)». Была там и передовая «Держать порох сухим!», повествующая о злобности оголтелых империалистов, и рубрика «Листая уставы...» («Солдат, забудь про боль в суставе, А помни, что

 $^{^{1}}$ В нашей военной части большинство ребят были с кафедры «Теория колебаний».

написано в уставе»), и «Трибуна солдатского поэта» («Отрастил солдат усы, Выйдя в увольнение, Девки все (любой красы!) На него равнение! и т. д.). Освещалось меню в солдатской столовой («на сегодня, а также на все последующие и предыдущие дни»): завтрак— пюре с филе из костей щуки, обед — щи (БУ), ужин — солянка (из обеденных щей) и т. д. В разделе «Спорт» репортаж о футбольном матче был подписан: В. Слюнявский. Написанные от руки заметки снабжались большим количеством рисунков Валеры. Газета имела и воскресное приложение «Все равно война...» — 8 страниц формата А4, также наполненных солдатским юмором и шаржами. Разумеется, газеты эти не вывешивались для всеобщего обозрения, т. к. некоторые Валерины шутки, например, «Репортаж с ремнем на шее», могли в те годы дорого ему обойтись.

Валерий Чечин — Грубоватый юмор названия понятен тем, кто помнит очерк Ю. Фучика «Репортаж с петлей на шее» и имеет представление о солдатском туалете. На военных сборах в Мытищах мы целый месяц маршировали в драных гимнастёрках, изнывали от безделья и развлекались, как могли. По предложению Валеры мы запоминали наизусть какой-то устав — каждый по одной статье. Когда наш строй бодро отбарабанил военную премудрость, сержант сказал: «Видно, что ученые». Этот сержант, обходя наш строй, имел обыкновение срывать с гимнастерок плохо пришитые пуговицы. Однажды Валера предложил: «А давайте пришьем пуговицы тонкой проволокой». Бедный сержант до крови ободрал пальцы и отказался от нехорошей привычки.

Евгений Полищук. Этот сержант нас муштровал, приучая к военной жизни. Например, он командовал: «Подъем, форма 3», и на этот подъем давал 40 секунд. Валера никогда не успевал, тогда сержант всему взводу командовал: «Отбой», и процесс повторялся. Так продолжалось чуть ли не час, наконец, Валере стало неудобно, что из-за него весь взвод кувыркается наподобие ванек-встанек, и чтобы ускорить свое вставание, он стал при команде «Отбой» залезать в кровать под одеяло, не снимая сапог. Но, конечно, и этот трюк сержант раскусил...

Моим любимым развлечением было, когда мы шли строем и передо мной маячили ноги Канера в сапогах, которые на его худых ногах казались широченными, — бросить ему в сапог маленький камешек. Этот камешек при ходьбе проваливался куда-то вниз, и дальнейшая ходьба становилась невозможной, он должен был остановиться, снять сапог и вытряхнуть камешек...

На этих сборах я освоил важные для всякого студента вещи — пить пиво и играть в преферанс. До этого времени для меня было

непостижимо, как можно вместо сладкого лимонада пить эту гадость, — то есть я был совсем не испорчен; но друзья успешно наверстали этот пробел в моем образовании, что в дальнейшем укрепило мою дружбу с Канером и Чечиным и подняло ее на новый уровень...

Валерий Чечин. Игра в преферанс вошла в наш быт, когда произошло распределение по кафедрам. Валера поступил на кафедру «Теория колебаний», мы встречались редко и почти потеряли друг друга. Вот тут и возникла новая связь — игра в преферанс. На старших курсах, да и позже, Валера, Женя Полищук и я много раз собирались в комнате Валеры и всю ночь «расписывали пулю». Здесь проявилась азартность Валеры. Сколько раз он заявлял, будучи «под бомбой»: «Мизер в темную». «Да ты что, остановись, ты всю игру пустишь псу под хвост» — хватали мы его за руку. Но Валера был тверд в погоне за удачей: «Карту нужно насиловать».

Валера очень любил своего старшего брата Клима и сильно переживал, когда в 1963 году у Клима возникли проблемы со здоровьем. Все кончилось благополучно, и радостный Валера пригласил Женю и меня на очередной преферанс.

Евгений Полищук. В студенческо-аспирантские годы мы часто собирались пить пиво и играть в преферанс. Обычно это происходило ночью, в общежитии у Валеры, а играли втроем: Чечин, Канер и я. Валера как-то принес три красивых кружки с подносиком и редкое тогда пиво: Мартовское, Рижское, Чешское. Где он его достал, неизвестно, но сил на это надо было потратить много. В соседней комнате жил Широков Толя с женой Лидой. У них уже родилась дочь, а мы здорово шумели. И не шуметь было нельзя, ибо Валера был игроком очень азартным. Так, для него мизер в темную под тройной бомбой был в порядке вещей. Когда он объявлял такую игру, мы с Чечиным буквально хватали его за руки, просили одуматься, не портить игру; но он был неумолим. Конечно, бывало, что он и выигрывал (если приходил нужный прикуп), но чаще продувал и получал по носу. Ибо мы, как люди порядочные, играли не на деньги, а на «носы»: это когда за проигрыш бьют по носу картами, причем количество карт определялось по вытянутой из колоды карте, и если это был туз или десятка, то удары были весьма ощутимые, и на лице Валеры отражалось столько эмоций, что мы с Чечиным покатывали со смеху.

Бывали и другие, и более спортивные, игры, и в другой компании. Так, например, в блоке Лени Грищука мы бросали пластилиновые шарики: надо было попасть как можно ближе к раскрытому настежь окну. Шарики прилипали к стене и легко было видеть, кто победил в каждой серии бросков (а если твой шарик улетал в окно, все набранные

тобой очки сгорали). Эта игра мне запомнилась потому, что играли на пендели, проиграл, конечно, Канер и получил ряд пенделей по пятой точке, при этом корчил такие уморительные рожи и так забавно хватался за зад, что Грищук, вратарь сборной университета, бросался на кровать и чуть не умирал от смеха. Так что нравы наши порой бывали не слишком аристократичными.

Помимо ночного преферанса и примерно в те же времена мы устраивали также день кино. Идея была такая: посвятить весь день просмотру различных фильмов. Вообще, Валера любил зрелища. Помню, он как-то уговаривал нас взять двухнедельный отпуск во время одной из Олимпиад (кажется, она была в Мехико), закупить вагон пива и безотрывно смотреть состязания мировой элиты спорта. Но, к сожалению, эта идея осталась неосуществленной — нам с Чечиным такая трата отпуска казалась глупой. А вот идея дня кино не раз была осуществлена. Помню, в порядке его подготовки я долго рассматривал киноафиши, выбирая не только сами фильмы, но и кинотеатры с тем, чтобы от одного до другого было не слишком далеко ехать. Но все равно, посмотреть более трех фильмов в день не получалось. Из них я запомнил только фильм «Молодо-зелено» в кинотеатре «Перекоп» недалеко от Каланчевки, потому что с этого сеанса нас чуть не выгнали... Там речь шла об одном парне со стройки, только что избранном депутатом райсовета и вообразившим, что он действительно власть, и в соответствии с этим активничающим. Особенный смех у нас вызвал «роман» «начальника», который никак не мог приблизиться к предмету своей любви (стеснялся: как-то неудобно, все же начальник!), а мы из зала подавали различные советы на этот счет. Кстати, Валера подавал подобные советы и мне, утверждая, например, что девушки любят «трогательную решительность» (первому слову он придавал тактильный смысл).

Валерий Чечин. А я помню, как в один из дней кино мы посмотрели американский боевик «Великолепную семёрку» в кинотеатре «Рекорд» в Лужниках. А потом пошли к кинотеатру «Старт», обсуждая увиденное. Афиша нового и совсем тогда неизвестного фильма Тарковского «Иваново детство» нас очень разочаровала, но делать было нечего — других кинотеатров поблизости не было. А потом, потрясённые фильмом, мы долго гуляли у стен Новодевичьего монастыря.

Другим, более редким нашим развлечением были посещения пивных баров и поздние походы за портвейном в гастроном на Смоленской площади. Постепенно образовалась наша «тройка», которая сохранилась на много лет.

Евгений Полищук. Запомнился мне один поход в пивную в том же составе — по ряду причин. Во-первых, пивная располагалась на Садовом кольце рядом с высотным зданием напротив метро Красные ворота — в доме за зданием метро я долгие годы жил еще школьником. Во-вторых, мы выпили тогда неимоверное количество пива — я насчитал 12 кружек, но, конечно, в состоянии, которого тогда достиг, легко мог сбиться со счета. Далее, когда мы наконец выбрались из-за стола, подошли к гардеробу и я протянул свой номерок, моей одежды на месте не оказалось — а это был модный тогда китайский плащ болонья. Не помню, как я добрался до дома, где всю ночь провел в обнимку с унитазом. Но главное — после бессонной ночи, пришлось ехать в университет, где с зеленым лицом отчитываться за первый год аспирантуры.

Конечно, мы не только играли в преферанс, ходили в кино и пили пиво, но иногда и занимались, хотя это запомнилось как-то мало. Разве такой вот эпизод: мы сидим в общежитии и вчетвером (Канер, Чечин, Швом и я) всю ночь готовимся к экзамену (кажется, по историческому материализму). Настает утро, мы все идем сдавать, но Швом заявляет, что он еще не вполне готов. И поскольку подобное происходило с ним не раз (кажется, из-за своих «хвостов» он даже отстал от нас на год), то мы стали называть это явление (неуверенность в себе перед экзаменом) «швомизмом» — по аналогии с «лоханкизмом» — выуживанием пальцами из холодного борща кусков мяса, чем занимался в романе «Золотой теленок» Васисуалий Лоханкин.

Валерий Чечин. Когда закончилась студенческая жизнь, Валера поступил в аспирантуру к Рему Викторовичу Хохлову, и пришла пора подумать о семье. В августе 1964 года Валера организовал поездку в Пицунду, где родители Оли Зубковой снимали комнату с террасой. Было нас шестеро: Валера, Оля Зубкова, я, Оля Одинцова, Женя Полищук, Наташа Ярошенко. Билеты были не у всех, так что иногда приходилось прятаться от контролеров в ящик под лавкой. Помню, как Валера сказал, укладываясь в ящик: «Я здесь задохнусь. Вы хоть карандашик подложите под лавку».

На пляже под реликтовыми соснами мы целыми днями играли в «спортивного дурака» и купались. Потом пошли в небольшой поход вверх по реке Бзыбь и съездили на озеро Рица, в Новый Афон и Эшеры. Валера ухаживал за Олей Зубковой и был великолепен своей молодецкой удалью: то он бросает все подряд в фонтан у ресторана «Гагрипш», то с купеческим разгулом заказывает напитки в придорожных кафе.

Вскоре Валера женился на Оле, а в 1966 году у них родился сын Артем. Валера был очень нежным отцом. Помню такой эпизод в квартире родителей Зубковой у метро «Войковская». Оля и Валера укладывают спать маленького Артема, а он капризничает. Когда я вошел в полутемную комнату, Валера тихо сказал, показывая на меня: «Темушка, вот и сон пришел». Маленький Артем вытаращил на меня глаза и, поверив, что я — «сон», тут же уснул.

Через пару лет уже в кооперативной квартире у метро «Беляево» Валера не раз удивлял меня своим нежным отношением к сыну. Например, мы играем в шахматы «блиц», а Артем таскает фигуры прямо с доски и прячет их. «Валера, да шлепни ты его по мягкому месту, чтоб не приставал к взрослым» — говорю я. Но папа лишь пожурил любимого сыночка: «Темушка, не надо, принеси, пожалуйста, фигуры».

И снова Валера полностью отдался новому, теперь семейному делу: писал сыну шутливые стихи, придумывал разные игры и ещё интенсивнее занялся репетиторством, чтобы содержать семью. «Аспирантура у меня кончилась ничем» — горестно говаривал он в 1968 году. После аспирантуры Валера поступил преподавателем в Геологоразведочный институт, который тогда располагался во дворе старого здания МГУ на Моховой улице.

Евгений Полищук. Уже на старших курсах мы подрабатывать репетиторством, подтягивая по физике и математике как школьников-двоечников, так и готовя абитуриентов к поступлению в вузы (это называлось «крутить лебедку»). Некоторые из моих друзей были настолько идейны, что не одобряли этих занятий; я же не видел в них ничего предосудительного, помня, что и до революции студенты пробавлялись уроками. Пока мы были холостыми, деятельность эта носила случайный характер, но когда стали семейными и начали обзаводиться своими домами, то бишь кооперативными квартирами, за которые нужно было внести огромный сравнительно с нашими зарплатами первый взнос, «лебедка» стала важнейшим фактором решения жилищного вопроса (другим была шабашка). И я всегда завидовал Валере, у которого было море учеников («дубков» по тогдашней терминологии). И дело было не только в том, что он работал преподавателем. В этом вопросе он проявлял свойственную ему тщательность и педантичность. Я, к примеру, проведя заранее оговоренное количество уроков, не проявлял затем никакого интереса к тому, как ученик будут сдавать вступительные экзамены. Валера же вел себя совершенно иначе: он отслеживал дальнейшую судьбу каждого своего подопечного: узнавал, какие были на экзаменах варианты, как кто их решал, какие были каверзы, в ряде случаев помогал составить

апелляцию и часто добивался пересмотра оценок. Понятно, что в результате он приобретал себе имя среди родителей абитуриентов и они рекомендовали его своим знакомым, у которых были дети.

Иногда Валера передавал мне своих учеников, которые ему почемулибо не подходили, но это бывало редко. Еще пару раз о пристраивал меня подрабатывать в свой институт, один раз я читал на подготовительном отделении, кажется, лекции по электричеству (это было на ул. Герцена, в том корпусе, где находится зоологический музей, и когда у меня был перерыв между лекциями, я выходил отдыхать в ту самую комнату, которая показана в фильме «Гараж»); а другой раз вел практикум по ядерной физике уже в новом здании на ул. Миклухо-Маклая.

Светлана Щеголькова. Впервые я увидела Валеру в 1959 году в зоне Б МГУ, в общежитии девушек, вращающегося вокруг Ляли Гариповой. К этому времени она стала Киселевой, а ее муж Коля был после окончания физфака направлен комсомольским секретарем в город Жуковский. Это Валеру не смущало, он был безумно влюблен в Лялю и посвящал ей стихи и даже поэму.

Меня Валера заметил на репетиции оперы «Архимед» на сцене ДК МГУ, когда мы, четыре художественные гимнастки, разучивали танец. Я была в черном шерстяном платьице с широким красным поясом. Потом Валера сказал: «Я увидел этот широкий красный пояс на тонкой талии и "пропал"». Он начал вылавливать меня после тренировок и провожать домой. Но часто появлялся мой поклонник Владик Белявский (химик), и тогда они провожали меня вдвоем. Я жила на Колхозной площади (Сухаревская). По этому поводу было написано известное стихотворение, начинавшееся следующими строчками:

Кто едет с сумочкой, Кто едет с сеточкой, Троллейбус поздний К Колхозной катится. Немножко сумрачный Сижу со Светочкой. Напротив юноша, Он химик, кажется («Листья лета», с. 66).

С Валерой было общаться интересно и легко. От него исходил какой-то свет, энергия била ключом, он обладал замечательным чувством юмора. Он был способен на неординарные поступки, которые не могли не восхищать девушек.

...Сегодня — стипендия. Валера приезжает с угощением, вином, «кутить по полной», а потом, как признается его приятель, питается кукурузой.

Было много смешных и забавных приключений. Валера однажды сказал: «Общаясь с тобой, я решил, что хватит писать стихи, надо переходить на юмористические рассказы».

...Май. Поход по Подмосковью. Перед нами — болотистое место. Валера, несмотря на мой протест, решил перенести меня на руках. Спотыкается и падает в болото. Конечно, вместе со мной. Подарил стихи «Я люблю тебя майскими утрами...».

Зашел на минуту, спешит и не проходит даже в комнату. Разговор в дверях затянулся на час. Наконец: «Пока. Меня у дома ждет машина, я приехал на такси».

Иногда, чтобы не обижать его, приходилось (что, наверное, не очень хорошо) выкручиваться. Поздно (я жила с мамой, для которой было «поздно»), — а Валера и не думает уходить. Я говорю, что мне надо заехать к брату, который живет на проспекте Мира. От меня на троллейбусе Б или 9 всего 15 минут езды. Валера решает обязательно меня проводить. Выхожу из троллейбуса, прощаюсь, вхожу в подъезд и тут же выхожу через задний ход. Уезжаю домой. Утром обнаруживаю Валеру в подъезде у окна со стихами:

Завтра — первый апрель, Никому не верь. Дождь на улице и прель. Не откроешь дверь. («Листья лета», с. 69).

Вспоминаю и другие ранние стихотворения Канера. Они написаны быстрым бегущим почерком или напечатаны на машинке, бумага пожелтела от времени. Было, в частности, и еще одно стихотворение, тоже про «первый апрель — никому не верь», — про ночной город, когда я не смогла прийти на встречу (едва ли не единственный белый стих в творчестве Канера, он, кстати, не публиковались ни разу).

Что такое город ночной?
Это зелёные огоньки светофоров,
Выстроившихся далеко-далеко вдоль улицы,
И красные огоньки машин,
Безостановочно убегающих туда,
Где два светофора сливаются в один
И растворяются в чёрном небе.
Город ночной — это широкие улицы,
Блестящие после вечернего дождя

И впитывающие в себя свет фонарей.

Улицы тихие и совсем пустынные —

Поэтому они кажутся очень длинными

И немножко печальными.

Город ночной — это одно яркое окно

На фоне десятков тёмных остальных.

Наверное, в этом окне сидит поэт

И пишет восторженные стихи о любимой,

С которой он расстался полчаса назад.

Вы ведь знаете, что поэты любят писать по ночам,

Когда умолкнувшие трамваи

Уже не нарушают их одиночества.

Город ночной — это редкие юноши,

Неаккуратно обходящие лужи.

Они возвращаются с несостоявшихся свиданий,

И свидания не состоялись не по их вине.

О, они ждали очень долго.

Они ждали до последнего троллейбуса,

Но прошёл и он,

И юноша.

Думая, что назначенное свидание —

Первоапрельская шутка,

Отправился домой,

Совсем в другой конец Москвы.

Вот что такое город ночной,

Да ещё в ночь на первое апреля.

Фотографий того периода у меня сохранилось очень мало. На одной из них, приведенной в конце этой главы, я с Валерой в автобусе.

Смеется ласковая Светочка.

Как мальчик маленький во сне.

Смеется Светочка, как вербочка,

Смеется радужной весне.

Смеется ласковая Светочка.

И тянутся под солнце веточки,

Выходит дворник, неуклюж.

И кто-то чертит мелом клеточки

На тротуарах между луж.

А в Подмосковье трассы лыжные

В лесных снегах чернеют, лишние,

Дымится теплый ствол сосны. И всюду слышится неслышное Дыханье нежное весны...

Старушка — всё на солнце молится — Скорее лужи расплещи... И на московских первых модницах Горят в горошину плащи.

Можно вспомнить много интересных моментов, например, чаепитие в гостиной в зоне Б с Ландау. Конкурс поэтов МГУ, на котором Валера получил первую премию. Его наградили серебряными стаканчиками, покрытыми эмалью. Он подарил их мне, но они пропали потом.

Однажды была поездка в Ленинградский университет. Ехали на автобусе ночью. Студенческие концерты. Вечерние гулянья. Однако мне пришлось улетать первым рейсом в понедельник одной. Я уже была молодым специалистом, работала в п/я, но не решилась отпроситься (еще не освоилась). Об этой замечательной поездке были написаны стихи «Солнечный автобус» («Листья лета», с. 68).

Людмила Колодяжная. Впервые я услышала о поэте Канере в декабре 1966 года от Евгения Полищука. Я была тогда студенткой 4-го курса мехмата, увлекалась спортом и была членом знаменитой секции спелеологии МГУ (ее руководители погибли в одной из пещер Урала в 1967 году).

В ноябре 1966 года была экспедиция секции в уральскую пещеру Сумган. В числе участников были — я, Валерий Чечин и Евгений Полищук. Евгений начал ухаживать за мной, потому что я умела играть на гитаре и петь романсы.

Валерий Канер подарил мне через Женю распечатку знаменитой оперы «Архимед» (соавтором которой он был) с надписью:

«Другу моего друга — Мир тесен, как сельская округа...».

Тогда же я услышала от Жени шуточные стихи Канера, написанные во время первого целинного легендарного отряда физфака (1959 год)

```
«Все вы, ребятки, любите шахматки — я ужасно рад — на каждой клетке — мат...» («Листья лета», с.170)
```

Евгений Полищук. Курсе на 4-м был у Валеры с кем-то роман, кажется, со Светой Щегольковой. И как-то мы договорились с ним

встретиться, я жду его в общежитии, время идет, а его все нет... Опоздал часа на три. Оказывается, он спешил на свидание с этой Светой, опаздывал на электричку, которая уже тронулась, и когда Валера влетел на платформу, мимо него уже проходил последний вагон. Электричка уже набрала скорость и загудела, но вдруг Валера видит, что дверь последнего вагона полуоткрыта (а тогда еще не было современных автоматически закрывающихся дверей), и решил, что если он прыгнет в эту дверь, то весом своего тела распахнет ее и влетит в тамбур. Но вышло по другому: дверь отбросила его так, что он перелетел через перила платформы и упал спиной на фонарь железнодорожной стрелки. То, что Валера не погиб, можно считать настоящим чудом.

Светлана Щеголькова. На самом деле эта история с Канером имела предысторию. Тогда мне было не до смеха. Мой брат пригласил меня на день рождения 21 марта. «Валера, приходи тоже», — обратился он к Валере. Но Валера сказал, что у него скоро экзамен по спецухе² и он будет заниматься с товарищем на даче. «Я ухожу из дома в 15 часов. Если решишь поехать, приходи до 15 часов» — сказала я Валере. 21 марта в 15 часов я собираюсь уходить и наталкиваюсь на него в дверях. Он стоит в разодранной рубашке, под рубашкой бинты. Весь перемазан йодом. Оказалось, он твердо решил сидеть на даче, готовиться к экзамену. Но наступил момент, когда он понял, что через несколько минут уйдет последняя электричка, на которой он успеет появиться до 15 часов. Валера вскочил и побежал на вокзал, влетел на платформу и попытался впрыгнуть в дверь электрички. Но двери захлопнулись, и его отбросило с такой силой, что он перелетел через платформу и упал на спину. Его забрали в медпункт, обмазали йодом, перебинтовали, и он сбежал. Успел.

Евгений Полищук. О спорте. На младших курсах, когда физподготовка была обязательной, Валера занимался велосипедом, а я — легкой атлетикой. Встречаю как-то его на стадионе и говорю: Валера, ты же неспортивный товарищ, зачем сюда пришел? А он — давай поспорим, что я тебя на круг обгоню. Круг — это дорожка длиной 400 метров, и сколько же надо сделать кругов, чтобы обогнать на 400 метров? Я как-то засомневался и не стал спорить: все-таки я был не стайером, а спринтером, а при Валериной силе воли он, пожалуй, скорее умер бы на беговой дорожке, чем уступил «легкоатлету».

Кстати, одно время Валера был «моржом»: вместе с группой альпинистов, в которую входил его научный руководитель ректор Рем Хохлов (а с моей кафедры Г.Я. Мякишев, один из двух авторов

 $^{^{2}}$ Спецуха — так назывались у нас занятия по военной специальности.

знаменитого задачника по физике), он бегал от главного входа МГУ к Москва-реке, где все они купались в ледяной воде.

Феликс Саевский. С Валерой я познакомился в 1975 году в кооперативном доме около метро Беляево. Этот дом «построил» Валера³, там вырос его сын Артем, и долгие годы дом этот являлся центром нашей компании. Мы там часто играли в преферанс. Валера сразу сказал: «Вы физик», и я тоже увидел в нем физика. Далее, с 1978 года и до его болезни, мы с ним постоянно встречались, одно время чаще всего в бане.

Валерий Рукавишников. В своей квартире в Беляево, тогда еще трехкомнатной, Канер часто собирал друзей и до поздней ночи читал им стихи.

Валерий Чечин. Во второй половине 1960-х годов многие наши сокурсники обзавелись семьями и разъехались по разным концам Москвы. Возможно, потом сбылись бы слова из песни «А все кончается...»:

«Мы по любимым разбредемся и по улицам.

Наденем фраки и закружимся в судьбе».

Бывает, что дружеские связи ослабевают просто потому, что люди живут далеко друг от друга и поэтому редко встречаются. Но помог случай.

Осенью 1967 года я увидел на своем доме в Беляеве объявление о кооперативе, который строил дом около будущей станции метро. Когда я сообщил об этом Валере, он сразу загорелся; вскоре его избрали заместителем председателя, и он стал приглашать в кооператив однокурсников и знакомых. Ведь у всех уже были семьи и всем хотелось жить в своем «гнезде». Валера срочно набрал кучу учеников и смог наскрести 1800 рублей на первый взнос⁴. Через полгода Валера с гордостью водил друзей по заснеженным бетонным этажам строящегося дома: «А вот здесь будет наша квартира, а тут рядышком Вити Васильцова и Игоря Исакова». Так Валера и я стали почти соседями.

К весне 1969 года новый дом был готов, началось его заселение, и Валера не раз приглашал друзей подежурить ночью в одной из квартир. «Каждый час проверяйте замки на всех подъездах, а то сопрут краны и унитазы» — инструктировал он нас.

 $^{^{3}}$ Он был заместителем председателя кооператива.

 $^{^4}$ Через 7 лет этот взнос был у меня уже 4200 руб. — *Примеч. Евг. Полищука*.

Летом 1969 года Валера с женой и сыном перебрался в прекрасную трехкомнатную квартиру («распашонку») № 168, которая на десять лет стала центром притяжения друзей Валеры. Впервые он мог полностью проявить себя радушным хозяином. Были там и шахматные турниры «на вылет», и встречи по поводу и без повода, и просто посиделки друзей, случайно заглянувших «на огонек». Особенно большие компании собирались на день рождения Валеры 7 сентября. Всегда приходили Игорь Исаков с Наташей, Витя Васильцов с Галей, Павел Широков, ближайшие соседи. Приезжали Толя Широков с Лидой Приходько, Юра Косичкин, брат Клим, Азим Рустамов и другие, всех уже и не помню. Мебели было мало, так что в качестве стола использовались межкомнатные двери. Денег было еще меньше, а посему стол из дверей не ломился от деликатесов. Но зато была радостная атмосфера дружбы и взаимопонимания. Выпив сухого вина или портвейна, мы весело болтали, а потом устраивали танцы. Валера читал свои новые стихи, а дети путались под ногами и развлекались по-своему.

Однажды Валера устроил вегетарианское застолье и завалил весь стол зеленью. А в другой раз он подарил всем маленькие подарки. Я получил каменный стаканчик для карандашей, который до сих пор напоминает мне о том счастливом времени.

Сергей Литвиненко. Однажды, кажется, в 1970 году, Канер попал в Бутырку. Дело было так. Председатель жилищного кооператива, где состояли Канер и многие из его друзей, стал брать взятки. Дело раскрылось, но все от этого открестились. Только Канер признался в том, что какие-то деньги этому председателю давал за себя и кого-то еще. Я тогда тоже кое-что сделал, чтобы его освободить. Мы писали письма, нам помогали многие известные люди: Хохлов Рем Викторович, Шерепов Анатолий Петрович⁵ и другие. В Бутырке Канера все любили, он читал сокамерникам стихи и был, как говорят, в авторитете.

Людмила Колодяжная. Следствие над Валерой по делам кооператива началось ближе к концу 1970-го. 7-го сентября у Валеры был день рождения. Этот день я запомнила на всю жизнь по разным причинам. Я была уже беременна второй раз (первый ребенок умер в апреле 1970). Застолье было ужасно — стол пустой, банки шпротов. Мы с Евгением ушли к Чечину, который жил рядом.

⁵ В то время — секретарь райкома партии того района Москвы, где проходило следствие, друг Литвиненко; С.Ф. попросил его как бывшего комиссара ССО помочь, и тот позвонил следователю и попросил «учесть» и «проявить внимание» к Валере.

Год длился процесс над Валерием. Решающую роль в нем сыграл ректор МГУ Рем Хохлов, учеником которого был Валерий Канер. Валерию дали условный срок и освободили. Но весь год Евгений ходил на все заседания суда...

Валерий Чечин. Я не уверен, что стоит вспоминать об этом тяжелом периоде жизни Валеры. Но, как говорится, «ни от сумы, ни от тюрьмы не уйдешь». Было это так. В те годы «социалистическая справедливость» не позволяла молодой семье из трех человек купить трехкомнатную кооперативную квартиру: нужно было взять с собой еще кого-нибудь из родственников.

Я это хорошо помню, так как столкнулся с такой же проблемой несколькими годами раньше. Поэтому председатель собирал с таких членов кооператива по 200 рублей (наша зарплата за два месяца) якобы для «подмазки» чиновников из Отдела по учету и распределению жилплощади. Это вскрылось в конце 1969 года, председателя посадили в КПЗ, и началось разбирательство. Валера, как заместитель председателя, очень переживал; у него открылась язва желудка, и он попал в Боткинскую больницу. «Плохо. Живот болит, и вообще всё плохо» — грустно сказал он мне в больничной палате. Он был какой-то растерянный и непривычно молчаливый.

Вскоре следствие признало факт вымогательства со стороны председателя и закрыло дело против всех «взяткодателей»: они стали свидетелями. К несчастью, двое из них передали свою «мзду» через Валеру, так как им было неудобно или просто лень самим встречаться с председателем. Это выяснилось в начале 1970 года, Валеру обвинили в «соучастии» и посадили в Бутырку. Валера пробыл там несколько месяцев, о которых потом вспоминал с некоторым юмором: «В камере было еще три человека. Все очень достойные и благожелательные люди, но в чем-то они проштрафились».

Приехали из Волгограда родители Валеры, Виктор Иосифович и Евдокия Васильевна. «Что же вы, друзья, не уберегли моего непутевого сыночка от такого несчастья» — говорил Виктор Иосифович, когда мы пробирались по закоулкам тюрьмы с передачами. Валеру выпустили до суда, который состоялся осенью 1970 года. Чтобы поддержать Валеру, его многочисленные друзья регулярно заполняли зал заседаний, где за барьером сидел мрачный председатель кооператива.

В защиту Валеры на суде убедительно выступили Рем Викторович Хохлов и Вячеслав Письменный. Председатель получил 15 лет лишения свободы, а Валера — два года условно, в течение которых он категорически отказывался ездить «зайцем». Гонорар нанятого адвоката составлял 1000 рублей, а где их взять? Валера был даже готов продать

свою коллекцию монет, которую собирал с детства (были там и древнеримские монеты!). Но потом выкрутился с помощью друзей и родственников. Вскоре на бритой голове Валеры выросла новая шевелюра, и он зажил по-прежнему. Остались лишь детские стихотворения, написанные в эти месяцы для Артема. Из них 19 вошли в сборник «Сто стихов» (с. 121–141), еще 10 приведены в Приложении II.

Наталия Тиме. Остался и цикл пронзительных стихов, некоторые из них вошли в сборники «Сто стихов» («Здесь убить человека», «1918 год», «Как ветка яблони под тяжестью плодов», «Гимн двум», «Я проснулся — машу руками») и «Листья лета» (раздел «Полутениполутона»). Целиком этот цикл помещен в Приложении III.

Татьяна Никитина. Некоторые эпизоды, связанные с Валерой, крепко запали в памяти.

Вот мы живем на даче в Кратово с нашим маленьким сынишкой. Валера приехал к нам в гости, и вроде как остаться ночевать у нас негде (мы снимали маленький домик у друзей), а нам и не надо спать. Всю ночь напролет Валера рассказывает нам душераздирающую историю про своё попадание в тюрьму.

Надо было дать взятку чиновнику районного масштаба за вступление в жилищный кооператив. Обычное дело, да еще и налицо вымогательство со стороны чиновника. Закон нарушает вымогатель. Но! Валера передал ему еще и взятку от двух товарищей по кооперативу. Совсем другое дело: посредничество и неоднократное. От пяти лет и выше! Валера на допросах держался как партизан, ведь договорились не признаваться. Факт передачи взятки доказать невозможно, но товарищи раскололись сразу. В результате Канера сочли «матерым».

Наверное, об этом друзья уже подробно вспоминали. Нас совершенно потрясла эта история по многим причинам — оказывается, и в наши дни можно было легко невинного человека посадить за решётку. Несколько месяцев Валера провел в СИЗО, и как трудно было его отстоять — общественным защитником Канера выступал сам Рем Викторович Хохлов, ректор МГУ, и тем не менее Валеру после долгих разбирательств осудили, правда, условно. А еще Валера показал, что и в тюрьме можно остаться уважаемым человеком, если у тебя есть сила духа, характер и воля. Кажется, в камере авторитет и уважение к нему усиливались еще и потому, что сидевшие там точно знали, кто сидит за дело, а кто посажен по ошибке!

Валерий Чечин. В 1977 году, после гибели Р. В. Хохлова, научного руководителя Валеры, он позвал меня делать временное надгробье на

Новодевичьем кладбище, которое в те времена было недоступно людям с улицы. Но Валера сделал два пропуска, и несколько дней мы с ним таскали цемент и прочее для обрамления цветника. «Неужели во всём МГУ нельзя найти людей для этого дела?» — спрашивал я. «Но я хочу сделать это сам» — говорил Валера, приняв в очередной раз ответственность на себя.

На семейном фронте к этому времени стало плохо, и в 1979 году Валера и Оля Зубкова окончательно разошлись и разъехались. Валера погрузился в науку, в 1980 году защитил кандидатскую диссертацию и стал доцентом, а потом получил и должность профессора в своем институте, который к тому времени переехал с Моховой на Миклухо-Маклая.

Валера разменял свою квартиру на две в том же доме и вселился в однокомнатную квартиру № 10. К этому времени я тоже развелся и тоже разменял квартиру на две в старом доме. Но хотя Валера жил уже в Курсовом переулке у Наташи Тиме, он часто ночевал и в Беляево, откуда ему было рукой подать до своего института. Я же, чтобы отвлечься от мрачных мыслей «бобыля», регулярно приходил к нему в квартиру № 10, где мы устраивали шахматные блицтурниры на всю ночь. Валера играл лучше меня и при счете 20:10 в его пользу говорил, чтобы меня поддержать: «Если ты выиграешь следующую партию, то получишь сразу 10 очков».

В критических жизненных ситуациях можно было пожаловаться Валере «в жилетку», и он всегда бросал свои дела и помогал. Такой уж он был человек...

Валерий Рукавишников. Канер был хорошим другом. Например, он оказал помощь при написании диссертаций С. Никитину, предоставив ему на это время свою квартиру.

Сергей Никитин. Очень важный в моей жизни эпизод. 1983 год. Я работаю над кандидатской в Пущине, в Институте биофизики АН СССР, в лаборатории Армена Сарвазяна. Эксперимент сделан еще в 1981-м, необходимые публикации имеются, обзор в общих чертах написан — пора довести диссертацию до победного конца. Тем более, Татьяна защитилась уже пять лет как. Но, все время что-то мешает... Ну, как обычно.

Но вот появляется Валера.

Как сейчас помню, это было в начале ноября 1983 г. На столе появляется чистый лист. Валера: так, пишем план работы. Когда у вас там намечены концерты? Вычеркиваем эти дни. Когда заседание Ученого Совета? 22 декабря. Ну вот, рисуем график работы. К 22-му будем делать «рыбу». Обзор — к 15 ноября. Первую главу — к такому-

то, вторую — к такому-то и т. д. Буду звонить каждое утро. У меня есть знакомая машинистка, будешь ей отдавать рукопись частями.

Через несколько дней очередной контроль. Канер: я вижу, дома тебе мешают. С завтрашнего дня переезжаешь в мою однокомнатную у метро «Беляево», там тебе никто не будет мешать, опять же машинистка живет в шаговой доступности. Я все время пытался рассказать про содержание работы, смотри, мол, как интересно, если рассматривать молекулу фермента как машину, то объемная сжимаемость этого белка как целого должна быть связана с его биохимической функцией... Ээээ, Сережа, вот этого всего мне не надо рассказывать, ты первую главу закончил? Нет? Выбиваемся из графика. Надо наверстать.

И что вы думаете? Я сам не заметил, как в декабре состоялось представление работы на Ученом Совете, а в феврале защита.

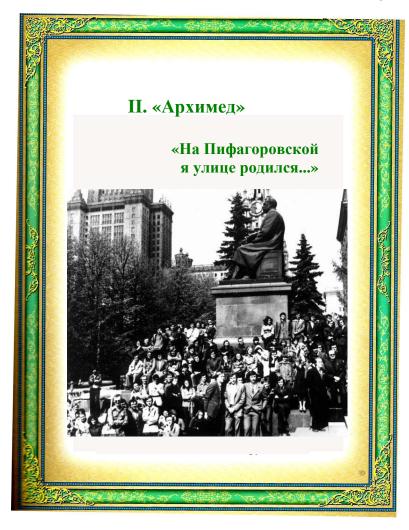
И если бы не Валера... Наверное, так могли бы сказать многие друзья и просто знакомые Валерия Канера, строителя, привыкшего сдавать объекты «под ключ».

Евгений Полищук. В Приложении приводится относящаяся к начальному периоду поэтического творчества Валеры поэма «Май». Целиком она никогда не печаталась, некоторые ее фрагменты были опубликованы в «Листьях лета». Современный читатель может подумать — конъюнктурная поэма, как писал М. Булгаков — «взвейся да развейся». Но в те высокоидеологичные времена проведение вечеров по случаю 1 мая или 7 ноября было обязательным элементом нашей жизни на физфаке, что-то вроде теста на лояльность. И Валера как-то убедил партком, что вместо скучного и никому не нужного доклада (слова, конечно, произносились другие) о «всемирно-историческом значении первомая» он прочтет свою поэму. И начальство согласилось (все же это были уже времена оттепели, уже были, скажем, примеры таких «докладов» в кинофильме «Карнавальная ночь). Главное же, что в поэме напрочь отсутствуют заезженные штампы казенных пропагандистов, у него все исполнено искренностью и молодым энтузиазмом. Да, такие мы были на младших курсах физфака!

Иллюстрации к 1-ой главе:

Валера Канер и Света Щеголькова в автобусе (1961 год)

Валерий Кандидов. В апреле — мае 1960 года подготовка к первому празднику «День рождения Архимеда», который теперь называется «День физика», развернулась во всю ширь. Начальник штаба праздника Анатолий Широков пытался, как мог, охватить все стороны этой масштабной деятельности.

В холле второго этажа факультета был развернут музей Архимеда, где во взятых из библиотеки витринах экспонировались под стеклом, как уверяли организаторы, подлинные вещи великого физика. Одновременно подводились итоги конкурса на значок праздника. Как

известно, первое место занял эскиз значка, предложенный студентом кафедры биофизики А. Сарвазяном, на котором корень квадратный из факториала ^{6} был изящно вписан в букву Φ .

Корень из факториала, как, по мнению парткома, математически бессмысленный и физически абсурдный, был категорически им отвергнут. Но под давлением настойчивого комсомола было получено разрешение на изготовление небольшой партии значков только для праздника этого года, с тем, чтобы в дальнейшем провести новый конкурс на значок студентов факультета. История распорядилась иначе, и, несмотря на запреты, корень из факториала, вписанный в букву «Ф», стал символом физического факультета МГУ и сейчас красуется на его официальном бланке.

Центральным событием праздника было массовое выступление студентов всех курсов перед входом на физфак и костюмированное представление на его ступенях. Здесь впервые появились Рентген в черном тренировочном костюме с наклеенными белыми ребрами скелета, Н. Бор с моделью атома в руках, А. Попов с когерером, впервые принявшим радиосигнал, и другие великие физики.

На фоне подготовки к этому грандиозному действию будущая опера не особенно волновала организаторов праздника «День рождения Архимеда». Уже был опыт постановки студенческих опер «Дубинушка» и «Серый камень», поэтому и со следующей оперой не должно было быть проблем. Автор будущей оперы, аспирант Валера Миляев, как всегда, индифферентный, не проявлял никакого беспокойства. Режиссер и постановщик оперы, аспирант Степан Солуян, напротив, энергичный и напористый, требовал от Бюро ВЛКСМ физфака все больше денег на театральные костюмы и реквизит. Другой автор оперы, студентвторокурсник Валера Канер, новичок в оперном искусстве физфака, очень сильно волновался. Он боялся провала. Вдруг студенты после праздника и торжественного шествия факультета разбредутся и не придут в ДК на представление оперы, а пришедшие разойдутся, не дождавшись спектакля.

Малоизвестный эпизод, о котором я хочу рассказать, можно назвать так: «перевернутый велосипед». Валера пришел в Бюро ВЛКСМ и предложил: «Давайте повесим над сценой перед занавесом велосипед вверх колесами. Это всех собравшихся заинтригует, и они не уйдут из зала до начала спектакля. У меня есть велосипед, и я готов его повесить над сценой». Он, видимо, начитался Д. Д. Бурлюка и других футуристов,

 $^{^6}$ О корне из ! («под корешком факториал») как символе физического факультета МГУ упоминается уже в поэме Г. Копылова «Евгений Стромынкин», написанной в $1948-1956\,$ гг.

которые славились своими эпатажными выступлениями перед публикой. Зная настойчивость зрелого В. Канера, нетрудно представить, каких громадных усилий и после скольких нелестных его высказываний в адрес комсомольских руководителей удалось-таки отговорить его от этой затеи.

Накануне праздника партком факультета, поняв, что нереально провести репетицию всего массового праздника, потребовал предварительного просмотра оперы на сцене ДК МГУ. В комиссии парткома наиболее мягкую позицию занимала доцент кафедры электроники Мария Яковлевна Васильева, мать Р. В. Хохлова. Она както по-матерински относилась к затеям комсомольцев. Тем не менее комиссия, покритиковав оперу в целом за некоторую фривольность, потребовала снять у девушек кордебалета черные перчатки, которые, видимо, у членов комиссии ассоциировались с элементами борделя. Кроме того, в заключительном действии оперы студентов направляли в целях трудового воспитания не возводить пирамиды в Сахаре, как никому не нужные объекты, а построить полезный человечеству водопровод. Конечно, при просмотре оперы и ее последующем обсуждении не могло быть и речи о том, что перед ее началом на сцене мог висеть велосипед. За одну ночь в содержание и режиссуру оперы «Архимед» были внесены изменения. От части из них в последующих постановках отказались.

Евгений Полищук. Хорошо помню первоначальный вариант марша студентов во время трудового семестра в Сахаре:

XOP:

С энтузиазмом пройдем за милей милю, И нас не остановят ни пустыня, ни река! *Царю Хеопсу построим пирамиду,* И простоит она, красуясь, очень долгие века. И после часто будут люди удивляться — Ах, как могли такие штуки создаваться?!

ФИЛОНЫ:

Ведь даже очень просто можно надорваться, Вытворяя такие номера...

XOP:

Пирамида, пирамида, поднимайся в небеса!

Были изменены только выделенные строчки на:

Дадим пустыне мы водопроводы — Простоят они, красуясь, очень долгие века. и:

Ты беги, беги по трубам наша нильская вода!

А дальше снова без всяких изменений:

Мы глину месим послушными ногами, Указанья бригадиров мы хватаем на лету. И рычагами, большими рычагами Стопудовые каменья поднимаем в высоту!...

Конечно, эти рычаги и стопудовые каменья относились к строительству пирамиды, а вовсе не к водопроводу, и авторы выполнили дурацкое указание партбюро по минимуму; а чтобы прикрыть очевидные ляпы, в порядке, так сказать, самокритики заставили произносящего вступительное слово Александра Кессениха слегка их пожурить за то, что они «пустыню Сахару ошибочно отождествили с Апеннинским полуостровом». Вся эта история с партийной цензурой «Архимеда» как нельзя лучше характеризует эпоху: ведь опера-то комическая, и на дворе уже 1960-й год, давно разоблачен культ личности, а страх остался: вдруг в высших сферах скажут: а на что это вы намекаете своими пирамидами? и вот солидные ученые мужи с серьезным видом требуют замены одной чепухи (возведение пирамид) на другую (кому в Сахаре нужен водопровод?).

Герман Гусев. Одна из самых ярких страниц моей университетской жизни связана с некоторым участием в уникальном явлении культурной жизни на физическом факультете — появлении и существовании оперы «Архимед», которая появилась в 1960 году и живет по сей день. Правда, понято это было мной много лет спустя, к моему большому сожалению. Это особенно остро осознается сейчас, в 2014 году.

Эти счастливые деньки в значительной степени стали таковыми, благодаря Валере Канеру. Он явно выделялся на совсем не блеклом фоне моих однокурсников и потому остался в памяти многих.

А в оперной эпопее для меня все начиналось так. Довольно неожиданно этот всем известный долговязый очкарик подошел ко мне, коротышке (кстати, тоже очкарику), вы не поверите, но как бы по комсомольскому делу. Да, по-настоящему странно это звучит в наше время, когда все великое подзабывается. «Гера, ты культорг потока, и тебе представляется возможность участвовать в возрождении имени Архимеда на физфаке. Сейчас середина марта, а к началу мая должна быть готова и поставлена на вновь открывающемся празднике Архимеда опера в его честь. Труппа еще не собрана, либретто не готово и многого

нет, но надо начинать репетиции, причем каждый день. Как культорг, ты ведь не можешь остаться в стороне, а потому вот тебе предварительный список труппы, он будет пополняться, либретто будет писаться одновременно». И тут, внимание, — вот как надо работать с комсомольским активом: «Если ты не возьмешь это дело в свои руки, все погибнет, потому что по опыту ты знаешь, каковы студенты. Каждый день ты ДОЛЖЕН приводить за руку каждого члена труппы в холл 7 этажа зоны «Б», все остальное остается за нами».

Как выяснилось на первой же репетиции, «мы» — это Валера Канер, Валера Миляев (поэты-либреттисты), Степан Солуян, Александр Кессених (в данном случае режиссеры, и постановщики оперы, и старшие руководители всего процесса, они ведь, ого-го — аспиранты, почти небожители для студентов второго курса!) и маг рояля, кажется, Валера Кузьмин. Эпопея была яркая, напряженная и счастливая для всех участников! Конечно, все произошло вовремя, как и было задумано.

Но перед этим на финише, за два дня до выступления Валера сказал: «Гера, ты заслужил повышение, будешь техническим директором оперы, то есть осветителем. Пиши световое либретто и покупай светофильтры. Осваивай осветительскую ложу в клубе ДК, найди себе помощника для второй ложи и вперед к Премьере! Да, световое либретто обсудим со старшими и утвердим». Премьера состоялась с оглушительным успехом.

А дальше феерические гастроли «Архимеда»: это и Дубна, и ФИАН, и ЛИПАН (ФИАЭ), и эпохальное выступление в ЦДЛ, когда, если не вмешивается склероз, Светлов восторженно прокричал: «Меняю двух Аид на одного Архимеда», а К. Симонов поставил за свой счет ящик водки, посчитав, что устроители банкета плохо оценили историческое событие, которое, кстати, Е. Евтушенко проспал пьяным на диване у всех на виду, доказывая демократичность начальства и довольно наплевательское отношение к своей славе.

Евгений Полищук. Канер очень любил читать свои новые произведения, и делал это в любой обстановке. Как-то мы повстречались на спортивных площадках около трехзального корпуса, он схватил меня за рукав и начал исполнять только что сочиненный им номер из «Архимеда»: «Позвольте, позвольте, позвольте вас остановить...» (дуэт Архимеда с вахтершами).

Сергей Чекалин. В мае 1960 года, когда я заканчивал школу, мой старший брат Коля взял меня с собой в МГУ, где должны были проходить праздник Архимеда и премьера оперы с тем же названием. Я с трудом поддался на уговоры и поехал туда в школьном кителе, застегивающимся наглухо до самого подбородка. Попав в собравшуюся

у ступеней физфака толпу празднующих, я вместе с окружающими пытался расслышать и понять, что говорилось со ступеней. Хотя это мне в основном не удавалось, но взрывная реакция этой публики на высказывания со ступеней заразила, и я смеялся и орал что-то со всеми. Вскоре я начал чувствовать себя частью собравшихся и по окончании действа у ступеней двинулся вместе с толпой (вернее, меня понесло потоком) к железным воротам с правой стороны от клубного входа.

Дальнейшая картина напоминала мне кадры про взятие Зимнего из какого-то революционного фильма. Я не знаю, открыл ли кто ворота или они открылись под напором массы народа, но я никогда после не видел их открытыми. В клубе на входе дежурил мой брат Коля вместе с другими ребятами из ОКО (Оперативного Комсомольского Отряда), проверявшими билеты. Меня тоже привлекли к этому делу, так что к началу оперы мой китель уже недосчитывал нескольких пуговиц и стал сильно помятым. Зал ДК МГУ был забит полностью. Мне с трудом удалось пристроиться на ступеньках в проходе между рядами, подстелив под себя газету.

Шум и гвалт сразу смолкли, когда раздались аккорды знакомой мелодии «Мы идем по Уругваю», появился ведущий и начал читать текст. Весь остаток спектакля я сидел, впившись в сцену. Хотя накладок у исполнителей было много, это не повлияло на магическое воздействие «Архимеда» — я твердо вознамерился поступать на физфак.

Валерий Чечин. Валера не имел музыкального образования, но помнил много мелодий из классических опер и популярных песен. Это пригодилось ему при сочинении (вместе с Валерием Миляевым) оперы «Архимед». На лекциях и семинарах Валера почти не появлялся, схватил единственный «трояк», а наша группа № 210 без него полностью «распалась». Было весьма горько, но что же делать — все кончается.

Звездный час для Валеры настал 7 мая 1960 года, когда состоялось первое празднование «Дня физика» и премьера оперы «Архимед» в ДК МГУ. Валера был увлекающимся человеком: уж если он занимался каким-то делом, то отдавался этому целиком. Но потом он увлекался чем-то другим, а к прошлому оставался равнодушным. Так произошло и с оперой «Архимед»: в последующие десятилетия она стала очень популярной, и ее много раз ставили в разных местах, но Валера в этом уже не участвовал.

Освободившись от оперы «Архимед», Валера всерьез взялся за учебу и стал Ленинским стипендиатом: его фотография несколько лет висела на специальном стенде на физфаке. Кроме того, Валера активно участвовал в создании периодической стенной газеты «Советский

физик». Фактически несколько номеров сделали Валера и Женя Полищук вдвоем.

Через несколько лет оперой «Архимед» стала заниматься театральная студия с тем же названием в ДК Института атомной энергии (Курчатовский институт). Лишь в конце 1996 года Валера вдруг опять «загорелся» и стал режиссером постановки знаменитой оперы в ДК МГУ.

Любовь Богданова. Первый раз я увидела Валеру весной 1965 года. Тогда расстались мои родители, надо было работать, и Рем Викторович Хохлов (в то время просто доктор наук, даже не зав. кафедрой) взял меня лаборанткой на кафедру физики колебаний. Потом появилась кафедра волновых процессов, и Валеру я стала видеть немного чаще. Немного — потому что работала я в лаборатории на чердаке у ребят-экспериментаторов, Валера же был теоретиком, и они чаще собирались где-то в другом месте. Уже тогда я, конечно, знала, что Валера — один из авторов оперы «Архимед». Сама в ней я тогда не пела, пела только в агитбригаде с Сережей Никитиным. Командиром и комиссаром там были Саша Гусев и Сергей Крылов. С легкой руки Никитина предстала перед строгим взором Степы Солуяна, в те времена главного и непререкаемого режиссера «Архимеда».

Сравнивая потом наши репетиции с подготовкой премьер в Большом⁷, честно могу сказать, что первые ничуть не уступали вторым. Работали все с полной отдачей, собирались несколько раз в неделю, требования режиссера были очень профессиональными, посему и уровень спектаклей был высок. Достичь его после ухода Степы удалось только однажды, когда юбилейную (к семидесятилетию Р. В. Хохлова) постановку взялся осуществлять сам Валера Канер.

Евгений Полищук. «Архимед» был страшно популярен, куда только его не приглашали. Как-то на пятом курсе на этот праздник (Северо-Кавказского студентов СКГМИ металлургического института) ИЗ Орджоникидзе. В ответ пригласили летом на Кавказ нескольких наших студентов. Так, я, Валера Канер, Юра Косичкин и Леня Грищук попали в альпинистский лагерь, в Цейское ущелье. Вершиной нашего пребывания там стало участие в массовом восхождении на Казбек. Интересно, что нашим инструктором была девушка — мастер спорта по альпинизму. Но почему-то этот факт не вдохновил Валеру на поэтические излияния — как и тот факт, что мы таки поднялись на вершину. Конечно, Валере с его двужильностью это

 $^{^{7}}$ Л. Богданова одно время была солисткой в Государственном Большом Театре.

легко давалось, а у меня, помню, на последних 30-ти метрах (после седловинки между западным и восточным конусами) начинало ломить в башке; Леня же, который был матерым спортсменом, но несколько грузноват, и вовсе остался на этой седловинке, где его начало мутить. И у меня есть фотография, где мы стоим на вершине Казбека, гордо вскинув вверх ледорубы. Так что Канер — еще и альпинист.

Еще запомнилась такая сцена: в этом лагере был какой-то банкет, и Валера, встав, прочел стихотворение: «За тех, кому 19 лет» (оно впоследствии вошло в поэму: «Себе очень трудно солгать»). Вообще-то оно было сочинено в 1959 году и тогда начиналось словами: «За тех, кому 18 лет». Год спустя этот стих зачитывался в таком варианте: «За тех, кому только 20 лет». Но здесь Валера после этого стихотворения провозгласил тост: «За Осетию!». Это имело потрясающий эффект: встал какой-то осетинский старейшина и направился к Валере через весь огромный зал, неся в вытянутых руках тарелочку, на которой стояла рюмка с водкой и лежал закусочный бутерброд, — ибо почтили их страну! Так я впервые получил представление о национальной гордости малых народов.

Возвращаясь с Северного Кавказа, я заехал с ним вместе на его родину — в Сталинград (тогда уже Волгоград). Мы там несколько дней жили, отдыхали, купались в Волге. Тогда мы понятия не имели об экологии, о том, что в результате затопления берегов пропадают ценные пахотные земли, гибнет рыба и т.д.; для нас Сталинградская ГЭС была одной из великих строек коммунизма. И я был поражен, когда в воде мне навстречу плыл кверху брюхом громадный дохлый осетр, так что я чуть не столкнулся с ним нос к носу. Валера мне разъяснил, что рыбы разбиваются о плотину, направляясь с Каспийского моря на нерест, поскольку построенный рыбоподъемник пропускал где-то около 15 % от всех рыб.

Еще я познакомился с Валериной сестрой Джеммой, его папой и мамой. Его папа Виктор Иосифович был журналистом, работал в «Волгоградской правде»; мама Евдокия Васильевны работала врачом в поликлинике. Благодаря отцу, Валера какие-то свои стихи публиковал в газете чуть ли не школьником; влиянием отца объясняется и его искренняя вера в коммунизм, которой он проникся еще с младых ногтей, что и объясняет наличие в его творчестве гражданских мотивов.

Сергей Чекалин. Концерты с участием агитбригады и квартета Никитина и физфаковские оперы вспоминаешь с особой радостью, хотя попасть на них было всегда непросто. И то ощущение собственной значимости, когда Степан Солуян, появлявшийся только на генеральной репетиции «Архимеда», вдруг тычет в тебя пальцем и говорит, что

будешь играть главного сачка. И, конечно, выступления и гастроли, заканчивающиеся непременным банкетом.

Евгений Полищук. Вспоминаю такой эпизод, говорящий о высокой самооценке авторов «Архимеда». Лето 1964-го года, у моей матери юбилей — 50 лет со дня рождения, и я купил по этому случаю большой букет роз. По дороге зашел в блок к Канеру, в блоке никого не было и я оставил букет на пять минут на столе. Возвращаюсь — букета нет. Потом заходят Канер с Миляевым (два поэта!), я им говорю: «Вот какаято сволочь букет стащила. Что делать, денег-то больше нет». Они как-то странно переглянулись, и Миляев говорит: «Поедем ко мне на дачу, там я тебе нарву цветов». Ну, поехали на его мотороллере куда-то под Внуково. Действительно, Валера срезал кучу цветов и сделал огромный букет, не из роз, конечно, но вполне приличный. А через неделю они признались, что, когда увидели этот букет, то решили, что это им поклонницы подарили. А будучи девушками скромными, сделали это вот так, анонимно. После этого Канер с Миляевым вышли на улицу и подарили этот букет первой попавшейся девушке.

Людмила Колодяжная. Весной 1996 года Валерий решил возобновить оперу Архимед на сцене клуба МГУ. В качестве хористов он пригласил многих дам, в том числе и меня из Академического хора Дома ученых. Первая встреча с участниками будущего хора «Архимеда» состоялась в 59 комнате ЦДУ. Собралось человек 10 и Валерий, конечно, выставил на стол пару бутылок коньяка.

Начались репетиции, которые продолжились осенью. Спектакль состоялся где-то в начале ноября в клубе МГУ. Прошел блестяще. Валерий руководил всем процессом — это сложно, так как участников постановки было более полусотни. Пели такие певцы ЦДУ, как Владимир Гребняк, Петр Лягин и даже Сергей Никитин. И, конечно, перед спектаклем Валерий вновь предложил всем хористам по рюмочке коньяку...

Сергей Чекалин. Для меня постановка оперы «Архимед» в ДК МГУ в 1996 году, посвященная 70-летию Рема Хохлова, началась с того, что мне позвонил Канер и сообщил о намечаемом мероприятии. Просил привлечь всех желающих и могущих участвовать, что я и проделал. Всю свою бурную деятельность по подготовке и проведению этого спектакля Валера очень подробно описал в своих «Заметках режиссера» («Листья лета», с. 352–368). Я могу лишь сказать, что его трудозатраты на порядок превысили те, которыми обычно обходилась студия «Архимед» в своих постановках.

Успеху Архимеда, кроме неиссякаемого энтузиазма Канера, способствовали еще, по крайней мере, две причины. Во-первых, во всех постановках свято чтили аксиому, что «неиссякаемый задор и просто прелесть оперы нельзя уничтожить никаким исполнением»⁸, в чем Валера, по-моему, усомнился. Во-вторых, старый состав знал оперу назубок, и практически каждый участник был всегда готов исполнить любую роль.

Канер набрал солистов и часть хора из ДУЭТа, причем замышлялось выпустить на сцену трех Венер и столько же Бахусов. Конечно, все они обладали почти профессиональными вокальными данными.

Для каждого из исполнителей (а их было, по оценкам Канера, 85!) были написаны инструкции о том, что, когда и как делать. Кроме того, план каждого действия вывешивался во время спектакля за сценой. Правда, в сутолоке его трудно было заметить, не говоря уже о чтении. Зато пару бутылок коньяка (для солистов!) оценили многие.

Костюмы для всех тоже были приготовлены (никакой самодеятельности!), их раздавала Наташа Тиме. Несмотря на свирепствование Канера во время спектакля (многие, особенно девушки, еще долго не могли ему простить не совсем парламентских выражений в их адрес), накладки были, иногда крупные. Но основная аксиома, как всегда, оказалась справедлива, и спектакль закончился под бурные аплодисменты.

По установившейся традиции, которая соблюдается уже более сорока лет в любых аудиториях, все оперы физфака заканчиваются исполнением гимна физфака «Дубинушка». При этом весь зал встает и подпевает (если знает слова). Последние несколько десятков лет об этом по окончании спектакля всегда объявлял Гена Иванов, исполнявший роль Архимеда. На этот раз он находился в зале, и я решил взять эту функцию на себя. Уже когда гимн начал исполняться, на сцену выскочил Канер и попытался что-то публично высказать по поводу проявленной мной самодеятельности. Но гимн уже грянул, меня поддержал Сережа Никитин, и в итоге традиция не была нарушена и на этот раз.

После спектакля Канер выдал каждому участнику памятный экземпляр своей книги «Недопетый звук», сертификат «дуэтенка» и бумажку с оценками. Все же «за Дубину не во время» он поставил мне тройку с минусом, а не двойку.

 $^{^{8}}$ Из позднейшего пролога к «Архимеду».

Ирина Зубова. Я очень благодарна Валере за то, что он ввел меня в 1995 году в оперу «Архимед». Это замечательное произведение и до сих пор хорошо принимается публикой, хотя написано оно было больше 50 лет назад. Это было грандиозное событие на факультете. Опера стала, как говорят нынче, брендом физфака. Благодаря опере мне довелось познакомиться и подружиться с замечательными и очень интересными людьми. С этой оперой мы даже ездили в 2006 году в Крым на VIII Международный Фестиваль античного искусства «БОСПОРСКИЕ АГОНЫ» и имели там немалый успех. Жаль, что он этого уже не увидел...

Наталия Тиме. Я и мои друзья-сокурсники боготворили создателей физфаковских опер. Нам они казались необычайно одаренными. Валера Канер учился всего годом старше и он нам встречался, и мы издалека наблюдали за ним. Не старались познакомиться, поскольку я и мои подруги не отличались вокальными данными и не видели себя на сцене. Мы все были в восторге от оперы Архимед. Но опера существовала только в списках. Опубликовать чтолибо самодеятельное в те времена казалось невозможным.

Много позже, в 1994 году, Слава Письменный помог Валере издать его первую книгу, которая была задумана как аналог известного сборника «Физики шутят», но Валера переиначил название на «Шизики футят». Первоначально в него не входил текст оперы «Архимед». В то время творческая жизнь Валеры протекала в эстрадном театре «ДУЭТ» Центрального дома ученых РАН. Человек фантастичной энергии, он увлекся новым делом, Архимед же считал давно ушедшим явлением, жившим самостоятельной жизнью в рамках студии с одноименным названием при Курчатовском институте. И мне пришлось приложить усилия, чтобы убедить двух Валер (Канера и Миляева) в необходимости публикации этого так любимого всеми произведения. Валера рьяно взялся, привлек Виталия Михайлина, автора первых рисунков к опере, написал воспоминания о празднике Архимеда и первых постановках оперы, где он принимал участие. В результате текст оперы со всеми пояснениями о мелодиях был опубликован («Шизики футят», с. 25–47).

А вернувшись через 30 с лишним лет мыслями к опере, Валера решил сам поставить ее силами коллектива ДУЭТа. После первой постановки она была повторена в том же Доме ученых на вечере, посвященном юбилею Валеры (55 лет). Огромный успех побудил Валеру поставить «Архимеда» на сцене ДК МГУ к 70-летию Рема Викторовича Хохлова в 1996 году. В этой постановке были задействованы наряду с ДУЭТом исполнители главных партий из первых постановок оперы. Идея никого не обидеть привела к

феерическому спектаклю с 3-мя Венерами, 2-мя Марсами, 3-мя Бахусами и 2-мя Аполлонами.

Будучи техническим персоналом в ДУЭТе (костюмером), я что-то видела только из-за кулис. Постановка была грандиозная и со множеством курьезов, поэтому Валера решил написать рассказ «Заметки режиссера» («Листья лета», с. 352–368) — лучше него об этом спектакле не расскажешь.

Володя Недорезов. Опера Архимед прожила славную долгую жизнь, которая продолжается и поныне. Время стало совсем другое, сменились исполнители, а опера живет.

Иллюстрации ко 2-ой главе:

На площади перед физфаком в день физика (1964 год)

На ступеньках физфака. День физика -

Евгений Полищук. Все же неслучайно, что именно наш курс стал основателем ССО. Конечно, дело было прежде всего в нестандартной личности Литвиненко, который был старше нас на два курса. На вид-то он был вполне «правильным» комсомольским вождем, отвечая представлениям о тогдашнем комсомольско-партийном истэблишменте. Но проведенные в Ростове-на-Дону юные годы сказывались на нем неким неуловимо-грубоватым юмором, который, накладываясь на его

правильные речи, смягчал официоз, свидетельствуя об искренности. Один пример: как-то я увидел его на вечере нашего курса, когда он, развлекая народ, сунул руку в карман пиджака и предложил угадать, за что он в кармане держится. Кто-то сразу догадался, что это комсомольский билет, и получил какой-то приз; но, согласитесь, что сам факт такой «угадайки» и использования для нее святого символа (сравните со вполне официозным «Стихе о советском паспорте» Маяковского) неприемлем для человека, собирающегося делать карьеру на поприще общественной работы.

И все же нельзя сказать, что мы лишь подвернулись под руку Литвиненко, когда он созрел для своих великих общественных деяний. Дело было и в нашем курсе также: мы оказались тем отвечающим его надеждам испытательным полигоном, на котором он оттачивал свои идеи. Наш курс вообще был оригинальным, например, на нем было целых три «щуки» — Грищук, Полищук и Черепащук⁹, причем последний стал академиком и директором ГАИШа и по сей день бескорыстно предоставляет нам свой институт для проведения вечеров встречи (потому они и происходят каждый год последние двадцать лет).

О своей первой целине Канер писал в стихотворении «Нам двалнать»:

Что дано нам, двадцатилетним? Эшелона вагончик тесный, Стук колес, лазурное лето, Удивительнейшие песни, Кружка чаю да корка хлеба, Да еще закаты в полнеба.

Мы идем в закаты с работы, Позабыв про усталость и кельмы¹⁰. Мы одни, и совсем не одни: В горизонте мелькают огни, Словно в море, святого Эльма Огоньки на мачтах вельбота.

А вот еще одно из первых стихотворений на тему целины - Ленинградцы-москвичи, на мелодию «Песни о дружбе»

_

⁹ **Володя Недорезов:** О них даже в романе написано. Название романа — «На арфах ангелы играли», автор — Миронова Лариса, она окончила физфак в 1971 году и потом работала в ГАИШе. А теперь — член Союза писателей.

¹⁰ Кельма — мастерок.

из к/ф «Исправленному верить», муз. А. Эшпай:

У нас в Москве вокзалы, суета и пыль, А в Ленинграде полный штиль — Адмиралтейства шпиль... Увозят нас, покинув солнечный перрон На целину единый эшелон.

Припев:

Ребята ленинградские, Ребята-москвичи — Палят нас казахстанские Горячие лучи... Нас трудовыми узами Связала целина — Пусть мы разнимся вузами, Но цель у нас одна.

Вы в Ленинграде брали интеграл хитро, А мы в Москве в любом метро Читали про ядро... В степях бескрайних ленинградцы-москвичи Сегодня взяли в руки кирпичи. Припев:

Ах в Ленинграде ночи белые стоят. Москва с двух ночи, говоря, Почти что Ленинград. И нам, и вам теперь смотреть, забыв про сон, На казахстанский звездный небосклон. *Припев*:

лето 1961 г.

А теперь попробуем восстановить события по годам.

1959

Валерий Чечин. Все таланты Валеры проявились в первом ССО в июле-сентябре 1959 года. Еще в вагоне узкоколейки от станции Булаево до совхоза «Ждановский» Валера начал сочинять знаменитую потом песню «Целина родная». В первый же вечер он напел мне эту песню в углу какого-то сарая, куда мы забились от дождя. Голос у Валеры был

несильный, но правильный. Слова

Вместо ресторана — уголок сарая. Спать пойдешь голодный, повара облая —

точно описывают наш тогдашний быт.

Свою деятельность в отряде Валера начал с того, что постриг нашего командира Сергея Литвиненко. Да и много лет спустя, Валера с удовольствием выступал в роли парикмахера. Через два месяца в конце сентября 1959 года мы снова встретились (я был в отдаленной бригаде в лесу). Валера ходил в кожанке, непрерывно курил, и гордо сказал мне: «Я — комиссар!».

Кругом были видны следы его творческой деятельности, песни «Целина родная» и «Силосники» стали популярными в отряде. Часть отряда уже уехала, остальные срочно что-то достраивали. Две ночи подряд Валера, Борис Потемкин и я пилили дранку на циркулярной пиле: днем не хватало мощности дизельной электростанции. Борис и я по очереди составляли пару Валере, а остальное время спали здесь же в ящике с опилками, укрывшись неизменными ватниками. Несмотря на хлипкую комплекцию, Валера был очень выносливым, просто семижильным человеком. Утром мы разыскивали какую-нибудь миску, унесенную ветром с открытых столов, и наскребали себе рисовой каши из солдатской кухни.

Евгений Полищук. В этом первом целинном отряде, который лишь наполовину был строительным, я был в основном комбайнером и по производственным делам с Канером соприкасался мало. Зато я хорошо творческую Валерину деятельность, оформлению лагеря: он украсил своими рисунками (сейчас бы сказали — граффити) все наши жилые помещения. Так, на стене вагончика, где жили девушки, он изобразил добрую коровью морду, жующую початок кукурузы, с надписью под ней: «Поможем студентам вовремя и без потерь убрать урожай». Еще до выпуска стенгазет он отмечал плакатами наши производственные успехи («Слава чудо-богатырям, вырывшим по семь ям» и т.д.). Запомнилась также наша жизнь после отъезда в Москву основной части отряда, она была ярко описана Валерой в песне «Остались мы в совхозе...» («Листья лета», с. 167). Наконец, запомнилась обратная дорога в Москву, во время которой в течение трех суток мы играли в карты, в шахматы и в буриме, когда один пишет строку стихотворения и передает ее другому, тот добавляет свою строку и отдает следующему, и т.д. Получалась, конечно, чепуха, и все равно это занятие нас так утомило и усыпило, что дописывать получившуюся поэму Канеру пришлось в одиночку. Он назвал ее «Целинная ахинея», небольшой отрывок из нее был опубликован в «Листьях лета» (с. 170–171), целиком она приводится в Приложении — пожалуй, это первая крупная форма в творчестве Валеры (еще до «Архимеда» и всех его поэм).

1960

Валерий Чечин. Во втором ССО в 1960 году Валера и я попали в бригаду Анатолия Филозова (его потом убило молнией в Дубне), которая начала строить свинарник из бутового камня в совхозе «Булаевский». В этой бригаде были известные впоследствии первокурсник Галым Абильсиитов и наш однокурсник Мурадин Кумахов Первое время Валера присматривался к работе первокурсников, которые прошли в Москве специальные курсы, а потом взялся за дело сам. Володя Климов и я работали при нём, как подсобники.

Он развивал такую скорость кладки, что мы не успевали подтаскивать раствор и камни. «Валера, этот камень совсем не подходит. Смотри, какая щель» — говорили ему. «Ничего, я сюда брошу забутовку. А раствор все схватит. Главное — скорость» — отвечал Валера.

Вечерами, когда все уже валялись на нарах в огромном зерноскладе, Валера делал очередную стенную газету, а из соседнего отсека доносился мощный голос нашего командира Анатолия Перевознова, который репетировал арию из оперы «Дубинушка»: «Энтропия все растет, она растет».

Но теперь все мысли Валеры были заняты строительством. Он сделал несколько рационализаторских предложений, упростивших нашу работу. Например, много времени у нас уходило на изготовление арматурных прутьев из бухты проволоки. Но однажды Валера зацепил один конец бухты за столб, а второй — за трактор, который двинулся в степь. Помню удовлетворенную физиономию Валеры, когда трактор уехал далеко — далеко, а на траве осталась прямая, как струна, проволока.

Если же его идеи оказывались не столь удачными, он говаривал: «Ничего, зато повеселились». Однажды, когда стены свинарника поднялись уже на метр, на стройку привезли большой камень, просто

¹¹ В 1966 г. он стал командиром Всесоюзного ССО, а после развала СССР был вице-премьером в правительстве республики Казахстан.

¹² В конце 1970-х он даже номинировался на Нобелевскую премию за предсказание излучения при каналировании заряженной частицы в кристалле («излучение Кумахова»).

кусок скалы. Глаза Валеры загорелись: «А давайте мы вмажем этот камень в угол. Насколько поднимется стена!». Остановить Валеру было невозможно. В итоге вся бригада облепила этот камень и установилатаки его. В юбилейном ССО в 1978 году Валера вспомнил этот эпизод и сказал, похлопывая по камню: «Ну и здоровы мы были».

1961

Валерий Чечин. В следующем ССО в 1961 году Валера был бригадиром на строительстве того же свинарника; теперь мы сделали утепленную крышу и достроили это сооружение. С нами работала стайка веселых и остроумных первокурсниц, среди которых выделялась Татьяна Скоморохова. Валера сразу же влюбился в нее и посвятил ей несколько прекрасных стихотворений. Последние недели Валера провёл где-то «наверху» у начальства: делал местные многотиражки и изготовил в мастерской флаг ССО. Он вернулся в Москву на неделю позже нас. Помню, как Таня, я и ещё кто-то встречаем Валеру на аэродроме Быково. Темно, капает дождик, совершенно измученный Валера медленно спускается по лесенке из самолёта ИЛ-14 и идёт к нам. Увидев Таню, Валера преображается. Вскоре они поженились, но этот брак оказался недолгим: уже в конце 1963 года Валера снова был своболен.

Сергей Чекалин. Летние работы, особенно первая целина, остались самым ярким и значительным воспоминанием. Это было подарком на всю оставшуюся жизнь, и я ощущал непреодолимую тягу к выездам с ССО и другими отрядами еще долгое время после окончания физфака. Время проходит, и до меня все яснее доходит, чем я обязан «Архимеду» и, стало быть, его авторам — В. Канеру и В. Миляеву. И, конечно, Сереге Литвиненко, подвигнувшему их на этот труд и так кстати создавшему ССО.

1968

Валерий Чечин. С поездки на Сахалин в 1968 году началась вторая волна ССО выпускников физфака. Используя прежние связи, наши энергичные товарищи (Володя Андрияхин, Толя Широков, Павел Широков, Скворцов, Пащенко и другие) сколотили несколько бригад, умудрились оформить их как ССО и на этом основании бесплатно отправили их в Южно-Сахалинск. Сначала наш отряд оказался на севере острова в поселке Арги-Паги. Поскольку там не было фронта работ, через несколько дней отряд разделился надвое. Толя Широков стал командиром отряда в поселке Онор, а Валера попал в бригаду Игоря Исакова в поселке Победино, который был японским до 1945 года.

Новые впечатления породили новые песни. В одной из них были слова:

Копаем мы, летят из-под ломов Квантунские сгоревшие сараи...

Потом Валера с гордостью показывал нам металлическую японскую вывеску (с изображением пилы), выкопанную им на Сахалине и привезённую в Москву.

После окончания работы, часть отряда посетила Курильские острова, а Валера и ещё несколько человек отправились во Владивосток, где Валера потратил почти весь заработок. «Что же ты не удержал его» — упрекала меня потом Оля Зубкова.

На обратном пути мы встретились в Хабаровске и застряли. Больше недели мы жили в огромных армейских палатках на площади аэровокзала: самолёты не летали, так как кончился авиационный керосин. В один из вечеров Валера напел мне только что сочинённую песню «А всё кончается», которая потом получила широкую известность и стала фактически «народной». Каждая строчка этой замечательной песни до сих пор вызывает отклик в наших сердцах. Да, Валера мог сказать то, что мы, «немые», только чувствовали. Песня мне очень понравилась, кроме строки «Глаза прощаются, надолго изучаются»: «Что за школярский глагол "изучаются"?» Валера чуть подумал, а потом махнул рукой: «Ничего не приходит в голову. Пусть останется так».

Из стихов, сочиненных в 1968 году, многие остались неопубликованными; некоторые из них собраны в Приложении VI.

1972

Валерий Чечин. Валера с удовольствием ездил в строительные отряды. Такие поездки привлекали его, как и всех нас, возможностью сменить привычную обстановку, побыть в дружеской компании и посетить новые места. Финансовая сторона дела тоже играла важную роль: ежемесячная плата за кооператив составляла почти половину зарплаты научного сотрудника или преподавателя.

В 1972 году Валера ездил с Олей Зубковой в ССО в Усть-Майский район Якутии, откуда привез приличный заработок и песню «Туман над Алданом» («Сто стихов», с. 159–160). Сначала Валера работал в бригаде Игоря Исакова и Толи Широкова в поселке Усть-Мая, а потом перебрался в мою бригаду в глухом якутском поселении Тумул и помог достроить стены телятника. Места там бесконечно красивые, но они не слишком стимулировали поэтическую активность Валеры: он был непривычно молчалив и грустен.

Валерий Чечин. Летом 1974 года мы съездили в ССО, который был организован под «крышей» ИЯИ АН СССР благодаря Володе Недорезову, тогдашнему комсомольскому секретарю этого института. По этому поводу Валера сочинил лозунг: «ИЯИяйцы, работайте, как китайцы». Полтора месяца мы строили дома из бруса в крохотном поселке Нежнур на берегу речки Рутка в глухих лесах Марийской АССР. Денег мы там заработали немного, но зато была очень приятная компания: Толя Широков, Витя Васильцов, Игорь Исаков, Валя Петров, Таня Красильникова, Саша Рощин, Витя Локалин, Азим Рустамов и другие. Так складывался «наш» отряд — участники первых ССО, их друзья и однокурсники.

Вот образцы творчества Канера, отражающие производственный процесс в этом отряде.

Сантименты не любя Мы скучаем без тебя Мы скучаем без тебя, Таня

Мы на отшибе — Чего же проще, Одни порезы и ушибы И ужин нам приносит Рощин.

Неба синь и высота, Белых лилий красота — Поделиться не с кем цветами.

Бревна горами лежат, Целый день ножи визжат, Гильотиной реет пилорама. Пот — как вылитый ушат, Брус неправильно зажат...

Нас было пять.
Верней, четыре с половиной.
Себя считали мы — морской десант.
Катились бревнышки на нас лавиной,
А каждое четвертое — гигант.
Оно, быть может, весит пару тонн,
А мы его кантуем вместе с Юрой
И на вооружении, пардон,
У нас лишь брань крепчайшей рецептуры.

Я жил чудесно, смотрел на Таню, Ни о какой не думал о Пиштане, Но Рощин вдруг уперся в грудь коленом — В Пиштань отправил. С кем? С Олиференом¹³. Но назревала производственная драма, Вот-вот умолкнут стуки топора, Ждала нас гильотина-пилорама И бревен невозможная гора. Я эти бревна вижу аж во сне, С трудом уже произношу слова я, Нужна доска, простите, половая И выдай сто кубов за пару дней. И выдаю я эти самые кубы, А у поселка в три часа получка, И стала пилорама на дыбы, И будет нам, по-видимому, вздрючка. А дождь четвертый день как из ведра, И бревна эти скользкие, как угорь, Я Юре руку придавил с утра, А он меня прижал к обеду в угол.

Я не вольеры делаю слонам И не дворцы культуры и сатиры. Я, извините, спец по гальюнам, А попросту — я мастер по сортирам.

Из бревен я смогу срубить клозет, Из мрамора, из дуба и из жести, И даже, если нужно, из газет, Конечно, если все их склеить вместе.

* * *

Синьор, я Вас покрыл опять — Прошу не обижаться. Я Вам сказал — ну, так сказать, Что надобно сражаться. Решил Вам нежно подсказать, Что надо Вам держаться. Я Вам сказал — ну, так сказать, Не нужно обижаться.

¹³ Таня — Красильникова (повариха на этой шабашке), Пиштань — маленький поселок в Нижегородской области; Олиференко — член отряда.

Меня решили Вы подмять Бревном пудов на двадцать, Я закричал — ну, так сказать, Могло Вам показаться, Что Вас я мог не так понять, Что я не смог сдержаться, А я сказал: синьор — плевать, Не нало обижаться!

Интересно отметить, что именно в Нежнуре произошло возрождение (силами Канера) отрядной стенной печати, причем возрожденная стенгазета носила название не «Кувалда», как во время еще студенческих поездок, а — «За руб ежом», что, с одной стороны, пародировало популярную в те годы газету «За рубежом» (еженедельное обозрение иностранной прессы), а с другой — отражало несколько изменившуюся установку стройотрядовцев, придававших значение теперь уже не столько романтике, сколько рублю (ибо семья, дети, кооператив...).

В конце главы приводится фотография первого номера газеты. «ЗА РУБ — ЕЖОМ» и *Прессу в массу*.

Все начиналось так...

Саша сказал: Валера, где газета? — Ну а для чего газета без клозета? но вот эти последние преграды на пути журналистики сняты. Прорублено окно в творчество (и даже не одно, а целых три), и теперь бьющая ключом (падающим со строительных лесов на слишком интеллигентную голову) жизнь нашего отряда найдет достойное отражение на страничках этого листка. Ибо, как сказал Локалин, допивая третью кружку молока: не хлебом единым! И открывая этим листком еще одну страницу нашей жизни, редакция надеется на активное участие населения в работе стенной (а не заборной) печати. Ибо сила и действенность слова — в его достоверности. Итак, мы начинаем!

Математическая смекалка.

В отряде два Володи, два Лени, два Вити, и один пятнадцатилетний. Галя, которая готовит в основном для Саши, никак не добъется воды для нужд кухни от Юры. Юра спит недалеко от Славы, который в свою очередь спит далеко от Азима (и слава Богу!). Азим регулярно проигрывает в шахматы Валере, а Боря играет на гитаре. Спрашивается кому из отряда меньше двадцати лет?

Советы умельцу.

Вам — двадцать с небольшим. А под рукой ни «тайги», ни «дэты»,

ни «диметила». Как же все-таки бороться с комариным напором? Тот у кого умелые руки, легко найдет выход из положения. Нужно одеть тельняшку, шерстяные носки, резиновые сапоги, брезентовый костюм...

1978

Феликс Саевский. При создании отряда «Ветеран-20» Валера вместе с Литвиненко Сергеем Филипповичем и Широковым Анатолием Макарьевичем участвовал в наборе людей и прочем, оставаясь при этом в тени.

Валерий Чечин. Естественно, в 1978 году Валера был в юбилейном ССО «Ветеран-20», организованном нашим неизменным командиром Сергеем Литвиненко. Было нас человек 50, включая более старших «суперветеранов» и космонавта Сарафанова. Сначала Валера и я составили звено на детском сказочном городке. Валера обладал хорошим объёмным воображением, так что внешний вид сооружений городка, которые построили мы вдвоём, — это его заслуга. Но он не был умелым плотником и беззаботно говорил, увидев очередной огрех в своей работе: «А я здесь прибыю декоративную дощечку». Это меня раздражало, и мы, неожиданно для обоих, слегка поссорились впервые за 20 лет знакомства.

Закончив городок, мы перешли на зерносклад и вместе с Женей Полищуком занялись установкой стропил и прогонов. Женя и я лазали по бетонным аркам, а Валера бегал внизу и подавал нам стройматериал, стойко выдерживая наши шутливые понукания: «Валера, что ты, как вареная курица!» Работа спорилась, и Валера был очень доволен: «Это не то, что на городке дощечки прибивать». Валере всегда нравилась поточная работа, и он говаривал: «Давайте организуем дела так, чтобы уже ни о чем не думать. Колоти и колоти». Такой поток частично удалось осуществить, когда мы делали сплошную обрешетку и прибивали рубероид. Затем нужно было покрыть огромную крышу легким картонным шифером. Вот где развернулся организационный талант Валеры! Он все предусмотрел до мелочей: пачки шифера были расставлены на крыше; некоторое количество шифера было заранее прибито, чтобы задать правильное направление и не создавать толкотню; на каждый из 11-ти рядов шифера был назначен ответственный. Наконец, однажды утром 11 человек встали на крыше лесенкой и начали прибивать шифер — каждый свой ряд. Валера бегал по всей крыше и помогал устранять мелкие заминки. Местное начальство просто ахнуло, когда к вечеру один скат был готов.

Валера регулярно делал стенную газету «Кувалда», которая считалась «официозом». Но выпускалась и оппозиционная стенная

газета, которую организовал Гена Иванов — неизменный поэтический конкурент Валеры. Во время грандиозного банкета на природе Валера прочел только что написанную им поэму, в которой были слова о каждом участнике отряда.

Евгений Полищук. Когда до конца работ осталось всего три дня, а недоделок было еще много, у Литвиненко возникла идея — сделать памятник. Откуда-то привезли огромный камень, но надо было проконтролировать его установку (он должен был располагаться на въезде в совхоз, на перекрестке дорог), а главное — прикрепить шлямбурными крючьями к камню памятную доску, которую я специально изготовил и привез из Москвы. Понятно, что вызвались мы с Чечиным, как владеющие альпинистской техникой. Мы слезли с крыши зерносклада, на которой только что работали, и тронулись вдоль его стены. И тут Канер входит в раж, глаза желтые, весь горит гневом, называет нас дезертирами, берет доску обрешётки и бросает ее прямо в нас. Попало Чечину по башке.

Валерий Чечин. Ну нет, я уклонился, споткнулся и упал, а доска упала где-то рядом. Валера сразу спрыгнул с довольно высокой крыши, хотя и боялся высоты, и подбежал ко мне: «Валера, ты как?» Поднимает, только что не целует.

Срым Букейханов. Я преклонялся перед его талантом дружить, талантом поэта, талантом организатора. Валера в отряде был чем-то вроде сенсея¹⁴. Он олицетворял дух отряда. Нет, Валера никогда не был ангелом, но имел столько хорошего, что все прочее меркло. К нему относились друзья не просто уважительно, а скорее с любовью.

Азим Рустамов. Валера своими газетами, стихами, юмором, отношением ко всем друзьям и работой на объектах создавал в отряде атмосферу праздника в одной большой семье. Но иногда своей принципиальностью, упорством он мог порождать и атмосферу напряжённости. Но поскольку Валере самому от этого было тяжело, он быстро делал всё для изменения ситуации.

Так, как мог работать на объектах Канер, мало кто мог. При всей своей тщедушной фигуре он был поразительно силён, вынослив и похорошему упрям в работе. В паре с ним мало кто мог и хотел работать. Мне приходилось с ним в паре носить бетон на носилках. В ходе работы Канер заводился всё больше и больше, просил накладывать ещё и ещё.

¹⁴ Сенсей (букв. «рождённый раньше», старший) — в Японии вежливое обращение к учителю, начальнику, и др. значительному лицу или значительно старшему по возрасту человеку.

Уже с трудом поднимаем и несём носилки. Я с большим трудом, больше на воле удерживаю носилки в руках. Вижу, что и Канер с большим трудом удерживает вырывающиеся из рук носилки, идёт и качается из стороны в сторону. Но при следующей загрузке он сквозь зубы, но всё же просит положить ещё одну лопату. Я делаю вид, что не возражаю, но в душе проклинаю его и боюсь, что не удержу носилки (а все считают меня здоровяком). Поднимаем носилки и, какое счастье, ручки ломаются. Ничья, победила дружба.

Наталия Тиме. В 1978 году я поехала в юбилейный стройотряд (Ветеран-20) поварихой вместе с Таней Красильниковой и по ее рекомендации. Рекомендация нужна была, потому что я училась на физфаке годом позже и была на целине в 1960 году, а безусловно брали только участников ССО 1959 года. Формировал отряд Валера. Я, конечно, знала его как автора оперы Архимед и поэта, выступающего в ДК на смотрах самодеятельности, но лично знакомы мы не были. Он позвонил мне, задал какие-то вопросы и сразу сказал что зачисляет. Потом говорил — понравился голос. Но я о другом.

В этом отряде поварам было очень тяжело. Начинали рано, в 5 утра (вставали поочередно), а заканчивали поздно — после ужина мыли посуду и подготавливали завтрак. Поэтому мы не могли участвовать в вечерах, чрезвычайно интересных, каждый день с новой темой. Надо сказать, что жили мы в школе-интернате с оборудованной столовой, под полом которой было много крыс. Я впервые соприкоснулась с жизнью этих животных. Мы их боялись: во первых они были размером с кролика, во вторых, каждую ночь старались у нас что-то украсть, при этом они прогрызали пол (половая доска не менее 40 мм). Мы каждый вечер на дыру ставили алюминиевый 50-литровый котел, но они грызли в новом месте. Утром, прежде чем войти в кухню, швыряли туда ботинок, и эти монстры исчезали.

Однажды был назначен поэтический вечер В. К. в столовой, дверь которой находилась напротив двери на кухню через коридор, и мы могли слышать происходящее там. Мы работали тихо (чистили картошку) и напрягали слух. Вдруг я вижу, что к столовой пробрались две крысы и чинно уселись на высоком пороге, подняли морды и уставились на Валеру, который стоял к ним спиной и читал стихи, и замерли. Они сидели весь вечер и никто их не заметил. Потом бесшумно и незаметно исчезли. Вот магическая притягательность стихов Валеры!

Сам Валера был уверен в этом и открыто об этом говорил. Его ухаживания за мной начались с мощной стихотворной артподготовки («Сонет № 36») и последующими поэтическими атаками.

Сергей Чекалин. Летом 1978 года мы встретились с Канером в

Казахстане в отряде «Ветеран-20». Целинная медаль Канера висела тогда на флаге отряда.

Так случилось, что в отряде одновременно пребывали два знаменитых физфаковских поэта: Канер и Иванов. По своим характерам и манере писать стихи Валера с Геной различались кардинально. Валера обладал огромной производительностью, что, с учетом его фантастической работоспособности, выливалось в массу разнообразных стихов. Иванов же работал только на подъеме настроения, всегда ярко и вдохновенно, одним словом — он был мастером импровизации. Канер же был по природе своей трудоголиком и ко всем мероприятиям, в которых участвовал, подходил с невероятной тщательностью, пытаясь расписать все шаги и варианты заранее. При этом он всегда старался взять руководство на себя и в таком раскладе шаг вправо или шаг влево квалифицировал стандартным образом.

Непримиримые дискуссии между двумя именитыми поэтами привели к созданию в отряде двух группировок, примыкающих к одному или к другому.

Во время перерывов на чай, устраиваемых у нас в бригаде в казахстанскую жару, Канер часто пытался что-то рифмовать. Правда, все, что я помню, было совершенно нецензурно. Наиболее мягко звучит четверостишие про Юру Гридасова: «Догадался же мудила (возможно, Сережа что-то недослышал, ибо в «Кувалде» все же было использовано слово — «чудила». — *Примеч. ред.*) в дождь олифить крокодила...». Имелся в виду большой крокодил, вырезанный Юрой из целого бревна.

Евгений Полищук. В отряде «Ветеран-20» все мы постоянно наблюдали пикировку между Канером и Ивановым. Она проходила в разных формах: в письменной (в Валериной «Кувалде» и Гениной «Фигаро»), а также в устной, хотя голос у Валеры был не такой зычный, как у Гены, так что взять его «на глотку» он никак не мог. Но это же обстоятельство Валера обратил в свою пользу, дав своему сопернику кличку Маныч-Гудило — название солёного озера где-то в Калмыкии. Что оно означает у калмыков — не знаю, Валера же вкладывал в него вполне определенное содержание: Гудило — это характеристика Гены с точки зрения его голоса, а Маныч — с точки зрения его интеллекта (чтото вроде: дурак на букву «м»). Продолжалось это довольно долго, но в какой-то момент Валера решил, что это именование слишком ученое и не до всех доходит; и однажды в столовой он громогласно заявил: всё, я отменяю имя Маныч-Гудило и буду именовать Гену просто Г. Иванов (только букву «И» он прочел как «ы», получилось: Гы-ва-нов). Тут даже «невыразимо устный» Литвиненко («Листья лета», Сонет № 40, с. 188) справедливо заступился за пострадавшего и хотя и отдал победу в этой дуэли Канеру, но справедливо указал Валере, что все же не следует так топтать своего товарища.

Сергей Чекалин. Особые трения у меня с Канером с использованием большого количества ненормативных выражений возникали, когда он утаскивал свежестроганные доски, приготовленные мной для своего объекта. К свежестроганным доскам он был так же неравнодушен, как и к девушкам.

Канер обычно «поливал» идейных противников в своей газете «Кувалда». Изготавливал он ее всегда по ночам, забрав при этом у нас с Рукавишниковым и у Валеры Шарапова кучу свежеизготовленных фотографий. После этих бдений Литвиненко долго не мог его дозваться на утренней линейке. В одном из номеров Канер изобразил бюст одного из постоянных своих оппонентов Саши Федосимова (портретное сходство было превосходным), с трещиной в основании, разделяющей надпись «Veteranus» на две части. Валера мне объяснил, что «Veter» — это и есть ветер, а «anus» означает известную часть тела. У меня, однако, осталось впечатление, что Саша (и не он один) был не настолько силен в латыни, чтобы оценить этот тонкий юмор.

Валерий Шарапов. В нашу первую ветеранскую поездку в Казахстан Толя Широков, наш комиссар (светлый был человек!), в качестве общественной нагрузки попросил меня быть отрядным фотографом. Эта нагрузка закрепилась за мной и в следующих поездках. Валера быстро приспособил меня в качестве фотокорреспондента в стенгазету под названием «Кувалда», которую он регулярно выпускал. При этом он совмещал все редакционные обязанности — был и корреспондентом, и редактором, и художником, причём всегда главным, потому что других не было.

Фотографии он использовал не только мои, но и те, которые ему давали другие члены отряда. Раскладывая на столе ватман, краски, фломастеры, он возбуждался, предвкушая удовольствие от любимого дела — шутил, напевал, сыпал остротами, придумывая подписи и тексты к фотографиям. Этот азарт от так любимой им творческой работы я наблюдал много раз и когда помогал ему с подготовкой его книги «Шизики футят», и в «ДУЭТе». А в стенгазете он стремился отразить всё, что происходило в отряде. Помню, как-то я уронил деревянный брусок на голову своего партнёра (сейчас уже не помню, кто это был), в результате чего у него на лице остался синяк.

Валера в ближайшем же выпуске «Кувалды» прокомментировал это событие: «Неизгладимую шарапину оставил Валера на лице своего друга». Газета пользовалась популярностью и не только в нашем отряде. Во время поездки с отрядом «Отцы и дети» состоялся фестиваль

стройотрядов то ли областного, то ли районного масштаба, во время которого были разные конкурсы. Был и конкурс стенгазет, победителем которого стала «Кувалда». Потом она стала основой памятного отрядного альбома. Многие газеты долго сохраняла Наташа Тиме. Может, и до сих пор что-то сохранилось?

Евгений Полищук. Поскольку упомянули о «Кувалде», самый раз сказать о газетном деле на целине подробнее. Как поэт и деятель печати (на факультете он выпускал официальную газету «Советский физик») Валера считал себя обязанным выпускать в отряде «Ветеран–20» юмористическую стенную газету — для подъема духа ветеранов. Таковой стала газета «Кувалда». Выходила она примерно раз в неделю, тексты, в основном, принадлежали Валере, кое-что писал и я, но, конечно, Валера, включая мои тексты в газету, слегка их редактировал (и эти уроки редактирования впоследствии мне очень пригодились) и снабжал броскими заголовками и рубриками, часто вырезаемыми им из обычных газет. Газеты мы делали по ночам, а утром, поспав три-четыре часа, шли на работу.

Газеты тогда выпускали еще два члена отряда: Саша Рощин (под названием «Борец за правду») и Гена Иванов (с космополитическим названием «Фигаро» и подзаголовком: газета правой оппозиции). Даже было некое соревнование между Канером и Рощиным с Ивановым, у кого газета лучше. Валера постоянно иронизировал над этими изданиями; помню, статью на эту тему с названием «Разные птенцы одного гнезда» (вырезанным из какой-то газеты).

Фото поставляли В. Шарапов и другие фотографы, под ними обычно Валера делал шутливые подписи; так под снимком, где Чечин и Рукавишников кормили сеном коня, было написано: «Жеребцы. Фотоэтюд».

Изюминкой каждого номера было юмористическое стихотворение Валеры, которое он обычно приписывал Васильцову. Например:

В. Васильцов

Слушается дело... (юридическая поэма)

*Мухи сдохли, Солнце село — Это дело Тариэла¹⁵. *В глаз растворчик Ляпнул птичкой — То кладет кирпич Косичкин.

А кирпич пронесся мимо

Дело ясное — Азима.

*Саша Рощин без лица —
Это дело Матвейца.
Снова Рошин без лица —

Это дело Еремца.

¹⁵ Тариэл — отрядный врач, травивший мух какой-то химией.

Распоясались вконец Еремец и Матвеец! *Во дворе сидит сова — Копия Гридасова. *В том, что наш язык богат — Коломийцев виноват! *Дело в том, что от Малова Не слыхал дурного слова, А от фразы Феликса Дохнет на лету оса! *Относительно зарплат Не Серега виноват! Ну, а кто виновен, кто? В крайнем случае, $Mильто^{16}$. *У Макеева Генашки Щёки впали на мордашке, А у Лёни Грищука, Напротив, выпала щека. И процесс гражданский Кто из них играл в футбол? *В том, что нет уже раствору, Не виновны А. Невзоров, Б. Потемкин, Л. Толстов, Евдокимов, Ефимков... Ну а вывод-то каков? Виноваты Люся с Галей, Что на кладке поднажали, Так, что юноши едва ли Не отбросили сандали! *Наш завхоз Шекшеев Эдди К нам привез младую леди, И мальчонку приволок Убежденный педолог.

(Говорят, в отъездах Эдди Непременно пьет «Самтреди» Перед тем, как спать залечь; Надо Эдика привлечь!) *Во дворе мычит корова, Сама не своя. Сил у Валечки Петрова, Как у бугая. И о том, ребята, речь, Что не за чт<u>о</u> его привлечь! *Мухи снова. Солнце встало. И рука писать устала. Дым валит. Гудит пила — Вот и все мои лела!

¹⁶ Мильто — наш главный инженер.

К этим стихам не следует относиться слишком критически, ведь они писались бессонной ночью после двенадцатичасового рабочего дня, и создавались действительно со скоростью перемещения пера по бумаге, пока не уставала писать рука.

К «Кувалде» выходили различные приложения, например, иллюстрированное «За руб ежом» — с фотографиями Шарапова, Рукавишникова, Чекалина и с подписями (как смешными) Канера. Было еще приложение «Не ели», названием напоминавшее популярную тогда «Неделю»; вся эта газета, заметки в которой (как и в «Кувалде») Валера писал руки разноцветными ОТ фломастерами, была посвящена трудовому подвигу поварих — Тани Красильниковой и Лиды Кандидовой и вообще проблемам питания ветеранов.

Так, под вырезанным из какой-то газеты заголовком «ПРЕКРАТИТЬ ИСТЯЗАНИЯ» была помещена заметка о переедании ветеранов, кончающаяся лозунгом «Долой Демьянову уху!» и требованием прекращения добавок (заметка подписана: А. Толстов).

рубрикой «ФОРМУЛА СЧАСТЬЯ» заметка «Свиное копыто Рощина», повествующая триумфальных обеденных достижениях Саши обгладывании массивных голеней, берцовых костей (которые не всякий ветеран и в руках-то удержит!) и даже свиных копыт... «Но Рощину вполне по плечу и по зубам новые рубежи: он мечтает обглодать с внутренней стороны панцирь морской черепахи или, на худой конец, бивни мамонта. — Жаль, что в здешних краях этого не достанешь! — тоскливо говорит он Лиде и Тане, принимаясь за очередное копыто. На свином копыте Саша нашел подкову счастья!»

В разделе: НАМ ПИШУТ содержались следующие якобы присланные в редакцию предложения ветеранов.

*Почему давно нет булочек с маком?

Г. Макеев

*Очень хочется чего-нибудь вареного.

А. Печёнов

*Как украсил бы наш стол жареный кролик!

А. Зайцев

*Бывает неприятно смотреть, как некоторые глотают пищу не разжевывая.

Г. Лопанцева

*Хочется козлятинки.

В. Козлов

Конечно, и в этой газете было помещено очередное стихотворение Васильцова:

История одной болезни

(поэма)

Я всё скажу, как на духу: Хоть дома я едал уху, И спирт пивал, глотал компоты, Читая книги Вальтер Скотта — Но непрерывно там страдал Сужением гомозиготы, Одышкой, тучностью, икотой И общей вялостью всегда! На что пенять? — Идут года, Мозоль на животе не тает, А волос с черепа слетает, Как с одуванчика пыльца. И дети в лысину отца Уже, как в зеркало, глядятся... Но стал я «Ветераном-20»! — И нет красивше молодца! Я строен стал, как Аполлон, Горяч, игрив, смазлив, подтянут! Живот давно под ребра втянут (Хоть ем харчо, а не бульон). Дыханье я нашел второе! И потому, друзья, не скрою Кто исцелители мои: Татьяна-свет, и Лида-прелесть! Отведал борщ — вставная челюсть Отвисла, словно нотный знак, И не закроется никак! P. S. За то монахи в рай пошли, Что там давали кисели!

Бывали и отдельные приложения, связанные с различными события в жизни отряда. Так, по случаю приезда и пребывания в отряде «бывших» или «суперветеранов» (так называли ветеранов, бывших в прежние годы большими ССО-

шными начальниками, например, Вяч. Письменный, Галым Абильсиитов, Срым Букейханов и др.) Валера выпустил приложение «ССОВЕТ 20». Здесь юмора уже было поменьше, но стихи присутствовали также (по случаю поражения, которое ветераны потерпели от шабашников-армян, также работавших в нашем совхозе:

Virshi. (Omar Hime¹⁷)

Ветеране, Ветеране, Одолели вас Армяне! Не горюйте, ничего — Обыграете еще. Может быть, еще Грищук Заколотит им пять штук, Да Сережа Литвиненко Не допустит больше пенки. Верят в вас и доктора, И Мильто, и повара. Ешь побольше, ветеран, Разнесешь опять Армян.

Валерий Рукавишников. На целине умели не только строить, но и отдыхать. Навсегда запомнились поездки в Боровое. Ехать было долго. Песни в автобусе не умолкали несколько часов.

Сергей Чекалин. Боровое — самый красивый курорт в Казахстане, расположенный в гористой местности, покрытой сосновым лесом и озерами. Туда ехали на двух автобусах, упаковавшись довольно плотно, а на обратном пути один автобус сломался, так что общение стало еще более тесным. В Боровом основная часть народа тут же осела у озера, а мы небольшой группой полезли на горку, издалека очень похожую на слона. Канер тоже полез — он любил лазать по горам. У меня осталось 4 кадра с этой прогулки, где Валера снят в обществе Валеры Чечина, Валеры Рукавишникова (3 Валерия подряд!), Бори Потемкина, Жени Полищука, Юры Матвейца и вашего покорного слуги.

Об этой поездке Канер написал стихотворение.

Боровое

17 По-видимому, намек на Омара Хайяма.

Место новое освою Аж за тридевять земель. Мчит дорога в Боровое, Грейдер, словно карусель! Не разбиты мы на пары, Женски чары — не про нас! Только ярый звон гитары, Мы гусары — вырви глаз! Всё как надо — честь по чести, Все мы вместе, все мы те, Словно куры на насесте, Не в обиде — в тесноте! Настроенье боевое, Что ни парень — в доску свой! Кто поехал в Боровое, Кто остался, спит совой... Вдруг, как терем в чистом поле — Ты в окно смотри, не спи — Встали горы, как мозоли На ладони у степи. Лес вокруг шумит листвою. Вот оазис — просто рай! Что такое Боровое? Эй, гусары, вылезай! Все мы встали спозаранку, Так что вижу по глазам — Эта скатерть-самобранка Словно на душу бальзам! А вокруг-то чудо света! Так что тянет на сюрприз. Не природа, братцы, это — Кисти мастера каприз! Умиление сплошное. Размягчённость через край... Раз попали в Боровое — Знай, гусары, загорай! Солнце шпарит, солнце режет, Не уйти от этих чар! Из-за острова на стрежень Выплывает комиссар. Лес на скалы прёт войною — Но, не чувствуя вины,

Всё целуются с волною Валуны, как шалуны... Разбрелись по двое-трое, Неземной тропой идём, И сверкает Боровое Словно жемчуг под дождём... Как же тут не расколоться! Родники фонтаном бьют, И зрачков твоих колодцы Всё загадки задают... Я умру — себя не жалко — От восторга ведь, ей-ей! Ёлки, палки и русалки, И не галки — соловей! И прикрыто всё травою И волною на пляжу... Боровое, Боровое, Ну куда же я гляжу?! Понимаю головою, А дыханья не сдержу! Боровое, Боровое — Места я не нахожу! Отопленье паровое. Лифт. Балкон. Этаж. Метраж...— Чушь какая! Боровое, Ты мне сердца не отдашь! Потому что души, горы, Всё высоко — на виду... Жаль, не скоро, ох не скоро Вновь сюда я попаду...

Боровое. 1978.

Сергей Чекалин. Главный выходной был по традиции посвящен Дню строителя. Наш командир Сережа Литвиненко, всегда блестяще организующий такого рода мероприятия, лично занимался программой. Канеру он поручил написать поэму о нашем отряде, поэтому Валера пару дней, или, правильнее сказать, ночей трудился над поэмой. В ней есть строчки о каждом бойце отряда, в том числе и о гостях, приезжавших поработать на короткие сроки. Накануне праздника мы с Рукавишниковым, сильно задержавшись с

печатью фотографий, рано утром наткнулись на бодрствующего Канера, который тут же нам прочел выдержки из только что написанного и даже поинтересовался нашим мнением. В отличие от выглядевшего совершенно свежим Канера мы уже клевали носами и ничего не смогли посоветовать (да и это было бы совершенно бесполезно).

Празднование было задумано в двух частях. Первая половина проходила с сухим вином, шашлыками и выездом на природу (где-то совсем рядом с нашим лагерем). Фотографии этого мероприятия не отличаются, правда, большим разнообразием.

Присутствовало местное начальство, ветераны ССО и космонавт Сарафанов, приехавший в гости к нам в отряд. Между обычными в таких случаях казенными выступлениями начальников и тостами Валера прочитал свою поэму, текст которой, сопровождаемый фотографиями, есть у всех бойцов «Ветерана–20». Она частично опубликована в «Шизики футят» (с. 182–190), полностью приводится в Приложении VII.

После окончания празднований, у вечернего костра, Игорь Алексеев выразил всеобщее мнение о поэме одной емкой фразой: «Молодец ты, Канер, ...твою мать!». А Канер тогда видимо сильно устал и вторую часть программы с распитием более крепких напитков в совхозной столовой пропустил. Он некоторое время бродил по коридорам нашего места обитания, а потом лег спать. Тем не менее, как выяснилось позже, он был вполне в курсе происходивших событий.

Еще одно цветное фото, сделанное Толей Ивановым, тоже не о работе, а о празднике сдачи сказочного городка. Сережу Литвиненко здесь легко найти в центре события. А Канер, как всегда, скромно притулился где-то сбоку (попробуй найди!).

Евгений Полищук. По завершении работы отряда «Ветеран-20» нас всех пригласили в ЦК ВЛКСМ, наградили грамотами, что-то вроде: «За активную работу по коммунистическому воспитанию молодежи». Потом был сделан общий снимок членов отряда с тогдашним первым секретарем ЦК ВЛКСМ Борисом Пастуховым. Так вот, Канера на этом снимке нет, он вообще отказался приехать на это мероприятие. Ему нужно было признание его заслуг не от начальства, а от простых людей, и он его достиг, о чем,

собственно, и свидетельствует сама эта книга.

Сергей Чекалин. На банкете отряда в Москве, когда Канер вручал бойцам отряда всякие мелкие подарки «со значением», Федосимов остался сильно недовольным, получив то ли армейскую, то ли милицейскую фуражку. Оказалось, что это в память о том, как в конце банкета в Ждановском он снял фуражку с головы космонавта и пытался примерить на свою.

Валерий Рукавишников. На самом деле Федосимов получил настоящую фуражку космонавта, которую с большими трудами удалось достать. Подарок Канер сопроводил следующим стихом:

Как идет тебе, Сашка, Космонавта фуражка.

Евгений Полищук. На банкете после первого ветеранского отряда мне был подарен большой столовый сервиз. Объявив об этом подарке, Валера вскрыл картонный ящик, в который он была упакован, ухватил верхнюю тарелку и запустил в мою сторону через весь зал. Разумеется, тарелка разбилась. Весь этот номер был связан с тем, что я как-то в отряде прочел для местных жителях лекцию о «летающих тарелках» (НЛО).

1979

Валерий Чечин. Учитывая удачный опыт с детским городком, Сергей Литвиненко помог в 1979 году организовать выезд ССО в немецкий поселок Константиновка под Павлодаром. Там мы соорудили красивый детский городок, который спроектировал Володя Поповкин. Было нас человек 20, включая трех детей-подростков и двух поварих, Таню Красильникову и Наташу Тиме. Валера уже всерьез ухаживал за Наташей и оберегал ее от всяческих напастей, включая мои командирские указания. Обстановка в отряде была вполне семейная, да и заработали мы там хорошо.

Общее впечатление слегка испортилось, во всяком случае для меня, из-за того, что Валера предложил и «продавил» сложную систему расчета, вместо обычной схемы заработка по числу отработанных дней. В последующие годы Валера еще несколько раз ездил в «шабашные» строительные отряды, которые организовывал Валера Рукавишников.

Евгений Полищук. В юбилейном «Ветеран-20» в 1978

году мы заработали просто ничего. Тогда Литвиненко сказал: «Ладно, на следующий год будут деньги». И действительно, на следующий год он помог организовать «шабашный ССО»: мы построили детский сказочный городок в немецком колхоземиллионере под Павлодаром. Командиром тогда был Чечин, я же был одним из четырех квартирьеров и заработал очень много — 1800 рублей. Потом я уехал на Камчатку и уже без меня происходил расчет, причем Канер стал доказывать, что по дням делить нельзя: нарисовал какие-то графики, таблицы, схемы, вывел КТУ — коэффициент трудового участия. Получилась в какой-то мере уравниловка.

Эта история дала повод некоторым нашим товарищам упрекнуть Валеру в любви к денежным знакам: так, Рощин, незаконно (т.к. не был членом отряда) явившийся на банкет, просверлил в металлическом рубле дырочку и, продев в нее шнурок, пытался, как борец за правду, повесить Валере на шею в качестве медали «Борцу за денежные знаки». Конечно, это обвинение было совершенно беспочвенным: просто Валера хотел, чтобы Наталия Тиме, заботу о которой он поставил на этой шабашке во главу угла, заработала побольше.

Наталия Тиме. Должна дать некоторое пояснение. Осенью 1978 года подскочили цены на автомобили, и «Москвич–2140» стал стоить 7 тыс. руб. вместо 3-х тыс. Очереди по спискам от предприятий мгновенно исчезли. Теперь любой житель Москвы мог пойти и купить «Москвич» в магазине.

Я ведь выросла «за рулем» и имела свою машину «Москвич—401» с 1962 года. Сейчас трудно себе представить, что когда-то у крыльца физфака стояли всего 2–3 машины, и одна из них была моей. Но в 1972 году я попала в аварию и разбила свой автомобиль. С тех пор я мечтала о новой машине, стояла в очереди на нее и копила деньги, но получить квоту на ее покупку было нереально. А за 7 000 — свободно!

Решаюсь, хожу со списком по институту, занимаю недостающую сумму и в ноябре покупаю машину (с участием Гены Макеева). Но целый год я не садилась за руль — боялась разбить ее, а долги (4000 р.) нужно было отдавать гарантированно. Сережа Литвиненко обещал летом 1979 г. организовать отряд с хорошим заработком. Я поехала в этот отряд, но, работая в нем, не вникала в схему распределения

зарплат. Но могу согласиться, что Валера, зная о моих долгах, хотел, чтобы меня не ущемляли.

Валерий Чечин. Конфликт с Канером действительно был: я предлагал придерживаться традиционной оплаты по дням, поскольку люди приезжали и уезжали в разное время, в том числе и Женя Полищук. Но Валера предложил какую-то сложную схему, которая, впрочем, не сильно перераспределяла средства, так что особой «уравниловки» не было. Толя Широков колебался, а большинство поддалось напору Валеры и приняло его схему. Известно, что если Валера что-то задумал, он прет, как танк.

Евгений Полищук. Ну так вот, мне досталось почти две тысячи, по тем временам огромные деньги. И я с этими деньгами, не заезжая в Москву, я поехал на Камчатку, где был принять участие В вулканологической экспедиции, организованной Володей Алексеевым. Все время очень боялся их потерять. В Петропавловске-Камчатском поселился в общежитии, ожидая Алексеева, с которым мы должны были лететь в Козыревск. Пошел как-то смотреть океан, а деньги спрятал под матрац (а то еще в глухом месте нападут и ограбят). Возвращаюсь, а в моей комнате не то что денег — даже кровати, на которой я спал, нет: оказывается, нужно было куда-то подселять внезапно нагрянувших геологов, и вот, все кровати разобрали и куда-то унесли. Но можете себе представить: пока я там сидел на стуле и горевал, пришли эти самые геологи и спросили: не твои ли тут валялись деньги? — и все вернули. Вот такие были времена и такие были люди.

В этой поездке велся дневник — сначала нашим командиром Чечиным, потом туда делали записи и другие члены отряда. И мне показалось полезным привести несколько выписок оттуда — ведь это не какие-то воспоминания, а подлинный документ почти 40-летней давности. Я просто взял те фрагменты, где имелось слово Канер.

15 июня 1979 г.

Трое квартирьеров (Полищук, Чечин, Саевский) и примыкающий к ним Сережа Чечин собираются у Канера. Бегают какие-то женщины — прием у Оли Зубковой. Чечины с Канером сидят в одной комнате и ждут, поругивая, а потом уже ругаясь, остальных. Полищук сидит в другой комнате и, ничего не зная, делает то же самое. Через полчаса, наконец,

долгожданная встреча в коридоре. Нет Саевского! Время идет, Чечин нервничает. Но вот и Феликс, сгибаясь под тяжестью рюкзака и своей Ольги. Вперед! Первые порывы житейской непогоды позади.

23 июля

Приехали последовательно Рукавишников с дочерью Машей, В. Климов. Потом гвардия — Канер, Петров, Смирнов (все под началом Н. Тиме), и, наконец, сегодня появился совершенно белый И. Исаков.

Апофеозом трудового дня было водружение крыши на колокольне. Руководил Полищук. Общий подход: начнем, а там посмотрим, что получится. Еле уговорили взять канат и страховать снизу подпорками. На зрелище сбежался весь отряд. Тянули в разные стороны. Давали массу предложений. В критический момент загорелся битум, и вся подъемная рать исчезла в клубах черного дыма. Канер бросился тушить и, конечно, опрокинул сосуд с битумом. Стали поднимать дальше. Полищук на вопросы — куда тянуть и что делать дальше — принципиально не отвечал, как руководящий общей частью этого мероприятия. В конце концов, втащили, хотя в какой-то момент выяснилось, что опорные планки прибиты семилесяткой.

Татьяна, Азим, Володя и Маша режутся в домино, времени первый час. Саевский, Рукавишников ждут чай. Канер договорился с кем-то выгодно сплавлять отбросы и попросил отключить динамик, направленный в нашу сторону.

26 июля

Дело движется. Гвардия (Петров, Смирнов и Канер) городят заборы. Азим с Феликсом, Рукавишниковым и Чечиным начали обкладывать цоколь мрамором, натуральным мрамором...

А сегодня была бодяга, в частности, благодаря Валере Канеру, чтоб его разорвало. Битых два часа ругались: ходить ли в обуви на объекте или без. Эксперт по технике безопасности Саша (свой человек в местной больнице — влез сегодня пальцем в пилу) дрался, как лев, за свои кеды. Володя Климов потрясал своими индивидуалистическими, а Чечин командирскими правами. Кончили, когда уже все одурели, решив убрать десятка два досок, валяющихся на дороге и обложенных матом (про себя, конечно) со всех сторон. Сейчас провожаем Женю и поем, причем Толик очень ловко ловит на

лету нагрянувших сегодня мух.

27-28 июля

Трудимся, как пчелки. Женя уехал, Володя Климов погрустнел и весь день не слезает с колокольни — делает стропила. Канер с Валей и Русланом городят заборы и лавки, сразу стал городок более уютным...

29 июля

В воскресенье выехали в 7.30 на автобусе... Всю дорогу спрашивали Канера, взял ли он топор. Ехали часа два, иногда пели. Доехали до Иртыша...

Канер на обратной дороге ослаб и, кажется, все-таки потерял топор.

2 августа

Воздвигали кровлю (терема) сразу после обеда... крикнули народ на поднятие. Взобрались на крышу, то бишь потолок, восемь человек. Канер остался внизу, так как забоялся высоты...

10 августа

Сегодня кончили (почти) городок. Осталось лишь заделать дыры в крыше на мельнице и вывезти мусор и стружки. Сидим, провожаем Толю и Вову П. и нарушаем сухой закон. Завтра будем сдавать городок... Теперь лирика.

Уезжает Толя,
Уезжает Вова —
А во чистом поле
Башенки готовы.
Заолифен терем,
И бассейн залатан.
Все дела похерим,
Не ругнемся матом —
Уезжает совесть,
Уезжает лирик.
Выпьем винный соус,

Постреляем в тире. И взгрустнем немного, И споем охрипло — Дальняя дорога... И глаза открыты, Как глаза у Бога, Грустно и устало Дальняя дорога Как изгиб лекала.

Р. S. Один из них создал ладью, Другой — красоты и бадью... Но время, строгого судью, Не обмануть — н вот адью!

20 августа

Я, Петров В. В., как всегда, доволен и почти счастлив, что очередной отпуск я провел в нашей отличной мужской компании (и двух прекрасных женщин), в хорошей работе, при прекрасной погоде и всем остальном хорошо организованным. Для меня новое то, что Чечин, которого я знаю уже давно, оказался хорошим и даже отличным командиром (а вернее, бригадиром) нашего дружного (в этом месте я несколько задумался) коллектива. До скорой встречи в новых краях.

Р. S. Канер В. В. проявился тоже с новой стороны — потрясающе!!! Не спит, а встает в 5 часов?!?!

От разлуки, Петров, не вой! Я по-прежнему твой звеньевой... И кончай спирт с повидлою пить — Ах, етитъ твою, ах мутить!

22 августа

Ах мутить твою, ах мутить! Как мне Канера убедить, Чтоб он камень не кидал, Чтоб он стены лучше клал И пореже возникал.

Вот и почти конец. Закончился очередной отпуск. Сдаем второй объект, если все сложится хорошо, то это здорово! Здорово со всех сторон: опять вместе с мужиками, в которых веришь и которые остались такими же, как и 12 (двенадцать) лет назад. Это прекрасно! Но пора и кончать?

Исаков пьян и несет чепуху! Выпить больше нечего. Объекты закончены. Ребята словесно фехтуют без жертв, Петров великолепен — никак не может вспомнить любимую песню. Все его надежды на счастливую встречу в Москве. Старания Канера создать великолепную компанию полностью были подтверждены нашим совместным существованием, несмотря на его же старания немного их возбудить справедливыми упреками. Хочется продолжать и развивать наши отношения гораздо активнее в местах наших поселений.

После этой записи Рукавишников запел рьяно:

Как хочется сердцу пожить хоть немного...

Ну и собралась компания!! Канер все требует, чтобы отковали новые цепи. Чечин предлагает те, которыми держат коров, но Канер стоит на своем и показывает пальцем, длины которого не хватает, какие должны быть они.

Сидим, все выпили, Ната не дает Васильцовские запасы. Поем про «один лишь раз».

Чечин:

Уезжает Петров. Дела кончены — более менее. Масса — спокойна. Канер — планирует. Но жизнь треплет нас. Сегодня не получили ни гроша — девушка неправильно написала фамилию — вместо 18 000 руб. получил фигню.

Все члены отряда — лентяи. Особенно это проявилось после 11-го. Утром не встают. Канер хронически просыпает. Комиссар (Канер) за 5 минут составляет 5 разнарядок, где кто работает, но все работают, где им нравится. Меня (Чечина) третируют производственной необходимостью — приходится делать всю черновую работу. Удивительно, но за меня (Чечина) выпили тост. Это нужно серьезно продумать. Впереди несколько дней, а я, утомленный тоской и неволей, давай по серьезному поговорим (это Канеру).

Приложение I.

<u>Протокол собрания</u> по поводу поддавания

Вопрос, близкий к быту — где быть Васильцовскому спирту? Первым слово берет Чечин: Спирт должен быть изувечен. Вторым — Петров: спирт для меня и коров. Третьим — Смирнов: Спирт сегодня не нов, Четвертым — Исаков Игорь, Спи-спи-спирт — он — как тигр! Пятым — Рукавишников Валера: Спирт — один лишь раз — Но в меру. Шестым — Климов Володя: Я — за спирт, но неудобно вроде,

Седьмым — Валера Канер — Вот выпью, и лечу, как планер. Восьмой — Наташа Тиме: У меня ничего дурного нет на уме. Так что ничего не скрою, и любую бутылку открою. Резолюция: Выпьем, все ясно, Принято единогласно.

<u>Приложение II</u>.

В правление колхоза «30 лет Казахстана» от Климова Владимира Андреевича

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Прошу принять меня на работу. Способен на все. На работе горю, а если не горю, то горюю — почему же это я так?! По узкой специализации я — миллиметровщик, у меня глаз — ватерпас, уши — что груш, а нос — в очки врос. Могу достать петуха со столба, могу не вставать на дыба, когда вокруг все встают — я ухожу звонить, и обретаю покой и уют. И вообще, в пятилетку качества ни к чему Канеровские трюкачества — что ни минута — то песочница, и все столбы кривые. Я тут, а жена — заочница, и мечты мои боевые. Я обязуюсь создать декор, буду работать во весь опор, но сроки не уточняю — вот кончу, тогда и слиняю.

1980

Валерий Чечин. А в следующем 1980 году чистую «шабашку» организовал Валера Рукавишников: мы построили небольшой сказочный городок в Балакирево за Александровым, на площади, рядом с проходной оружейного завода.

Азим Рустамов. Вспоминаю еще об одном эпизоде из этой поездки, в которой участвовал и Валера. Поскольку мы строили детский городок, то каждый из нас в своей работе мог проявлять собственную фантазию. Канер, как всегда, полон идей, но в конце концов выбрал сороконожку. Когда он начал её делать, то нам стало очевидным, что получается что-то уродливое и неинтересное. В работе с топором Валера был не

очень мастеровит. Большинство из нас начали потихонечку говорить об этом Канеру, намекая, чтобы он оставил эту затею. Здесь и проявилось его упрямство и нежелание прислушиваться к иному мнению. Он довёл своё дело до конца, и два наших больших умельца — Зайцев (отличный мастер топора) и Васильцов, от души хохотали. А остальные так любили Валеру, что приняли его изделие, как добрую шутку.

Наталия Тиме. Фрагмент из письма Валеры: «Лапуша, изобразил, как ты просила, сказочный городок в состоянии на сегодняшний день, т. е. вторник, утро. Синий [цвет] — что есть, зеленый — что еще доделать, красный — случайная капля. Деревья (березы) растут сами. На только что сделанной лавочке сижу я и грущу, что рядом не сидишь ты».

Александров

В Александровском болоте, Где кикиморы живут И прохожий нос воротит И вороны гнезд не вьют — Башни терема растут... Чуть видна вдали столица. Кто ж залез в болото тут? Ба! Знакомые все лица! Вот Валера Рукавица Красной шапочкой бежит Водит носом, водит ухом, И перед волком-главбухом Мелким бисером дрожит. Ковырнет разок лопатой, Прибежит — несет плакаты И умчится за зарплатой... И машину сторожит...

И с утра и до утра Стук в болоте топора...

Ветеранам место с ходу! ... Есть команда от завода. Долго место выбирали

Златы горы обещали, Но сказал в досаде (совете) кто-то Знаешь: Ну их всех в болото! Но не лез Вэ эР в бутылки — (Для бутылок есть банкет) Почесал в своем затылке И послал квартирьетет. Нет работы — что же проще! Здесь незаменимый Рощин.

Забивались в угол овцы, Что за странные махновцы В Александровских лесах? Кто — в папахе, кто — в трусах. А в руках у них оружье Топоры, двуручки, «Дружбы»? Чу! Почти не слышно брани — Это значит ветеране, С Васильцовым во главе, Очень дружно выдавали Чудо на лесоповале, Так что ветки лишь трещали И со страшного размаху Сшибли с Феликса папаху...

А с утра в поселке хмуро Мчалась новая фигура. Ба! Да это ж мчится Юра!

Так всегда в начале было: Тяглова нужна кобыла, А нежней — тяжеловес... Потому в ярмо начала Матвеец покорно влез И тянул он, что попало: Гвозди, камни, цемент, лес... Эх, лиха беда начало! Вот уже таверна встала, Вот Кудрявцев под навесом Режет черта хитрым бесом. И толпа девиц так мило Обступила Женю с тыла,

А порой ему с фасада, Чтоб держал резец, как надо, Ассистирует Марина. Гул в болоте комариный...

Ну, на что это похоже? Чечин на денек примчал, В крышу гвозди навтыкал, Лег соснуть — с распухшей рожей Раньше всех он утром встал, Как Ванюша с белой печки, И в рюкзак набив дощечки, От москитов ускакал...

Быт — есть сфера комиссара! Вот уже по вечерам, Нет, не дав на сон грядущий Для спокойствия сто грамм, Толя бьет москитов яро... Быт есть сфера комиссара. Бьет — а все же маловато! Вот заправским акробатом, Издавая адский стук, Шел по спинкам от кроватей Бич москитов Полищук.

Вот комар — владелец жал. Вот — на все объекты смета. Вот размах, прыжок атлета — К потолку его прижал! Смерть приходит комарам. Если есть у вас сноровка В одеяло скрыться ловко Так, чтоб только нос морковкой, — Сладко спится по утрам.

Но как с неба Божий гром: Надин глас: Поповкин, Вовка! Ну-ка, мальчики, подъем! Вовка, малый деликатный, Но сдержаться он не мог Пару фраз сказать приватно... И стонал ночами: Сима! Без тебя невыносимо...

Только Саша, тот что Зайцев, Он почти весь срок молчал, Комаров не замечал, Слова злого не учил. У него свои манеры: С кропотливостью китайца Он на лестнице две сферы Идеальные точил.

На семи ветрах работа Прямо перед проходной... От дождей уже икота. Надо красить — где же зной?

На семи ветрах работа, Тут народ и там народ. Феликс делает ворота, Как воды набравши в рот. Всех он видит с частокола, С той бревенчатой стены: Вот бегут детишки в школу, Озорные, боевые, Ах, так вашу... шалуны! И приходится впервые Зашивать ему штаны...

Терем, терем, теремок! Двое Климовых — работа: Брус кладут с пол-оборота, Аж без труб идет дымок!

Терем, терем, теремок,
Ты красавец, просто Бог!
Но красавцу, как назло,
С головой не повезло!
Смастерили крышу ловко.
Толин крик: Поповкин Вовка!
Дай мне правильный ответ
Про размеры: метр на метр.
А чтобы наверняка,

Ты сходи, измерь пока. Толя все измерил ловко. Крышу поднял мощный кран — Вот произойдет стыковка! Весь поселок собрался. Зайцев в люлечке вися, Аж как весь надорвался, Все крича: Ну что вы там? Отвечайте, молодцы, Опускать ли мне концы, Отпускать канаты, что ли? Да воткни ты в горло кляп, — Отвечает молча Толя. — Аль не видишь. Это ляп! Отменяй сегодня ужин! Ой, измерил я наружный, А не внутренний размер! Made in USSR.

И с такого Толя горя Разрешил по рюмке вскоре...

Ах, про все не рассказать! Вот ночной порой опять По часам начнут стучать, Отношенья выяснять Два заядлых шахматиста (по Широковским словам — Просто два ночных садиста). Сон, дела, заботы — прочь! Тыща и едина ночь, Сказочки Шахерезады. Дым столбом. Исчадье ада. Нервы все напряжены. Счет растет. Забыты сны... В матче том последней ночи Нет свидетелей. Короче: Кто там прав, кто виноватый, Чья там пара лишних слов... Но Валера за зарплатой Приезжает без зубов!

Рассказать бы много надо,

Да про все не рассказать. Швом, почетный член отряда, Должен ехать, получать, А потом опять скучать.

Вот детишек целый улей... Трижды смена у кастрюлей. Три прекрасных поварихи — Нет, не бабы-бабарихи, Наши чудо-поварихи, Словно три мушкетерихи!

Ах, забыл — а вспомнить надо Самый юный член отряда — Раскрасавец Еремец. Вел себя предельно скромно, В [...] труд вложил огромный, Вырыл яму наконец... Вынес шутки детской банды, Вынес Канера команды. Не вылазил на рожон он. В общем, был молодоженом. Но не ведает она. Раскрасавица жена, Что нас всех разит суетность! Что налога за бездетность Не платил он, как отец. Миша, Миша Еремец!

В Александровском болоте, Где уже болота нет, Где болото — день вчерашний, Где прожектора на башни Льют ночами мощный свет, Раз шепнула мне девица: Ай, да, ай-да Рукавица!

1980 г., под Александровым

1981

Сергей Чекалин. В 1981 году Валера Рукавишников организовал «шабашку» на Ангаре, в Новоангарске. Основным

объектом был большой гараж из бруса для тракторов.

Собрались опытные шабашники: Широков, Петров, Рустамов, Матвеец, Недорезов, Исаков, Швом, Поповкин, Смирнов, Саевский и, конечно, Канер. Это было неким прологом отряда отцов и детей, т. к. некоторые, в том числе и Канер, взяли их с собой. Поселок был маленький, выступать было особенно негде и не перед кем. Работа была тоже довольно скучной, так что из развлечений оставались только регулярные купанья в Ангаре, баня по субботам и домашние посиделки.

Канер тогда много рисовал и развешивал готовые портреты в кухне. Сходство с оригиналом у него всегда было замечательным. Но я на портрете выгляжу довольно мрачно. Таков был замысел художника. Дело в том, что я тогда работал на разметке и заготовке деталей для строящегося гаража, а Канер укладывал эти детали на место. Гараж был большой, деталей много, поэтому все время возникала путаница с их расположением и маркировкой, приводящая к острым обменам мнениями о том, каким концом вставлять «папу» или «маму» и в какое место. Эти дискуссии обычно переходили в обсуждение уже совсем других мам и мест, поэтому особенно радостным мое лицо никогда не было. А «папы» и «мамы» в моем исполнении, видимо, настолько достали Валеру, что он во множестве изобразил их вокруг портрета в виде нимба.

В той поездке вообще довольно тяжело работалось. Помню, как Канер с Азимом Рустамовым рыли траншею для забора. В этой яме было столько мошки, что Валера вылез оттуда совершенно неузнаваемым. Азиатский облик Азима практически не изменился, а Канер еще несколько дней просил величать его Кан-Нер-Саном¹⁸. Как-то свалился в яму Фима Швом и потом долго лежал в больнице в Мотыгино с переломом ребра.

Однажды мы с Вовой Поповкиным поднимали стропила на крышу нашего гаража. Высота крыши была где-то на уровне пяти или шести метров, а стропилами были длинные и тяжелые бревна. Эта процедура осуществлялась с помощью двух «козлов» высотой около четырех метров. «Автором» козлов был Валера Канер.

 $^{^{18}}$ Намек на Ким-Ир-Сена (примеч. для будущих поколений читателей).

Мне тогда сильно повезло в том, что, когда козел подо мной качнулся и небо вдруг поплыло куда-то вбок, стропила уже лежала на крыше. Мои ребра оказались прочнее черепных брусков «козла». И все же я хотел уезжать домой, т. к. работать с постоянной болью в ребрах было тяжело, а крыша требовала еще больших усилий.

Вот тут Канер в полной мере проявил свой педагогический талант. Он мне долго и мягко втолковывал, что для меня найдется не только посильная, но и полезная для всех работа — и уговорил остаться. Осенью на сборище в Москве мне был выдан соответствующий диплом, на обратной стороне которого было приклеено расписание сеансов Центральных бань, где Валера снял номер на целый год.

Феликс Саевский. В работе Валера всегда брал на себя самое трудное и тяжелое. Вспоминаю работу на Ангаре: я с Валерой таскал шестиметровые бревна по периметру строящегося здания, хотя по квалификации плотника Валера не уступал остальным — тем, кто работал на «квалифицированной» работе.

Ангара

(из слов при награждениях)
Ты наш, Надежда¹⁹, лучший друг,
Ты наша золотая жила,
Ты нас настолько лихо обслужила,
При этом — Фелю малость обложила,
И кашей так нас дивно ублажила,
Что просто каждый отрастил курдюк!
Ты нам такой создала стол и стул,
Что как-то Швом после обеда
Едва лишь ног не протянул...
Да вовремя ремень и ребра расстегнул!
От пира — Пиррова победа...
Добавки дай! Вот наше кредо...

Года идут, чины идут, и вроде Ты стал уже Полковников Володя. У нас, как в банке, через десять лет Не пропадет. И в баньке вот банкет. Вздохнув, остался ты в Москве.

¹⁹ Надя Пигарева, одна из наших поварих.

Сдал взнос ты, как Майоршин Вэ. На Ангаре таким как вы орлам и львам Нашлось бы дел. Не подфартило вам. Один запором заболел, другой поносом — И вы отделались вступительным лишь взносом.

Награждается Кан-Ер-Сан, За то, что в этот сезон Не бегал за Чио-Чио-Сан, И спать не ложился в газон.

Награждается Азим-Саид За кроткий нрав и внешний вид, За то, что ему в ребра не вставляли спиц, И за то, что все время выигрывал в блиц.

Феликс Саевский награждается
За то, что никогда теперь не выражается...
Потому что, подсчитав зарплату, рявкнул: Ах ты Чечин!
И потерял дар речи...
А бывало, от каленого словечка,
А бывало, возле Ангары —
Закипала — покрасневши речка,
На три метра дохли комары...

Награждается Валера Шарапов, Специалист по заборам, Который строил зело борзо, без запора, Но с задором. Не сразу воспринимал Феликса с его разговором, но пообтерся Скоро. Сам приобрел и подарил нам что-то. Особенно приятны его фото...

Не будь там рядом с нами комиссара — Казалось бы чекушкой в праздник чара... Адам и Ева, как Абрам и Сарра, Найдут поддержку лишь у комиссара.

Твоих трудов прекрасное венчание — Твое красноречивое молчание. Ты молчалив. Вот то-то и оно! Там все у Вас такие в Протвино. Поповкин Вовка награждается За то, что никогда не вырождается.

Награждается Ефим Швом
За то, что ставит вопросы ребром.
И когда рядом нету дамы —
Поступает с собой, как Бог с Адамом.

Награждается великий русский путешественник, Исследователь Ангары и его притоков Юра Матвеец, по кличке «Конец — делу венец».

Сереге Чекалину — победителю конкурса по технике безопасности, первая премия под девизом: «Любовь зла, полюбишь и козла».

Награждается Валя Петров
За то, что без отрыва от бетона,
Убил такую прорву комаров,
Что если всех сложить — потянут тонну.

У Гладкова Сашки Дивные замашки — Он кувалдой размахнется, Бьет по пальцам без промашки! Что с собою сделал бы Гладков — Будь у нас хоть пять отбойных молотков!

Награждается Петров Слава, За то, что работал как змей трехглавый. И носил с раствором носилки Он шустрее сенокосилки.

Награждается Вэ. Недорезов За надежность, как у железа... Об одном лишь жалел Недорезов, Что прорабу он недоврезал...

Награждается Смирнов Руслан, За то, что всегда выполняет он план, И за то, что привез он с собой сынишку — А пытался привезть весь семейный клан. (А что не привез — слав Богу! Не рассчитался бы иначе за дорогу...)

Награждается Исаков, Игорю — ура! Игорек, Игорек, Игарка —

Он освоил газосварку. Дырки жег под анкера. А воткнули анкера — Да не лезут ни... черта. Газосварщик, видно сразу, Проварил дыру под газом...

Награждаем Рукавишникова Валеру — Командиру, коменданту, квартирьеру. Наш командир рожден был хватом — Слуга семье, отец ребятам. Да жаль его! Прораб по блату Его оставил без зарплаты... Как Ломоносов молодой Пришел в лаптях одних домой.

1983

Валерий Чечин. В 1983 году высокое комсомольское начальство организовало развлекательно-агитационную поездку для ветеранов ССО. Наш отряд разбили на «тройки», которые могли выбирать куда ехать. Валера, Женя Полищук и я выбрали Павлодарскую область. Нам предоставили машину Γ A3–69 («козлик») с шофером и очаровательной казашкой и целую неделю возили по степям и отрядам, как свадебных генералов. Валера веселился от души.

Навестили мы и Константиновку, чтобы посмотреть, осталось ли что от наших трудов пять лет спустя, — осталось:

Евгений Полищук. А через пять лет у нас случился самый чудной отряд. Мы разбились на группы и поехали в разные места — как бы для инспектирования современного состояния ССО. Наша группа состояла из троих человек — я, Канер и Чечин — и мы поехали куда-то под Павлодар, видели Экибастуз и открытую добычу угля в гигантском котловане, потом нас повезли в знаменитый Баян-аул с большим озером у подножия гор. В этом «отряде» мы не работали, а только принимали почести в качестве ветеранов. Помню, как на этом озере какие-то аксакалы вырывали для нас из песка у кромки воды бутылки с водкой, куда их предварительно закопали для охлаждения. А когда пришла пора ехать домой, Чечин в местном магазине накупил книг. Вот, показывает «Жизнь среди слонов» английского натуралиста Дуглас-Гамильтона. Канер как увидел ее, сразу глаза его загорелись боевым огнем,

он достал авторучку, на секунду задумался. Предвидя худое, Чечин начал просить его не портить книгу, но остановить Валеру было уже нельзя: крупными печатными буквами прямо на обложке он продолжил заголовок книги следующим образом: «ЖИЗНЬ СРЕДИ СЛОНОВ, КОНЕЙ, ЛАДЕЙ И Б-ДЕЙ (перевод Е. Полищука)». Возмущенный Чечин отказался взять «испорченную книгу», тогда я забрал ее домой в Москву, как память о великой эпохе в истории казахского государства. Вторая книга была известного английского писателя Олдингтона «Смерть героя» — о Первой мировой войне и о потерянном поколении. Это заглавие Канер также дописал: «Смерть героя от геморроя».

Записи В.К. во время юбилейной поездки на целину

Ветераны — дорогому секретарю

Пока живём, На том стоим: Постоим дом — **Аим**!²⁰ Пока живём. Живмя горим: Пусть грянет гром, Живи, Аим! Пока живём. Себя корим... А в горле ком — Живи, Аим! Пока живём, глотая дым, В душе поём: Живи. Аим! Живи, Аим! Пока живём, Делам твоим, Добро даём! P. S. Цифры, факты и отчёты И нюансы бытия... У судьбы свои есть счёты,

²⁰ Канафина Аим Мукаралиевна, одна из секретарей Павлодарского обкома ВЛКСМ.

Ты да я, ты да я.

* * *

Развеет время боль, как дым, Я всё заем печеньем вафельным, Не буду больше петь: «Аим», А про себя спою: «Канафина»...

Все слова — что сказаны, что нет, Все слова, что спеты — Закружились вьюгою в сонет, Прошлогодним заревом согреты... Милая моя... Песни и друзья, Будни и дела... Всё горит дотла... Ничего на свете не сгорит — Не проходит ничего бесследно, На твоих плечах земля стоит,

Что, мой друг, не каждому заметно...

И молвил ветеран в ударе — А в общем, что ни говори, Но в этом самом Павлодаре Так хороши секретари!

В Москву приедем — нам троим Так будет не хватать Auм!

Проснулся ветеран, икнул, Словечко ловкое ввернул И молвил: М-да! Баян-аул — Ты вновь мне молодость вернул.

Какой восторг! Баян аул! А старый ветеран заснул. Пока Морфей таскал его во сне, Какие горы виделись в окне!

У Байнаульских скал Отряды проверял, Ни разу не упал. За кроликом скакал, Нас за собой таскал, Ни разу не упал — В аварию не влип. Вел профессионал Главком наш Виктор Фит.

Экибастуз

Там, где солнце жарит щедро, Обжигая и паля — Там свои раскрыла недра Раскалённая земля. Чернолистым баобабом Рос разрез и вглубь, и вширь, И под стать таким масштабам Назывался «Богатырь».

Здесь драглайны-мастодонты, Здесь вагоны держат фронт. Вниз уходят горизонты, Расширяя горизонт.

Город рос, как в сказке — разом. И когда в просторах лёг, В молодых руках алмазом Заискрился уголёк...

Над тобою не довлеет Долгих лет прожитых груз — Дал тебе путёвку Ленин В дальний путь, Экибастуз!²¹

* * *

Гром гремит, земля трясется, Гусь, с дороги уходи, Серж на Газике несется, Пыль клубится позади.

Полон гнева и нахальства, В Петропавловск мчит в момент, Чтобы выбить из начальства Шифер, гвозди и цемент.

²¹ В 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет о национализации самого крупного в Казахстане угольного предприятия в Экибастузе. — Примеч. ред.

У начальства под коленкой Встанут дыбом волоса. Эх, Сережа Литвиненко — Все четыре колеса.

Каб не газик поломатый Я достал бы и алмаз, А пока что кройте матом, Если кровли нет у вас.

Сел вчера я за педали, Я ведь верю в чудеса, И с тех пор попропадали Все четыре колеса.

А итог ночей бессонных, Разговоров и идей — Десять некондиционных, То есть сломанных, гвоздей.

Ночь чудесна, словно в сказке... Мы в предчувствии беды Как Зиганшин и Поплавский, Я и Витя без еды.

Бродят тучные коровы, И сверкают небеса... Мы ж от голода готовы Съесть четыре колеса.

***

Моя империя — имберия Моя история — отряд... А впереди, друзья, Иверия И завтра снизят мне оклад.

Ау, ты так твою мать! Ну чего б еще поддать? Что-то стало не хватать, Ветерану 25!

Двадцать пять? — это много иль мало? Если только тебе — красота... Двадцать пять назад зашагала По целинным стройкам мечта... Те ж палатки и то же лето, Как знаком в инструментах хаос! И все та же дежурная Света, И все та же Лена — завхоз...

Та же форма, и те же манеры, И в все той же целинной степи Каждый год свои «пионеры» Пролагают в мечту пути...

Лагерь пуст — народ на объекте... По газетам судя — боевой... Как знакомы нам мухи эти И длиннющий день световой.

1984

Сергей Чекалин. Ангарская шабашка считалась неудачной, поэтому для компенсации потерь Рукавишников устроил в 1984 году поездку в Чапаевск на строительство детского городка в пионерлагере. Там перебывало довольно много народу, т. к. заезжали посменно, причем многие, в том числе и я, брали с собой детей. В этой поездке одновременно работали сразу три художника: Володя Поповкин и Юра Гридасов, участвовавшие еще в «Ветеране-20», и Женя Кудрявцев, появившийся в нашей команде несколько позже.

Валерий Рукавишников. Валера мог сочинять эпические произведения, включающие квинтэссенцию какого-либо мероприятия. В 1984 году с небольшим отрядом мы ездили в г. Чапаевск, где на берегу речки Чапаевки занимались благоустройством пионерлагеря — делали качели, малые формы, входную композицию при въезде в лагерь, скамейки и многое другое. Валера по окончании работы написал обзорную юмористическую балладу, отражающую наиболее запомнившиеся моменты.

Белоснежка и семь гномов

В лагере гномов утром побудка — Первым с рассветом Лерка встает. Саша приемом с мордою жуткой Выше колена мысленно бьет.

Вадик с Валерой, дымя сигаретой, Прямо в постели завтрака ждут. Валя и Вова у туалета Игоря двадцать минут стерегут...

Очень смешные они человечки — Лера-бугор сигареты зажал, Вова у Вадика тяпнул дощечки, Вадя у Вали лопату сломал.

Очень забавны у гномов манеры — Долгим раздумьем не мучат висок: Саша отрезал пенек у Валеры, Игорь от пальца отрезал кусок.

Анна Ивановна булочки лепит, Вадик цветочный режет бутон, Лерка повсюду вешает цепи, Валя вручную месит бетон.

Канер варганит дракона-бульдога, Саша — машину, Вова — панно. Игорь Исаков дальней дорогой На перевязку шагает давно.

Трудятся гномы крепче и крепче, Без перерывов, до ночи — ан глядь, С Анной Ивановной Лерка пошепчет — Значит под вечер будем гулять!

Саше с Вадимом по литру — не слабо! Вовка всем руки гнет, как в петлях. Канер залезет на страшную бабу, Игорь Исаков заснет на углях...

Утром с похмелья грустные мысли — Мы одиноки, девочек нет... Вале приснятся женины письма, Вадику с Леркой двойняшек дуплет.

Канер храбрится, но это для виду. Саша — тот прямо кричит: не могу! Вовка хоть видел Лолобриджиду, Игорь весь месяц — лишь бабу Ягу!..

Но отпустило назавтра немножко —

Вовка направил в русло мечты. Нарисовал он гномам бабешку, Рядом с бабешкой даже кусты.

Сразу отпала к девкам охота — Благопристойность в мысли пришла... Выпьем, ребята, за нашего Джотто! Игорь, ну вылези из-под стола!..

От этой поездки остались и другие Валерины поэтические зарисовки.

***

Ну так сказать, я завтра буду спать, Чин-чинарем, опять, наверно с этой... А вам, друзья в навесах погибать, Узоры выжигать, давить монету.

Наш Игорь, может, срубит вертолет, А может, просто винт к пеньку приладит. Вадим заменит шлюпочку на плот, Валюша на карниз узор посадит.

Валера про чекан бухгалтерам — Мы ж вам бросаем бисером под ноги! Вы переводы присылайте нам, Мы можем почтой, мы — не недотроги.

Но главное — чтоб было чин-чином! Но главное — что мы не недоноски. Как говорится, ну и шут с вином, А главное — чтоб завтра были доски!...

Вадик — кораблестроитель

Колумб Америку открыл — Ну что же, тоже дело... А я в детсадике кроил Весь месяц каравеллу!

Там кто-то в Африке открыл Колибри с антилопой... А я в детсадике кроил Для каравеллы попу! Джеймс Кук Австралию открыл В немыслимых походах... А я весь месяц доски гнул Чтоб виделись обводы:

На полюс Нансен потянул, Где льды и эскимоски... Я доски на ночь подзагнул — И тяпнули все доски...

Игорь-бородач

Исаков не дает он сдач, Рука висит на перевязи... Не слышен плач — наш бородач, Дурища наш поет в экстазе:

Люблю Эрети я в карете, Люблю я водочку в санях, Люблю, чтоб рюмка на буфете, Люблю чтоб пунш сверкал в огнях!

Бугор

Я бугор, и разговор веду я строгий — Я считаю доски, чарки и транзит. Не хочу, чтоб стал Исаков одноногий! Однорукий, он и так нас тормозит!

Свои у фотографии законы — Всегда есть позитив и негатив. А с братом мы похожи, как иконы — Не разберешь, питья не сократив!

Все поделено надвое — ноги, десницы, Так и с братиком мы — словно две рукавицы!

* * *

Валюша — за точность, Валюша — за прочность, Валюша — за фаски, ведь мы для детей... А мой звеньевой, сучья морда, за срочность И чтобы повсюду повыжечь чертей...

1

Ах, мужики, ужель вам слабо Стоять весь срок, как баобабы Когда кругом то жар, то холод — А вам плевать — стучит ваш молот...

2

Нет, мужики, не те уж годы, Чтоб на других бросать отходы — Слова просты, но столь же святы — К чему слова, бери лопату...

2

А если к вечеру усталость — Плеснём мы в кружки, что осталось, Споём про трепетную леди, Что привела его к победе...

4

Мы знаем свой тариф и цену — И без суфлёров прём на сцену, И без заминки рубим срубы — Мы люди — этим всем и любы...

Евгений Кудрявцев. У меня дома сохранилось еще одно Валерино творение, созданное в 1984 году на «шабашке» в г. Чапаевске, в котором отчасти отобразились мои производственные взаимоотношения со своим звеном. Стихотворение (вместе с художественным оформлением) было исполнено на листе ватмана.

Ворон, утка и Женькина шутка (из Э-э-зопа)

Однажды в нашу деревеньку С сумой резцов через плечо Явился вдруг ваятель Женька, Чтоб дорубить чего еще...

Не блудным возвратился сыном — Он сам от блуда убежал, И с Вовкой рядом не лежал — Нет, не позволили седины...

(а, может, думал, что в аптеку

Влетит...) — Короче говоря, Он задом выставил ацтека И передом богатыря,

И укатил — святой и правый, Не выдержав вульгарных нравов...

И вот он — званный честь по чести — Шел под навес, и горд, и юн, Где без сучка на стыдном месте Лежал заброшенный Нептун.

Мечтал доделать за неделю Сучок Нептуна и бояр, Не торопясь... Не знал, на деле, Какой тут ждал его кошмар!

Сползла с лица его улыбка Когда вдруг стала теребить Его с утра бригада ПиПКа²², Ломая творческую нить...

Подай им на заборе утку, Сваргань ворону на колу! К тому же, чтоб, как проститутка, На сцене — в центре и в углу Шары он рисовал в пылу

По утканёрскому эскизу, Который тот, видать, в бреду (но ко всеобщему стыду) Нарисовал башкою книзу, Поддавшись пьяному капризу Иль сев случайно на пилу...

Нет! — молвил Женя: утки — дудки! (Не знал, что с ПиПКой плохи шутки!)

Сначала Женя отмахнулся — Сказал: «Идите вы всерьез!..» Но за обедом поперхнулся, Услышав ПиПКин вновь вопрос... И снился ночью утконос,

 $^{^{22}}$ ПиПКа — звено (или тройка нападающих): Петров Валя, Петров Слава и Канер В.

И ворон, тот, что клюнул в темя, Когда по делу он на время Зашел за ПиПКинский навес, Имея малый интерес...

Потом случайно подвернулся И клюнул жареный петух... В глазах у Жени, как проснулся, Огонь уж творческий потух...

На третий день Евгений сдался — Олифой смазал сук морской И вот за утконоса взялся С невыразимою тоской...

Но ПиПКа радовалась рано Евгений шутку пошутил: Бревно он взял, но, как ни странно — А утку Вэ. Петров срубил!

А ворона поймал Исаков... (Он всё хватает на лету — И в темноте, и на свету, И знает анекдотов тыщи — Короче говоря, дурища!)

Итак, под руководством мэтра, Петров опять, сходив до ветра И покряхтев, что было сил, Ворону запросто срубил С живой Исаковской натуры... И не коснулся мэтр халтуры — Он додолбал своих бояр И всем сказал: Оревуар!

Вот так сыграл он с ПиПКой шутку... Мораль: не путай с пальцем сук! Мораль: не суй к Нептуну утку! — Поскольку утка — не индюк!

Еще одна мораль на смену: Ведь рядом с творческим лицом Стал даже Вэ. Петров Роденом, А был лишь дочери отцом...

Валерий Чечин. В 1988 году в юбилейном ССО «Отцы и дети» Валера в очередной раз продемонстрировал смелость брать ответственность на себя. Мы должны были строить там сборные жилые дома на две семьи. Но детали этих домов были свалены в гигантскую кучу, которую местные жители потихоньку растаскивали. Увидев такое безобразие, Валера соорудил себе будку около кучи, притащил матрас и одеяло и стал там жить. Через три недели он разложил все детали по порядку, но и потом не покинул свою «сторожевую» будку: «А то растащат всё!» Валера совсем исхудал, хотя мы и носили ему его «пайку». Он сознательно поставил себя чуть в стороне от остальных, хотя и сделал несколько стенных газет «Кувалда».

Сергей Литвиненко. На целине характер Канера проявился с полной силой. 1988-й год, юбилейный отряд «Отцы и дети». Двадцать дней Канер жил на объекте, буквально не выходя оттуда на обед или сон. Так и спал там на досках, а поварихи носили ему туда еду. Показывал пример трудового энтузиазма.

Сергей Чекалин. В «Ветеран-30», где в 1988 году собирались отцы и дети, организация работы была более безалаберной, чем в «Ветеране–20», что, видимо, связано с наличием трудно управляемой молодежи.

Я помню поездку на слет стройотрядов в Булаево, где Валера выступал в роли сеньора Табуретти в подготовленном им номере. Ему ассистировали две молодых девушки: дочь Гены Иванова Елка и еще не помню кто. Как всегда, Канер готовил все сам, включая костюмы и прочую амуницию.

Одним из любимых увлечений Валеры в том сезоне стала фасонная стрижка бойцов отряда. Иногда его творческий поиск заканчивался удачей (судя по довольным лицам Вити Васильцова и самого мастера на фотографиях), хотя бывали и издержки (Валера всегда воплощал свои идеи смело и не задумываясь). Еще на одном снимке отображен процесс создания газеты «Кувалда». Как всегда, присутствие рядом молодой девушки очень положительно влияло на работу.

Володя Недорезов. На целине было обязательным правилом провести концерт для местного населения. Объект можно было не достроить, а без концерта нельзя. Номера были самодеятельные. Например, выходят на сцену трое, в

том числе Гриша Похил, которого поднимают в горизонтальном положении с палкой в руке. Он крутит эту палку и объявляет: одномоторный самолет. Потом ломает палку пополам, берет получившиеся куски в разные руки, крутит их и снова кричит: двухмоторный самолет. Все смеялись от души.

Еще были популярны фокусы. Один был такой: на носилках выносят на сцену человека, который сидит неподвижно, изображая то ли Будду, то ли йога (обычно это был Витя Васильцов); затем фокусник накрывал его простыней и с хрустом протыкал ему шампурами голову в нескольких местах (на самом деле «йог» незаметно убирал голову вниз, подставляя вместо нее кочан капусты). Когда простыня убиралась, «йог» невозмутимо сидел в той же позе, лишь на «ранах» на его висках появлялись кусочки пластыря. 23

А вот еще популярный номер, изображающий ссору бригадира с каменщиком. Последний кладет на сцене стенку из настоящих кирпичей, нарочито громко стуча ими; приходит бригадир и начинает придираться к каменщику. Происходит следующий диалог, частично сочинённый Валерой.

- Это что такое? Кладка?
- Да это ж как с капустой грядка!
- На меня ты не рычи.
- Как ты л<u>о</u>жишь кирпичи?

Ну даешь, ну даешь,

Паклю в шов зачем суешь?

- Я кладу кирпич как надо.
- А это что торчит из ряда?
- Это так кладут в Париже.
- А мы живем немножко ближе.
- Ну-ка стенку разбери!
- На меня ты не ори!
- Я не ты! И ты не тычь!

Ну так на тебе кирпич!

С этими словами каменщик берет один из кирпичей

²³ Этот фокус был поставлен и на концерте, который члены ДУЭТа, отдыхающие в пансионате Академии наук, дали остальным отдыхающим; вместо Васильцова на носилках выносили Петю Лягина. Этот номер высокохудожественно описан Канером в стихотворении «Фокус-покус» («Листья лета», с. 337).

(муляж) и швыряет его в бригадира, тот уворачивается, и «кирпич» летит прямо в зал к ужасу передних рядов.

Сергей Литвиненко. Канер на линейках стал вручать молодым бойцам значки собственного изготовления, не согласовав это ни со мной, ни с Широковым. Это вызвало большое недовольство у нашего мастера И. П. Пэна. Про себя я и не говорю.

Валерий Рукавишников. В 1988 году Валера награждал молодых детей за хорошую работу не самодельными значками, а значками, которые привез Гена Смехов. Они у него остались с первых поездок на целину. Значки вполне официальные. Этими значками в первых поездках на целину награждались отличившиеся бойцы.

Евгений Полищук. В этом отряде Валера также создал поэму, где упомянул всех членов отряда. Отрывки из нее также были опубликованы в «Шизики футят» (с. 191–199). Полностью она приводится в Приложении VIII.

Сергей Литвиненко. Перед отъездом домой устроили банкет. В общем все, как обычно. Но Канер заявил, что пить он не будет. Сухой закон. А Пэн все же его напоил.

Валерий Рукавишников. В тот год в отряде свирепствовал «сухой закон». Среди ветеранов в нашем отряде был герой войны, полный кавалер ордена «солдатская слава» Игорь Петрович Пэн. Позже вышла книга-справочник «Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945. Люди. События. Факты». М.: Республика, 2000. И в этой книге есть статья о Пэне. Игорь Петрович из Ростова-на-Дону, ему 62 года, у него своя сложившаяся жизнь, свои привычки. И когда он порой обращался ко мне за 100 граммами спирта, я не считал возможным ему отказать.

В последний день пребывания отряда на целине был костер, что-то ели, пели песни и прыгали через костер. Ко мне подошла жена Игоря Петровича и сказала, что он ждет меня около машины в соседнем небольшом лесу. Я подошел, и Игорь Петрович предложил выпить коньяку, бутылка стояла на капоте машины. Я предложил позвать Валеру Канера, что и было сделано. Я выпил глоток коньяку и ушел к костру, сколько выпил Канер — не знаю. По возвращении к костру Канер был в прекрасном настроении, весел и решил тоже

прыгнуть через костер. К большому конфузу, он не смог этого слелать чисто и свалился в него.

Баня

Валерий Рукавишников. До поездки в 1978 году в стройотряд «Ветеран-20» Валера в бане никогда не парился. «Не люблю и не хочу». И вот однажды во время очередной помывки я предложил Валере попариться с веником в парной. Он с трудом согласился. Пар подавался в парную из котельной, был влажный, но я его аккуратно попарил веником. Банная процедура привела Валеру в восторг, и он долго потом сидел на лавочке перед баней, истекая потом.

По приезде в Москву Валера обратился ко мне с просьбой организовать посещение бани с парной. Мне удалось договориться и организовать отдельный номер в Центральных банях. Организацию посещения, банный ритуал и многое другое взял на себя Валера, и мы более 10 лет небольшим коллективом два раза в месяц ходили в номера Центральных бань.

Евгений Полищук. Бани или сауны Валера не любил и сидел в парной Центральных бань, нахохлившись, с выражением страдания на лице (правда, в номерах этих бань, куда мы ходили, перегретый пар подавался по трубам и действительно был безобразным — влажным и обжигающим). Но Валере нравилось после парной пребывать в кампании — как древний патриций-римлянин, в тоге (простынке), попивать пиво, разглагольствовать.

Володя Недорезов. Баня на целине была одним из главных удовольствий. Традиция посещать баню как некоторый клуб, объединяющий нас на долгую зиму, сохранялась долго. В течение многих лет мы арендовали отдельный номер в Центральных банях, что возле Детского мира. Сеанс был трехчасовой, с 8-ми до 11 вечера, по воскресеньям можно было засиживаться допоздна. Канер сам всех оповещал и, как обычно, рассылал в своей манере красочные приглашения. Обратите внимание на слово «ПАРтнеры». Канер во всем умел находить нужные акценты.

Однажды вечером, точнее, около часу ночи, в пансионате в Мозжинке ему приспичило пойти в баню. Мы тоже не возражали, после долгих разговоров все устали. Тогда он позвонил банщице, вызвал ее на работу и все устроил.

Валерий Чечин. Хочу отдельно сказать насчет бани, которую Канер страшно любил. Был у нас выезд по комсомольской линии (очередной юбилей) в пансионат Солнечный под Звенигородом. Вечером пошли в баню, а там никого и ничего нет. Канер помчался искать начальство. А мы заметили телефон у входа, над ним и номер висел, и позвонили. Сразу тетка появилась и все включила: и воду, и тепло. Канер пришел взмыленный и был очень расстроен. Но добиваться своего он умел.

Стихи к подаркам участникам бани

Хоть ты противник злейший бани — Но если пьешь Вазисубани, То отмеряй одною меркой Себе, и Васе, и Валерке.

Всегда нам рук твоих так жалко — Вот тебе, Феликс, открывалка!

Как с нами ты в отряде — Компания на пять, Все мужики в поряде, Но где зарплату взять!

Тобою крыша крыта, Просверлены столбы — Но лишь для дефицита Деньжат хватило бы.

Что остается, братцы? Спокойно утираться...

Все вокруг решили разом — На коробке он под газом, А линейкой, Игорек, Нарисуешь пузырек.

Все в один сказали голос: Чтоб в парной хранился волос, Надо Юре, так и быть, Вам сомбреро подарить. Ты в баню редко ходишь, старый плут — Все ждал, пока она бесплатной станет... Теперь в парилке час подряд не встанет... В парной — не больше десяти минут!

Чтоб крепок был, как баобаб, И не мрачнел порою От алогичности и баб, И разных там героев —

Эспандер, он же массажер Тебя вольет в наш банный хор... Парной мультфильм в три серии «Мужицкая империя».

Вози с собою в баню Порой «Вазисубани». А себе наверняка Хапнул бутыль коньяка.

Бах, трах, бум, бом — Развалился Фима Швом! Вот тебе новинка — Чудо, не резинка! Обовьет тебя, как кобра — Вот и не сломаешь ребра!

Когда с тобой случается беда — И падаешь ты вниз без парашюта — На темечко положь кусочек льда: И сразу станет под килем два фута!

Банкеты

Володя Недорезов. Поездки в отряды всегда заканчивалась банкетом. Но бывали и более серьезные мероприятия. Власти нас уважали и устраивали в честь ССО концерты в Государственном центральном концертном зале «Россия» и даже в Кремлевском дворце съездов. В конце главы приведены две фотографии на эту тему. На одной из них Канер рядом с И. Кобзоном.

Банкеты всегда устраивались в лучших ресторанах

Москвы: Прага, Славянский базар и др. На этих банкетах Канер отличался тем, что своими руками изготавливал грамоты, альбомы и памятные знаки. Сколько труда было затрачено им по окончании юбилейного отряда с детьми, чтобы каждому (!!!) подарить общий альбом! А ведь все фотографии туда вклеивались от руки (правда, громадную помощь здесь оказал Валера Шарапов, которому в основном и принадлежали эти фотографии), а подписи делались на пишущей машинке. В конце главы приведены несколько страниц из альбомов, подготовленных Канером в 1978 и 1988 году.

Кстати, Канер прекрасно рисовал. И в стенгазетах всегда были его собственные рисунки, в том числе его собственного автопортрета:

Валерий Рукавишников. Валера был художником, рисовал иллюстрации, картины и портреты товарищей на бумаге и на стенах (столовой в селе Константиновка, в поселке Новоангарска и др.).

Валерий Чечин. Закончить главу, посвященную ССО, хочется песней Валеры, получившей наибольшую популярность. Песню «А всё кончается» Валера сочинил в Хабаровске в 1968 году на обратном пути с Сахалина в Москву.

Припев: А всё кончается, кончается, кончается! Едва качаются перрон и фонари, Глаза прощаются, надолго изучаются — И так всё ясно, слов не говори...

А голова моя полна бессонницей, Полна тревоги голова моя — И как расти не может дерево без солнца, Так не могу я быть без вас, друзья! Спасибо вам, не подвели, не дрогнули, И каждый был открыт — таким, как был. Ах, дни короткие до сердца тронули, Спасибо вам! Прощайте — до Курил...

Припев:

Мы по любимым разбредёмся и по улицам, Наденем фраки и закружимся в судьбе. А если сердце заболит, простудится — Искать лекарства станем не в себе. Мы будем гнуться, но наверно, не загнёмся Не заржавеют в ножнах скрытые клинки! И мы когда-нибудь куда-нибудь вернёмся, И станем снова с вами — просто мужики!

Припев:

Иллюстрации к 3-ей главе:

На спартакиаде в п.Тымовский (Сахалин – 68)

Нежнур - 72

В юбилейном отряде с детьми

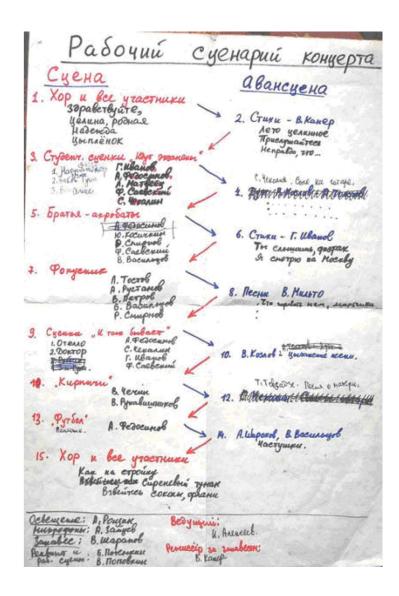

ПАМЯТКА ЛЮБИТЕДЮ БАНИ

Дорогой друг! Напоминаем, что Ваши ПАРтнёры будут рады провести с Вами в парилке воскресный вечер в течение ближайшего года в следующие дни:

НОЯБРЬ ₴ 14,28

декабрь - I2,26

январь - 9,23

ФЕВРАЛЬ - 6,20

MAPT - 6,20

АПРЕЛЬ - 3,17

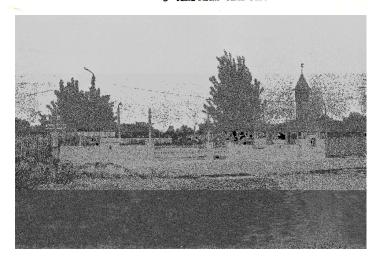
май - 15,29

июнь - 12,26

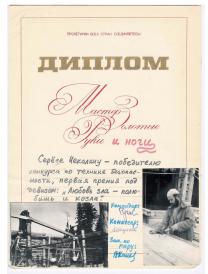
июль - 10,24

Мы также надеемся, что этот график с новой силой продлится после летних отпусков.

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

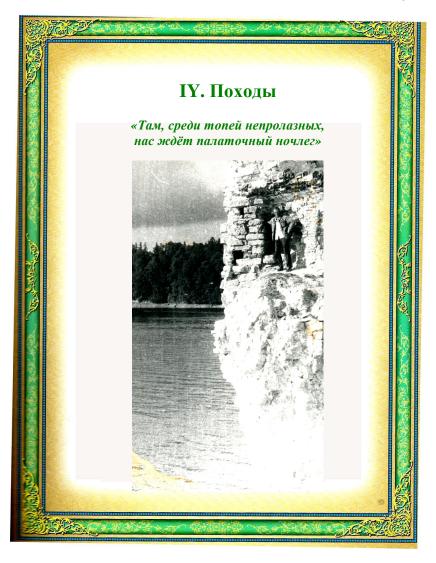

В Боровом – 1978 г.

Валерий Чечин. В начале ноября 1959 года мы были в небольшом походе по Подмосковью. Как-то ночью выпал толстый слой снега, и наша палатка рухнула. Утром, выбравшись из-под мокрого брезента, Валера слегка

негодовал и через час напел (на мотив арии из оперы «Дон Кихот») свою очередную песню «За палатку изуверскую наш Чечин..».

В те годы среди студентов прогулки в ближнем подмосковье были весьма популярны даже зимой. Обычно мы выезжали вечером в субботу на электричке куда-нибудь под Истру или Яхрому. Наш всегдашний руководитель Ефим Швом собирал товарищей, затерявшихся в лесу, мощным криком: «Мужики!». Возможно поэтому в песне «А всё кончается» появилась строчка: «И станем снова с вами — просто мужики!». Уже в потёмках мы ставили палатки и долго сидели у костра. Валера очень любил такие прогулки, которые вдохновляли его на новые стихи.

Евгений Полищук. В студенческих походах командиром у нас был Ефим Швом. Он до университета четыре года работал на заводе ЗИЛ каким-то профсоюзным или комсомольским деятелем и на физфаке всегда что-нибудь организовывал. В первый раз он водил нас в поход зимой на Мещеру. А летом мы пошли в поход на плотах по Керженцу.

Кстати, перед этим я впервые соприкоснулся с бесподобной способностью Валеры уговаривать незнакомых людей. Собираясь в керженский поход и испытывая финансовые трудности, я безуспешно пытался продать в букинистический магазин собрание сочинений Пушкина в 10-ти томах. Проблема заключалась в том, что в этом 10-томнике отсутствовал 2-й том, поэтому его никуда не брали. Потерпев неудачу в нескольких магазинах, я сказал об этом Канеру. Он тут же отправился со мной «на дело», и в первом же магазине пристроил мое дефективное собрание за 70 р. (дело было до денежной реформы).

Плоты мы сбивали скобами из огромных бревен. На один плот уходило до 10 бревен, сбитых в один ряд. Через несколько дней плот начинал тонуть и приходилось делать второй слой из жердей. Тогда на реках был разрешен молевой сплав, совершенно варварский, потому что половина бревен тонула в реке и возникали жуткие завалы и заторы. Чтобы их растащить, вытаскивали по одному бревну из образовавшейся плотины. И наступал момент, когда вся куча бревен сваливалась нам на голову. Как уцелели, не знаю..

Всего было три плота, по пять человек на каждом. На плотах мы поставили палатки, сделали костры и плыли как днем, так и ночью. На плотах читали вслух «Золотого

теленка», загорали, купались, вели интеллектуальные беседы. Помню, у Валеры был какой-то спор с Чечиным; тот не сходя с места зачерпывает миской из реки воды и всю ее выплескивает Канеру в лицо (прямо, как Жириновский Немцову на пике своей развязности). Оказывается, они дискутировали о свободе воли. Эти споры Чечин считал интеллигентщиной и достоевщиной, чему успешно противопоставил экспериментально-практический подход.

В походе, конечно, были девочки, к которым Валера был неравнодушен. В то время у него была первая университетская любовь — Ганна Андрианова, она училась в одной группе с Канером. Перед самым отъездом из Москвы они поссорились, и Ганна отказалась идти с нами. Мы со Швомом поехали к ней домой мирить их и уговорили ее простить Валеру и пойти с нами в поход. Но там же оказалась Тома Гавриленко, и мы поняли, что дали маху. Канер очень стремился на плот, где была Тома. В результате с Ганной они разошлись, как в море корабли.

B этом походе Канер сочинил песню на мотив «Солдаты, в путь»:

На плотах мы долго плыли, Плыли ночью, плыли днём. Вместо супа воду пили, Как советовал нам Швом (Листья лета», с. 194).

и такое стихотворение:

«Горит костер на мокрых бревнах, Плывут плоты в ночной тиши. Друг рядом дышит ровно-ровно, И тихо-тихо лес шуршит» (Листья лета», с. 195).

Валерий Чечин. Про поход на Керженец в 1959 году, где командиром был Швом, могу добавить, что мы, 15 однокурсников, десять дней и ночей плыли на трёх самодельных плотах. Валера был центром компании, оказывал знаки внимания нашим девушкам поочерёдно. А там были Тамара Гавриленко, Галя Сидорова, Наташа Чернова, Элла Кравченко, Эля Кравчинская, Ганна Андрианова — одна другой привлекательнее. Глаза у Валеры просто разбегались.

Евгений Полищук. А возвращались мы из Нижнего Новгорода на колёсном пароходе. То ли у нас не было денег,

то ли не было билетов, только спали мы там на верхней палубе: кто в спасательной лодке, кто просто на полу... Валера спал в кресле, откинув голову и раскрыв рот. И когда все проснулись, то сначала думали его разбудить, а потом кто-то взял и осторожно положил ему на язык бумажку. Валера не проснулся. Тогда и другие приняли участие в этом аттракционе, кто-то даже положил ему в рот пятак... Спал ли он при этом, или просто хотел развлечь народ?..

Валерий Чечин. Это потом бывало и на целине, в Булаевском. Канер сделал вид, что уснул прямо за столом, и рот раскрыл. Накидали ему туда окурков... В те годы наше общение временами бывало довольно жестким. Но молодость прощала всё.

Вообще, Валера не был заядлым туристом, но любил участвовать в небольших походах. Очень запомнился мне поход по Великим озёрам в Мещёре в сентябре 1968 года. Мы вчетвером (Валера с Олей Зубковой, и я с женой Олей) на одной байдарке прошли от ст. Тасино до п. Спас-Клепики. Сначала мы плыли по крохотной речке Бужа, а точнее по узенькой канаве, отталкиваясь от берегов. «Куда ты завёл нас, Сусанин» — ворчал Валера, я разглядывал безобразную кальку со старой карты, моя Оля сохраняла спокойствие, а Оля Зубкова хохотала при каждом удобном случае.

Это путешествие не было простой прогулкой. То приходилось продираться сквозь заросли тростника, то идти пешком по щиколотку в воде. «Нет, берега не видно. Придётся идти по компасу» — не раз говорил Валера, встав во весь рост в неустойчивой байдарке. Были и проблемы с ночлегом, так как там очень топкие берега, которые ещё надо было найти. Но очередная трудность вызывала лишь новый приступ смеха у Оли Зубковой, а моя Оля спокойно говорила: «А что волноваться, у нас мужики есть». Для Валеры это было счастливое время: подрастал сын, рядом была любимая жена.

Волобя Недорезов. Летом 1983 года мы с Канером и моими школьными друзьями поехали на машинах в Латвию, с заездом на хутор к Тиме.

Валерий Чечин. В Эстонию на хутор к Тиме мы с Рукавишниковым и моим сыном Сергеем ездили еще летом 1980 года. Мы провели там прекрасные дни и под руководством Сергея Александровича, отца Наташи,

построили каркас бани на берегу маленького прудика. Валера и Наташа уже смотрелись прекрасной парой.

Второй раз я побывал там в 1988 году вместе с женой Леной. Хорошо помню такой эпизод. Лидия Павловна поручила нам пустить на дрова старый сарай, стоявший недалеко от дома. Валера и я таскали части этого сарая к дому, а наши дамы, Наташа и Лена, путались под ногами, слегка помогая нам. «А вот за этой дверкой в полуподвал у Лидии Павловны есть домашнее вино. Я знаю, где висит ключик от замка» — таинственно сообщил мне Валера и исчез на пару минут. Убедившись, что наши дамы скрылись за углом, он открыл дверку и позвал меня. На столике уже была постелена чистая бумага и стояли два стакана с вином. Мы выпили и повторяли эту операцию при каждой «ходке» к руинам сарая, не забывая повесить замок на место. Наташа заметила, что мы становимся слишком уж оживлёнными, строгая конспирация соблюдалась.

К несчастью, при очередном визите в полуподвал я уронил замок, который завалился куда-то в щель. Шатаясь на ватных ногах и тыкаясь головой в дверку, я искал проклятый замок, когда наши дамы двинулись за очередной порцией дров. Как говорил Штирлиц: «Никогда мы не были так близки к провалу». Ситуацию спас Валера: мгновенно оценив обстановку, он сбросил с плеча очередное бревно под ноги нашим дамам и симулировал лёгкую травму. Дамы заахали, побежали в дом за йодом, а я успел найти и повесить замок. В данном случае Валере хотелось немного побыть шаловливым мальчишкой: ведь Лидия Павловна ежедневно поила нас этим вином.

Валерий Рукавишников. Валера очень любил водить машину. Искусство автолюбителя он ярко проявил на дороге Москва — Выру, когда перевернул свою машину вместе с женой, ее тетей и собакой. Все остались живы, но после этого случая Валера за руль не садился. А зря — пропал рисковый и азартный водитель.

Наталия Тиме. С автомобилем дело было так. Валера получил права в начале 1980-х годов и старался ездить под моим контролем. Но вождение давалось ему тяжело. Будучи сверхэмоциональным, он сильно переживал ситуации на дорогах и волновался. Тем не менее в длительных поездках он подменял меня, чтобы я могла поспать. Так было летом 1983

года по дороге в Эстонию. Мы провели в дороге 10 часов, я спала на заднем сиденье с собакой и телевизором в обнимку. Началась гравийная дорога и Валера не справился с управлением. Ему не хватило опыта вождения по извилистым дорогам. Он не знал, что когда колеса скользят, то надо отпускать машину по прямой, хоть в кювет. А он повернул руль до отказа и поставил машину поперек дороги, в результате чего она перевернулась на крышу, на которой был багажник с дачной утварью. Стекла вылетели, весь кузов был помят. Но у «Москвича» в отличие от «Жигулей» более крепкие стойки и прочное железо. Мы невредимыми выбрались из машины. Мы — это я, Валера, моя тетка в возрасте 86 лет и собака. Я немного всплакнула, потом вытащила фотоаппарат и стала снимать. Валера курил.

Местные жители помогли поставить машину на колеса. Ходовая часть оказалась неповрежденной. Одевшись во все теплое, я снова уселась за руль. До хутора 40 километров проехали с ветерком в прямом смысле этого слова. Потом было долгое восстановление «Москвича». Но Валера больше за руль не садился. Ему было 44 года.

Елизавета Кон. На каникулы мы всегда выезжали детскими компаниями. Летом это были байдарочные походы, зимой — катание на горных лыжах. Дядя Валера, как я его называла, описывал наши поездки в стихах. Он обязательно каждому ребенку посвящал персональное стихотворение. Некоторые из них приведены в соответствующем разделе Приложения II.

Мне он всегда на день рождения писал стихи, а на 16-летие сделал коллаж размером в два ватманских листа, который я увезла потом с собой в Италию.

В 1985 году в байдарочном походе по Карелии была большая группа ребят из моего класса, а руководили походом мама и дядя Валера. Случилась ситуация, что байдарки разминулись в многочисленных островах. Дядя Валера устроил собрание. Взрослые ругали детей. Я со свойственным мне темпераментом стала шуметь, что мы не виноваты. Дядя Валера попросил каждого по порядку рассказать, как это получилось, кто и когда нарушил правило следовать в хвост лидеру. Так дядя Валера учил нас общению в коллективе. Об этом походе он написал песни — общую и каждому в

отдельности. Они опубликованы в «Листьях лета» («Ладога», «Сеня-Сенечка», с. 155–159).

Осталось неопубликованным стихотворение про Валдай.

Ты руку мне подай, Валдай, На счастье погадай. Побудь ещё, не покидай, Валдай! И тишина твоя. Как рай И сути край, нам света край, За нею — радость иль беда, Скажи, Валдай? Как ты глушишь своей тишиной, Отражаешь водою огонь... Вдруг на катере пьяном шальном Заливается трелью гармонь

.....

И как волна твоя, года Придут — уйдут — вот так всегда Идёт за радостью беда, Валдай.

Дядя Валера в наши поездки в горы всегда старался взять с собой Тему и способствовал его увлечению горными лыжами. Они с мамой подарили ему горнолыжные ботинки и лыжи. В результате он стал хорошим горнолыжником, с чем связана его профессиональная деятельность — издание журнала «Вертикальный мир».

Людмила Колодяжная. Летом 1986 года вдруг собралась небольшая компания, чтобы плыть по северной реке Ваймуге (Архангельская область). Было три лодки-экипажа: Валера и Наташа, Евгений Полищук, я и 15-летний математик Саша Полищук. На третьей лодке плыли наши друзья-спелеологи — Муся Григорян и два ее племянника, ровесники Саши Полищука.

У меня весь поход болел зуб (флюс), и, конечно, Валера, как мог, импровизировал на эту тему. Саша Полищук был в таком восторге от Канера, что просто записывал в тетрадку все его высказывания. Мы одолели весь маршрут, включая село Емецк, где родился поэт Николай Рубцов. В Архангельске, перед отъездом в Москву, Валера ухитрился

поселить нас всех в гостинице, так что предотъездная ночь была комфортной.

Во время этого похода мы не раз вспоминали Чечина, «подарившего» нам этот маршрут. Валера Канер отразил наши думы о нем в следующем стихотворении.

Кто он. Чечин? Как он. Чечин? Он здоровьем обеспечен На века, и на года, Так что сам себе на плечи Залезает иногда! Впрочем, это ерунда! Чечин наш бесчеловечен Не бывает никогда! Он ведёт про кванты речи, Может съесть три банки лечо, Как из Запорожской сечи Разудалый казачок. Не боясь случайной встречи... Он танцует гопачок (Тише! Зубы на крючок! Говорить напрасно неча!) Чечин чист, как пятачок! Жизнью он не изувечен. Был надлом, страстей накал — А точней, ушёл в пещеры. Таковы его манеры: Может спать он на снегу, Может спать он на бегу, Никогда никто Валеру Не согнёт зато в дугу! В день последний смылся Чечин Как Сусанин, заманя — Кайф, мол, будет обеспечен, Всё пройдёте за три дня... Вот вторая уж неделя — А Ваймуге нет конца И вчера под вечер съели Два последних леденца. Здесь комариков such much Хоть смейся, а хоть плачь!

Чечин. В 1987 году мы Валерий совершили замечательное путешествие на 4-х байдарках по реке Усьва на Урале. Этот поход подробно описан Валерой в поэме «Усьваение». Особенно запомнились первые два дня. На крохотной станции «Визжай» московский останавливался лишь на минуту. На предыдущей станции я попросил машиниста тепловоза добавить хотя бы еще одну. «Сделаем, командир» — обнадежил он меня, но поезд тронулся в самый разгар выгрузки наших мешков, жен и детей. Последним выпрыгнул Валера. Далее мы несколько часов ехали на местном поезде, состоящем из одного старенького вагона. Теперь договариваться с машинистом пошел Валера. Его переговоры были успешными, и мы спокойно выгрузились.

Утро нас разочаровало: река Усьва оказалась очень мелкой. Несколько часов мы брели по щиколотку в воде, таща байдарки по каменистому дну. Тем не менее на очередном повороте Женя Полищук умудрился загнать байдарку под полуповаленное дерево. Несколько минут он боролся с течением, следуя противоречивым указаниям Люси, а потом, с Божьей помощью, опрокинул таки байдарку в этом омуточке. Мы заночевали на песчаной косе, а утром наши палатки чуть не смыло внезапно поднявшейся водой.

Постепенно воды становилось все больше, а к концу похода река Усьва местами была бурным потоком. Это хорошо отразил Валера в своей поэме.

Людмила Колодяжная. Байдарочный поход на уральскую реку Усьву был одним из самых ярких как в наших общениях с Валерой, так и в воспитании двух подростков — Сергея Кудрявцева и Саши Полищука. Компания была блестящая: Валера с Наташей, молодожены Валера Чечин и Елена, Полищуки на самой дырявой байдарке, Кудрявцевы на самой новой байдарке.

Благодаря Валере и его предприимчивости, мы не стали доезжать до станции назначения — поезд остановился прямо у моста, где мы выбросили весь свой груз и собрали байдарки.

Я была завхозом, и Валерий каждый день просил колбасы. Даже когда варился рыбный суп, он требовал добавить в него колбасу. На одной из стоянок Валерий

соорудил для меня сауну из раскаленных камней, накрытых полиэтиленом...

Марина Кудрявцева. Каждый вечер Валера нам зачитывал стихотворный остроумный отчет о прожитом дне. Мы покатывались со смеху. Многие подробности сохранились в памяти благодаря его записям.

Людмила Колодяжная. Все эти стихи составили поэму «Усьваение» (музыкально-драматический отчёт о байдарочном походе по уральской речке Усьва во главе с известным советским путешественником-самоедом, с. н. с. ФИАНа Валерием Андреевичем Чечиным). Поэма была в сокращенном виде напечатана в сборнике «Издранное» (с. 152–168). Полностью она приводится в Приложении IX.

Марина и Евгений Кудрявцевы. Когда мы возвращались с байдарочного похода по Усьве, северный Урал, у нас возникли проблемы с билетами, толпа атаковала кассы, а нас было десять человек. И хотя билеты мы достали, но места были разбросаны по всему составу. Валеру, конечно, такая дислокация не устроила, и он сразу после проверки билетов начал переговоры с проводником и соседями. Вскоре по вагонам началось перемещение и через полчаса все вновь были вместе. Единственный, кому не повезло, был сам Валера, ему место досталось в соседнем вагоне.

Валерий Чечин. Зимой 1987-1988 года, Валера и другие участники похода по реке Усьва не раз обсуждали возможность совершить что-либо похожее. Но ближе к лету их энтузиазм исчезал в пучине текущих дел и проблем. Лишь летом 1989 года мы в том же составе прошли по маршруту р. Вожега – о. Воже – р. Свидь – о. Лача – Каргополь. Места там более населённые и не такие живописные, как на Усьве, поэтому они поэтически не вдохновили Валеру. Сначала мы по скучной речке Вожеге, преодолевая пробирались надоедливые наплавные мостики и остатки плотин. Лишь на озере Воже мы немного повеселели и двинулись вдоль берега, не рискуя напрямую перебраться на противоположную сторону. Но тут случилось неприятное происшествие. Валера и Женя Полищук на своих байдарках слегка приотстали, потом из-за зарослей камыша не заметили ночную стоянку, которую обустраивали остальные экипажи, и уплыли в самый дальний угол озера. Оказалось, что озеро настолько велико, что в нём легко потеряться. На следующее утро Женя Кудрявцев развел большой костёр-дымарь, а я выбрался на байдарке подальше от берега с красной тряпкой на длинном шесте. Мы нашли друг друга и больше таких глупостей не делали. Далее мы посетили руины монастыря на небольшом островке и без проблем прошли остаток пути до Каргополя.

Евгений Кудрявцев. Путешествуя по северному краю летом 1989 года (река Вожега и озеро Вожа в Вологодской области), мы двигались на четырёх байдарках: Канера, Полищука, Чечина и моей. Наташа, пассажирка Валериной байдарки, в этом походе выполняла не только роль супруги, поварихи и завхоза, но и младшего матроса. И всё было бы хорошо, но после выхода на просторы бескрайнего озера Валера решил упростить свою роль загребного и стать только капитаном. Он воздвиг мачту, прикрепив её к проложенному по дну байдарки бревну, поднял парус, усадил на бревно Наташу и тронулся в путь. Через пятнадцать минут на корабле начался бунт...

Берега озера были заболочены, и найти место для стоянки было непросто, а время шло, поэтому отряд решил разделиться. Мы с Чечиным Валерой поплыли дальше, чтобы приготовить ужин и обустроить ночлег, а Женя Полищук остался помочь Канеру снять паруса. Договорились плыть вдоль берега, чтобы не потеряться. Нашли мы их только на следующий день на другом берегу озера. После этого Наташа решила изгнать своего капитана из байдарки и пересадить его в мою, в обмен на моего сына Серёжу. Я согласился, не предвидя последствий. Валера сел впереди и сразу взял бразды правления на себя, несмотря на то, что руль находился у меня сзади.

После нескольких попыток согласовать наши действия я спросил Валеру, куда он держит путь, и предложил уточнить направление движения. Однако Валера только крепче налёг на вёсла, и байдарка, выписывая кренделя, тронулась дальше. Опасаясь за здоровье Валеры — он был просто в гневе — и целостность байдарки, я начал звать Наташу, пока она была в пределах досягаемости, и попросил её забрать своего капитана обратно. Наташа вздохнула и сказала: «Теперь ты меня понимаешь...». Этот эпизод я бы назвал: «Два капитана на одной лодке».

Марина Кудрявцева. На Воже был такой эпизод. Озеро громадное, кругом ни души, ни селенья, только дремучие леса и концлагеря. Берега заболочены, трудно найти место для стоянки. Вдруг залив, вокруг него стоят избушки и причаленные моторки. Мы среди них поставили палатки и расположились на ночлег. Утром увидели человека, и Валера попросил меня сплавать к ним и попросить продать сигарет, так как курево у него кончилось, а купить было негде. Мужик нам обрадовался и отдал Валере бесплатно целый блок. От него мы узнали, что избушки принадлежат охранникам лагерей, по выходным они приезжают сюда на рыбалку.

Когда мы вернулись к своим, появились двое поддатых вохровцев на моторке и, увидев меня, стали настойчиво уговаривать прокатиться с ними. Женя, почувствовав назревающий конфликт, полез в палатку за топором, Наташа полезла за ним удержать его от кровопролития. Я испугалась и согласилась прокатиться с ними, и тут Валера проявил себя, как рыцарь. Он сказал, что разрешает катанье только при условии, что он поедет со мной. Парни согласились. Было очень страшно, они начали гонять по озеру с сумасшедшей скоростью, делая немыслимые виражи, так что мы еле удерживались в лодке. Показав свою пьяную удаль и осознав ее бесперспективность из-за присутствия Валеры, который никак не хотел вываливаться за борт, они довольно быстро вернули нас обратно целыми и невредимыми. Мы просохли и поплыли лальше.

Иллюстрации к 4-ой главе:

По дороге в Прибалтику

Гита Тонеева. 25-го апреля 1963 года Валера приезжал на нашу свадьбу в Дубну и подарил нам со Славой замечательную «Драматическую балладу»:

О Масе, Басе и разоренной сберкассе

Действующие лица:

Мася — жених, Бася — невеста, Дуся — свидетель со стороны невесты.

Первое действие (Липец κ^{24} , бетонные работы)

Мася был здоровый малый, Работяга, весельчак, Тонну поднимал бывало, Если дать ему рычаг.

Бася лихо танцевала, Пела песни про любовь. По строительству гуляла, Подведя лихую бровь!

Мася нес трубу как кружку, Проводил газопровод, Дуся ткнула в бок подружку: Глянь-ка, Бася, — кто идет!

Посмотри-ка на фигуру! Пляшет, пакость, просто шик, Поступил в аспирантуру — Очень правильный мужик!

Бася сразу все смекнула, Мася ей ужасно мил. И на Масю так взглянула, Что трубу он уронил...

Мася взглядом по фигуре. Черт возьми, ой-ё-ё-ё! И хоть в девке много дури, Воспитаю я ее!

Действие 2 (*Москва, МГУ*–234, *Б*–613)

 $^{^{24}}$ Липецк — дислокация студенческого строительного отряда физфака МГУ на строительстве домны.

Мася начал воспитанье, Терпелив был, как У-ну, На себя взвалил питанье И свалил с себя Дубну.

Время нет — одни заботы, Дни у Маси нелегки. Мася вечером в субботы Бодро жарит шашлыки.

Мася стал заправский повар, Будто жарил сотни лет. Бася в дверь: «Ну как, готово?» — Бася вмиг несет обед.

Бася Масю не нахвалит, Как за пазухой живет. Но одно ее смущает — Мася в ЗАГС все не ведет.

Нет! — решила Бася — дудки. Ставлю я вопрос ребром. Ни к чему такие шутки! И раздался страшный гром!

Мася был неделю тихий, А потом сказал — кранты! Черт с тобой, иди к портнихам, Шей там всякие фаты!

Действие 3

(Московские рынки, гастрономы, универмаги)

Мчит в Ухтомку электричка, И под грузом жмется ось. Мася дремлет по привычке И храпит как дикий лось.

Мася час проспал в Ухтомке, Мася снова мчится прочь. За дрожжами в гастрономе Мася тыркался всю ночь.

Мася парень очень ловкий, Он всегда урвет кусок: На базаре по дешевке Он достал томатный сок.

Голосят в продмаге бабы И ворчат директора: Это Мася вырвал крабов В магазине на «ура»!

Бася тоже не дремала, Шила свадебну фату, И зачем то покупала Чемоданы на лету...

Все продумано. Готово. День пришел хороший новый И осталось Масе с Басей Фига с маслом на сберкассе.

Эпилог

Советы масс: Вы учтите все усилья И женитесь только раз.

Поясненье: Мася — Слава. Он же Слася. Вот забава! Бася — Гита, Тома — Тося Коля — Кося, Ольга — Ося. Бося — это значит Борька. Все готово. Точка. Горько!

25 апреля 1963 г.

Валера мог зарифмовать любую ситуацию тут же, сходу. Как-то он был в Дубне и мы пошли навестить заболевшую дизентерией дочку. Стоя под окнами инфекционного отделения больницы, Валера прочитал:

Здравствуй, Катя, здравствуй, Катя Я гуляю на канате. Такая у меня манера, Зовут меня дядя Валера.

Катюша до сих пор вспоминает это эпизод.

Или, когда ему приходилось подниматься к нам на 8-й

этаж пешком (тогда в нашем 14-тиэтажном доме лифт отключали в 23-00), утром на столе лежал лист бумаги:

Друзья! За сон глубокий не судите, Сочтете нужным, тут же разбудите. Ваш Бумбараш, вошедший в раж, Идя пешком аж на 8-ой этаж.

Валерий Чечин. В начале 1964 года (сразу после окончания МГУ) Валера пригласил нескольких друзей на дачу своей тёти у станции «Ядрошино». Там были Юра Косичкин с невестой, Оля Зубкова, Женя Полищук и ещё кто-то. Неделю мы жили в прекрасном домике, катались на лыжах, а вечерами Валера развлекал нас забавными фокусами. Например, он «протаскивал» игральную карту через одеяло. Или же определял, в какой руке зажата монета.

Евгений Полищук. У моих родителей был под Москвой дачный участок, кстати, недалеко от Недорезова, в Жаворонках. И году в 1968-м они решили строить там дом и попросили меня помочь сделать для него фундамент. Как раз в это время, ближе к осени, мои друзья вернулись из какой-то шабашки и я решил их позвать. (Сам я в строительные отряды тогда не ездил, а начал ходить в байдарочные «философские походы» с Генрихом Батищевым, «прогрессивным» советским философом, и это было для меня настолько интересно, что я предпочел эти походы шабашкам однокурсников, которые тем временем ездили на Сахалин, на Камчатку, на Командоры и в другие романтические места.

Я пригласил Канера, Чечина и кого-то еще. Фундамент решили делать ленточный, сделали опалубку, и только я выволок из чулана корыто, чтобы в нем делать раствор для бетона, как Канер заявил: «Не надо, давай лист алюминия, будем заливать раствор по-корейски» (этому способу он обучился на сахалинской шабашке). Для этого требуются три человека: двое держат этот лист прямо над опалубкой, третий кидает на него поллопаты цемента, полторы песка и две с половиной щебня, а потом льет воду, все это размешивает, наклоняет лист и выливает прямо в опалубку. Таким образом мы залили весь фундамент часа за три к изумлению моего дяди, мастера на подшипниковом заводе, который видал виды, но тем не менее был поражен и все говорил нам, пока мы выпивали после работы: «Ну, ребята, вы сами не понимаете,

что вы сделали!»

Валерий Чечин. В 1970-е годы мы регулярно выбирались на природу семьями. Обычно доезжали на автобусе до остановки «Ракитки» или «42-й км» по Калужскому шоссе. Пока Валера, Оля Зубкова и я медленно брели по лесным дорожкам, обсуждая текущие дела, Артём и мой сын Сергей бегали поблизости, кого-то изображая. Затем устраивали костёр и отдых «с дремотой» на солнышке.

Кроме того, несколько раз мы выезжали на шашлык в те же места. Однажды даже выбрались в небольшой поход на байдарке по реке Нара в районе Тарутино. Потом возникла идея обойти всю Москву в районе «бетонки». Для начала мы вдвоём прошли за один день от ст. Львовская до ст. Белые Столбы. В те времена «бетонка» была почти пустой, и мы бодро топали прямо по шоссе, наслаждаясь весенним солнышком и дружеской болтовнёй. Прогулка нам очень понравилась, и в другой раз мы отправились (уже с палаткой) от ст. Львовская в Троицк. Карта у нас была плохонькая, в сумерках мы заблудились, пришлось ночевать в лесу. Утром выяснилось, что мы не дошли до Калужского шоссе всего километр. «Чудненько, — сказал Валера, — пойдём в гости к Толе Широкову, ведь сегодня воскресенье». Не помню уж почему, но на этом походы вокруг Москвы и закончилось.

Валерий Рукавишников. Вспоминаю еще регулярные мини-походы в Ватутинки и Ракитки.

Евгений Полищук. В 1981 году Чечин получил от ФИАНа участок земли под Волоколамском и решил построить там дом. Сообразно с кулацкими чертами своей натуры он решил построить его не из дощечек, как Канер в Сычево, а срубить из строевого леса, который рос тут же, на участке и поблизости. Поехали заготавливать бревна, кроме самого Чечина, также Канер, Рукавишников и я. Мне выпало обрубать у упавших деревьев ветки. Но некоторые спиленные елки, падая, зацеплялись за еще не спиленные и застревали в наклонном положении. И вот, когда я лез вверх по стволу такого дерева, срубая по пути ветки, эти деятели свалили очередную громадную ель так, что она упала, правда, не на меня, но на сосну, на которой я орудовал топором. Я пушинкой слетел на землю, вслед за мной полетел тяжелый и острый топор... Как я остался цел — не знаю, но они

утверждают, что было очень смешно. И я им поверил, вспомнив, как во время зимних лыжных поездок в Подрезково, где мы, катаясь по выходным дням с гор, любили смотреть на других «горнолыжников», которые, имея, как и мы, на ногах простые лыжах (горные тогда еще только начали появляться), были весьма неустойчивыми и падали кверху тормашками на взгорках и ухабах склона, причем на их лицах отражалась целая гамма эмоций — изумления, досады, гнева, — что смешило нас до слез...

Володя Недорезов. Начиная с 1992 года центром наших встреч стало Шугарово²⁵, где в каждую первую субботу июля скоро уже четверть века подряд собирается около 50-ти человек. Костяк составляют ветераны стройотрядов, для которых поездка к своему командиру Сергею Литвиненко и Свете Сорокиной является праздником. Видя такое количество народу, понимаешь: стройотряды — это сила! Спасибо Сереже и Свете за это чудо. Канер был непременным участником всех этих встреч, и на тему Шугарово у него есть много неопубликованных стихов. Пожелтевшая бумага и строчки, напечатанные на машинке, до сих пор производят на меня большое впечатление.

И здесь, в Шугарово, конечно, не обходится без парилки.

Я выхожу горячий из парной. А баня до чего же чистит поры! И аппетиту всаживает шпоры... Я выхожу — немножко, но дурной.

Не выхожу, а прыгаю во снег! Короткий бег, а сколько пылу-жару! Я знаю цену этому товару, В парилку отправляясь на ночлег²⁶.

Я на руках в парилке десять раз По полкам перепрыгну через печку! Уже не надо открывать аптечку —

²⁵ Название ж/д станции по Павелецкой дороге, в районе которой находится дача С.Ф. Литвиненко.

²⁶ Ввиду большого количества гостей ночевать им приходилось во всех мыслимых строениях «поместья Литвиново», в том числе и в бане.

-

Мы из неё всё выпили за раз!

Я выхожу горячий из парной, И под луной — не то чтобы незрячий, А в розовых очках, хмельной, горячий, И босиком по снегу — как весной...

A это — очень личное:

Я — как кран: и кипятка, и льда смеситель.
 Не могу я, если выпью, без бабья!
 Я вполне интеллигентный соблазнитель,
 Теоретик тонких этик — Чечин я!

Вот камин разжёг, поставил я палатку — На втором, под крышей, и вокруг трубы, И развесил губы: цып-цып-цып, цыплятки! Приходите, отдохните от гульбы!

У камина шпарят нежно танцы предков! Валя, то есть Света, что ж ты не идешь?! Оля, Алла, Лида²⁷ — помнишь Паужетку²⁸? Помнишь — в гейзерах вулканы, в сердце дрожь?!

Ночь. Луна. Зима. Январь. Собаки лают. Я к их вою добавляю комплимент: Валя, выди! Ты не знаешь, как бывает! Но узнаешь — я такой интеллигент!

Я хитрей японца, турка и китайца! Чечин я! Затейник — вовсе не злодей... А с утра я мрачно мою бычьи яйца — Суперблюдом угощает всех Сергей...

На этой же даче мы часто встречали Новый Год. Канер был неистощим на выдумки. Вот выдержки из его альбома :

* * *

На этой даче погреба и ветродуи, Собаки, баки, печка-самолет... На этой даче получаем поцелуи

²⁸ Паужетка — поселок на Камчатке, куда отряд ездил в 1970 году.

²⁷ Лида – это Кандидова.

По-разному от Бога в Новый год.

Оля, Валя, Алла, Лида, Света! Здесь, увы — совсем-совсем не лето, Но такие дивные блюда — Не закоченеешь никогла!

На этой даче ёлочка в гирляндах, Петарды расцветают в небесах, На этой даче не такие банды

Стояли на ушах и на усах! Игорь, Серж, Валеры — даже трое — Нож — наперевес, и рюмки к бою!

> Здесь таких закусок череда, Что не опьянеешь никогда!

На этой даче минус два всего-то в зале! Дымок, камин, глинтвейна самовар. На эту дачу мы собаку взяли, Вдыхает Данька кубрика нектар.

> Данька, Филька, Лаймочка и Дани Тоже в новогоднем заседаньи... Из объедков — дивные блюда — Сразу в глазках розова слюда!

В поместье Литвиново

(зарисовка)

Закусан водкою лимон, Осталось два батона хлеба. Лежит милейший Филимон²⁹ Ушами закрывая небо.

Для счастья несколько подков Висят продуманно и тонко... Стоят одиннадцать пеньков, И я двенадцатый — в шезлонге...

А в бане — жар. Ухожен сад. И всё в ажуре. Всё в порядке. Лишь Данька свой внедряет зад Прям по-Митлайдеру³⁰ на грядки.

²⁹ Филимон — пес Литвиненко. ³⁰ Д. Митлайдер, американский овощевод.

И давит Фила будто гей...
Идиллия. Начало лета.
Как Лев Толстой, босой Сергей
К обеду призывает Свету.

Другой Толстой³¹ идёт к ручью, За ним бежит сосед — Аркадий³²... Я малость завязал — не пью Второй уж день, идеи ради...

Вот Игорь ^{33} два ведра несёт Для бани вод артезианских...

.....

Знать, Света мыслит женский клуб, Где Валя, Нина и Наташа В парной попробуют на зуб И перемоют кости наши...

Прохладным утром — свет и тень, Спокойно, дорого и любо. И снова начат новый день С веранды созерцаньем дуба.

И вместо крепостной стены — Лишь липы кроны, как корона, Над королевством тишины У Литвиненкиного трона...

4.06.95, Шугарово

Вот вам сливки, вот вам пенки — Новый год у Литвиненки! Шугарово–1997

На всякий случай: 1996 — год мыши (красной)

1.

А Новый Год отходит от причала, Отходит, подымая якоря, И дымкой закрывается земля — Отходит, бросив на коле мочало,

³² Товашов, сосед по даче.

³¹ Сосед по даче.

³³ Лобанов, сосед по московскому дому Литвиненко.

Отходит, и, наверное, не зря, Чтоб всё начать с начала, всё с нуля...

А Новый год отходит от причала, И обороты набирает винт, Бортами задевая берега — Пока еще волна не укачала, И на бока пока не нужен бинт, Вернуться можно на свои круга...

А Новый Год отходит от причала, Уже моторы набирают ход, И первый день скрывается в бега... Ах, чья бы там корова ни мычала; Не нужен ветер в парус в Новый Год — Уходит первый день... Метёт пурга...

2.

Это ж, братцы, бывает так редко!
Это ж, парни, не хухры-мухры!
Яхта — аж два киля! — что гризетка,
И летает хоть в тартарары!

На Канары, Кипры и Гавайи. Яхта — белый парус, синий киль! Что там все московские трамваи, И троллейбусов от соли штиль...

Это ж, братцы, так бывает редко! Это, ж, парни, жизни всей итог — У меня и здесь могилы предков, А на Кипре — тоже коготок...

Я старался, бился быть в России — Просто быть, и никого не бить... Яхта-вахта... Корпус синий-синий. Оверкиль багровый не забыть...

3

От творчества была неотделима! Все звезды в ноги к ней. И Гименей Глазами очумевшего налима Смотрел на сверхмерцание огней...

И всё же комплекс рыбки с позолотой Очаровал своею чешуёй.

«Иль я, иль творчество!» — решать до поворота, «А дальше — как получится, друг мой…»³⁴.

Нет, не должно быть выбора насильно! Пусть существуют — творчество и ты, И, если нужно — и судья, и ссыльный, И в памяти — небесные черты...

4.

Банная роспись

Чистая баба нужна для масштаба!

Мытый Чечин безупречен!

Приставить Литвиненко к тёплой стенке!

Баба парная нежней, чем кирная!

Мытый мужик тянет, как бык!

Вариант:

Баба парная тянет, как бык.

Мытый мужик нежней, чем кирная... — и т. д. — 24 варианта.

5.

В жизни пройдено и прожито немало. И всегда — сраженье алой-белой роз. Не могу сказать, что сразу же на скалы, И не буду врать, что навсегда, всерьез.

Но скажу: меня всегда интриговало Пламя неразгаданных имён... Как зовут Вас? — Ну, конечно, Алла — Глуп закон, но это же закон!

И не потому что в полнакала, И не потому, что жизнь храню... Мысль скакала...Как всё бело, ало — Так, как и положено огню...

6.

Мы все из той земли рассветов, Где гул работы, стук сердец,

 $^{^{34}}$ Цитата из песни А. Городницкого «Всё перекаты».

Где мы, безусые кадеты, Как юнги, бросили конец.

К такому острову причалив И землю новую открыв — Шутя, встречали и печали, Шутя, взрезали и нарыв...

Года, как будто шлакоблоки, Ложились в башни Вавилон, В мы смеялись — руки в Боги — Идём мы к Богу на поклон.

Ну, если взял рассвет на мушку, Так не молчи, как истукан — Налей, ей-богу, можно кружку, А можно — рюмку, иль стакан...

Мы все из той страны июня, Что выручает в час невзгод — Там в равноденьи полнолунья Приходит старый новый год.

Целинных трактов, ковылей... И память юности не стынет — И слава Богу! — И налей!..

7.

Ах, ночь моя! — Ты мне приснилась! Палатка. Пятка. Долгий путь... Я сильно переутомилась — На печке не могу заснуть.

Дай валидол мне из аптечки! К нему впридачу — лес и дол... Я не могу заснуть на печке, Хоть рядом дрыхнет женский пол.

Я в день святого Валентина, Чеченца отодвинув чуть, Сметнула с печки паутину — Но не могу никак заснуть!

Я оторву с берёзы чагу — Потом окажется, что трух... Душа распахнута на благо,

И вся — поэзия и труд!

8.

Он мне дал бычиное яйцо. Почему-то только лишь одно... А потом мы вышли на крыльцо, Чтобы в зиму прорубить окно.

Всё, что дальше — чистый боевик. Вот что значит бычее яйцо! Я решил, что друг — шотландский бык, А в ноздре приятеля — кольцо.

За кольцо я дёрнул раз-другой, А потом, не знаю, почему, Завязали мне рога дугой, И пихнули в стойло, как в тюрьму.

С той поры, пред тем, как падать ниц И смотреть немейшее кино, Избегаю бычьих я яиц И куриных тоже — заодно...

9.

В нас были влюблены жирафы и слоны, Земфиры, и Мегеры, и Венеры. В нас были влюблены все женщины страны, Не эСэНГэ — всего эСэСэСэра!

В нас были влюблены любители войны — Какой же мир с такими казаками! Ни солнца, ни луны — лишь рваные штаны, Да пазуха, и выкинутый камень...

В нас были влюблены... А мы от тишины Порой немели, и к покою глухи — Преданья старины, и шишки от сосны Меняли на сверкание разрухи...

В нас были влюблены... Кораблики весны Уплыли утром с первыми лучами... Мы были влюблены — но лопнувшей струны Не свяжешь в узелок былой печали!..

10

Дан приказ — ему на запах,

Ей — на рёбра к кабану... Приходили ветераны На Серёгину войну...

Приходили, поддаваясь, Окунаясь в жёрла бань, Откровенно представляясь — Рвань научная, и пьянь...

А родная отвечала, Им подставив полный чан: Я такого повстречала — На плечах его кочан.

А в душе его такое — Не расскажут словеса! Он когда подаст жаркое — Станут дыбом волоса!

Дан приказ — ему на запах, Ей — не мельтешить кормой... Уползали ветераны Все довольные, домой...

11.

Сиреневый туман — он время не теряет, И на любой карман — сиреневый туман... Вокруг такой шарман! А время тихо тает, Клубится, как обман, сиреневый туман.

Вы помните слова, что Вы тогда сказали? Какая память, друг! А у меня — склероз... Сиреневый туман, как склянки на вокзале, Как праведный вопрос и как ответ без слёз...

Сиреневый туман, как память о сирени, О яблоне в цвету, о молнии в каштан... Сиреневый туман струится из мгновений, Как пули у виска, сиреневый туман...

12.

Я ждал на вершинах насыпанных дюн — С похмелья видения живы... Какой я ни врун, какой ни брехун — Как женщины лживы! Сказала: приду через четверть часа — Прям чуял дыхание дивы! Но нет — просто серпом по сердцу коса — Как женшины лживы!

Я стыл на морозе. Хоть голос подай! Откликнись на страсти призывы! А зубы дробят по-японски: «Банзай! Все женщины лживы!»

Собачка решила, что старый я дуб, И ножку задрала игриво... И шёпот слетал из синеющих губ: Как женщины лживы!

Я ждал. Я страдал. И на снег проливал Души необъятной приливы. Всю ночь воевал и голос сорвал — Как женщины лживы!

С тех пор я молчу и не ставлю ни в грош Поэмы и речитативы... Я знаю — ну как бы я ни был хорош — Как женщины лживы!

13.

Из бычьего хвоста я петлю сотворю, Из бычьих двух рогов я наточу кинжалы — Ведь я уже мычу, уже не говорю, Копыто жизни малость поприжало.

Быка я — за бока, быка я — за рога, Мне жизнь не дорога, мне ближние дороже... Копытом стукну раз — вот вся и недолга, И прыгну в трын-траву, очнусь — себя моложе...

Из бычьего чего? — Серега сварит хаш, Подымем палец: Во!, забудем бычьи бредни, Набычившись вчера, как вер неверных страх, И непонятных истин исповедник...

Из бычьего хвоста не сделаю хлыста, Рог — не кинжал. В него — до края пиво! И не могу молчать или мычать с листа — Идёт бычок, качается игриво... Анонс! Приглашаем Вас на гадание на кофейной гуще и языческий праздник весны!

Евгений Полищук. Было такое время, когда на летний сбор у Литвиненко приезжал и Слава Письменный: тогда он большим стал человеком И многомиллионные зарубежные контракты по урановым делам. И вот однажды (году в 1992-м) он прибыл на машине в сопровождении охранников. Один из них нес огромную говяжью ногу — спонсорский взнос Славы в наше застолье. Канера очень занимали эти охранники и он все пытался, особенно после изрядной выпивки, их разговорить; однако они были при исполнении и у него ничего не вышло (редкий для Канера случай!). Он выпил еще больше, но они молчали, как партизаны. Тогда, должно быть от огорчения, он подрался с Крекотенем, который был за коммунистов и ругал демократов. Сцепившись, они покатились по земле. Впрочем, их скоро разняли и до увечий дело не дошло. Споры в то время среди нас были действительно горячие, но прямая рукопашная схватка случилась только один раз и, конечно, с непременным участием Валеры. До сих пор жалею, что ни один из наших штатных фотографов не запечатлел эту сцену в назидание потомству.

Володя Недорезов. Канер очень любил свою дачу Сычево. Строить ее в те годы было непросто. Все надо было «доставать». Он с таким трудом достал бревна на каркас, что долго не мог успокоиться и перетаскивал их по участку с места на место. Когда дом на краю (на откосе) был построен, он часто приглашал нас по случаю и без. На фотографиях, которые при этом делались, всегда прилагались стихи; так, на фотографии, где Рукавишников, Чечин и Недорезов стояли без маек у озера в Сычёве, было написано:

Годы отринем, рубахи — зря! С похмелья три богатыря!

Наталия Тиме. В этом доме было четыре двери, и на каждой был замок. Окна закрывались ставнями на засовы. Туалет, калитки — все закрывалось на замки. Справедливости ради надо сказать, что за десять лет к нам ни разу не залезли.

У нас был прицеп. На даче мы активно его использовали. Когда мы уезжали, то всегда его прятали. Сначала в узкий коридор, куда он влезал только боком, а потом вырыли для него под верандой большую яму и закатывали его туда. Это требовало больших усилий, но не служило препятствием для Валеры.

Валерий Рукавишников. Работать в паре с Валерой было очень трудно. Однажды я приехал в Сычи помогать в строительстве его дома. После первого дня на следующее утро, естественно, с похмелья, мы встали довольно рано и после легкого перекуса принялись за работу. Беспрерывно что-то пилили, строгали, поднимали, прибивали, застилали, и вот уже 15-00, есть хочется ужасно, как бы сказал В. Чечин, «руки не поднимаются», но сигнала к обеду нет как нет. Вдруг появляется Валерин черный кот Гарик. И я слышу Валерину речь: «Гарик, всю ночь гулял, устал. Голодный, наверное. Пойдем, я тебя покормлю» Тут я не выдержал: «Валера, к черту кота. Я есть ужасно хочу». Но все равно сначала был накормлен кот, а потом был обед.

Валерий Чечин. В Сычево я ездил с Валерой несколько раз и всегда поражался его выносливости. Помню, как мы пилили сосновый лес над обрывом карьера, в котором работал шагающий экскаватор. Весь день шёл дождь, от голода и усталости невыносимо болела голова, а семижильный Валера и не думал об окончании работы. Уже в потёмках мы забрались в этот экскаватор, машинист которого был, естественно, знаком с Валерой. Домик получился неказистый, но сколько приятных часов провели там его друзья. В частности, на свой день рождения 7 сентября Валера приглашал туда большую компанию, в основном из Дома учёных.

Валера водил дружбу и со всеми соседями по даче. Вот один из них, Боря Заяц, приобрел себе новую печь — тут же рождается воспевающее это событие стихотворение:

Печка

Ну красива, как икона Чиркнешь спичку, как баран, А она за пол-лимона Загорелась на ура!

Вар. 2. Ну красива — как икона,

Загораешь, как баран, Печка стоит поллимона, Лечит нас от многих ран.

Я вообще теряю речь — Там, у Зайцев чудо-печь... Интерьер и фокстерьер — Будто Боря — виц-премьер... Ну а главное, горит — Греет, тлеет, не дымит!

Открывай пошире дверь — Эта печка — водка «Зверь». Хоть из «Фауста» стреляй — Печка жарит...

В доме — рай!

На одной трубе бамбужечка, На другой трубе пампушечка, Десять метров крокодил! Я четыре отпилил.

Ну красива, как икона Студнем делает бекон. Печка стоит поллимона, А горит на миллион!

Варианты:

- 2. Жжет зады всем, как закон.
- 3. Горяча, как Аполлон.
- 4. Загораешь, как барон...
- 5. Размякаешь, как гудрон.

Володя Недорезов. Говоря о наших встречах в Подмосковье, нельзя также не выделить отдельную главу под названием «Быково». Много лет подряд мы встречаемся там, чтобы провести спортивный праздник под названием «День рождения Валеры Кандидова». Несмотря на любую погоду, которая в мае бывает капризной, встреча по волейболу никогда не отменялась. Ну, а поэма Канера в честь юбиляра создавала теплое настроение при любой погоде.

Валерий Рукавишников. В 1993 году Валера согласился поехать со мной и с моим братом Вадимом в дер. Печищи

Ивановской обл. Там в доме брата нужно было сменить нижние венцы. Поехали на машине Вадима. Канер сидел на заднем сидении, пил пиво, курил и участвовал в разговорах. Где-то в районе Владимира он вдруг сказал «Что-то часто вспоминаю Толю Широкова. Многое нас связывало.... Но былого не вернуть». Пока мы добрались до деревни, какие-то строчки Валера уже сложил: «Былого не вернуть, ни доброго, ни злого, былого не вернуть, и в этом жизни суть...».

В деревне я занялся подготовкой бревен венцов, установкой домкратов и другой подготовительной работой, а Валера с Вадимом что-то делали на другой стороне дома. Валера, как обычно, привлек внимание и любовь местных жителей. Он настолько понравился поселянину Игорю, что тот в подарок принес две доски — страшный дефицит в деревне в те годы, а может быть и сейчас. Кроме досок, подарил улей с начинкой и научил, как организовать леток. Правда, такая щедрость ему с рук не сошла — позже подошла его жена и обозначила свое отношение к происшедшему. После ее удара Игорь оказался на траве. Но не смогла обидеть Канера — подарки оставила.

Вечером за водочкой Валера уже спел пару куплетов, возникли другие. Романс рождался трудно. Мелодия была неустойчивая, Валера сам не мог ее повторить. На память Валера нарисовал на печи свой автопортрет. Когда мы возвращались домой, романс был вчерне готов, и мы его в машине пытались распевать.

Наталия Тиме. Улей, о котором упомянул Рукавишников, Валера из этой поездки не привез, но привез песню и шерстяное солдатское одеяло. Около деревни Печищи была воинская часть, которую расформировали, и солдаты ходили по деревне и предлагали купить всё, что у них было. Торговля шла вяло, и на отчаянные слова: «Ну, неужели вам ничего не нужно?» — Валера купил у них одеяло.

Валерий Чечин. В 1994 году мы с Полищуком и Канером поехали к Недорезову, точнее, к его сестре Римме в деревню Савельево под Киржачом во Владимирской области. Это его родина. Там Вова предложил отреставрировать местные колодцы, которые почитались святыми. Располагались они в глухом лесу, вдалеке от дорог и полей, и вода там была необыкновенно вкусная. Каждый колодец имел имя: Иванов, Петров, уж не помню теперь всех названий. Всего мы сделали

три сруба на трех колодцах. Рубили осину там же, в лесу. Она сразу становилась красной по цвету, что колодец украшало.

Валера топором не очень владел, поэтому он делал скамейки около колодца и украшал их резьбой. Слепней в лесу туча. Канера страшно Ha было Сфотографировавшись около одного из колодцев, вернулись в деревню. В последний день, крепко выпивши, мы пошли на станцию. Там ходил поезд от Александрова до Юрьева-Польского. Идти надо было километра четыре. Канер пошел нас провожать, но ему как-то не хотелось, чтобы всё так скоро закончилось. Он вернулся, еще выпил и устроил конфликт с Риминой коровой. Корова, наверное, уже это забыла, а вот Римма помнит до сих пор. Надо сказать, что времена тогда были голодные. В магазинах было пусто. Поэтому Римма, работавшая конструктором в Курчатовском институте, завела себе корову. Замечательная женщина.

Володя Недорезов. Был в эту поездку еще интересный эпизод. На второй день после нашего приезда в Савельево заявляется к нам какой-то мужик и говорит: «Вот я, Генка Захаров из соседней деревни. Вы меня звали, и я пришел. Чего делать-то?» А вышло так, что я написал письмо в ту деревню, где летом жил мой друг Гена Захаров, и попросил помочь. До этой деревни от Савельева было не больше 10 километров, но добраться можно только пешком через лес. А на машине в объезд — чуть ли не сотня километров. И надо же такому случиться, что в той деревне жил однофамилец Гены Захарова, и он пришел, не раздумывая, Еще извинялся, что на день опоздал. Вот так-то.

Алик Малов. Валера любил приезжать в Дубну. Здесь его встречали однокурсники, друзья по Университету — Тонеев, Федотов, и другие. Он приезжал на дни рождения, на защиты диссертаций, а иногда и просто так, без повода. Ко мне он приезжал на свадьбу и просто излучал свои эмоции в стихах. О том времени осталось воспоминание о встрече нового 1998 года — года крысы — и целая поэма Валеры «Крыса-мышь» (опубликована в «Издранном», с. 184—192).

Наталия Тиме. Валера бывал часто в Жуковском. Там жили друзья, знакомые и родственники. Вот короткое воспоминание:

12-00, 16 марта 1999, РНЦРР³⁵.

Читайте, отдыхайте, Потом чаи гоняйте, Потом, в углах, кагоры — Я буду очень скоро — Минут пятнадцать на процедуре Одной сестричке строить куры...

Облезлый мартовский кот Валера Приветствует Жуковский В Эпицентре!

(Стихи, посвященные родне, — см. в Приложении).

Евгений Полищук. Одно время каждой зимой мы регулярно выбирались на дачу к Недорезову (в Жаворонках) в составе Канера, Чечина, Рукавишникова и меня (позже этот состав расширился). Мы приезжали туда под вечер, в программе были пиво, водка, баня, дикие песнопения (мы были без женщин) под недорезовскую гитару и долгие ночные разговоры. Помню, как однажды, прежде, чем войти в избу к Володе, Валера остановился и велел нам входить без него, а Недорезову сказать, что, мол, Канер не смог приехать, а я, дескать, войду позже и тем очень его обрадую. Так мы и поступили и действительно наблюдали смену настроений на лице у Володи: от огорчения и разочарования к бурной радости. Так что Валера был инженером человеческих душ и помимо поэзии — нам бы никогда не пришло в голову ставить такие психологические эксперименты.

Полина Недорезова. Долгими московскими зимами мы с Володей, Валерой, Наташей и Даном (это был огромный замечательный пес) почти каждое воскресенье ездили на электричке кататься на лыжах. Маршрут был почти всегда один и тот же: Трехгорка — Барвиха — Усово. Теперь там все перегорожено заборами, а тогда были, можно сказать, девственные леса.

Предусмотрительный Канер всегда таскал с собой огромный синий рюкзак. Там были запасные ботинки, спиртовые таблетки для костра, свитер, и еще куча разных

 $^{^{35}}$ Российский научный центр рентгенорадиологии.

вещей, включая, конечно, термос и бутерброды. Наталья всегда брала сухие яблоки, заготовленные на эстонском хуторе. В лесу на снегу разводили костер, что занимало много времени, но было приятным развлечением.

Иногда в Барвихе заходили в гости к Вовиной маме, которая много лет жила там одна после смерти мужа. Конечно, Канер читал ей свои стихи. Послушав романс «Былого не вернуть», она спросила: «Это, наверное, народная песня?». На что Канер ответил: «Ну, конечно, народная». Но вот что интересно: об этих лыжных прогулках Канер не написал ни строчки. Атмосфера на этих прогулках была очень душевная. Жалко, что этот период нашей жизни тоже закончился.

Иллюстрации к 5- ой главе:

В Шугарово

На владимирское земле

В Печищах

В Подмосковье

В Дубне

В Быково

Дмитрий Гальцов. Чаще мы стали встречаться, когда Валера пришел в Дом ученых с рекомендациями Валентина Руденко и моей — я был членом Дома как пианист симфонического оркестра. Валера был уже не тот, что в студенческие годы: «Я, наверно, стал дальтоник и цветов не различаю» («Листья лета», с. 93), но энергия и свет оставались неизменными. Это было в разгар перестройки. Валера принес

с собой атмосферу «Архимеда», задав стиль ДУЭТу на много лет вперед. Я написал музыку к первому спектаклю на его стихи: «Пусть играет не в терцию скрипка, и слова не оттуда поют». Это осталось нашим главным с Валерой прижизненным совместным произведением. Потом ДУЭТ многократно преображался, благодаря творчеству замечательного коллектива, но наша заставка до сих пор жива.

Наталия Тиме. Вот как о создании ДУЭТа писал Валера в своих стихах — новогоднем поздравлении:

Зам. директора Дома учёных АН СССР А. М. Нагибе

Новогодняя докладная записка

В прошедший год на белый свет У Дома родился ДУЭТ —

В рубашке, с парой близнецов³⁶, Скрипя молочными зубами, Заранее готовый к драме Неустановленных отцов...

Он сиротой был не совсем — Мам у ДУЭТа было семь: Вставила в «Калейдоскоп»; Мама-Таня ......???

Мама-Люся пела сказку, Позже в метрики внесла; Мама Оля нам коляску В комнате шестой дала;

Мама Галя объявила, Имя звонкое дала; Мам Наташа — понесла. Десять месяцев носила, А потом, истратив силы, В одночасье родила...

 $^{^{36}}$ Братья Рукавишниковы и братья Сидоровы.

Наталия Селезнева. Передо мной сборник «Сто стихов», который подарил мне Валера Канер в январе 1996 года с надписью:

Наташа, милая моя, — ДУЭТа дружная семья Нас вдохновляет всех опять... А я — отец, а ты же — мать!

Действительно, мы были семьей, очень дружной и оченьочень счастливой...

На время создания «капустника» я, занимая должность художественного руководителя Московского Дома ученых АН СССР, гордилась и другими нашими самодеятельными коллективами, особенно симфоническим оркестром, театральной и вокально-оперной студией, но ДУЭТ был особенной гордостью и для меня, и для директора Дома ученых Цветковой Майи Александровны.

Создание этого коллектива пришлось на то время, когда в Москве были уже такие прославленные «капустники», как в Доме архитекторов «Кохинор и рейсшинка» и в Доме журналистов «Верстка и правка». Именно после выступления в Доме ученых этих коллективов я стала инициатором создания «капустника» Дома ученых. Директор Дома ученых Майя Александровна Цветкова меня поддержала, но выразила опасение, получится ли это на должном уровне. Но я заверила ее, что примут участие в «капустнике» обладающие чувством юмора, искрометные, многогранные в проявлениях своих раннее не востребованных талантов участники из других коллективов.

И все же опасения директора могли бы оправдаться, если бы авторскую группу не возглавили принятые в члены Дома ученых Валера Канер и Валера Миляев, на то время уже известные барды и друзья Сергея Никитина. Их авторские задумки на злободневные темы в исполнении талантливых самодеятельных актеров, певцов, музыкантов имели оглушительный успех у зрителей. Я помню, что в день спектакля уже у метро «Кропоткинская» спрашивали: «Нет ли лишнего билета?», а зрительный зал Дома ученых не мог вместить всех желающих в эпоху гласности насладиться свободой слова и выражения.

Я помню, как после премьеры не смолкали аплодисменты благодарных зрителей, а на первом ряду наши знаменитые

академики не спешили покидать зрительный зал. Директор Майя Александровна, которая сидела рядом с ними, позвала меня и представила им, сказав: «А ведь я не поверила ей, что члены нашей самодеятельности способны на создание «капустника», который доставил вам такое удовольствие».

Впоследствии я сменила должность художественного руководителя Дома ученых на должность художественного руководителя ДУЭТа, но я только числилась формально в этой должности, которую по праву занимал Валера Канер. Без него и без Валеры Миляева немыслимо было бы создание такого уровня коллектива, каким отличался ДУЭТ. Кроме того, что они были авторами наших хитов, повторения которых требовал зал, они обладали энергией притяжения всего талантливого, что было заложено в каждом из участников, и умели направить талант в нужное русло.

Что касается фантастических организаторских способностей Валеры Канера, то об этом написано уже достаточно много, но я расскажу о том, какое магическое влияние он имел на меня.

Вспоминается такой случай. Спокойно глядя мне в глаза, Валера говорит, что для успеха номера, который исполняли наши талантливые певцы Гребняк Володя в образе милиционера и Люба Гордина в образе проститутки, мне надо срочно достать где-нибудь милицейский костюм. Это было в четверг, а спектакль был назначен уже на субботу.

Рано утром в пятницу я отправилась на поиск костюма милиционера. Рядом с театром «Ленком» было ателье, где выдавались на прокат костюмы для артистов самодеятельных театров, но оказалось, что ателье в пятницу закрыто на учет. Но даже если бы оно было открыто, то костюм милиционера вряд ли мне там предоставили. И все-таки мне удалось достать необходимый для успеха номера костюм милиционера надлежащего размера, как ни странно, недалеко от ателье, на при ЭТОМ удивительным 38, самым неправдоподобным образом, все подробности которого я не могу раскрыть даже сейчас. В понедельник костюм был возвращен.

Помню, когда Володя Гребняк, на котором этот костюм сидел как с иголочки, ходил перед началом спектакля по фойе, то все принимали его за милиционера, а успех его на сцене в этом образе был оглушительный.

Но самое удивительное, что Валера Канер даже не сомневался, что номер не будет сорван, а костюм будет мной найден. Его уверенность творила чудеса. Он действительно был отцом нашей очень дружной и счастливой семьи.

Ирина Зубова. Канер из тех людей, которыми невозможно не восхищаться и невозможно забыть даже после беглого знакомства. А если с таким человеком связывает не просто многолетнее знакомство, а дружба, творческие интересы или работа, то это большая удача, потому что такие люди встречаются по жизни нечасто.

Меня судьба свела с этим удивительным человеком благодаря ЦДУ (Центральному Дому Ученых), который тогда назывался МДУ (Московский Дом Ученых) и театру ДУЭТ (Дом Ученых Эстрадный Театр). А дело было так.

Я работала в то время в Университете Дружбы Народов им. П. Лумумбы. В той же лаборатории работала В. Свалова, которая уже тогда была членом Дома Ученых и, естественно, знала людей, создававших в тот период театр ДУЭТ. Это и В. Канер, и В. Миляев, и Н. Селезнева, и многие другие. Большую часть этого творческого сообщества составляли бывшие выпускники физфака МГУ. Люди удивительно интересные, творческие, дружные. Все очень талантливые и к тому же сумевшие пронести через всю жизнь дружбу, сложившуюся еще в их студенческие годы. Эта дружба была и остается не просто дружбой, а настоящим братством, которое крайне редко можно встретить. А душой этого замечательного коллектива, его влохновителем и руководителем стал именно Валера Канер.

Вот как это начиналось. Однажды В. Свалова подошла ко мне и сказала, что в МДУ организуется некий театр, который будет ставить спектакли-капустники в пародийно-эстрадном жанре и что нужен кто-то, кто мог бы сделать пародию на Аллу Пугачеву. Не хотела ли бы я стать этим человеком? Конечно, я с радостью согласилась, потому что люблю эстраду, а тем более юмористическую, люблю петь. Когда-то в студенческие годы с удовольствием выступала с нашим институтским ансамблем, о чем вспоминаю всегда с добрым чувством. В ответ на мое согласие она сказала, что даст мой телефон руководителю этого коллектива Валерию Канеру и он мне позвонит.

И действительно через несколько дней мне позвонил Валера. Мы очень хорошо поговорили, и он сказал, что когда в октябре начнутся репетиции, он снова позвонит мне, и тогда мы встретимся уже в Доме ученых. Я ответила, что, конечно же, буду ждать его звонка и с удовольствием приму участие в спектакле, но уверенности в предстоящей встрече у меня не было, потому что разговор этот состоялся в мае. Ведь понятно, что от мая до октября, как говорится, сколько воды еще утечет... Но я тогда еще не знала, что Канер — явление в этом смысле уникальное.

В начале октября Валера снова позвонил мне и пригласил на репетицию. Я пришла в назначенный день. Встреча состоялась в шестой комнате, расположенной на первом этаже МДУ. Там было довольно много людей, потому что эта комната, как я узнала чуть позже, предназначалась в тот период для репетиций ДУЭТа. Это уже позже мы получили возможность репетировать в большой аудитории. Валера бегло представил меня присутствовавшим там людям, как нового члена коллектива, и предложил мне подойти к пианино.

- Пойте, сказал он без лишних предисловий.
- Что петь? спросила я.
- Ну, что-нибудь из репертуара Пугачевой. Песню «Айсберг», например...

Так началась моя жизнь в ДУЭТе. А песня «Айсберг» и легла в основу моей первой пародии на А. Пугачеву, которая предполагалась в первом спектакле. Потом были и другие, но началось все для меня именно с этой песни. Очень скоро я поняла, что Валера относится к тем редким людям, которые никогда и ничего связанного с делом не забывают. Впоследствии много раз убеждалась в этом и каждый раз удивлялась тому, сколько же всего он держит в памяти!

Наш первый спектакль на сцене большого зала МДУ состоялся в декабре 1986 и прошел с большим успехом. Валера, мне кажется, буквально дневал и ночевал в Доме ученых в процессе подготовки. Он не только отслеживал сцены, репетиции И режиссировал но занимался декорациями, и аппаратурой, И костюмы вплоть до мельчайших деталей не проходили мимо него. Работа кипела каждый день. Несколько позже я узнала, что он брал отпуск специально для того, чтобы подготовить все необходимое для успеха спектакля (это помимо репетиций).

Петр Лягин. Валера как-то не просто вошел в мою жизнь, но, как потом стало ясно, естественно для своего характера. Это произошло где-то в 1986 году в ЦДУ, где я занимался в вокально-оперной студии, руководимой народным артистом СССР великим русским басом И. И. Петровым и замечательным концертмейстером М. В. Водовозовой.

Валера с друзьями создавал эстрадный театр ДУЭТ и пришел к нам в студию за «вокальными кадрами» для участия в будущих спектаклях. Я к этому сначала отнесся без особого энтузиазма. Но он как-то ненавязчиво, но настойчиво, через нашу Маечку, мнение которой было для всех нас неоспоримо, добился своего. Майя сказала: иди — и я пришел! В этом, как я потом убедился, сказалась одна из его главных черт — убежденность в своем выборе и правоте, видение конечной цели.

Вообще, хватка у него была мертвая, хоть и мягкая. И слава Богу! И огромная благодарность ему! За то, что он ввёл меня в этот мир замечательных, интересных, творческих людей. С радостью и удовольствием протекли более двух десятилетий моей жизни в замечательной дружеской творческой атмосфере.

Столько талантов! Как интересно было наблюдать после спектаклей на дружеских пирушках их искрометное пикирование между собой И мгновенно возникающие экспромты. И для всех Валера несомненно был лидером. Может быть, это качество нас роднило. Мне хоть и не удалось в студенческие годы побывать на стройках, но я знаю, что Валера и там отличался упорством. Ребята рассказывали мне о его трудовых подвигах. А главное, он создал прекрасный поэтический памятник об этой поре. Создал много прекрасных стихов и песен, в которых Валере тоже не было равных. А он их писал постоянно для своих друзей, людей, которых он любил. Слава Богу, много сохранилось и напечатано. К сожалению, сам я по своей безалаберности многое утерял.

Валера был человеком компанейским и любил, скажем, выпить. Но тяжело пьяным не видел его никто, у него просто повышался градус общительности. Здесь можно рассказать много смешных, трогательных даже, эпизодов. Например, мы с ним частенько задерживались при встрече в Доме ученых в буфете, где имели некий кредит на случай отсутствия денег. Никак не могли расстаться. И он во всё время беседы что-то

писал. Потом мы шли к метро и частенько заходили к нему домой, благо этот дом был недалеко. И я иногда оставался, поскольку метро было уже закрыто. Спасибо Наташе — не выгоняла! Однажды просыпаюсь, а на подушке рядом — голова Дана, огромного пса.

Евгений Полищук. Вся история создания ДУЭТа проходила у нас, старых Валериных друзей, на глазах. Первый раз я услышал это слово, когда мы вчетвером (я, Канер, Чечин и Недорезов) летом 1986 года поехали на небольшую халтуру в какое-то охотничье хозяйство под Москвой от министерства обороны (чуть ли не в Завидово — наверное Володя Недорезов, как организатор этой поездки, помнит). Там мы заменяли прогнившую крышу какого-то бунгало на новую, а на обратном пути в Москву Валера рассказал нам, что вот, есть такой проект: Эстрадный Театр Дома Ученых, с перестановкой двух первых слов — «ДУЭТ». Поскольку никакого отношения к эстраде никто из нас не имел, то Валера больше напирал на удачное местоположение будущего театра (центр Москвы), общую культурность обстановки (хорошие интерьеры, хорошая компания) и наличие пива в буфете (напомню, что в те годы пиво было далеко не так общедоступно, как сейчас). Агитировать, как всем хорошо известно, Канер умел превосходно, так что в самые ближайшие дни мы посетили рекламируемое им учреждение и совершенной справедливости сказанного Валерой. Несколько позже под напором Валеры мы стали членами Дома ученых. Мы занимались созданием декораций к спектаклям, их установкой и заменой в паузах между номерами (пока действие шло на авансцене), открытием и опусканием закрытием занавеса, поднятием И киноэкрана и т. д. Более того, поначалу некоторые из нас выступали даже в качестве «артистов» — в простеньких, конечно, номерах (типа «Сокращение штатов»). Кстати, в одном из номеров мы с Валерой Чечиным распиливали двуручной братьев-близнецов пилой одного из Рукавишниковых. Он укладывался в продолговатый ящик (другой там уже находился), который выкатывался на сцену на двух буфетных тележках; Валера высовывал голову через отверстие в торце ящика, а из другого торца появлялись ноги Вадима. Во время пилки Володя Недорезов включал мощную барабанную дробь, которая заглушала громкий шепот из

ящика: «Мужики, полегче, башку отпилите!» Затем половинки ящика разводились. Из одной вылезал Валера, эффектно вскидывал руки вверх, а из другой появлялся такой же Вадим и делал то же самое. И всё под мощное звуковое оформление. Проблема заключалась в том, что боковые стенки ящика были из фанеры, а пилить фанеру, которая может прогибаться, занятие скверное: пила может застревать; впрочем, с нашим огромным опытом пилки всего чего угодно мы, конечно, не опозорились перед почтеннейшей публикой.

Но другой случай мог закончиться не так благополучно. Надо было поднять киноэкран, использовавшийся в одной из сцен и ненужный в другой; мы начали это делать, кажется, с Рукавишниковым. Вдруг что-то застопорилось и экран остановился; дело происходило в полумраке, мы спешили, так как номер на авансцене заканчивался, и решили применить грубую силу, считая, что что-то там заело; экран снова ни с места; тогда мы уже просто рванули что есть мочи — и вдруг раздается страшный грохот: оказывается, мы зацепили динамиком экрана за лежавшую зачем-то наверху доскупятидесятку, и она одним концом рухнула вниз на какие-то уже установленные нами декорации. Тут нам просто повезло: если бы около них находились люди, то спектакль закончился бы вызовом скорой помощи...

Поначалу театральная жизнь нам очень нравилась, особенно наши банкеты после спектакля в кино-аудитории, где капустник на сцене сменялся капустником в жизни, и гораздо более острым, чем то, что было допустимо на сцене. Так, помню сильнейшее впечатление произвела на меня песенка на окуджавскую тему «За что ж вы Ваньку-то Морозова...», в которой история никому не известного Вани Морозова обобщалась до истории типической на Руси — сначала боярыни Морозовой, потом Саввы Морозова (который «кидал на левых сотни») и наконец Павлика Морозова, после чего делался вывод:

И мы все эти песни слушали, Кричали весело: ypa! До основанья мир разрушили, Взамен не создав ни... хрена.

А ведь это пелось еще при власти коммунистов, еще в эпоху СССР.

Марина Сучкова. Я храню записи почти всех сценариев ДУЭТа. Они были частично подготовлены к печати Ольгой Сухаревской. К сожалению, Ольга не успела до конца довести свою книгу воспоминаний. Дело в том, что над сценариями работал большой авторский коллектив: Канер, Кон, Петров, Барский, Сухаревская, Миляев, Зеляева, всех и не перечислишь. Авторская группа собиралась каждую неделю в Доме ученых. Капустников за двадцать с лишним лет было поставлено более двадцати. Может быть, когда-нибудь они будут опубликованы, потому что это живая история нашего времени. Кстати, два первых сценария («Шаги по дому» и «Круги по городу») Канер сам напечатал в своей книге «Шизики футят» (с. 49–123).

Ирина Зубова. В феврале мы почти всей командой уехали в Звенигородский пансионат АН дописывать новый спектакль, премьера которого готовилась к 1 апреля 1987 года, а заодно и немного отдохнуть. Организовывал эту поездку Валера, причем продумывал всё и, как всегда, до мелочей. Приезжали мы туда и потом, и всегда всё было организовано по высшему разряду. Валера не только продумывал регламент и программу нашего творческого отдыха, если можно так выразиться, но и возможности вечерних посиделок. Он так ухитрялся подобрать комнаты, что всегда имелась одна, которая была со всех сторон (и по горизонтали, и по вертикали) окружена только нашими комнатами, т. е. теми, в которых проживали именно наши члены ДУЭТа. Это давало возможность засиживаться допоздна, петь под гитару и при этом не мешать никому из соседей. Организацией любого дела он всегда начинал заниматься заблаговременно. Он не раз приезжал в пансионат еще до нашего общего выезда для того, чтобы не только заранее забронировать номера для проживания, но и выстроить их именно таким образом.

Мне редко доводилось встречать людей с таким потрясающим талантом организатора. Кроме этого, он был еще и замечательным поэтом и бардом. Сейчас, когда существует интернет, доступна самая разная информация. И если вы наберете в поисковой строке «Канер Валерий Викторович» или даже просто «Канер Валерий», вы увидите, какое значимое место занимает он в памяти людей, и сможете познакомиться с его творчеством.

Наталия Селезнева. Как же мы были счастливы и во время репетиций, и на самом спектакле и, конечно, после спектакля! Вскладчину накрывались столы в предоставленной нам комнате, где мы хором пели наши любимые песни. Праздник продолжался и после закрытия Дома ученых. Мы на радость прохожим пели песни на Гоголевском бульваре и не могли расстаться, так как очень любили друг друга.

Люба Гордина. Мои воспоминания о Валере Канере практически всегда связаны с какими-нибудь комичными случаями и очень похожи на сказки (может быть Шахерезады, во всяком случае, для меня точно так и есть, поскольку писать и рассказывать, как это было, я могу только ночью, когда от тебя все отстали, и не отвлекают телефонные и скайповые звонки). Постараюсь изложить то, что осталось в моих воспоминаниях яркими эпизодами.

Конечно, соблюсти хронологию событий и последовательность их изложения сейчас для меня не представляется возможным, за что прошу прощения у читателя.

Как я познакомилась с ним? Все было довольно неожиданно и быстро... Прихожу однажды на обычный свой урок в вокальный класс к Майе Водовозовой и Ив. Ив. Петрову, и сразу же меня оглушает голос Майи: «Тебя тут какой-то крокодил спрашивал». На мой вопрос: «Как он представился?», Майя сообщила, что «он вообще не представился, но я ему сказала, что Гордина будет позднее».

В этот вечер Валера больше не входил в наш класс, но зато поджидал меня в буфете вместе с Натальей Селезневой, которая и представила нас друг другу. Тут же было сообщено о замысле создания ДУЭТа и что этот коллектив немыслимо создавать без вокалистов. Я сказала, что подумаю, как я смогу быть полезной, но Валера был уже с заготовкой и сразу вручил мне переделанную до неузнаваемости хабанеру из известной оперы³⁷ и заставку, с которой мы с Петей Лягиным выходили открывать и закрывать наши спектакли. Мне показалось все это забавным, и я решила прийти на репетицию и попробовать. На первой же репетиции к процессу подключились Кира Цыбина, Петя Лягин, Володя Гребняк — и понеслось.....

³⁷ Из оперы Ж. Бизе «Кармен».

Каждые наши «Иван да Майя четверги» (этот шедевр — см. «Листья лета», с. 296 — был написан Канером позднее, когда они уже были полные друзья с Водовозовой, поначалу никак не принимавшей наших походов «налево» в ДУЭТ) Валерий встречал нас в нижнем буфете с бокалом вина и закусками, и сразу же начинался творческий процесс. А поскольку никакой бумаги под рукой не было, в ход шли столовые салфетки, на которые наносились шедевры канеровского поэтического дарования. Таких салфеток у меня скопилось довольно большое количество, и когда мне позвонила Ира Зубова и озвучила идею создания книги о Канере, я бросилась разыскивать папки с «нетленками». Пришлось немало потрудиться, пока первая папка была извлечена из антресольных закромов.

Отдельной статьей я выделяю воспоминания об отдыхе в пансионате во времена Канера! Как правило, Валера приезжал раньше всех в пансионат и резервировал номера для семейных и малосемейных или совсем несемейных. Но пансионат соответствовал всем требованиям, чтобы его можно было охарактеризовать как «советский» в плохом смысле этого слова: окна были искорежены временем так, что, если долго находиться в такой комнате, то можно было спокойно сразу после отдыха переезжать в лазарет.

В этот раз нашей семье достался номер под круглой цифрой 200. Но, кроме сквозняка, который присутствовал в комнате и который был не нужен, в этой же комнате отсутствовало зеркало, которое было нужно, особенно, если учесть, что мне предстояло выступать в концерте. Я возмутилась таким положением дел и сообщила об этом Валере, на что он отреагировал сразу: «Из окна через 15 минут не будет дуть, а зеркало будет в комнате через 20 минут». К моему удивлению, все так и произошло, но не осталось без внимания поэта, и родился «жестокий романс — Любовь в двухсотом» («Шизики», с.129).

Как было выяснено позднее, зеркало он вынес из собственного номера, оставив при этом Наталью без предмета, который отразил бы ее состояние недоумения по этому поводу.

Наталия Тиме. Зато его мгновенно отразил Андрей Петров в своей песне к Наташе на мотив «поручика Голицына»:

«И зеркало наше уносят от нас..»

Просто Валера был абсолютно уверен в моем содействии по преодолению всех организационных трудностей.

Люба Гордина. Итак, следующая ночь воспоминаний... Не могу обойти молчаньем эпизоды про бани в Звенигороде, которым посвящены, например, такие стихи:

Я понял, как прекрасен мир! Как многонотно многогранен! Вы — мой вокальнейший кумир! И тембром я навылет ранен....

Вы — мой бальзам. Нет, мой женьшень! Сказать тоньшей — транквилизатор, Как для монгола — Улан-Батор И как для снайпера — мишень...

Краснею я от дилетантства — Кого за собственное пьянство, Кого, кроме себя, корить!

Не помню я, как пахнут розы, И тишину забыл аллей, И за день принимая дозу, Под утро становлюсь смелей,

И розы — честно говорю — В канун купанья Вам дарю!

14.04.89

Что касается купанья и парилки в благословенном пансионате Звенигорода, так это целая серия воспоминаний... Никогда не забуду, как Валера поднял всех на ноги среди ночи, привез из города банщицу, но все-таки организовал парилку именно в тот вечер, когда мы дружно приняли решение: сегодня должна быть парилка:

В бассейн

вошла твоя спина Как с Рубенса прям полотна!

Теперь, когда пойдем мы в баню, Видать,

увижу Модильяни!

05.02.98

Или двумя годами раньше такой пассаж на открытке с букетом роз, которые лежали на клавиатуре рояля с надписью «Для тебя»:

Есть, безусловно, чем гордиться ей, Вокальной приме жизни всей моей —

И тембр, и сила голоса — звезда! Улыбка даже в танце появилась... Как не гордиться ей, скажи на милость — Но ей гордыня попросту чужда,

Хотя от Бога Любе дан венец! И это только я такой гордец — Я рядом с Гординой гордился Что в сауне с ней вместе мылся!

04.01.96

В продолжение темы о Звенигороде:

Я что-то часто замечаю, Что я без Гординых скучаю...

А скука — это всем известно — Взывает к пиву на ходу... И, забронировав двухместный, Себе я место не найду...

И лезу к Юре в холодильник — У нас теперь такой закон... А утором злой педант — будильник Жестоко рвет короткий сон —

О, сэ ля ви! И я встаю И встретить Вас уже не чаю, Но на исходе дня встречаю, И ключ покоя отдаю...

(написано на плотной бумаге, оторванной от открытки, 13.04.89).

... Да, чуть не забыла написать о стихах, размещенных Валерой на фотографиях со сценами из ДУЭТа. Вот они:

На сцене большого ученого клуба

На Вас мы, как зайцы глядим на морковь... Всё так вдохновенно, так дорого-любо, Что тянет взять ноту фальцетом: Люб-о-о-о-о-о-вь....

И еше:

Вас не включили в конкурс Дульсиней, Чтобы оставить Всем альтернативу..... Я уважаю волю коллектива, Но я люблю работать Только с ней

11.11.95

Рассматриваю фотографию финала одного из первых спектаклей — все еще живы: А. Петров, О. Сухаревская, Т. Нуллер, Ю. Гринштейн. В центре Валера Канер. И подпись на обратной стороне:

Какая дружная семья! Но лучше всех — Любовь моя!

Следующие шедевры извлекаю из конверта с красной полосой и надписью сверху: «Служебное». В конверте целая серия стихов на салфетках:

Сидит Шарапов. Пива много... Завидует: Ты, Люба — ax! Ты не завидуй, ради Бога! Мы чаще видимся во снах...

05.02.98

Я все достаю и достаю из папок разного формата и плотности бумаги, на которых черными, синими, красными чернилами стихи... стихи... стихи. Кажется, я была неправа, когда решила опубликовать в книге воспоминаний о Валере Канере эти посвящения: сейчас я понимаю, что это практически нереально, а вместо воспоминаний о нем получаются воспоминания о стихах Валеры, которые он написал для меня. Боюсь, меня не поймут мои коллегидуэтянты и выбросят значительную часть из моего текста при редактировании, поэтому решаю, что Шахерезада завершит свои сказки этой ночью. Ограничиваюсь вышесказанным и хочу закончить опять Валериными откровениями, так как

признаю, что именно он больше и лучше всех моих остроумных друзей охарактеризовал меня в своих посланиях. Он так и заявляет: «Любу лучше я воспел!»:

Пришел Гребняк... Авьон-пикантик.

.....

Глазастый, но с искрой в душе... И все же — хоть он тоже зайчик, Но где-то глаз его подвел... Мужчина. Летчик. Где-то мальчик... Но Любу лучше я воспел!

Ирина Зубова. В самый первый день после приезда и размещения по номерам мы все отправились на склад инвентаря за лыжами, и далее была дана команда отправляться всем вместе на лыжную прогулку. Я хотела увильнуть, потому что кататься на лыжах не умела. Но не удалось. Мне было сказано, что меня ждут всей командой возле главного входа и чтобы я сильно не задерживалась. Не скрою, я тянула время, как могла, и поэтому, когда вышла из корпуса, увидела удаляющуюся группу наших лыжников. Они мне помахали: мол, догоняй.

Мне захотелось тоже хоть чуть-чуть прокатиться с горы. Когда я стала подниматься вверх, то поняла всю опрометчивость своего поступка. Склон был отполирован, как хороший паркет, и развернуться, чтобы съехать, я не могла, поскольку понимала, что неизбежно упаду. А посему решила подняться до некой площадки, которая мне показалась достаточно большой, чтобы можно было развернуться на ней и съехать вниз. Лучше бы я этого не делала...

Площадка оказалась очень маленькой. И пока я пыталась развернуться так, как надо, лыжи поехали. Единственное, что мне удалось сделать, это сжаться в комок, и я кувырком — с лыжами на ногах, с палками в руках — покатилась вниз. Меня стало сносить в ложбину, где росли березы... Сколько уж лет прошло, а я до сих пор помню ощущение ужаса от того, что лечу на березу, а изменить траекторию своего полета не могу. Полагаю, не стоит подробно описывать весь этот кошмар, скажу только, что в результате моего эксперимента были сломаны обе лыжи.

Когда я вернулась в корпус с четырьмя частями лыж, все еще в состоянии испуга, наши все были уже на месте и

собрались в одной из комнат. Сначала меня начали упрекать в том, что я не догнала их, но практически сразу все обратили внимание на мой перепуганный вид и на то, что осталось от новых лыж. Как выяснилось, они «прожили» всего около трех месяцев.

Мой рассказ о случившемся вызвал такой дружный хохот всей команды, что мне даже обидно стало, потому что чувство юмора после пережитого ужаса ко мне еще не вернулось. Хотя понятно, что без смеха невозможно слушать подобные истории. А если еще и представить себе, как это выглядело... Одним словом, я ушла к себе. Но к вечеру Валера написал танго, которое назвал «Фристайл» (Шизики футят, с. 125). Когда после ужина мы собрались в его номере, туда пришел директор дома отдыха, чтобы договориться о дне нашего выступления для отдыхающих. Тут же было предъявлено танго, которое всем понравилось (кроме меня — я только позже оценила его, а в тот момент мне было совсем не до смеха), и коллектив дружно решил, что я должна буду спеть его в концерте или платить штраф за лыжи. Поскольку на штраф я не рассчитывала, пришлось петь.

Я не случайно остановилась на этом эпизоде из нашего отдыха. С этого дня Валера каждый день писал новую песню о всяких забавных ситуациях, связанных с нашим пребыванием в Мозжинке. И каждый вечер, соответственно, проходила премьера новой песни. Это стало замечательной традицией, которую подхватили и другие наши дуэтяне. Таким образом, с течением времени набралось довольно много песен о нашем житье-бытье на отдыхе под Звенигородом и не только.

Как выяснилось в первые дни, Валера не умел кататься на горных лыжах и решил во что бы то ни стало ликвидировать сей пробел. Надо было видеть, с каким упорством и терпением он осваивал это нелегкое занятие. И уже буквально через пару или тройку дней смог съехать с вершины горы до самого подножья, пройдя всю трассу между деревьями! Это было потрясающе. Естественно, такое событие не могло не быть отражено в песне. Он написал замечательно веселую песню о том, как осваивал горные лыжи. Впоследствии это стихотворение вошло в его книгу «Сто стихов» (с. 179), многие другие вошли в книгу «Листья лета» (например, «Лыжная невезуха», с. 197, «Фокус-покус», с. 337) и «Шизики футят». Последняя книга состоит из трех частей: первая посвящена опере «Архимед», которую написали Валера Канер

и Валера Миляев, еще будучи студентами физического факультета МГУ. Вторая часть посвящена ДУЭТу и нашим выездам в Звенигород. А третья — стройотрядам.

Валера был поэтом от Бога. Стихи и шаржи рождались у него на лету и по любому поводу. Он записывал их на чем только можно, вплоть до бумажных салфеток из столовой. Очень жаль, что нельзя собрать все записки, клочки бумаги и т. д., на которых он чего-то написал, потому что это получилась бы весьма внушительная по объему и очень интересная по содержанию книга. Но некоторые из стихотворений, относящихся ко времени наших выездов в пансионат Академии наук под Звенигородом и еще не опубликованных, приводятся ниже.

За чашкой кофе, рядом с Петей

Афродите

Вей, женской стати суховей! От взлёта пламенных бровей За дальним столиком Матвей (Пока что не Матфей) воспрянул, Застыл, пока что гром не грянул, И тихо попросил: Налей...

Тане из бара

Тут саксофона трубы, тут кофе и интим. Светильники, как губы, в глаза пускают дым. На стенах — гобелены, а на столе — коньяк... Размявши в зале члены, мы выпьем на трояк! Поддавши чуть, не пьяны — что слава? Слава — дым! Мы в царстве у Татьяны, довольные, сидим.

Три грации

Я балдею! Ну, иди ты! — Оля, Таня, Афродита! Врач исправит пива бред, Просветит искусствовед, Третья.... Вздрогнули пииты — Оля, Таня, Афродита!

Марку из МАРХИ

Библиография важна — Иначе кто ж чего запомнит? И даже вальс старинный, томный Без муз. архивов — на хрена?

Златовласка

(этюд в парной)

Ну, бывает в прострации сказка: Я сижу — так чудесно, ох, ах! Вдруг приходит — к кому? — Златовласка, Пусть немного с опаской в глазах. Мы, конечно, ей сходу — простынку, Женя сразу — «Баварии» стол, Петя нежно накрыл ее спинку, А очкарик всё ищет глагол... Вот Ирина, взойдя на перину, Пара вместе с Ларисой в парной, Вышли к нам, как в Париже в витрину... И гадаю, кто я — Сим иль Ной?.. Только нету смущенья ни грамма, Потому что общение есть... Стаси, платье снимите! Здесь Хама Нет. Здесь только парилка и честь...

Слесарь

Как жаль, что я не Рембрандт-Ренуар, Как жаль, что под рукою нет мольберта! На простыне ты, как письмо с конверта — И хочется прочесть про божий дар!

Как жаль, что я, к примеру, не Серов, А то ты смотришь, прям, как «Незнакомка», Иль Жанна Самари³⁸ — волос соломка, Как огниво нез<u>а</u>жженных костров...

А в жизни, как всегда — кто Бог, кто кесарь... Но как овалы эти хороши! Писатель — инженер людской души, И я по этой части — тоже слесарь!

 $^{^{38}}$ Французская актриса.

И вот, когда дошла от пара кровь, Конверт раскрылся, и она стояла... Народ язвил, похохотав немало: Что, слесаря не видела, Любовь?!

Хокусаинка

(рассказ в парилке о землетрясении во время научного визита в Токио)

Земля тряслась, как наши груди! Зажала йогурт между ног. Сложился домик... Что за люди! Глаза косые, мал висок... Сложился домик. Я, босая, На Фудзияму — выше скал... Какой коварный Хокусаи! — Про восемь баллов не писал... Всё на резиновых рессорах — Дом, унитаз, диван-кровать! У нас с Валюшей были ссоры — Чтоб не упасть, кому как спать... Земля тряслась, как наши груди... Не удержался между ног И рухнул йогурт...Бог рассудит, Кто, почему и как не смог!

Xopowo!

(хоровая песня)

Хорошо над Москвою-рекой В бане прыгнуть в бассейн на рассвете И пробить его бортик башкой — Мы сурового времени дети!

Те, кто пара богомольцы,
Те сильны этой верною дружбой!
Бочку пива сглотнем, если нужноТолько так можно счастье найти!
Поднимайся в небесную высь —
И на верхнем полке все засели...
Очень вовремя мы родились —
Дым столбом! Вот что значит Расея!
Сняли кольца добровольцы,
Сняли прочие штрипки-резинки

И вальяжно сидим — не на рынке! — Мы в нирвану на верном пути! Лучше нет, чем с такой молодой, Всё что есть — испытаем на свете! И в бассейне с прозрачной водой Услыхать соловья, то есть Петю!

Ах, как в сауне-то жарко! Вызывайте скорей санитарку! Если трудно — хотя бы доярку Вызывайте в конце-то концов! Ах, как жалко, что плывёт по бассейну мочалка, Добровольцы мои, ах, как жалко, что прошли эти десять часов!

— o —

Имя-то хорошее...

(ночной этюд)

Но всё равно, живи, Россия! И пусть кому-то — на хрена, Детей лечить Анастасия Призваньем жизни суждена. И лекции читать я должен, И, не стесняясь, говорить — До двадцати уж если дожил — То должен мир благодарить... За то, что предки, хоть и редки, Прошли по миру страшных пуль, Когда давили танки ветки И месяц отпусков — июль... За то, что не взметнулось пламя, И в радиации сплошной Не все тянули кверху знамя — Вперёд, навстречу и за мной... За то — опять пишу курсивом — Я вечно жизнь благодарю, Что в жизни есть Анастасии, Которых я боготворю...

Птицелов-рыболов

(настроение)

Внутри — твори, иль не твори — Да все стихи условны! И ключ оставил я в двери, Крючок как рыболовный.

Снаружи ключ воткнул в двери, Капкан как и приманку — Теперь кури, стихи твори, Крути свою шарманку!

Сижу я час, сижу другой — Никак плотва не клюнет. Душа взывает, как гобой — Что ж ключ никто не сунет?!

И так торчал мой ключ всю ночь Ни слова, ни привета... И вдруг пришла под утро дочь Любимейшая Света.

Рабочий сцены (Вале Петрову)

А я в ДУЕТе есть рабочий сцены, Я с бабочкой пред вами выхожу И уношу весь тот навоз с арены, Что наложили вы по типажу.

Вы — статуэтки. Сцена — как витрина. Я с вашими подставками вожусь. Полно в кармане нитроглицерина — Я им всегда с маэстрами делюсь.

Я давеча нырнул, как морж, в бассейне. Бассейн с секретом был — там спирт налит... И третий день чураюсь я портвейна, Чураюсь бани — в общем, монолит!

Гефест'у — пятьдесят

В год быка гляжу я снова На седого мужика И скажу вам: честно слово! — Это вовсе не хреново, Что похож он на быка!

Не Черномырдин он, не черноморден — Он белолиц, белобород — он Игорь Гордин!

Сегодня разменяет он полвека, Седой, но юный, вопреки судьбе — Вот так судьба играет человеком, Когда он не играет на трубе!

Хотя он на трубе и не поёт, Но изредка чего-нибудь куёт! На лыжи станет — девки все окрест Ну просто вянут: Ах, какой Гефест!

С женой пройдётся — мужики в тоске: Везёт же людям! — Седина в виске, Зато жена — ну прямо бес в ребро, Ну прям переворачивает нутро!

Грустим, глядим, завидуем в отпаде: Прям крем-брюле! Грильяж прям в шоколаде! Жену ты в бане охраняй, но не стреножь! От коллектива для охраны — финский нож.

Гефест достоинства всегда узнает стали И сохранит жену на пьедестале! Пока жена рассматривает финку, Прими-ка Игорёк одну новинку. (см. «Бык по имени нефрит»)

И коль не разогреет крови ток — На кипятильник! Будет кипяток!

Любой безудержно-бесстыжий, Ужасный циник, павиан — При виде этой ярко-рыжей Стыдливо скромен, как тюльпан...

Бык по имени нефрит

(подарок — от свечки огарок)

Из нефрита бык — он чудо-юдо! Укрепляет стержень мужика. Из него апартаменты Будды Сделаны когда-то на века.

Теплоёмкость — выше, чем у вара!

В нём тепло — как в утренней золе. Чакры — Манипура, Мулабхара³⁹. Самый древний камень на земле!

Счастье — от его прикосновенья! — Только подвяжи его к пупу. Ты ведь, как Гефест, ковал на сцене? — По-китайски он — «Кую-ту-пу».

А нефрит — по-греческому «почка», Так что бык по имени Нефрит, Если встретит Вас, и в одиночку — Чудо с Вашей почкой сотворит!

Внутрь принимать его не надо!
Но проверить можешь хоть на ком —
Рогом прикоснись повыше зада —
Будешь просто писать кипятком!

Ирина Зубова. Кроме Валеры, замечательные стихи и песни писали другие наши авторы — Андрей Петров, Ольга Сухаревская, Юра Гринштейн, Лева Барский, Лена Зеляева и Все они пребывали практически в непрерывном творческом процессе. Когда мы собирались у Валеры по вечерам, все новые произведения — будь то стихи или песни, как-то так получалось, тут же исполнялись. Но заканчивались наши посиделки, как правило, чем-то вроде поэтического турнира между Канером и Петровым, в котором ни один не хотел уступать первенства другому. Начиналась пикировка четверостишьями, сочиняемыми на ходу. А то и восьмистишьями. Причем все происходило так быстро, что записывать за ними было невозможно. А диктофонов у нас не было, о чем мы неизменно сожалели. Продолжались эти турниры обычно не один час. Причем чем дольше они пикировались, тем в больший азарт приходили. Каждый хотел оставить последнее слово за собой, поэтому расходились мы по своим номерам обычно далеко за полночь, когда ктонибудь из присутствующих вдруг напоминал, что неплохо бы и поспать до завтрака. Но до чего же это было интересно!

³⁹ В индуизме чакры — центры силы и сознания, расположенные во внутреннем (тонком) теле человека; Манипура, Мулабхара — виды чакр.

Всегда неожиданно и остроумно, просто потрясающе. Ни с чем подобным мне больше нигде и никогда сталкиваться не доводилось.

Конечно, невозможно упомнить все события и ситуации, которые случались с нами и во время таких выездов, и в процессе репетиций или выступлений. Всегда было очень интересно и весело. После спектаклей обычно собирались в большой аудитории с роялем. Там накрывались столы для участников спектакля, и мы имели возможность красиво и весело отметить свой коллективный успех. А успех был и немалый. Нетрудно догадаться, что организация банкета тоже являлась частью Валериных забот.

У нас сохранились видеозаписи не только спектаклей, но и некоторых застолий, которые тоже можно считать отдельными спектаклями-концертами, правда, на несколько другом материале. И это было замечательно! Ведь понятно, что если собираются яркие, талантливые, творческие личности, то им всегда есть что предъявить своей аудитории. И то, что они предлагают, всегда вызывает очень живую реакцию, поскольку всегда интересно, остроумно и весело. К тому же одним, как мне кажется, из главных достоинств нашего коллектива была доброжелательность в отношении всех и каждого. И в этом тоже большая заслуга Валеры Канера.

Люба Гордина. Хочу особо вспомнить о стихах Валеры во время и после моих бенефисов:

Уймитесь, волненья и страсти! — Я снова Вас слышу со сцены.... И чтоб не устраивать сцены, Скажу очень сдержанно: Здрасьте!... Потом под следствием скажу — Я Вами очень дорожу!... 05.03.88

А вот продолжение темы, связанной с музыкой (написано на клочке бумаги А4, разорванной на четыре равные части):

Достаю я, блин, наган — Спой, Любаша, под орган! А не может если он — Спой хоть под аккордеон!

А этот опус начертан на неровном обрывке картонной коробки из-под коньяка «Метаха» на обратной белой стороне:

Все в ней прекрасно, благолепно, Так ясно и великолепно, И незлобиво, и спокойно — Благословенно и достойно.... В ней все волнует кровь — Любовь и Гордость. И Любовь.

18.05.95

Володя Недорезов. Дом ученых вообще и Канер, в частности, стимулировали творческую активность. В результате появились две книжки, которые однажды были представлены с участием солистов ДУЭТа: одна из них была написана мной — «Шаги по времени» (название заимствовано у Канера), вторая — В. Шараповым: «Всполохи былого. Фото и поэзия. Стихи — Валерий Канер, Валерий Миляев. Фото — Валерий Шарапов». На этой презентации песня «А все кончается» прозвучала на французском языке (в моем переводе:

Tout va finir, tout va finir, moi j'attends... Déjâ le railles scintillent dans la nuis. Les yeux voudrais ce dir et ce comprendre. Mais tout est clair, mêm sans paroles, c'est dit.

Nous reviendrons bientôt nos villes et nos familles, Mettron nos fracks pour contrer le déstin. Et si nos coeurs s'enrhument ou s'ennuient C'ést on nu méme, a chércher la médecin.

Nous tiendron bon dans le meanders de la vie. Ne laisserons pas rouilles les souvenirs Pour revenir, un jour la – bas ou bien ici, Pour être avec vous, tout simplement amis.

Et parfois ma tête est lourd a insomnies. De vieux fracas on de nouveaus soicis. Et tel un arbre san solei de vie, Moi, je ne peux vivre sans amis. Merci. Vous êtiez prêt aider toujours. Chacun ouvert tél qu'il êtat lui, Mon Coeur est chaud ou souvenir de ce sejour, Merci encore! A la prochain, amis!

Наталия Тиме. В общении с персоналом Дома ученых Валера достиг больших успехов, добиваясь практически всего, чего хотел. Он мог устроить банкет в любом зале, продлить работу гардероба, устроить мастерскую в подвале, но главное — получить большой зал для представлений.

Валера любил устраивать и юбилеи. Самым лучшим подарком на юбилеи он считал денежные купюры, которые сам же и изготавливал. У меня сохранился билет на юбилейный праздничный капустник ДУЭТа.

Практически все участники ДУЭТа регулярно получали от Канера стихи на память. Чаще всего они писались на салфетках, на случайных листках бумаги. С особым пиететом Канер относился к вокально-оперной студии.

Ирина Зубова. После спектакля мы собирались в киноаудитории. За рояль садился наш бессменный пианист Е. Оганесян, и начинался наш вечер, он же праздник по случаю успешного выступления (надо сказать, что наши спектакли действительно всегда проходили с большим успехом, что не могло не радовать). Это не было просто посиделками за вкусным столом, а превращалось в другой и тоже музыкальный спектакль, вернее сказать, концерт. Звучали песни, романсы, пародии, шаржи... Одним словом, это был фейерверк ничуть не хуже того, что перед этим происходило на сцене зрительного зала.

Одной из форм дружеских шаржей можно назвать некую серию частушек, объединенную под одним названием «Оганесянки», посвященных Жене Оганесяну. Сначала их писал только Валера и написал очень много и по самым разным поводам. У Валеры это так замечательно получалось, что наш веселый народ, всегда друживший с юмором, не мог не включиться в этот процесс. Получилось что-то вроде игры, в которой поучаствовали многие наши острословы. И в результате сложилось что-то вроде сборника замечательных частушек. В основном, они напечатаны («Шизики футят», c. 232–133), приводим некоторые здесь оставшиеся неопубликованными:

В звании почетном капитана Пребывал наш Женя до сих пор. Я за что люблю Оганесяна, Завтра, может, будет он майор!

Как известно, в Матенадаране ⁴⁰ Старых библий бронзовая дрожь... Но я что люблю в Оганесяне — Он на Яна Френкеля похож...

Гдляна отличу я от Сарьяна, Сарояна с Карояном тож... Петросян на Жэ. Оганесяна Что скажу — нисколько не похож!

1990 г.

А. Петров — В. Канеру

Песни я писал, как по заказу, Словно закусивши удила: Про фристайл, про Живкова, про вазу — Что ни день, то новая была...

Но однажды после выступленья Всем подряд из наших дам и дев Я читал свои стихотворенья, Абажур на голову надев.

А у меня цветистая палитра, А у меня широкая нога: Принял я — ну, максимум — поллитра, А уже в стакане ни фига!

Так ведь можно выпасть из нирваны, Так ведь можно и лишиться сил... Как я ни хвалил Оганесяна, Здесь он мне недораспределил.

Может, я чего-нибудь не понял, Только так не делают дела — Лена ведь, видать, в мечтах о Коне, В этот раз совсем мне не дала!

И не в силах превозмочь волненье

 $^{^{40}}$ Крупнейшее в мире хранилище древнеармянских рукописей.

К Лие в номер я рванулся зло... У меня такое ощущенье — Вроде б точно, с ней мне повезло!

После слов: «Да я тебе, Валера, Дорогое самое отдам» — Вроде б точно, я из шифоньера Взял и водку, и портвейн «Агдам».

Вроде б точно, нёс я их до зала, Там ещё был, кажется, Гринштейн... Утром мне Карина не сказала, Кто же выпил водку и портвейн.

25.2.90. Звенигород

Ольга Сухаревская

Мужчинам ДУЭТа

Мужчины ДУЭТа,
Порою жестоки бывают они,
Но мы им всё это
Прощаем за наши счастливые дни.
И, словно на праздник,
Спешим мы с работы во вторник, в четверг.
Мы любим их, разных,
Но любим их мы одинаково всех.

Не верим Валере, Когда он нам пишет насмешливый стих, Петрову не верим, Когда он бушует в наскоках лихих, Не верим мы Кону, Когда он язвительно нас оборвёт, А верим бессонным Ночам, когда Юра нам песни поёт.

Мы роли учили, Боялись смотреть в переполненный зал. ДУЭТа мужчины — Надёжны их руки, ясны их глаза. Калиною красной И белою вербой мы платим сполна. Как это прекрасно,

Что осенью тоже приходит весна. 1990 год, Звенигород

Лена Зеляева Утренняя лыжная песня

Мы идём по первопутку, На ногах у нас дрова. Очень голодно в желудке. На термометре плюс два.

Не люблю я мазохизма С лыжной палкой на ремне. Прелесть зимнего туризма Совершенно не по мне.

Прикрываясь встречей с Таней, Юра в лес завёл двух дам, Ох, когда мы перестанем Верить нашим мужикам?

Вот Петров, он снял все пенки И в Москву, хитрюга, сбёг, А его супруга Ленка Дома спит без задних ног.

Ирка Зубова — не дура, Развернулась — и назад. Неужели не приду я В наш родной пансионат?

Пять кило висят на лыже, Надрываюсь, как ишак. Боже, как я ненавижу Этот самый длинный шаг!

Обняла я дуб руками, Зарыдала, что есть сил, Сердце Канера — не камень, Он окурком угостил.

Мы — нормальные герои И всегда идём в обход, Потому-то мы и строим Коммунизм который год.

Зима-весна 1990 г.

Александр Кон

Слово о товарище Канере

Оно пришло, не ожидая зова, Хоть не само, но не сдержать его, Позвольте мне сказать вам это слово, Простое слово сердца моего.

Товарищ Канер, Вы — большой учёный, Капустознания преодолевший ров, А я долдоню текст незаучённый И мне товарищ Барский да Петров...

Для Вас мы все костьми, иль как там, лягем, Распорядитесь в нашей лишь судьбе, Ведь Вам так верил слёзно Петя Лягин, Как, может быть, не верил и себе...

Пусть даже и ДУЭТ в забвенье канет Я громко прокричу, отринув лесть, Спасибо Вам, родной товарищ Канер, За то, что Вы такой, какой Вы есть!

11.12.1986. Переделкино

Людмила Колодяжная. В апреле 1993 года я случайно нашла на письменном столе Евгения Полищука книжечку с программой Дома ученых на апрель. Евгений, оказывается, благодаря Валерию Канеру уже был членом коллектива «ДУЭТ» — этого уникального клуба ученых в самом центре Москвы, с прекрасными программами, научными секциями и т. д. В этой книжечке я нашла объявление о концерте Студии художественного слова. И сказала сама себе — мне сюда! (дело в том, что все детство я читала стихи и вела концерты в пионерском лагере от ЦК КПСС, в этом грозном учреждении 40 лет проработала моя мама).

Я пришла на концерт, где члены студии читали стихи своего руководителя — поэта и режиссера Сюзанны Серовой. Я стала членом этого замечательного коллектива, в котором выступаю уже более 20 лет.

Дом Ученых стал практически моим родным Домом — и хор, и литературное объединение, и концерты вокальнооперной студии, которые я вела в течение пяти лет... И все это состоялось только потому, что Валерий Канер был не только сам руководителем коллектива ДУЭТ, но и многих своих друзей вовлек в эту артистическую среду.

Володя Недорезов. Вспоминая о ДУЭТе, я смотрю на красивую папку с надписью: Ветеран ДУЭТа. Диплом 1986—1996». А внутри — разные фото и программа: «Творческий вечер Валерия Канера, в котором принимают участие Сергей Никитин, Любовь Богданова, Дмитрий Гальцов, Валерий Миляев, солисты вокально-оперной студии ЦДУ во главе с М.В. Водовозовой, участники коллектива ДУЭТ, в том числе Галина Васильева, Юрий Гринитейн, Елена Зеляева, Ирина Зубова, Евгений Оганесян и многие другие; и, конечно же, в запе — Вы!».

Ирина Зубова. Спектакль, посвященный 70-летию ректора МГУ академика Рема Викторовича Хохлова, был дан объединенными силами студии Архимед и ДУЭТа. Результат превзошел ожидания. Опера «Архимед» зазвучала с новой силой.

Володя Недорезов. А через год было продолжение юбилея — празднование 10-летия ДУЭТА в пансионате «Звенигородский» РАН. Канер и здесь всем выдал пригласительные билеты. Все участники ДУЭТа получили также дипломы. Как обычно, выполнены они были очень тшательно.

Наталия Тиме. В конце главы можно видеть несколько страниц и фотографий из альбома, сделанного Канером к 10-летию ДУЭТа. На одной из фотографий подпись — своя рожа всего дороже — Валера сделал не только для меня, но и для всех своих друзей, попавших под объектив фотокамеры.

Дмитрий Гальцов. 1996 год, пансионат в Звенигороде. Чудесные превращения: воду в вино было незачем — и так хватало, а вот как банка консервов превращалась в поэтический инструмент, видели все. Баня — настоящее священнодействие. Мне было поручено доставить из Москвы пиво. Покупал на Гагарина, на толкучке. Продавец оказался бывшим сотрудником одного из академических институтов. Базар как муравейник. Рядом сомнительный тип предлагает поехать на Кавказ пострелять за деньги — в любую сторону. Все это врезалось в память не только потому, что было

отвратительно и унизительно, а потому, что было частью священнодействия. Апофеозом которого была парилка, Валерины экспромты, а потом — поэтический отчет о произошедшем.

Очень жалею, что в течение почти двадцати лет после физфака встречи с Валерой были редкими. Написать ноты, где-то подыграть на рояле. У Валеры была идея чтения стихов под мою игру. В незабвенные дни в пансионате мы это попробовали — и что-то получалось, но подходящей формы найти не успели.

Валерий Чечин. ДУЭТ стал последним крупным увлечением Валеры. В этом деле Валера проявил свои лучшие качества: как организатор, как поэт и художник, как душа компании. Валера был строгим и временами жёстким организатором. По-видимому, таким и должен быть режиссёр; в противном случае творческий коллектив превратится в толпу. Но и мы, простые рабочие сцены, не раз выслушивали строгие внушения Валеры за недоработки.

Часов за пять до спектакля, а то и накануне вечером Женя и я приезжали готовить сцену: что-то развешивать, пришивать на живую нитку и т.п. Делали мы это, честно говоря, «спустя рукава», воспринимая эти деяния, как лишнюю возможность весело пообщаться. Не таков был Валера — весь собранность, сжатые губы, ни тени улыбки. «Что вы такие непутевые, то опаздываете, то делаете не так. Вот Володя Недорезов — человек надежный, я знаю, что он всегда в своей будке. Звук, свет, диапозитивы — всё о'кей» — ворчал Валера.

Еще более суровым бывал Валера на самом спектакле, просто не подступись. Мы, рабочие сцены, делали свое дело, наблюдая закулисную жизнь. В перерывах между номерами участники спектакля торопливо курили на лестнице и разглядывали листочек с программой, написанной корявым почерком Валеры. «Ой, теперь наш выход. Мальчики, вон отсюда, мы будем переодеваться», — говорили симпатичные барышни в костюмерной, заваленной тряпками. В ходе спектакля мы регулярно посещали темный уголок, где находилась бутылка с простенькой закуской. Валера делал вид, что не видит этого, но осуждал такое нарушение дисциплины. К концу представления, когда его слегка отпускало, Валера шел в этот уголок со словами: «Зал вроде

бы реагирует хорошо. Ну что, всё выпили или мне что-нибудь оставили?».

Увлечение ДУЭТом продолжалось лет 10, а потом Валера охладел к этому делу: произошло то же самое, что с оперой «Архимед».

Евгений Полищук. После того, как Канер охладел к ДУЭТу (кажется, этому способствовало и то, что его режиссерская деспотия стала претить другим дуэтовцам), мы, «дети подземелья», как нас называли «господа артисты», тоже стали приходить реже, ходили только на сами спектакли, а потом и на них перестали бывать.

Наталия Тиме. Не хочется вспоминать о тяжелых периодах жизни Валеры, но справедливости ради... Валера был очень эмоциональным человеком, и на удачи и неудачи реагировал остро. Его любимой поговоркой и правилом жизни было — «Держать удар». А удар был сильный...

Но по порядку: в коллектив эстрадного театра при Доме ученых Валеру привел в 1985 году Валентин Руденко. Уже несколько лет существовавший авторский коллектив театра собирался, что-то сочинял, но ничего поставить не мог. Валера определил эту болезнь как «бледная организационная немочь». Валера же, помимо творческой одаренности, обладал прекрасными организаторскими способностями, и дело пошло. Работа над спектаклем — процесс сложный и многогранный. Обсуждения пьесы и отдельных номеров при постановке проходили порой очень шумно, но демократично. Обсуждались и принимались (или не принимались) все предложения и правки. Но Валера предупреждал, что на прогоне никакие изменения вносится не будут. И на генеральной репетиции он был беспощаден и резок. А у творческих людей генерация хороших идей — процесс непрерывный, и поэтому некоторые обижались. Но спектакли выпускали, успех был огромный и обиды прощались. Не все осознавали. какие огромные энергетические затраты режиссера. требовались ДУЭТ ОТ главного всепоглощающим делом мыслей и забот Валеры, и под его руководством было поставлено три спектакля...

А по стране катилось колесо перестройки. Наша интеллигенция, соскучившаяся по свободе, бросилась вводить выборы везде, в том числе в театрах (что потом было признано полной бессмыслицей). И авторский коллектив

ДУЭТа, устав от требовательности главного режиссера, переизбрал его (выбрали Андрея Петрова). Это был удар, от которого Валера зашатался. Каждая фраза разговора с ним на любую тему начиналась так: неужели они... не понимаю... И когда через год ко мне подошел Валя Руденко со словами: «Мы хотим вернуть Валеру, помоги», — я отказалась, потому что боялась, что эти эмоциональные перегрузки подорвут его здоровье.

На все это наложилось изменение обстановки в самом Доме ученых. Сменился директор. Вместо интеллигентнейшей Майи Александровны Цветковой, уважавшей и гордившейся своими домучёновскими коллективами, пришёл «хозяйственник» — бывший военный, человек грубый и чванливый, который на первом же заседании актива Дома поставил вопрос: «А зачем Дому ученых АН СССР нужен симфонический оркестр?» (об этом рассказал староста оркестра и один из активнейших членов ДУЭТа Юра Гринштейн).

При всем умении Валеры разговаривать администраторами, контакта с новым директором у него не получилось. Попробовал дать взятку в виде поэтического эссе на его 60-летие. Отношения улучшились, но не надолго. Пришел рынок, и сила рубля оказалась сильнее поэтических дифирамбов. Сдавать генерал-губернаторские гостиные под корпоративы оказалось выгоднее, чем отдавать их под репетиции учёных-сатириков. Директор отобрал у ДУЭТа подсобное помещение, где хранились большие декорации, предоставлении репетиций. ущемлял зала В ДЛЯ Принципиально бесплатные Валеры) (по настоянию представления ДУЭТа исчезли. При этом ДУЭТ должен был арендовать у Дома ученых большой зал для выступлений. В девять часов вечера Дом стал закрываться, несмотря ни на какие обстоятельства (репетиции и т. д.). Все это Валеру удручало.

Он пытался противостоять действиям директора с помощью весомых, старейших членов Дома и знакомых академиков. Но номенклатура — сложная штука, развязывать большую войну никому не хотелось. Атмосфера в Доме сильно испортилась...

Друзья приходят на помощь. Слава Письменный подтолкнул Валеру к написанию книги «Шизики футят» и обещал помочь с изданием через только что образовавшийся в

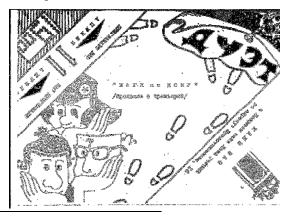
Пахре фонд Байтик. Новое дело поглотило Валеру и вытащило из депрессии. После выхода книги в 1994 году он вернулся в Дом ученых и силами ДУЭТа устроил вечер-презентацию «Шизиков». Потом были постановки «Архимеда» коллективом ДУЭТа, но в авторской группе и в ежегодных плановых спектаклях ДУЭТа Валера больше не участвовал.

Володя Недорезов. Все же не хотелось бы заканчивать воспоминания о ДУЭТе на минорной ноте, потому что для всех нас, и для Канера тоже, это был один из самых замечательных периодов жизни. Иногда эмоции зашкаливали и вкус порой подводил, но искренность была подлинной. На одном из банкетов (55 лет Канеру) лучшие солисты ДУЭТа пели в его честь такие слова:

Мы за Канером идем, Славя Родину делами. И на всем пути большом Наш великий Канер с нами. Канер всегда живой, Канер всегда с тобой В горе в надежде и радости...⁴¹

Вот так завершился ДУЭТ. Хотя он существует и сейчас в новом составе, с новыми исполнителями, но это уже совсем другая история.

Иллюстрации к 5-ой главе:

⁴¹ Слова из песни «Ленин всегда живой» (примечание для молодежи).

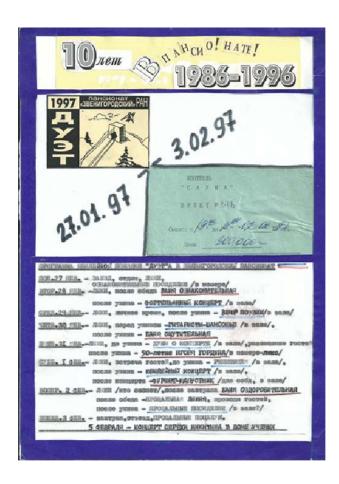

На первом выступлении ДУЭТа

В пансионате РАН (Звенигород)

Презентация книг в Доме ученых

Буниной Л.В. ЗАЯВКА на творческий вечер в Большом зале ЦНУ.

Глубокоуважаемая Людмила Васильевиа Venezensz vocap zmieriek tólogozonaz czesz IUIY "CAIV"AI" просект Вис выплачить в план не фользовой селон 1999 года в глане experique (neme - yandinam qua line, declyantes carrena aten ryččeye - ropeme, par - ne pano) ne set (jech rozumaci namera М.Р. Полекарочной, пол такизаписка и И ЛИСТЬЯ ЛЕТА TOPCTKOÑ HOY..." Ma yas nposupam edasertas e Basia nga pa ana rejarangan yang istap, a takas iga serimasi rown R.M. Herpens "Thersepts were it Revision regree" - den Sacia presidenta Piagerdera de artador e descrito pery deltar. Tierrap mpay produce religious modern trasposperes describinations of operation of TORTHO DES HARMANISMA, THE PETE DECEMBERS ETPLICE DISC MERSIO Bandardordy, katadiae égypt beynéte és aradalítokban beses, b вечере пропиварат участие часты ЦДУ: преДеничка E.R. mod. l'emano A.B. e. rel Premier J.M. e.c. s Aume II II. se spens Hapsen II H. sersen Habersone O.H. s mercarine Irlino II Rede pura remorphism per a arquerement STY SIGNEY.

Член ЦДУ, профессор Канер В.В.

Евгений Кудрявцев. Знакомство с Валерой во многом было для меня судьбоносным. Большинство авторов воспоминаний о нем в этой книге являются его друзьями по физфаку. В моем же доме он появился благодаря Наташе Тиме, за которой Валера тогда ухаживал. Было начало лета 1979 года, формировался отряд для строительства сказочного городка в селе Константиновка (Казахстан), и нужен был

резчик, т. к. Юрий Гридасов, признанный специалист в этой области и ранее уже работавший в отряде, в это время тяжело заболел. Наташа, с которой мы дружили, всегда вместе отмечали праздники и дни рождения, предложила меня в качестве замены (я тогда делал первые попытки вырезать чтолибо из дерева) и пригласила ко мне Валеру для оценки моей профпригодности. Не знаю, чем он руководствовался, но проверку я прошел и оказался в новом для меня окружении физиков, лириков, друзей, спорщиков, можно бесконечно перечислять эпитеты, но главное — настоящих мужиков. В этом стройотряде Валера активно ухаживал за Наташей, добиваясь ее руки, расписал все стены нашей столовой фресками, каждое утро появлялись новые, что стимулировало хорошее настроение на весь рабочий день. Своего он добился, Наташа стала его женой; с тех пор они часто бывали в нашем доме, как супруги.

Все, кто принимал Валеру у себя дома, знают, что за столом он был занят не только едой и питьем, а старался охватить своим творчеством все окружающее. Исписанными стихами и тостами оказывались не только все салфетки и фантики, — появлялись и настенные туалетные зарисовки, он также делал стихотворные подписи к моим картинам. Своей энергией Валера охватывал не только молодых дам, но и наших мам, которые с восхищением смотрели на остроумного, веселого поэта и особенно ценили его уважительное отношение к ним.

На каждой нашей застольной посиделке он обязательно писал по несколько строк, посвященных Марине, и так скопилась коллекция маленьких листочков, которые мы бережно храним. Вот один из них:

Стихи — кусочки трепетной души, И если ты так много их собрала — Как бы чего с душой моей не стало, Ты их на всякий случай засуши!

Валерий Рукавишников. Валера был одним из лучших педагогов. Он всегда все делал очень тщательно. Читая студентам и школьникам лекции, каждый раз основательно готовился. На лекции о вращении земли привязывал к люстре шарик на длинной нитке. С гордостью показывал: «Вы видите, как она (земля) вертится». За свои лекции в

геологоразведочном он получил почетный знак Министерства образования и очень им гордился.

Наталия Тиме. В 1985-м году Валера получил оценку «лучший доцент года» по опросам студентов высших учебных заведений — «соросовский доцент». Он очень любил своих студентов и был одержимым учителем. Он натаскивал детей своих друзей по физике для поступления в вузы. В последние голодные годы он подрабатывал в одной из школ, и все его ученики сдали экзамены на пятерки.

Людмила Иванова. Он был почти членом нашей семьи. Они с Валерием (Миляевым) постоянно что-то затевали, обдумывали, устраивали праздники. Работали в эстрадном театре Дома ученых. Валерий летом жил с нами в деревне, строил наш дом вместе с компанией ученых, куда входил и Леонид Келдыш. В первую очередь Канер лично построил на участке в Шишкино туалет. Мы очень удивились: туалет был на два очка, а Канер объяснил, что он так привык строить на целине. Все долго смеялись и показывали вновь приезжающим как музейную редкость.

Канер, спасибо ему, воспитывал наших детей. Сначала старшего, а потом младшего. Учил их физике и математике. Прежде, чем начать урок, он заставлял ученика убирать комнату. Трудно перечислить все приятные минуты, связанные с Валерием Канером. Все сюрпризы, включая огромные помидоры, которые он привозил нам из Волгограда.

Валерий Рукавишников. Валера был легендой Физфака. По его же словам, его носили на руках. Но Валеру отличала скромность и он оставался, по Высоцкому, «тем же самым». Я помню, как мы с Валерой зашли в конце восьмидесятых просто так на кафедру Физфака. Его окружили коллеги: «А правда, тебя зимой потеряли во время купания в Москве-реке, а потом нашли в сугробе с ломом в руках?» «А правда...»...Таких историй было упомянуто много, и Валера не уставал их опровергать. Но ведь молва жила...

Володя Недорезов. Валерий Канер очень любил сделать приятное всем окружающим. Наверное, он мог бы стать отличным официантом — или парикмахером. Во всяком случае, он с удовольствием стриг товарищей (кто соглашался) во всех стройотрядах.

Наталия Тиме. Я работала в институте физики атмосферы экспериментатором. У нас бывали выезды на наши научные полигоны. Однажды летом мы собирались в экспедицию на Звенигородскую научную станцию. Тогда мы разрабатывали новый прибор — радар по исследованию атмосферы. Валера сказал, что у него отпуск и он поедет с нами. Он работал наравне со всеми членами нашей группы. Шли тяжелые установочные силовые работы, в которых участвовал Валера, хотя он был теоретик. Естественно, он не помышлял о зарплате. Вся лаборатория его зауважала.

К этому времени относятся два Валериных стихотворения о двух сотрудниках нашего института — Феликсе Эдуардовиче Мартвеле и Михаиле Александровиче Воробьеве.

Мартвелю Феликсу Эдуардовичу (ИФА РАН)

Знай, ходящий на Памир, — Доброта спасает мир!

Фортуны баловень столичный, Её причуд любых знаток, Легко по телефону мог, Исследовав, решить привычно Какой угодно он вопрос... Советом щедро он делился, Умом совет его искрился, Министрам утирая нос... Ах, он умел явить заботу, Рифмуя в каждую субботу, Творя затею для работы... Волшебник, в смысле КАК достать! — Его, не в силах чувств сдержать, Лелеют, любят и кричат Ю-Юбиляру все «Виват!».

Воробьеву Михаилу Александровичу ИФА РАН пер. Пыжевски

пер. Пыжевский Новокузнецкий

Гл. механик пряник

Солнце ль светит, льет ли с крыши — А у нас всё тот же вид: У дверей подвальных Миши Женщин очередь стоит...— У кого чего болит... Кто каблук сломал в дороге, Утром встав не с той ноги, Кто от молнии в тревоге Снять не может сапоги ... Миша, Миша, помоги! Кофемолки, телетрубки, Хлеборезки — всё лечил... А уж скольким мясорубкам Он ножи переточил — Сосчитать не хватит сил! Всё он знает досконально, Агрегат починит враз — Швейный там, или вязяльный, Зингер или Веритас В этом деле просто ас! Нож скорняжный — получился! Что сказать — левшой родился! Знайте, Гамбург и Бомбей Чтоб ИФА не подзабылся, Кооператив открылся «Люберецкий воробей».

Один из сотрудников кафедры МГРИ, где работал Валера, устроил празднование своего юбилея в кафе в Черёмушках. Компания была институтская. Кафе в то время, в 1980-х, закрывались в 23 часа, и Валера должен был прийти домой около полуночи. Но в это время раздался телефонный звонок, и он попросил меня приехать в Первую Градскую больницу, так как его одного не отпускают. Я мчусь. Он мне широко улыбается. А я почти теряю сознание, увидев эту улыбку «железного» человека.

А дело было так. Выйдя из кафе с группой товарищей, они увидели, что у кафе дерутся нескольких человек. Валера начал их уговаривать. Один из дерущихся схватил крышку с чугунной урны, что стоят обычно у входа в подобные

заведения, и сзади ударил Валеру по голове. Удар пришелся вскользь, сломались челюсти. В этот момент в драку вступил Валерин друг, мастер спорта по вольной борьбе, и раскидал дерущихся, которые быстро смылись. Но Валеру увезла скорая в 1-ю Градскую, в отделение черепно-мозговых травм. Ему наложили шины, сковав челюсти металлическими стержнями и оставив между зубами щель приблизительно в три миллиметра.

Елизавета Кон. Целый месяц вся семья питалась исключительно курятиной, так как дядя Валера мог есть только куриный бульон, заправленный детским питанием (впрочем, не пренебрегал и пивом). Когда дядя Валера в шутку хотел нас напутать, он делал страшное лицо и открывал рот. Сохранился его авто-шарж на эту тему. Может быть, после этого случая я выбрала профессию врача-хирурга?

Герман Гусев. Я думаю, все, кто видел его, не смогут не отметить его удивительные, смеющиеся, умные глаза и неоспоримую уверенность в правильности всего того, что он произносит в данный момент, а надо ещё отметить его спокойную, медленную, но очень слитную речь, так что перебить, невозможно было его ибо она буквально гипнотизировала слушающих и как бы приглашала к соавторству. Во всём поведении Валеры проглядывала основательность и заранее продуманная решимость. Помню, коридоре физфака около однажды в библиотеки быстрое обсуждение произошло некоторых Договора между предвоенного CCCP Германией. Окончательный вердикт Валеры: «Что заключили Договор верно, но надо было лучше готовиться, а главное быстрее». Попробуй, не согласись!

Его вытянутое, худое и очень умное, внутренне улыбающееся лицо, и длинная шея с кадыком почему-то мне напоминают А.В. Суворова. А делая акцент на настойчивости Канера, я, пожалуй, сравню его с дятлом в строках, которые доказывают ещё один аспект влияния Валеры на меня после прочтения его первой посмертной книги стихов, про которую Валера Миляев сказал: «Как хорошо, что она толстая»:

Как дятел, ты настойчив, смел и точен. Кору неверия твой умный клюв проткнёт. И червь сомнения в умах исчезнет. Впрочем, Об этом и всегда мечтал народ.

(Г. Гусев)

Евгений Полищук. Валера бесспорно был настоящим поэтом. Критерий здесь простой: обычный человек если и сочинит стих, то прочтет его раз-другой — и забывает об этом, говорит далее прозой. Валера так не мог: в любом застолье он буквально изводил нас своими стихами. Повод для их прочтения он находил в чем угодно. А ведь мы собирались для того, чтобы выпить и поговорить, и никому другому не позволили бы столь долго занимать общего внимания; но Канера любили и регламента ему не ограничивали, позволяли всё (что возьмешь с поэта?) К тому же, если для собрания был какой-нибудь повод, то он всегда становился предметом его стихотворного поздравления.

Валерий Рукавишников. Однажды отмечался день рождения Азима Рустамова. Где-то в середине застолья, когда все начинают шуметь и никого не слушать, кроме себя, Валера начал читать свои стихи. Но внимание к поэзии было минимальным, что до глубины души возмутило Валеру. Он взгромоздился на стол, схватился рукой за люстру и громким педагогическим голосом произнес: «Если не будете слушать мои стихи, я сорву люстру». Шум в комнате немедленно сменился глубоким молчанием, что Валера воспринял, как знак согласия, и прочитал задуманное.

Сергей Чекалин. В моей биографии Валера Канер сыграл особую роль. И это произошло задолго до того, как мы стали с ним хорошо знакомы. В последние двадцать лет его жизни мы общались в разных местах и по разным поводам достаточно часто. Бывая по своим делам, связанным с публикацией книги, в Троицке, он иногда ночевал у меня. И никогда, между прочим, не появлялся без бутылки.

Одна из наших встреч состоялась в Троицке, где я жил в одном доме с Толей Широковым. В день сорокалетнего юбилея Толи 5 декабря 1977 года ко мне в квартиру вдруг ввалился Канер в одной зимней шапке, бывший уже изрядно навеселе. Он безапелляционно заявил, что я тоже должен одеть шапку, взять гитару и немедленно идти к Широкову петь песни. Потом, покосившись на мою супругу, добавил: «А я могу здесь остаться». Тогда я еще не привык к его манере шутить. Поднимаясь к Толе, мы встретили второго автора

«Архимеда», тоже уже в кондиции, который спускался по лестнице, пытаясь спрятаться от своего сына за перилами.

Наталия Тиме В жизни так получается, что курьезы связаны с выпивкой. Однажды под 1 мая компания собралась у Володи Еленского, сокурсника Валеры, живущего на бывшей Поварской, потом ул. Воровского, а теперь опять Поварской. Конечно, хорошо выпили и разошлись, когда транспорт уже не ходил. Валера пошел домой вниз по Воровского к Арбатской площади. Чувствуя свою вину за поздний приход, решил сделать жене сюрприз: прийти домой с красным флагом и тем поздравить с первомаем. Перед ним была ограда, увенчанная множеством флагов. Он залез на ограду, вытащил один флаг, спустился, свернул его и попытался засунуть под плащ; но ничего не получилось, поскольку древко было слишком длинным. Тогда Валера отцепил полотнище флага от древка, которое бросил на землю, предварительно сняв с него наконечник и сунув его в карман. Развернулся и увидел, что стоит перед милиционером, наблюдавшим за его манипуляциями. Объяснения привели к приказу: ставь на место, что и было сделано. С перепугу про наконечник забыл. В створ открываемой двери нашей квартиры мне был протянут наконечник от флагшток с посольского забора — он до сих пор висит у меня на стене.

Людмила Колодяжная. С 5-го курса, мой будущий муж Евгений был влюблен в Ольгу Зубкову... Но на ее руку претендовали около 20-ти человек. Полищук составил таблицу этих претендентов, он учел всех, кроме Канера (потому что Валера уже был женат на Татьяне — будущей жене Грищука)... Евгений промахнулся... Валера женился на Ольге Зубковой, и Женя больше года с ним не общался.

1967 год... Евгений уже сделал мне предложение... И вот, три друга (Чечин, Канер и Полищук) подкараулили меня возле лифта в МГУ, чтобы одобрить мою кандидатуру, как подругу Евгения Полищука. Валерий Канер одобрил... 14 февраля 1967 года мы с Евгением подали заявление в ЗАГС. После этого — пошли в гости к Валерию и Ольге, где, кроме нас, были брат Валеры — Клим и его жена Татьяна. Таким образом, в день святого Валентина мы у Канера отметили нашу помолвку...

Наша свадьба с Женей состоялась 29 апреля 1967 года на квартире родителей Евгения. Валера прочел там поэму, к сожалению, текст не сохранился. После этого мы с Валерой

Канером, Ольгой, Валерой Чечиным часто общались в разных ситуациях. Например, у меня есть фотография того, как мы помогаем Валерию и Ольге переехать на дачу летом 1967 года.

1978 год — Юбилейный целинный отряд. К этому времени Евгений, наконец, помирился с Валерой. Я помню банкет, посвященный окончанию работы отряда «Ветеран-20», который состоялся в Пахре, 30 сентября. Валерий, конечно, был в центре внимания. Но — уже была Наташа Тиме... Помню, что Валерий ездил вокруг зала на детском велосипеде. Вечер — длился до утра. Где-то, уже под утро я пела песни Валеры (я пришла с гитарой). Меня слушали несколько человек, в том числе (светлой памяти) Володя Фоломешкин (погибший 23 октября 1978 года). Помню, что Валера Канер отметил внимание Володи Фоломешкина ко мне... Общение с Валерой возобновилось.

У нас дома, в Теплом Стане, проводились регулярные шахматные блицтурниры, на которых Валера был непременным участником. Кроме того, он приходил к нам на дни рождения Жени и всем дамам писал стихи на салфетках...

Азим Рустамов. Незабываемо проявленное Валерой ко мне внимание и заботу, когда у меня возникла тяжёлая ситуация с жильём в 1971 году. Я закончил аспирантуру, начал работать, а жить было негде. Вначале я жил в университетском общежитии у Лёни Грищука, потом уехал в стройотряд. В это время жена Света с дочкой Аней жили у родителей Светы в Самарканде. После моего возвращения из стройотряда они должны были приехать в Москву. Нужно было срочно снять жильё, а это мне не удавалось. Не помню как Валера об этом узнал, но он сразу же предложил до приезда Оли и Артёма, которые уехали на отдых, жить у него в трёхкомнатной квартире на Беляево. Вернулись из отпуска Оля и Артём. Квартира ещё не найдена и Валера меня не отпускает. Говорит, что наклёвывается замечательный вариант. В их доме уезжает работать за границу на год знакомая ему семья, и они согласны под поручительство Валеры сдать нам квартиру. У Валеры с Ольгой я прожил около двух месяцев, а затем со своей семьёй стал жить в этом же доме.

В этом эпизоде особенно ярко проявилось одно из лучших качеств Канера — мгновенная реакция на трудные

ситуации у друзей и оказание помощи и поддержки, не задумываясь о возможных проблемах для него. Так было, когда он помог своим друзьям (Игорю Исакову, Вите Васильцову, Анатолию Сухорукову) купить квартиры в их кооперативном доме, что обернулось для него серьёзными последствиями.

Жизнь в течение года в доме по соседству с Канером и Игорем, который жил в квартире напротив Валериной, была замечательной, этот год стал одним из лучших в моей жизни. Общение с Валерой и Игорем было регулярным, практически ежедневным. Юмор, подначки, беседы, песни и лёгкие выпивки. Когда приходил Чечин, который жил рядом, со своей бутылкой, они (выпивки) чуточку утяжелялись. Но самым увлекательным были наши шахматные сражения в блиц (партия должна была занимать не более 10 минут, но, как правило, была короче, так как Канер играл очень быстро), которые происходили в квартире Валеры. Чаще всего мы играли вдвоём, Игорь сидел рядом и постоянно пыхтел папироской, комментируя игру.

Иногда Игорь уходил и возвращался с напитком, чтобы мы восполнили утраченные калории. Он всё время болел за меня (как за более слабого) и подначивал Валерку, чтобы вывести его из себя. На это Канер реагировал всегда только ответной шуткой. Канер играл значительно лучше меня, но я больше жаждал победить и имел лучшую спортивную форму. Оба были очень упёртыми, сверхазартными и очень эмоциональными (в игре в большей степени этим отличался я, Канер же юмором и специальными подначками усиливал это). существенно обстоятельства Эти влияли на соперничество. Как правило, начинали играть после 10 вечера и договаривались сыграть не больше трёх партий. У Валеры всегда был сверхагрессивный характер игры. С самого начала он бросался в атаку, много жертвовал. К концу игры у меня был как будто значительный перевес и казалось, что я должен победить, но в конечном счёте, проведя неожиданную комбинацию, Валера выигрывал. А у меня практически всегда складывалось впечатление, что проигрыш случайный.

После трёх партий (время около 11) весь разгорячённый прошу Валеру сыграть ещё, и выигрываю (Канер мог при значительном перевесе в счёте вести из любопытства сверхавантюрную игру, а я всё-таки не полный слабак), и прошу Канера сыграть ещё, желая отыграться. Так происходит

до 2-3 часов. После часа ночи я побеждаю чаще, благодаря лучшей физподготовке. Ещё веселее и дольше сражения происходили с участием Чечина, который играл не намного лучше меня, поэтому игра между нами всегда была ещё более азартной. Чечин был не только азартным, но при проигрышах, основном случайными, которые тоже считал В сверхвзрывным. Проиграв, он извергал поток ругани в свой адрес — ах, какой я дурень, башка бестолковая и т. д. Валеру и меня это сильно забавляло. Как правило, счёт между Канером и мной был 20:6, между Канером и Чечиным 20:10, а между Чечиным и мной 20:15. В этих сражениях всегда проявлялась доброта, щедрость души Валеры, верность друзьям: когда поздней ночью Валера хотел идти спать (всётаки на следующий день были дела, работа), а я в азарте просил сыграть ещё, он практически никогда не отказывал, чтобы не огорчать меня.

Евгений Полищук. В студенческие годы (да и позже) я часто использовал отдельные обороты Валериной поэзии во время игры в шахматы. Играя с ним или с его братом Климом, я любил сопровождать игру идущими к месту цитатами из его стихов. Так, у него в поэме «Мое двадцатилетие», посвященное роману с Лялей Гариповой, была такая строфа:

«Ты рассуждать меня призвала здраво.

Я не умел, пожалуй, не умел.

Казалось мне, что я имею право —

А оказалось, права не имел» («Листья лета», с. 38).

И вот когда партнер ходил неправильно, что приводило к потере фигуры или к другим неприятностям, очень удобными для произнесения были две последние строчки из приведенного стиха: «Казалось мне, что я имею право — А оказалось, права не имел». А когда у меня самого была трудная позиция, в ход шли строки: «Сложно, но можно. Можно, но сложно... Трудно. Нудно» («Молнии синие-синие» — «Листья лета», с. 59). Было и много других подобных строчек...

Светлана Щеголькова. Расстались мы неожиданно и на несколько лет. Уезжая в стройотряд, он зашел, подарил мне поэму «Май» с надписью «солнечной Светлане». Эту поэму он читал вместо доклада на первомайском вечере в ДК МГУ. Поговорили, он спросил: «Тебе писать?» Ответ «да» был бы

эквивалентен согласием выйти за него замуж. Я сказала: «Как хочешь». Обиделся, уехал, женился. Не виделись много лет.

Следующая встреча произошла почти случайно уже гдето лет через 5-6, наверное, в году 1967-68. Из Ленинграда в Москву приехала моя однокурсница Женя Губочкина. Мы собрались у Ляли Киселевой. Пришел Валера Миляев и привел с собой Канера. Прекрасно провели вечер, часов в 11 стали расходиться. Дом Ляли находился напротив моего на Садовом кольце. Валера проводил меня до дома. А утром, уходя на работу, я увидела в подъезде, сидящего на лестнице Канера. Я остолбенела, только сказала: «Даже не думай». Поговорили серьезно. У меня муж, дочь... Зашел несколько раз в гости. Подарил дочке большую куклу, беседовал с мужем на всякие политические, философские, технические и прочие темы. Я в разговоре не участвовала.

Уехал на Сахалин. Возвратившись в Москву, прямо с рюкзаком зашел ко мне, сказал, что привез песни, которые он написал. Подарил раковину... Когда-то, уже после 2000 года, Валера Миляев сказал, что Валера Канер говорил ему: «Если женщина не отвечает мне взаимностью, через 1,5–2 года я ухожу и нахожу другую».

Мы не виделись до его юбилейного вечера, то есть до 1990 года. Позвонил, пригласил на вечер, потом привез билеты. Дома была моя дочь Таня и внук Стас, которому было уже 7 лет. Пили чай, беседовали. Валера рассказывал о себе, о трудных временах, связанных с судебным процессом, про ДУЭТ, о Наташе, которая всегда поддерживала его. Сказал: «Я нашел свой причал».

Валерий Шарапов. Однажды, придя ко мне домой, Валера сходу произнёс:

Огней так много золотых На улицах Саратова. Парней так много холостых, А я люблю Шарапова.

Думаю не ошибусь, если скажу, что наверняка почти у всех Валериных друзей есть аналогичные строчки, написанные им к какому-нибудь юбилею или просто по случаю. Искромётные, остроумные и часто неожиданные. Меня всегда поражала его способность мыслить поэтическими образами. Казалось, что он писал стихи всё время: и в дороге,

и на работе, и во время прогулок. Он любил и хорошо знал музыку (и народную, и классику), и меня не покидало ощущение, что он пишет стихи, напевая их либо под известные музыкальные композиции, либо под им же самим придуманные мелодии. Музыка помогала ему сочинять стихи. К тому же при такой «экономной» манере творчества нередко сразу получались песни.

Происходило это и во время дружеских посиделок. Когда был создан ДУЭТ, мы (в основном, «дети подземелья») часто встречались там в буфете. Буфетчица уже хорошо знала нас и особенно Валерин заводной характер. И когда поначалу заказывали совсем понемногу, она ворчала: «Берите уж бутылку. Всё равно ведь потом будете ходить и добавлять». И какие при этом были интересные разговоры, переплетаемые его стихотворными шутками! Валера тут же записывал их на подвернувшейся под руку бумаге, в том числе и на бумажных салфетках. Иногда это были короткие двустишия или четверостишия, иногда довольно длинные посвящения. У многих его друзей они сохранились. У меня тоже сохранились такие «салфеточные» экспромты.

Я часто делал клюквенную настойку. Молва в учёном сообществе приписывает авторство этого напитка академику Несмеянову, предложившему его рецепт. Поэтому эта настойка так и называется «Несмеяновка». Валера очень любил «Несмеяновку» и при возможности просил угостить его ею. А однажды, даря свою книгу, надписал ее:

Когда мне будет тяжело, Застынет сердце от сатрапов — Приду к тебе. Скажу: «Шарапов! Налей бальзамчику».

Жеглов.

А вот пример «салфеточного» экспромта. Как-то он был у меня дома. Хорошо посидели. Даже резервы закончились, о чём я ему сказал: «Больше воевать нечем!». Его реакция была примерно такая же, как и у Станиславского, когда он говорил своим артистам «Не верю!». Он поступил изящно. Тут же взяв лежавшую на столе салфетку, написал двустишие:

Валер, слабеют нервы! Ведь ты стратег, а где резервы?

Эта его способность моментально реагировать на происходящее в шутливой стихотворной форме создавала колоритную атмосферу на наших банкетах после дуэтовских спектаклей. Такой же способностью обладал и другой автор ДУЭТа Андрей Петров. И постоянно возникало соревнование между ними, когда на шутку одного другой моментально отвечал тем же. И это становилось как бы продолжением спектакля, иногда даже более интересным.

Помню также, как на презентации диска «Песни нашего века», в который вошла его песня «А всё кончается...», после представления песни он вышел на сцену (это было в огромном Концертном зале «Россия») и под смех и аплодисменты зала «выдал» только что написанное шутливое четверостишие. Он преподнес цветы Галине Хомчик и мы услышали:

Увидел Вас и все былое, И все такое ожило, Она ж метнула, как стрелою: «Эк Вас, дедуля, развезло».

Володя Недорезов. Здесь пора, наверно, пояснить, кто такие «дети подземелья», упомянутые Валерой Шараповым. Этот коллектив сложился в ДУЭТе из бывших бойцов строительных отрядов, которых Канер привлек к оформлению спектаклей, изготовлению реквизита, работе на сцене во время спектаклей, — в общем ко всему, что называется техническим сопровождением. Название «дети подземелья», которое придумал Канер, имело исторические корни. В первые годы существования ДУЭТа пульт управления светом, звуком, другими микрофонами И техническими устройствами находился перед сценой, а точнее прямо под ней. Из приоткрытого маленького люка были видны только ноги артистов и слышен голос рояля. Потом пульт перенесли на балкон. компьютер, онжом было появился где название запрограммировать сценарий, но осталось. Возможно, в этом названии звучало некоторое пренебрежение к технической группе, но отношение к ней со стороны артистов и самого Канера было не просто дружественное, но очень уважительное.

Задумки у Канера по части реквизита бывали иногда запредельные. Например, по сцене должен был ездить автомобиль, в ящике надо было спрятать и потом распилить близнецов, в греческом зале должна была стоять статуя Венеры и т. д. и т. п. Кстати, за эту статую, которую я выпилил из пенопласта, Канер добился, чтобы мне выдали членский билет Дома Ученых. Вступить в то время в Дом ученых было не просто, но для Канера не существовало преград, если он что-то задумал или пообещал. Авторитет у него перед дирекцией ЦДУ был огромный.

В группу детей подземелья входили разные люди. Возглавлял эту группу Валерий Рукавишников. Виталий Соколов был главным художником — оформителем. Его декорации всегда были выполнены на профессиональном уровне и очень украшали сцену. Григорий Похил был мастером на все руки. Опыт экспериментатора и навыки строительных отрядов очень пригодились здесь, на сцене. Валерий Шарапов — сочинял экспозиции из слайдов, которые сопровождали спектакли. Валера Чечин, Валя Петров, Женя Полищук были незаменимы на сцене, выполняя там необходимую работу.

Отдельно хочу сказать 0 световом оформлении спектаклей. Будучи запредельно требовательным во всем, Канер отправил меня на обучение в театр «Современник». Там благодаря протекции Валеры Миляева я пересмотрел почти все спектакли из ложи осветителя, научился правильно использовать вынос, рампу, контр-свет, фильтры и многое другое. К каждому спектаклю ДУЭТа Валера заранее писал сценарий по свету и не дай бог потом что — нибудь там перепутать. Помню спектакль, где на переднем плане вешался огромный занавес из кальки и все действие происходило на нем как в театре теней на контр — свете. Когда показывали слайды, надо было так осветить артистов, чтобы было видно и то и другое. Канер всегда требовал запредельной самоотдачи не только от себя, но и от других. Жаль, что ДУЭТ уже в прошлом, но ведь все когда-то кончается...

Людмила Иванова. В. Канер — худой, изящный романтик. Писал стихи круглосуточно. Вечно был в кого-то влюблен. Несмотря на все это, он был деловым человеком, доводил все дела, за которые брался, до конца.

В 1994 г. я издала небольшую книжку пятерых поэтов, пятерых друзей: Г. Иванов, В. Канер, В. Миляев, С. Крылов, А. Кессених, потому что я их считаю замечательными поэтами, хотя они и не были членами Союза писателей. В живых остались только С. Крылов и А. Кессених. Мне очень

хотелось, чтобы в спектакле театра «Современник» звучали песни В. Канера. Это была пьеса Галины Соколовой «Номер на двоих», которую мы репетировали с Виктором Тульчинским. Включили песни Канера «А все кончается, кончается...» и «На воздушном шаре, в облаке как в шале». Кроме того, там были песни мои и В. Миляева. Спектакль прошел шесть раз как выездной. Галина Соколова была в отъезде, пока мы репетировали эту пьесу. Когда она приехала, то была возмущена: пьесу сократили почти вдвое. И она запретила спектакль. Очень жаль. Через полгода она хотела возобновить пьесу, но режиссер отказался. Слава Богу, что эти песни до сих пор поются студентами. Их помнят и любят.

Наталия Тиме. На презентации книги, о которой вспоминает Людмила Иванова, Валера говорил: «В объявлении о сегодняшнем вечере — презентации книги "Приходит время" — небольшая опечатка: подзаголовок должен звучать не чуть напыщенно "Искусство физиков", а "Искусы физиков", — иначе вечера Городницкого надо называть "Искусство горняков-океанологов", а прошедший недавно в "Меридиане" замечательный вечер Игоря Губермана как "Искусство шпалопропитчиков"... Dixi et animam levavi — сказал и облегчил тем душу...»

Людмила Колодяжная. В 1980 году отмечали 40-летие Валерия Канера. Валерий был уже с Натальей Тиме... Празднование юбилея состоялось 7-го сентября на квартире Натальи, близ метро Кропоткинская. На этом вечере присутствовал Сергей Никитин с Татьяной. Помню, что они спели песню на стихи Юнны Мориц «Когда мы были молодые...»

Сергей и Татьяна Никитины. Такое чувство, что Валера Канер в нашей жизни был всегда. Оглядываясь назад, понимаешь: Канер — СТРОИТЕЛЬ. Валеру хлебом не корми, а дай что-нибудь построить или сделать, причем «качественно и в короткие сроки».

Оперу «Архимед» сочинить на пару с Миляевым, агитбригаду организовать вместе с Олей Зубковой, строить, в буквальном смысле, всякие там коровники и другие строительные объекты в течение многих лет, в том числе в отряде «стариков» с собственными уже взрослыми детьми, организовать ДУЭТ (Дома Ученых Эстрадный театр) и

сочинять для него репертуар, осуществить юбилейную постановку оперы «Архимед» на сцене ДК МГУ (1996 год), в свободное от строительства время сочинять бесконечные экспромты — и все это с улыбкой. Невозможно забыть, с какой энергией Валера сочинял капустник для сотрудников Российского научного центра рентгенорадиологии уже в последние дни, все осознавая...

Татьяна Никитина. Вспоминаются эпизоды, связанные с Валерой, которые крепко запали в памяти, хоть все они касались совсем разных моментов жизни. Вот вечер в нашем доме — застолье, много народу, почему-то прилетел мой папа Хашим Умарович, Валера — тамада, он сидит с Хашимом Умаровичем рядом во главе стола. Что празднуем — не помню. После каждого тоста, пользуясь правом тамады, Канер говорит слова: «Поскольку я тамада, я вынужден пойти и поцеловать Танечку», что он и делает. Проходит все сдвинутые столы, доходит до последнего, где сидит Татьяна, и сочно ее целует. Бедный Хашим Умарович в ужасе смотрит на всех гостей и главное на Сережу — ЧТО ЭТО ТАКОЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ? Все хохочут, а Валера весь вечер, ни разу не сбившись, с видимым удовольствием совершает эти походы, чередуя их выпивкой, закуской и ведением стола. Да, и, как всегда, выдает смешной стихотворный экспромт, в котором отражаются все участники застолья и их высказывания. Без этого «бонуса» он просто не может обойтись!

30 лет назад, когда мы въехали в квартиру, где живем и сегодня, после мучительно долгого ремонта, который отнял у нас все силы, пришел на помощь Валера Канер. Он протянул телефонные провода от входной двери на кухню и в гостиную. Так мы и живем и по сей день с этими временными проводочками, хотя пережили уже не один ремонт. Видно, сделано было на совесть. Эта «инженерная времянка» живет с нами как воспоминание о нашей дружбе с Валерой, и как-то не хочется что-то менять в нашей жизни...

Ирина Егорова. «В нашем доме поселился замечательный сосед...». И не просто в доме, а в нашем подъезде, и не где-то там, а этажом ниже! Легендарный Валера Канер! К тому времени я уже окончила физфак и работала в НИИЯФе. Канер для меня был выдающейся личностью, и тут вдруг совсем рядом! Мы с ним, конечно, многократно встречались, но тогда я была еще студенткой и для меня он был недосягаем, одним

словом — кумир!..

Впервые я услышала его стихи на 1 или 2 курсе. Мне посчастливилось попасть в фортепианный класс Дубовой-Сергеевой. И вот на открытом уроке, где присутствовали все ученики, фортепианные пьесы чередовались со стихами. И читал их сам автор — Валера Канер! Для меня, недавней школьницы, стихи были необычные, они будоражили, захватывали... А потом опера «Архимед», песни, концерты, смотры, фестивали... и вдруг этажом ниже сам, собственной персоной!

В его однокомнатной квартире сразу же образовался своеобразный клуб, где постоянно собирались многочисленные друзья — после работы, лекций и вообще просто так. На крохотной кухне за столом помещалась куча народу. А если я попадалась на глаза, то затягивали и меня, а потом и моего мужа. И, конечно, ответно, когда Валера навещал свою квартиру, а друзья еще не появлялись, он поднимался к нам. Валера быстро нашел общий язык с моим мужем, очень часто мы вместе обедали, ужинали, даже иногда завтракали. Это было время «сухого закона», когда нечего было добавить к трапезе, а душа ведь просила. Поэтому я как рачительная хозяйка научилась делать домашнее вино — «сброженный сок» — так этот напиток назывался в кулинарной книге. И вот на моей кухне под обеденным столом с начала осени булькали 2-3 10-ти литровые бутыли из садовых ягод.

К каждому застолью легко можно было «засосать» из бутыли для повышения аппетита и настроения. Градусов в бутылке было немного, но зато много витаминов. И все это очень сближало. Потом напиток сливался в бутылки, копил градусы и ждал своего часа на балконе. Поэтому когда в клубе у Валеры друзья засиживались заполночь, а жидкости заканчивались, и купить их было негде, а душа просила, сразу вспоминался погребок. Приходилось, прервав первый сон, идти навстречу страждущим и лезть в погреб-балкон. Так мы продержались те суровые года «сухого закона».

Конечно, сброженный сок очень расслаблял и объединял, особенно после еды. Потом мужики — Валера с мужем — в продолжение застолья играли в шахматы, очень серьезно и долго. Уровень у них был высок, и оба получали огромное удовольствие. И вот однажды во время такой посиделки Валера отлучился в наш крошечный отдельный «кабинет». И

там застрял. Мы с мужем сидели на кухне и не могли понять, куда же он подевался. Походили по коридору — звуков никаких, заглянули В комнаты никого. Начали беспокоиться, не случилось ли чего? Через 20-25 минут дверь открылась и на пороге появился улыбающийся зубастый Канер с хохолком на макушке и заявил: «Я не смог оставить без внимания ваш замечательный плакат». А у нас в этом «кабинете» на дверцах, закрывающих трубы, муж повесил плакат Шварценеггера голого по пояс и демонстрировавшего свою мускулатуру (муж тогда увлекался боди-билдингом и повесил большой плакат, где было место, чтобы знать, на кого равняться). И вот сбоку от торса — стихи, кстати наверняка не вошедшие ни в один сборник, посвященные мужу:

Поездил много он по свету, Себя казал, увидел мир... Пусть он напишет «Пульс планеты», А после — посетит сортир...

1995

Слава Богу, что эти стихи посвящались не мне, а моему мужу — врачу-кардиологу.

Валера навсегда остается нашим любимым соседом, и поднимаясь к себе на 4-й этаж, всегда останавливаюсь взглядом на его двери, за которой было так много встреч с молодыми, веселыми, задорными и очень талантливыми людьми. Как будто и не было этих последних лет, уж очень быстро летит время!

Иллюстрации к 7-ой главе:

Автопортрет после встречи с хулиганами

Мы тянули в год бычачий Лямку, в общем, как могли. И вступаем в год кошачий, Сбросив лишние кули.

Снова всех деномирнули, Снова доллар - нарасхват. И ничуть не обманули -Килорубль за киловатт...

Снова стерпим все невзгоды. Только хочется чуть-чуть Заодно бы наши годы Разв в два деноминуть!

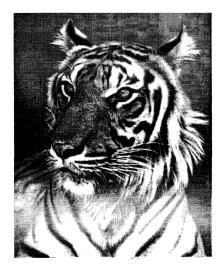
> В чем же смысл совокупный Наших в Новый год тирад? Из кошачих самый крупный Тигр. К тому же - полосат.^{«)}

Леопард, гепард, пантера, Каракал и оцелот -Та ж повадка, та ж манера, Тот же вкус на антрекот.

> Кот ангорский, кот сиамский, Пума, камышовый кот, Ископаемый гигантский Саблезубый махайрод,

Барс, сибирский кот и рысь -Понимают фразу: "Брысь!"

> *[†]По-нанайски тигр - "амба"! В мире множество причуді, т Мать-тигрицу у дравидов "Хулиямою" зовут.

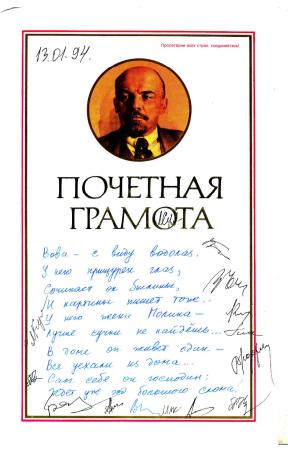

Ягуар летит как птица... Тигр - мощнее и быстрей! Лев в подметки не годится, Хоть зовется царь зверей.

Год тигра

В этом разделе помещены еще некоторые произведения Валерия Канера, а также его друзей, посвященных ему. Сначала стихотворение, частично (без двух первых строф) опубликованное в «Листьях лета» (с. 73):

Синоптик

Наше дело — пыли и туман, Климаты, погоды и циклоны, А когда синоптик не был дан — Подвела зима Наполеона...

Все бы одевались наугад, Если бы не мы и Торричелли... Если б град побил весь виноград, Что бы все мы пили, что бы ели?

И душа прогнозами полна — Лепестки слетают с незабудки... А вокруг лишь звёзды и луна И психрометрическая будка.

Чтоб ты от замеров не зачах, Мы ведём научные беседы. И в моих сверкающих лучах Щек твоих пурпурное альбедо...

Будет солнце? — вечный твой вопрос. Ты — мой флюгер, я твой свежий ветер... И быть может, знаю я прогноз — Только не спешу тебе ответить.

Ждут нас океаны и суда, Спутники, ракеты и причалы... Ну, а будет солнце и когда — ЭВМ тут надвое сказала...

1970-е

Далее две песни, доселе никогда не публиковавшиеся (притом что одна из них —очень известная).

Принцесса на горошине

Сено скошено в семь перин, И горошина — на пари... Звёзды падают, выпит чай — Поучай меня, поучай!

Поучай меня, поучай, Как забыть тебя невзначай, Как с повинною посмотреть, Половиною числя треть...

Поучай меня, поучай, Что не стоит гроша печаль, Правда — солнце! Да к правде ложь, Что для сотни разменный грош.

Поучай меня, поучай, Коль рубить — так рубить с плеча... Всё случается — чёт, нечёт, Всё меняется, всё течёт...

Поучай меня, поучай, Сохранить тебя поручай, А горошину, мол, в карман, Как непрошенный талисман...

Слово за слово, день за днём, Или засветло, иль с огнём — Ты вполголоса у плеча Поучай меня, поучай...

1980

Огни

Огни, всюду огни, Шагов шорох и тишь — С тобой бродим одни, А завтра — ты с ним улетишь.

Всё так было давно — Тепло ласковых рук, Билет лишний в кино, И для тебя я — лучший друг.

Каждый раз — все пять лет Приносил я билет, Пустяки говорил, Уходил. Сколько слов, сколько строк От тебя я сберёг, Не о том говоря — Ну и зря!

Тобой бредил во сне, Сказать слова не смел, А в парке о весне Кто-то счастливый тебе пел.

Зима — вот и диплом, И снег падает с крыш.... С тобой бродим вдвоём, А завтра — ты с ним улетишь.

Это — первая ночь, И последняя ночь. Я теперь как-то вдруг Только друг... Всё сказал, сколько мог, Столько слов, столько строк... Всё равно завтра Ты на восток.

(музыка Касумова)

Затем цикл стихов, посвященных жене.

Наташе

* * *

Да дело всё не в ритуале! А видно, в творческом начале, А проще говоря, во мне И в зелени в твоем окне... Мы задыхаемся порознь. Не ты — так я, по крайней мере. А утром розовые перья Рассветов. Стало быть, мороз. Их видно ровно пять минут. И всё. И нет. Таков маршрут. Потом — дома, тропинки, арки И краски сдержаны, не ярки, И как положено, грустны — Знать, очень долго до весны... Ну, просто мания — звонить, Надоедать, но всё же видеть, Быть нежным, сны смотреть, не выдать, Бежать, ловить, встречать, хранить... Как паутинка, тонка нить — Ее ничем не заменить. Все дело в творческом начале! Ах, кто мы были, кем мы стали? Как это дорого-знакомо: В глаза смотреть — не так, как в омут, Как в зеркало, в тебя смотреть, Подспудно рваться в зазеркалье,

Быть зачарованным печалью, Нести тебе с восторгом снедь, От расставаний цепенеть... Ах нет, не надо придавать Прощанью множество значений! Лишь точкою пересечений Прощанье можно признавать. Цвета цветов не замечать, Смотреть на вещи только трезво. Пока! — Привет! Ушел, и резво — Дома другие посещать... Из труб дымится сладкий дым... Не зря ли голову ломаем? Себя мы больше понимаем — И потому себе простим... Наверно, нужно мне всё это — Прощаний желтая стена, Луна из твоего окна, И перья розовых рассветов, И утренняя тишина...

1979 г.

Монолог

Когда все уже спят, И безмолвье так странно — Только капли из крана Метрономом стучат, Прогудит паровоз, Да комар из окна, И опять тишина Для рифмованных грёз. Вот тогда закурю И достану блокнот. Без вопросов и нот Я с тобой говорю. Тут крути — не крути, Изощряйся, иль нет — Все равно ведь ответ Опоздает придти. И поэтому я Между строчек твержу, Что тобой дорожу,

Лап, Тимуля моя... Вот такой монолог... Как же мне хорошо, Что к тебе я пришел Между зорь, между строк. Вот такой монолог.

Краткая рецензия: Размяк.

Длинная рецензия: Полусентиментальщина

Из народного творчества:

Спать ложусь, Сажусь ли кушать — За тебя держусь, Лапуша. Оторваться не вели Как Антею от земли!

P.S. <u>Подробности быта</u>: Зашил лопнувшие в традиционном месте брюки.

РР.S. Я не стану тебя расчленять на части В пароксизме безудержной страсти. Ведь нельзя раздирать нераскрытый бутон. Мове тон! Просто здрасьте! Я на месте. Честь по чести. И шкурю напропалую Частоколы и плетень. Ценен. Целен. Цел. Целую. (Целомудрен цельный день). 1980 г.

* * *

Вначале строго, повседневно Была Наталия Сергевна. Потом общенье стало краше И заласкала слух: Наташа. И вдруг поплыли корабли, Куда укажет Натали... Сквозь ветер в парусах фрегата Расслышать можно только: Ната! И вот волшебная страна — Нет слова «взять», а только — «на».

* * *

Лапуше-Тимуше лапшичку на уши.

Я ненавижу денег бред, И накоплений яд гремучий! По мне — дыра в кармане

лучше,

Чем в голове навылет след —

Сказал задумчиво поэт...
Он ненавидит денег бред!
От накоплений мрачной тучей,
Мол, ходит! Ах ты, гад ползучий
Колючий ёж и потрох сучий!
Всё, в жизни всё смешал

до кучи

Вонючий вертопрах-поэт! —

Ввернула фразочку сполна Поэта верная жена... И в продолженьи диалога Такая выросла тревога:

Он: Почему евреев обрезают? — А иначе ноги замерзают... Она: Почему лишают

крайней плоти,

А не языка, что чушь

молотит?

31.12.95 г..

возвращение от Кремля с собакой Данькой.

* * *

В ветки шорохе, в снега хрусти, В ранней осени, в снежной зиме, Сколько поводов есть для грусти — Чтобы быть себе на уме...

В летней яблоне, в раннем рассвете, В ранней осени, в гроздьях, в грибах Сколько поводов есть, поверьте — Эта притча застряла в зубах.

Потому заостряю, что мало В повседневности тонких струн, Сколько поводов для хорала, Для начала высоких рун...

Я, наверно, полжизни прожил Вхолостую — ну кто ж поймёт? Я тобою себя стреножил, И теперь лишь косая возьмёт...

Твой образ, твой облик превыше тебя, Твой голос, твой взгляд — неподделен, И дни вспоминая, себя теребя, Я верю, что я тебе — велен...

Ни кожи, ни рожи — одни лишь стихи, Одни лишь задумки и планы, А в будущем — лира, а в прошлом — грехи, Зато в настояшем — стаканы...

Зато в настоящем — легко отличить Достоинства где, где — вестимо... Уже нас от Господа не отлучить, Строчить — так стихом, не нажимом...

Я прожил спокойно, без всяких невзгод. Бутырка — не в счёт! Что — Бутырка? Пускай Фэ эС Ка⁴² продолжает учёт, А мой весь отчёт — лишь бутылка...

Я вскрою бутылку — наверно, не та... Но слава Создателю — эта, По вкусу немножечко не «Ахмет<u>а</u>», Зато южным солнцем согрета.

Брату Климу

(на свадьбе)

Подался с детства в моряки —

 $^{^{42}}$ ФСК — Федеральный следственный комитет.

Тем самым занял две руки И часть мозгов, а для страстишки Себе оставил — шахматишки.

Я не отращивал бородки, Под солнцем я не загорал. Я в Магадане самородки, Как сыроежки, собирал.

Ах, Магаданчик, тили-тили! А мне желудок отхватили.

И вот я разрываюсь лихо Между Москвой и Балашихой, Вишу, и мучает вопрос – Кто я, матрос иль альбатрос?

Выход найден, не боюсь, Я на Прониной женюсь!

То ли луковица, то ли репка, Много мыслится затей. Одного желаю крепко — Дюжину своих детей.

Своим друзьям (на юбилеи и просто так) Валера написал много стихов. Некоторые из них сохранились.

Лиде Кандидовой

(этикетка к подарку)

Неважно, сколько даме лет — А важно, что струится свет Из глаз, и блузки, юбки шьются, И иногда бокалы бьются...

Итак, одна из круглых дат Сегодня посетила Лиду... Подобно яркому болиду, Она, немного лет назад, Попалась на глаза Кандиду, И он ослепнул, говорят...

Ещё бы! Лида так готовит, Пусть даже муж мышей не ловит И пусть приносит виновато Одну профессора зарплату! Да разве ж всё в зарплате дело? А Дездемона и Отелло? А состояние души? При чём тут баксы и гроши?

Короче, дружное семейство Росло при Лиде на дрожжах... Всегда друг другом дорожа И избегая фарисейства...

(Слегка Остапа понесло) — А дело к юбилею шло И в общем, было всё в порядке — Машина, дети, внуки, грядки, Но Лиду вёл души полёт — Она в душе — экскурсовод.

И ей не нужен ни завод, Не нужен ей почтовый ящик, А чтобы Шехтель настоящий, И храм, и чистый небосвод...

Её широкая душа Всегда к истории стремилась И в том успешно утвердилась, И тем была так хороша, Уйдя от наших дней кошмара Туда, где свод и закомара...

Мы знаем — каждый будет рад С тобой попасть в Павлов Посад, И суть искать в твоих речах — А ты спокойно так вещаешь В зелёных розах на плечах... И смысл жизни ощущаешь.

1994 год

Эссе о колбасе⁴³ (Марине Сергеевне Кудрявцевой)

⁴³ Другое стихотворение с тем же названием (и с подзаголовком: «Наука и жизнь, и перестройка») В. Канер опубликовал в книге «Издранное» (с. 137).

А вроде у Мавроди Чего-то там не так... Я всё, что есть в комоде Перевела в Госзнак.

Все продали доллары, И заложила бюст, Всё вынула из Чары — Не возражал Минюст...

А нынче наш Мавроди В Матросской тишине, Он места не находит — Я тоже, и вдвойне.

И вставши спозаранку, Себя, как ветеранку, Я в очередь впихну... Всё ноет, ноет боди И чует — быть беде, Ну где же ты, Мавроди И дивиденды где?

Вы помните — в угаре Мы все открыли рты... Незваный гость — татарин Нас скинул с высоты.

Налоговый инспектор Привёл с собой ОМОН — Чтоб этот частный сектор Не спортил наш гормон.

Плевать, что пирамида! Зато я глух и нем, И не растёт обида На фирму «эМ эМ эМ».

Вот то-то и обидно — У них одних ликвидно. С сумой иди по миру, А я и говорю — Должна была квартиру Построить к сентябрю.

При всём честном народе

И при такой породе, А в нашем огороде И вопреки всей моде ...... бродит И огород городит.

Валере Миляеву

Мы такие обеспеченные, но отнюдь не озадаченные. Мы судьбой не изувеченные, И статьей не обозначенные... Мы такие семидужные, Мы под радугой зачатые, Если нынче и не нужные, Завтра будем мы печатные. А сегодня сами по себе Мы гутаримся с гитарою... Так вот со зимы до осени С Божьим даром ходим парою...

То ли красное, то ли черное

(пародия на В. Миляева)

Эпиграф: «А куда я тебя понесу?»

Мать у меня не уборщица, Отец не дворник вдвойне, А мне вот чего-то хочется, Ужасно хочется мне.

Я не черный, Не обреченный, Не облученный. Я и не красный — Немножко страстный, Немножко ученый, Я физфаком вчера испеченный. Я — разный.

И хоть мать у меня не уборщица, И хватает догам ухи, И читатель, наверное, морщится — Все равно я пишу стихи!

Есть, безусловно, в моей манере Писать стихи хорошее что-то: Я астрономам не очень верю И критикам тоже — ну их в болото! Ведь рифмы мои, как сметана, густые, Вирши мои, как сметана, белые. Почему обязательно: не те и пустые? — Бывает, я и хорошие делаю. Почему вы все, потирая лысину, Утверждаете, что строки мои немыслимы? И только самые отъявленные мечтатели Говорят: Ничего, но не обязательно...

А я к вам — в газету. Дорога прямая. Иду я по ней с декабря и до мая. Свою лебединую песню выпел, Немножко-немножко для храбрости выпил. Потом закусил поцелуем Жанниным, Иду зарабатывать творческий вымпел Легкомысленным парижанином.

Я хожу, как потерянный, В кабинет, в кабинет. Я вхожу неуверенно. Отвечают мне: Нет! И редакторы строгие Стих берут за бока: Вам прямою дорогою В Магадан, в Абакан.

Видишь, парни могучие
На страницах газет
Пролетают над тучами,
Промывают клозет.
Только ты, как потерянный,
В наш приходишь квартал.
Что ты ищешь, потеючи?
Что ты здесь потерял?

Я сижу за Бутыркою в комнате, Утешаюсь я: полноте, полноте. А в душе — неуютно, нетоплено, Сапожищем солдатским натоптано.

И зачем над собой я подшучивал? Столько разных стихов я вымучивал Со словами — пудовыми гирями, А никто мне не пел панегириком... Засыпаю в мучительной полночи Без любимой, без славы, беспомощный... Сны для нас — из клубники варение, Сны несут нам удовлетворение. Снится мне, что я стал вдруг известней, Чем Есенин и Канер извечный, Что портреты мои порасклеили Всё по той же великой Рассеюшке.

Влезаю памятнику На спину гнутую. В архивах памяти Я рядом с Ньютоном.

Мне — не разбиться, Потому что открыл я, Что гуси-птицы Имеют крылья. Олени-звери Имеют ноги, А окна-двери Имеют многие.

Стою — сама радость. Нос — в меру длинный. Как на параде «Ура!» — лавиной...

Хочу — на «Ту» один полечу, Хочу — в ресторане за всех заплачу. (Правда, я этого никогда не хочу.) Но дело не в этом! Я стал вдруг поэтом. Критики все говорят обескуражено: Чуда такого не снилось даже нам, Такого нам космос не приносил еще! Вот это талант я!

Вот это силища!

... А за морем, в Бельгии, Демонстрации, флаги. Почитатели бегают Словно фаланги. Идут по планете Девушки, как на пляже — Перед красавчиком этим На колени ляжем. Сдавайтесь, Канеры! Вы — обрекаемы! Девку умиляя, Вперед, Миляев!

Я ясен, как атом, Я прост, как Шекспир. Пирую богато Заслуженный пир. Жанне — мотороллер, Нет, Форд! Темно от восхищенных, Неиствующих морд. И всё женские. А я — как камень. Как Канер После очередной трагедии...

Ах, эта Жанна, Красавица Жанка, Очень капризная, как парижанка! То ей нужна из Гаваны пижамка, То ей нужна из Нью-Йорка картинка Ах, эта Жанна, Красавица Жанка! (А эта Зинка — подавно кретинка).

У Жанны — капризы. Бровями бряцает. В меня укоризну Глазами бросает. Мне говорит: Хоти, не хоти, А за луною в космос лети!

Очнулся от сплина, Я всё могу!

Спину трамплином Согнул в дугу. Прорвавши бедрами Притяжения невод, Прыгаю бодро В синее небо!

Мама, как в госпитале,
Расстоналась, разохалась:
Помилуй, Господи —
С кровати грохнулся!
А мне не стонется
За разбитое ухо,
Я видел Солнце
И нимб триумфа!
И я не могу от восторга скрипнуть зубами,
Быть может, потому, что, падая, выбил все зубы...

Люди, не плачьте! Это не вечно — Мои стихи, Написанные за вечер. К чему ночей Истерическая бессонница? Недолго мне Тосковать без Солнца. И пусть наша слава За тучами спрятана! Жанна справа — И то приятно. Особенно, если Жанна тысячекратно, Лиды бодрей и краше Исцелует Мокрые губы наши.

1961 г., май

Евгению Полищуку

(к 50-летию)

Евгений, добрый наш приятель, Рождён в районе Воркуты, Где, может быть, сидел и ты, Мой уважаемый читатель.

Судьба Евгения хранила — Ему сестрёнку мать родила, Тем самым в юный организм Был подключён коллективизм.

Но в целом был герой нахален, Уверен, индивидуален, Имел от Бога аппетиты, Ну, как имели троглодиты.

Но, правда, личность проявлялась В том, что из очень вкусных щей В одну секунду удалялось Всё изобилье овощей, И только мясо оставлялось.

Он с детства не был меломаном, Не прятал мелочь по карманам, Но рано шахматы познал И рано стал читать романы, И в жизни ждать небесной манны, И мыслить женский идеал... В строю со всем эсэсэсэром Он был прекрасным пионером, И как-то на физфак попал...

Как говорится, и осёл В хорошем обществе расцвёл — А наш Евгений с детства гений По части разных увлечений. Видать, зимы полярной прочность Развила в нём многостаночность: Футбол, гитара, преферанс, Блиц, целина, велосипеды, Пещеры, с КГБ беседы, Религиозный ренессанс И кибернетика к тому ж — Итак, весьма достойный муж...

Но все друзья переженились, Поразводились, порезвились — А он немало запоздал. Не то искал свой идеал,

Не то смущало глубоко,

Что он зимой на свой фасон Носил лишь рваные трико. Заместо новеньких кальсон, И, ожидая идеал, Носки с ботинками снимал —

Короче, он, как ротозей, Плыл лишь в фарватере друзей... Как с этой справиться бедой? Как жизнь свою переиначу, — Он мыслил, погоняя клячу В совхозе с бочкою с водой...

Итак, она звалася Люся... И я, простите, не беруся Её достоинств описать, Хоть мог бы Чечин подсказать...

Короче, родился Сашуля — Его во все дела тянули, Он ось, семейной жизни винт, К тому ж, конечно, вундеркинд...

Он столько задавал вопросов, Что папа Женя стал философ. Стал часто на небо коситься, Стал, как мы все, порой беситься,

Но всё затихло, перестало И не разбило их об скалы В семейных бурях ни шиша! Быть может, малость потрепало — Жизнь далека от идеала, Но, может, тем и хороша...

Итак, почти что ставши дедом, Притом, отнюдь не стариком, Евгений тешился обедом На пароходе, как нарком,

И вёл приватные беседы И запивал их коньяком... Для сердца старого услада, Когда нас кормят без доклада,

Когда нас поят просто так,

Когда нас любят за пустяк И в танце девушки висят, А нам уже за пятьдесят!

Пора! Кончается баллада... Будь жив. Здоров. Кончать не надо. Мы все тебе ужасно рады! Налей опять, дружище, яду!

9.10.91

Квартира 100

(Вере Романовой)

Не так, не по расчёту — А просто от судьбы Была квартира сотой, И были там грибы,

И были там соленья, И пара пацанов, И мама — умиленье, Основа всех основ.

А кто мы — пчёлы в сотах, Или монголы в дзотах? И что несём в полётах — Напалм или нектар?

А в бой идёт пехота, И в мире гибнет кто-то, Хоть очень неохота, Брать на себя удар...

Пою — не для отчёта, Что вижу — как акын. Вот пару анекдотов Запустит младший сын.

Прекрасное застолье, Уставлен весь поднос — И только тихой болью Свербит в душе вопрос.

А кто мы — пчёлы в сотах, Или монголы в дзотах? И что несём в полётах — Напалм или нектар?

А в бой идёт пехота, И в мире гибнет кто-то, Наш долг — пусть неохота, Брать на себя удар...

1995

Валере Рукавишникову

Мир великих авантюр, гаданий. *Кашпировский*

Обстоятельств ли стеченье, Иль начертано в судьбе, Но сплошные приключенья Ты придумывал себе.

Восхищались домочадцы: Ну, додумался отец, Чтоб на «Таврии» примчаться В свой таврический дворец.

Нет, чтоб не спеша трудился, С чаем кушал конфитюр — Ты ж в строительство пустился — В мир великих авантюр!

Нет, чтоб пить с друзьями чачу На свободный рупь-другой. Ты ж решил построить дачу, Ох, Валера, дорогой!

Как решить мильон вопросов, Не сломав себе рога. Ни цемента нет, ни тёса, Ни вагонки, ни фига!

Что же делать? Резать фрески, Чтоб гляделись за версту?.. Ни тебе, дружок, стамески И другую ма-та-ту...

Что потом? Вопрос законный, Я б ответ сейчас отверг — Принцип неопределённый, Что придумал Гейзенберг.

Что же будет? Прибыль-убыль? Иль развалится совсем Конвертируемый рубль, Или дубль 37?

Не печалься думой долгой, Если хочешь — погадай. Спой «По матушке», «По Волге», И с друзьями вновь поддай! 1990–1991

Лиде Широковой

(эссе о со-Лидарности)

И вот вы сядете в лото, Как пишет Саша, друг хороший. И вот вы грянете в ладоши, И Лида кажется святой В горячем нимбе наших тостов! ... Ну как все мило, как все просто!

Широков, что три дня не спит, Настоенный на травах спирт В бокалы бодро наливает И этим радость навевает...

Ах, почему же, почему же? Ужель из уваженья к мужу? Ну, мужа, ясно, уважаем — Но ведь не так же обожаем?

Так почему мы здесь бываем, Бывает — рюмки разбиваем, Хотя порою забываем Когда — апрелем или маем

Она своим явленьем свет Так тронула — беды в том нет, Мы близки к мысли основной — Она явилась в мир весной!

Но в чем загадка, в чем причина, Что всяк из нас, как дурачина, Забыв семейство и хоккей, Забыв науку, поутру Вдруг мчится в Красную Пахру, Как в гонке взмыленный жокей?

Нет, тут не всё, не всё так гладко! Тут, видно, быть должна загадка! Как дважды два, как пятью пять — Решив загадку разгадать, (Должна быть — что ни говори!) И полиставши словари,

И БСЭ, и гороскопы, Я понял — имя!

Вот в чём соль!

Листаю: Анды... антилопы... Аскеты — ну, не то!.. Ассоль. —

Вот это ближе, но далече... Коррида — уж теплее... лечо — Совсем от истины близки — Леско Манон, потом леск<u>и</u>,

Лжедмитрий, Ли Вивьен — похоже... Либерализм, листок — ну, что же... Ах, проскочил — Лито — не то! Какие могут быть запреты?! Опять: коррида, кастаньеты... Ах, Лида, Лида, где ты, где ты?

И вот она — во всей красе — На тридцать третьей полосе! Вот Лидия — страна чудес. Богата золотом. Сам Крез, Что нам сокровищ тьму оставил, Там правил безо всяких правил.

Вино лилось рекой. Шелка
Там обрамлялись ювелиром...
Всё было солнечно, пока
Царем персидским грозным Киром
Не завоёвана рука...

И стало быть, не до монист... Листаем дальше. Ли-Да-Чжао — Китайский первый коммунист... Лидо-ди-Рома — центр туризма Близ устья Тибра. Пляж. Сосна... Лидо — курорт. И центр снобизма. Винолечение. Весна...

И просто Лида — град российский. Руины замка. Хоровод. И пивоваренный завод... Но что мы видим? — Лад лидийский!

Широков, это ж просто клад! Понятье есть — «Лидийский лад». Чужд догмам я. Не встану в позу, А просто перейду на прозу:

«Лидийский лад CM. Натуральный лад, Средневековые Древнегреческие лады. лалы семиступенный, строго диатонический лад, не включающий видоизменений основных ступеней. Натуральные лады обладают разнообразной окраской звучания. Напр., миксолидийский отличается просветленным минорным колоритом, лидийский характерный усиленной мажорностью...»

Мне сразу стало так завидно: Вот почему такой со-Лидный Широков вечно и всегда. Эх, да-ли, да-ли, да-ли-да!

Ведь сам Стравинский, говорят, Использовал Лидийский лад!..

Опять не то — коррида, кафель... Вот снова чтой-то: Лидертафель — Не просто странные слова — А певческие обществ<u>а</u>, Любителей-мужчин хор<u>ы</u>... Мы знаем правила игры!..

... Лиддит — смотрите «мелинит», А там опять — смотри «шимоза», Я думал, что шиповник, роза, А оказалось — динамит...

... Лидо — песчаная коса, От моря бухту отделяет И тут же бухту превращает В лагуны тишь...

Ах, словеса!

Ну, как оса — Жужжат, пока не выпьешь литр, И сразу вспомнишь слово:

лидер!

Вот в чём вся сила и краса!

Судьбою раз ей суждено Сегодня и всегда лидировать — Я должен рифму ликвидировать И увидать бокала дно...

Завесу тайны приоткрыл, А сколько скрыто за экраном! И мне уже совсем не странно, Что я так бодр и легкокрыл.

Ведь постулат, гласят, Эвклида Звучал когда-то так: эх, Лида!

Р. S.Сказал наш Толя, как всегда — А то ли нет, а то ли да!

Трудно вспомнить, с какого времени в моду вошел у нас восточный календарь, по которому каждый год обозначается одним из 12-ти животных. И начиная с какого-то из них к каждому новогоднему празднику Валера сочинял соответствующее стихотворение. Ряд из них он поместил в «Издранном» (с. 170–192): год дракона (1988), змеи (1989), петуха (1993), свиньи (1995), мыши (1996). Но остались неопубликованными год обезьяны (1992), год тигра (1998), год змеи (еще один) и год петуха (еще три).

Год обезьяны

С этим вот календарем Никогда мы не умрем!

В год гориллы и макаки, В обезьяний этот год, Получив сполна госзнаки, Я желаю, чтоб народ

Получил заветный плод: Чтоб ходили вы во фраке, Чтобы были на коне, Чтоб имели счастье в браке (Нет — тогда на стороне), Чтоб не ввязывались в драки Без полундр на полубаке, Но с бензином в полном баке, Чтоб прислали нам поляки Водку Выборку 44 втройне.

Мы найдем свеклы вагон — Сами сварим самогон! Вам не грозит путчистов танк — Хранитель Ваш — орангутанг!

Он Вам подскажет верный ход И тьму бананов принесет! Будет Вам пирог и пышка — Вам благоволит мартышка! Все она за Вас заплатит И утащит, коль не хватит!

Вы тьму пирожных, тьму бизе В грядущий год съедите — Ведь очень шустрый шимпанзе Ваш ангел и хранитель! Чтоб толпа ни говорила — Лучший друг для всех — горилла!

С ним в подсобку магазина Загляните как-нибудь — Продавцы в момент сбегут, Вам оставив мандарины!

Поскольку Вы — немножко забияка, То будет Ваш покой хранить макака. Когда гулять пойдете в летний сад, Прикройте фалдой фрака ейный зад...

Я давно, приятель, говорил, Что тебе везет, и даже слишком —

⁴⁴ Выборова (Wyborowa) – «Королева» польских водок, наиболее известная и ценимая на мировом рынке.

Павиан, гиббон и гамадрил Вам послужат лучше, чем сберкнижка!

Цвет осени — любимые цвета — И листьев желтизна, как тигра шкура... В год тигра жизнь, быть может, не проста А веселей, чем в год вола иль куры.

1992 г.

Год тигра

Мы тянули в год бычачий Лямку, в общем, как могли. И вступаем в год кошачий, Сбросив лишние кули.

Снова всех деномирнули, Снова доллар — нарасхват. И ничуть не обманули — Килорубль за киловатт...

Снова стерпим все невзгоды. Только хочется чуть-чуть Заодно бы наши годы Раза в два деномирнуть!

В чем же смысл совокупный Наших в Новый год тирад? Из кошачьих самый крупный Тигр. К тому же — полосат. 45

Леопард, гепард, пантера, Каракал и оцелот — Та ж повадка, та ж манера, Тот же вкус на антрекот.

Кот ангорский, кот сиамский, Пума, камышовый кот, Ископаемый гигантский Саблезубый махайрод,

Барс, сибирский кот и рысь — Понимают фразу: «Брысь!»

Ягуар летит как птица... Тигр — мощнее и быстрей!

⁴⁵ По-нанайски тигр – «амба»! В мире множество причуд Мать-тигрицу у дравидов «Хулиямою» зовут.

Лев в подметки не годится, Хоть зовется царь зверей.

Тигр выглядит солидно, Он из самых высших каст.

Год — уж это очевидно —

Вам бесстрашие придаст!

Как удобно строить куры В юбке из тигровой шкуры! Иль сказать — мол, я на Вас Положил тигровый глаз!

В походы ходите, а денег не жалко — Езжай в заповедник «Тигровая балка». Тело, как будто лечебною грязью,

Всё разотрите тигровою мазью!

Новый год встречай, ребята, Лишь в тельняшке полосатой! Витязь, будь в тигровой шкуре, Только чтоб без лишней дури!

Мясо рвите, а не режьте, Но копытом тигр не бьет! И тигрятину не ешьте Ни за что на Новый год!

> Чтоб не была потом жена Как разъяренная тигрица — Я Вам желаю пить до дна На Новый год — и не напиться!

> > Милых преподавателей со старым Новым годом!

14.1.98

Год змеи

(вместе с вручением подарков)

Родная отпадёт без звука, Когда ей скажете: гадюка! Примите, как эпитет лучший, Её ответ: Мой гад ползучий! Ведь в самом деле — редок волос И на лице следы всех дней... Ну с кем сравнить — амурский полоз Иль щитомордник, что верней... Есть змея такая — полоз.

Без волос, сдаётся мне... А у щётки — чудный волос, И компактна для турне...

По гороскопу Вы — гюрза. Сухие строгие глаза. Ваш дед по полю шёл с сохой, А Вам дезодорант сухой.

Хотя Вы по натуре — кобра, Лицо у Вас по детски добро... А мыло детское в момент Лицу прибавит комплимент...

Простите нас, такая штука — По лотерее Вы гадюка... Чтоб не был зуб ваш ядовит — Примите с фтором дефицит.

Куда несётесь Вы стремглав? Вы, уважаемый удав? Вы на объятья очень падки — И вот Вам белые перчатки.

Как муж, Вы, извините уж, Когда берётесь Вы за гуж... Чтоб на жену смотреть смелей — Усы приклей, как Бармалей... Для этого — эстонский клей.

Такой у Вас всё время тон, Что видно — где-то Вы питон... Плат носовой. Но вот вопрос — А есть ли у питона нос?

А Вы — совсем не дама треф! Вы просто лучшая из эф! Подвалов храмов Вы ценитель. И Вам попал Христос-Спаситель...

Вы — очень дружная семья, Хоть Вы — очковая змея... Очки. Зрачки. Баран. И фото — Смотри на Красные ворота.

Под Новый год — сплошная пьянка,

А Вы — прекрасная медянка. И требуют поэта строчки, Чтоб получили Вы носочки!

Знает это каждый дворник — Ты, мой милый, щитомордник И смятения твои Вдохновили Навои.

Ты всё время ходишь павой, С виду — просто змей трёхглавый... Кто тобою в сердце ранен — Знал давненько Северянин.

1989

Год петуха

В Новый год меня, лапуша, Ты внимательно послушай: В год под знаком петуха Будет жизнь не так плоха! И по свету ходит слух, Что я где-то

сам

петух!

В новогодней светлой фазе Обязательства мои: Не вести ни в коем разе Петушиные бои!

31.12.92

* * *

Твоя любезная и добрая душа В год петуха, наверно, усладится! И жизнь, [наверно,] будет хороша, Коль петуху позволишь ты напиться!

* * *

А Вам петушок по старинной привычке Снесет в этот год золотое яичко! И это явленье не вызовет шок — В комплекте к яйцу золотой гребешок!

1.1.93

Новогодняя сказка-песенка про поросенка Борю

Поросенка звали Борей — он понятный и земной... «В новый год желаю море я тушенки вам свиной!»

Календарь японский краток. Обещает он для всех И здоровье, и достаток, и любовных тьму утех.

Но сомненья где-то гложат, как всегда, в родном краю — Что опять возьмут, подложат небольшую, но свинью!

Вон жена опять страдает, достаёт меня семья — Все чего-то ожидают, ты ж напился, как свинья!

А в лесу в огнях сосёнка, Дед Мороз храпит под ней. Он спокоен — поросёнков в мире больше, чем свиней!

В мире лад устроен тонко, но уверен Гименей — Завтра милых поросёнков будет больше, чем свиней!

Вечно спешка, вечно гонка! Нет валюты — хрен бы с ней

Лишь бы в мире поросёнков было больше, чем свиней!

Если ты из сказок вырос, на мечте поставил крест — Ты поверь, что Бог не выдаст, и свинья тогда не съест!

1995

* * *

Новый год подарит плебсу Морсу, шнапсу и турнепсу.

Маленькой Наташе Недорезовой

Скачет мячик — Хуба-дуба... Наступает Новый год! На домах эстонских трубы, И гусятиной несет!

Подарили Тате диск. (Не швыряй им. Это — риск.) И тетрадку в клетку — Нарисуй в ней ветку,

А на ветке снегиря, А под веткой — папу. Снег он вышел чистить зря, Эй, бросай лопату! С Новым годом. Тата!

Новый год в Эстонии

Незабываемое. Домик на холме. Порядок. Баня. В погребе — настойка. Эстонцем стал. Эфир лишь на уме. Кефир, зефир я отвергаю стойко...

Наука, а не жизнь. Не надо ваших игр. Молчу, лежу. Не балую речами. А Новый год — уже не дикий тигр, Что нависал у предка за плечами...

Ах, суета! Она того не стоит, Чтоб после капать капли из аптек... Гуманен каждый так, как гуманоид, И так жесток, как каждый человек...

Еще в Эстонии

Коллектив, где каждый реставратор Старых хуторов и новых бань, Коллектив, что вроде был стройбата, Отдавая летом стройкам дань, Коллектив, что строил на века — Наряду с обычным подношением Вам вручает пропуск-приглашенье От Стрелковых, Тиме енд /и/ К⁰.

Пропуск-приглашенье

«Выдано Капцовым — Тане, Лёне /Действует для всех их поколёний/ Для сверхполучений доз озона Во время летне-банного сезона. В теченье года действует оно, Но может быть и дальше продлено. К сему вам представляется каюта,

Кают-компания, парная в славном Круто».

Пост скриптум: Из бани выйдет Таня в полном лоске. Как в Башмаково, спросит: «Я красива?» И все эстонцы закивают живо: «Я, я! Вы просто ёске!» ???

Феликс Саевский. Иду по улице и вдруг слышу слова песни «А всё кончается...». Смотрю — стоит группа студентов, человек 20 с серьёзными (т. е. идиотскими) лицами во дворе, как бы конфиденциально, и поют. В конце песни слышу «...просто старики». Говорю: «Ребята, не старики, а мужики».

Слышу возмущение: «...нельзя менять слова автора — Визбора». Говорю: «Ребята, автор не Визбор, а Канер». Возмущаются: «Иди, мужик, своей дорогой, если не знаешь, кто такой Визбор». Все выпускники МЭИ, с которыми я работал, говорили мне: «Это песня Визбора», пока по телевизору не показали концерт авторской песни с участием Канера.

У него не было снобизма. В поэзии Валера стремился отдавать и отдавал людям свое мироощущение и душу.

Поэзия Валеры, пока я жив, всегда во мне. Упомяну лишь некоторые его творения: опера «Архимед» (с Валерой Миляевым), поэмы «Ветеран-20», «Ветеран-30», стихи и песни: «Песня для тебя», «Ах, какая нынче ночь», «Первый мартовский тёплый», «Целина родная», «Голубые мои дороги», «Былого не вернуть».

1957 году Я был на целине В совхозах «Молодогвардейский» и «Ждановский». Когда я услышал песню «Целина родная» в 1959 году, я вспомнил 1957 год с огромным тёплым чувством — настолько точно в песне отражено мое состояние лета и осени 1957 г. Песня «А всё кончается» не случайно так популярна. Она всё время вызывает у меня ностальгию по туристическим походам и стройотрядам. Опера «Архимед» благодаря Свете Ковалёвой ставится в кругу физиков более 50 лет.

Валерий Кандидов. В связи с ранними стихами Канера вспоминается такой эпизод. Его песня «Первый мартовский теплый этот вечер не зря...» исполнялась на конкурсе студенческих агитбригад в 1968 году. В результате

агитбригаде физического факультета сняли одно очко «за пессимизм и мешанство».

Олеся Манолова. Запомнилась удивительная арка в обыкновенной квартире. Арка в форме мадонны с младенцем, ведущая в комнату. И живой, стремительный человек, который говорил быстро, постоянно двигался, в чем-то убеждал, рассказывал что-то необыкновенное. Подарил книгу стихов, открывал ее на любой странице и нараспев читал интересные строчки. И подписал этот огромный (еще машинописный) том:

Листья лета не собрать, ни взвесить. Листья лета — Ляле и Олесе.

Этот том я потом (даже здесь чувствуется рифма) перечитывала и перепевала не раз. Первая песня была написана, когда я училась в седьмом классе: «За золотым руном», многим она нравится, хотя я думаю, что в ней больше озвученной романтики самого сюжета и ритмического вдохновения поэта. Поэт узнал о нашем первом опыте. Прошло сколько-то лет, звонок, уже мне лично: «Олеся, у меня творческий вечер намечается в Доме ученых, у тебя было что-то, давай, репетируй, будешь выступать. Если еще чтонибудь сочинишь, ну, пару песен, будет здорово. Ну, в общем, ты поняла». В приказном порядке. Не отвертишься. Пришлось репетировать. И сочинять. Нужно было прибыть на репетицию домой к Валерию Викторовичу. Приближается время, а вдохновение где-то загуляло.. И вот, перед выходом буквально час, и вдруг «слышу» удивительную мелодию — гусарский романс: «Ты, грусть, надо мною не вейся...» Так прелестно звучит, красиво ложится на гитару... Вылетаю из подъезда, боюсь, как бы кто не сбил мелодию. Прибегаю в дом (на набережной, там я еще не была ни разу), много незнакомых людей, все говорят, смеются, напевают. Я — к Валере. Прошу: дайте диктофон!! Быстро находится диктофон, я запираюсь в комнате, напеваю песню и на выдохе выхожу. Успела. Не сбилось. Вот такой интересный эпизод. Эта песня долго во мне звучала и радовала. И не только меня.

Наталия Тиме. Вот как Валерий Канер говорил об Олесе на вечере в Доме композиторов, посвященном «физическому искусству» (он там был одним из ведущих): «Конечно, в Доме композиторов хотелось блеснуть высокой нотой или

виртуозной игрой на каком-нибудь цимбало — но Бог не дал. Понимая это мое музыкальное недомогание, все друзья — от мала до велика — взялись закрыть амбразуру. И первой — дочка моей почти однокурсницы, музы многих физфаковских сочинителей Ляли Киселёвой, сама уже ставшая музой Олеся Манолова, кстати, мама трёх очаровательных мальчишек... Рабочая династия муз продолжается! Итак, Олеся Манолова со своим видением моих стихов и песен!»

Олеся Манолова. Много было радостных открытий, связанных с Поэтом и его пространствами любви, радости, жизнеутверждающей, творческой силы Души и умного Слова. Песня «Господа офицера», родившаяся из его стихов, написанных в больнице, давно живет уже своей (в смысле народной) жизнью, многие люди говорят, что она близка и нужна миру. Но самое сокровенное чудо, за которое я буду благодарить Валерия Канера всегда — это встреча и дружба с моими любимыми мудрыми, поющими, остроумными и бесконечно дорогими моему сердцу людьми, с целой поющей Вселенной, живущей по физическим многомерным законам!

Как трудно передать огонь, Его природа ускользает, Небесной силою взметен Он тотчас в небе исчезает.

В дороге дальней берегу Себя для редкого мгновенья, Когда придвинусь к очагу В восторженном оцепененьи.

О, пламя, ты чаруешь взор, Угасший разум пробуждаешь. С тобой легко, мой разговор Ты и без слова понимаешь...

Сл. и муз. О. Маноловой

Людмила Колодяжная. А вот мои посвящения Валерию Канеру в стихах.

Поэты

Мы странники — оттуда, из стран, которых нет,

пришельцы, ищем чуда, во тьме сокрытый свет.

Уходим осторожно во мглу безумья зим, где пушкинский треножник стоит, неколебим.

Там — дом стоит без крыши, но ступишь за порог — из каждой строгой ниши, неслышен, смотрит Бог.

И лист сырой бумажный плывет издалека, и вырастает влажно из-под пера строка.

И слов иголки-спицы затеряны в стогу, страница белой птицей мерцает на снегу.

Колеблется треножник, но время подойдет — прохожий осторожно страницу перечтет.

И вслед пойдет за нами, в страну, которой нет, где промелькнет меж снами во тьме сокрытый — свет.

***

«Мы входим в Рай по одному...» Валерий Канер

Ко мне ты не воротишься, ну что ж — Дом одиночеством, как выстрелом, разбужен, Пусть голос двери перейдет на дрожь, Круг жизни — до страницы поля сужен.

Над этим полем льется тишина — Она у нас еще зовется Богом — Здесь тает снег, здесь царствует весна, Растет строка, как новая дорога.

Разрежен воздух — все же можно жить, Из слов нелепых — всё же лепишь фразы, И продолжаешь белый свет любить, И этой жизнью — Богу ты обязан.

И разгоняешь над страницей тьму, И смерти говоришь: «Твое — где жало?» Мы в Рай идем всегда по одному, Какая б нас рука ни провожала.

Слова в тетрадь роняешь не спеша, Они растут, как зёрна откровений, Кому-то снова говорит душа — Как хорошо, что в жизни — перемены...

Апрель неверный. Вербы первой дрожь, Весенний сок, березы ствол надпилен... Ко мне ты не воротишься, ну что ж — Но до небес круг бытия расширен...

***

Поэт уходит из мира во сне, Но не говорите себе — Он умер... Бессмертие длится лишь в тишине, А смерть пребывает в житейском шуме.

Поэт уходит, держа в руках Одну лишь подругу — подругу-лиру, Струны ее зазвучат не в такт, Как лебединая песня миру.

Поэт уходит по той же тропе, Что он проложил — по всхолмиям строчек. Уходит, покорный той же судьбе, Которую он в стихах напророчил.

И Царство его — не от мира сего... Во сне он вернется в иную обитель. И пусть нам с Земли не видно его — Оттуда он смотрит на нас, Небожитель,

На Землю, где он столько лет тосковал, Где он — просто умер — а Там он проснулся. Он просто во сне незаметно вернулся К Тому, кто все строки ему диктовал.

Сергей Литвиненко

Валерию Канеру

Мы не прощаемся с поэтом, Никто не остается глух — В астрале в свете когерентном Витает вольный его дух.

Его касанья эфемерны, Но след на сердце, как ожог. Он самый верный и неверный, Он пересмешник и пророк.

То растворяется незримо, То затмевает неба свод, А то в обличье пилигрима, Святой слезой гранит прожжет.

Воздушен мир поэтов чтимых, Они рождаются в веках И говорят на языках Порою непереводимых.

Нередко случай иль святой Поэта примирял с судьбой, Берег и от звезды падучей И пулей управлял блескучей. Увы, душе, кипящей страстно, Звезда и пуля не подвластны.

Поэт один, поэт раздет, Секунда — и поэта нет, Но это миф, это фантом, Поэт в тебе, поэт и в нём.

В минуту тяжкую души Подаст он голос из тиши.

Евгений Полищук. Как друг Валеры, я подражал ему во многом. Вот и на 1-м еще курсе, возвращаясь с целины, я пристроился сбоку от него сочинять «Целинную ахинею»

(конечно, на правах младшего подмастерья). Теперь-то я вижу, что тот случай был провиденциальным — постепенно (впрочем, после 50-ти) Я заразился ОТ Валеры сочинительством поздравительных стихов своим друзьям, поскольку у меня друзья не только общие с ним, но и свои, и которых мне, наконец, стало искренне жаль, что они обделены судьбой и лишены возможности получать, как все Валерины друзья, стихотворные напутствия на юбилеи и даже на простые дни рождения. И постепенно я этих поздравлений насочинил столько, что подумываю даже издать свои «Сто стихов» к собственному юбилею (если доживу). Конечно, лирического дара я напрочь лишен, речь идет только о юморе. А вдохновляет меня то, что Канер стал для меня тем, чем Державин для Пушкина — он слышал некоторые мои опусы и меня, недостойного, «в гроб сходя, благословил». Да и Швом как-то выразился, когда я уже после смерти Валеры прочел что-то во время шугаровского застолья, что, мол, «Полищук — это Канер сегодня».

Я думаю, уместно будет в этом разделе привести несколько посвященных Валере стихотворений. Но сначала — несколько упоминаний о нем в балладах, посвященных другим. Например, Литвиненко при описании жизненного пути нашего командира:

И ты расслабился, как дембель, Зубами подымал ты мебель, Но челюсть раскрошив, как Канер⁴⁶, Осваивать стал дельта планер (1 мая 1998 г.)

Или в порядке обзора жизненного пути Валерия Чечина, однокурсника и хронологически первого Валериного друга (ну и моего также):

Судьбой еще не огорошены — Ведь лет прожитых слой не толст — Ее искали мы в Ядрошино, Ядрены и чисты, как холст. В Холщевиках искали тож⁴⁷,

⁴⁶ Cm. c. 120. ???.

⁴⁷ Ядрошино и Холщевики — две соседние станции по Рижской ж/д, на одной из которых была фазенда Канера, на другой — Чечина.

В пивной посеяв макинтош 48.

Здесь память, словно кинокамера, Мне снова крутит фильм про Канера, Ту ленту, где еще нас трое, И вот в лирическом настрое Я ныне как его вассал Сей стих убогий написал. Жизнь и вино делили с кем мы, Для нас был символом богемы, Нам в мир страстей раскрыл окно: Ночь преферанса, день кино.

......

И летом делали мы сани, Зимой же — расслаблялись сами: Бывало, пробкой в потолок, А чаще — задом на полок, То бишь в простой советской бане, Встречал нас незабвенный Канер — Ледащ, но и руководящ: Оставь одежду всяк входящ.

Уже не юные годками, Мы сказочными городками Любили утешать детей, При этом не щадя лаптей. К тому ж поездок тех сюжет Вносил поправку в наш бюджет. Все вместе ездили, частями, С родными, с женами, с дитями. А в Павлодарский окоём — С тобой и Канером втроём 49...

Теперь несколько стихотворений, специально посвященных Валере.

Валере Канеру

I.

⁴⁸ См. с. 11. ???.

⁴⁹ Имеется в виду поездка в отряд «Ветеран-25».

Ты научился жить с волками, Тебя не повалить руками, Хотя вставными, но клыками Держись за жизнь, Валера Канер!

II. О некоторых свойствах бытия (философская пародия с элементами рыночной экономики)

> «Былого не вернуть...» В. Канер

Былого не вернуть, как не вернуть спиртного, Что выпито давно — и в этом жизни суть. И штопор не ввернуть в бутыль пустую снова — Понятно, что хреново — увы, не обессудь!

Я в детстве жил, друзья, на улице Валовой, Не ведая еще о слове «валовой»; И мне моя страна казалась очень клёвой, И были все вокруг ребята с головой.

Тогда напоминал коня я боевого, И мог в ворота гол, а в стенку гвоздь забить, Мог женщину сдавить до звука горлового, До часа гробового былого не забыть.

А ныне всё вокруг ужасно бестолково, И хочется блевать от многих новых слов, И снова в зоне мы, на этот раз — рублевой, И той валюты плевой ничтожен наш улов.

Я Канера люблю, хотя и пожилого, И с ним готов всегда под ухаря косить. О прошлом вспоминать — что резать по живому, По курсу биржевому мы стали — волчья сыть.

Но своего хребта не пестуя спинного, На свете белом жил ты, не жалея жил, На нашем корабле был вместо загребного — Орфея заливного — и всех нас ублажил.

Что главное в тебе? я спрашиваю снова И отвечаю вновь — лирическая прыть, Из песни, знаем мы, не выкинуть ни слова — Субстанция былого — такая ж, нечем крыть.

Еще как виртуоз по части слов отлова Ты стричь умел всегда, а нужно — так отбрить, И будь твой супостат строптивости ершовой, Иль колкости ежовой — да ёшь его едрить!

Есть жаворонки здесь, но в большинстве мы совы, А время все течет, и как беду избыть? Пора, мой друг, пора, с души сорвав засовы, С телес — костюм джинсовый, начать собою быть.

На мой дремучий вкус шашлык приятней плова, И лучше коньячок, чем просто водку пить, В конфликтах избегать решенья силового, И Канера прямого — в горбатого лепить!

13 января 1994 г.

Ш. ДУЭТ

В театре, чье название «ДУЭТ» — Не то, чтобы для «соло» места нет; Скорей, тут каждый — мэтр, прима, соло, И все — довольно пряного посола.

Пока еще веселье нам по силам, Твоим, Василий, внемлем мы посылам, Твоим мы твердо веруем посулам, Как верует в покой нога под стулом, Хоть знает, что порой ночною стылой Домой ей отправляться, в путь постылый...

И долго будешь тем любезен ты ДУЭТУ, Что не обрек ты труппу на диету, Но вел ее в наш трудный век к банкету. Свершилось. Мы дошли. Виват поэту!

3 декабря

1994 г.

Приветствие от рабочих сцены

Тому везет, кого везет Ишак иль конь иль як, Кто пьет, пока не развезет, Кагор, портвейн, коньяк.

Кто может лыка не вязать.

Но мудро морщить лоб, Кто может Канеру сказать: Ты, Вася⁵⁰, остолоп.

То рампы труженик простой, Кулис пролетарьят, Кто из горла, едва простой, Вкушает белый яд.

Он хитроумен, как Улисс, Могуч, как Дон-Кихот, И вечно зрит из-за кулис Кривой спектакля ход,

Который на воду спустил Великий режиссер: Бульдозер, гейзер, смерч, тротил, К тому ж гипнотизер.

На нас-то глаз он положил Тому немало лет, А нынче матом обложил И пригласил в ДУЭТ.

Он господин пяти стихий, Лесов, морей и рек, И обо всех сложил стихи Матерый имярек.

Он только «100 стихов» издал, А мог бы — сто томов, Но он не изверг, не вандал, А властелин умов.

Крепка ли Мельпомены сеть, Велик ли наш поэт, Но не дает нам разомлеть И держит нас ДУЭТ.

Нам жизнь давала прикурить, И до сих пор даeт, И все же — что там говорить — Да здравствует ДУeТ!

⁵⁰ Именование поэта в близком кругу, см. с. 11. ???

Валерий Рукавишников. Валера был очень одаренным человеком, а писать стихи было для него потребностью. Стихи у него складывались из появляющихся в голове готовых строк или строф, и он не любил редактировать написанное.

Валера очень хотел напечататься. лонести свое творчество до как можно большего числа читателей. Известно, что при знакомстве с девочками он представлялся так: «Я Канер. Через 20 лет буду знаменит». Но было ясно, что решение этого вопроса нужно брать в свои руки. В семидесятых годах Канер сам напечатал на машинке и своих переплел сборник стихотворений нескольких экземплярах, куда, кстати, вошла часть его поэмы «Золото» («Листья лета, с. 288»). Написанная в легкой рифме и чем-то похожая на русские классические произведения, поэма была наполнена философией бытия И читалась с большим интересом. Но в дальнейшем следы этой поэмы, к сожалению, затерялись.

Настала перестройка, и издавать книги стало возможным — были бы деньги. Небольшой опыт работы с издательствами уже был — была выпущена книга «Шизики футят». Валера предложил создать фонд помощи издательскому делу: каждый член фонда вносил некоторую сумму, а взамен получал готовую книгу и в дальнейшем сам мог использовать деньги фонда, пополненные за счет реализации. Фонд назвали по предложению Е. Полищука «ФИНИК» — Фонд Издания Наших Интересных Книжек.

На собранную сумму (к которой еще присоединились пожертвования некоторых друзей — Аркадия Товашова⁵¹ и других) был выпущен первый сборник стихов Валерия Канера «Сто стихов». Рисунки в книге — Виталия Соколова, оригинал-макет — Сережи Лакеева. Тираж 2000 экз., год издания 1995. Была проведена презентация книги на квартире Н. Тиме, где собрались члены ФИНИКа и приглашенные гости. Канер мечтал о продолжении издательской деятельности, но пока без конкретики. По этому поводу я написал пародию на его стихотворение «Я проснулся — машу руками — мне приснилось, что я тону» («Сто стихов», с. 66).

 $^{^{51}}$ Сосед С. Литвиненко по даче в Шугарово.

ФИНИКУ — В. Рукавишников

Я проснулся, взмахнул руками — Получилось, что я лечу. Безудержность моих желаний Только ФИНИКУ по плечу.

Не оставлю ни буквы, ни точки, Не жалея для этого ног. Напечатаю все до строчки. Только ФИНИК бы мне помог.

Мне приснилось — добро не стоит. За добро я ответить рад. Можжевельника ягод настоян, Развернулся бутылок ряд.

Самый лучший в душе период. Очень светлые времена. За здоровье, любимый ФИНИК, Выпиваю бокал до дна.

Ты скажи мне слова простые. Я ведь с ними с детства знаком. Были раньше мы все холостые, А теперь вместе в фонде живем.

Впереди вижу новый берег. Как друзья мои мне дороги! Соберите немножечко денег, Помоги, милый фонд, помоги!

Творческий разбег был взят очень хороший, и в дальнейшем за четыре года Валера выпустил четыре книги — «Сто стихов», «Недопетый звук», «Издранное» и, посмертно, «Листья лета».

В.К. Отчёт о проделанной почти за год работе собранию учредителей «ФИНИКа» (написан от лица Натальи Тиме).

Друзья! Мы пьём, едим, гуляем — А жизнь течёт, течёт, течёт,.. На суд высокий представляю Я вам финансовый отчёт.

Вы помните, как не по факсу, А лично в руки, лично мне

По пятьдесят отдали баксов В один вы из январских дней (в обиду собственной жене).

Поставлен чёткий был учёт (что Чечин задержал — не в счёт, Он был лишь марками⁵² богат...) Короче, «ФИНИК» сделал вклад. Куда ж, однако делся он? Чем «ФИНИК» удовлетворён?

Сначала я молчать хотела — Поверьте, моего стыда Вы б не узнали никогда...⁵³ Когда ныряешь в это дело,

И в типографии сидишь, И день и ночь во всю глядишь, Чтоб никуда не улетела Обложка, что по тыще лист — А лишь отходишь по нужде, То так и знай, что быть беде!

Мастеровой включил станок — Мгновенно двести тыщ в брачок... Вот, учредители-отцы, Вглядитесь в эти образцы.

А всё своё ведь, всё родное, Сам лично внёс почти лимон. Ну, кто, скажи, тому виною? Наш стиль работы «Совиньон»...

К чему дальнейшие детали — Могла бы говорить и дале — Вы сами можете смекнуть, Смекнувши, рюмочкой запить, Что книгу с фильмом⁵⁴ провернуть — Совсем не ишака купить!⁵⁵

53 Из письма Татьяны Лариной Евгению Онегину.

⁵² Речь идет о швейцарских марках.

⁵⁴ Речь идет о видеокассетах с записями спектаклей «ДУЭТа».

⁵⁵ «Трамвай построить — это вам не ешака купить» (выражение товарища Гаврилина из «Двенадцати стульев»).

Так. «Сто стихов» согласно смете Издательства — мильонов дюжина. Откуда взялись деньги эти? Ну, всё рассказывать не нужно.

Во-первых, «ФИНИК» — два лимона, Квиточки есть, и всё законно. Васильев Саша — тоже два, Коль я неточен — он подправит, Васильев Саша — голова, Всегда на нужный кон поставит.

Как продолжение начала, Четыре «лазер-принт» безналом, А остальные — этот дом Натурой, собственным трудом.

Фильм — вас не стану утомлять — Физфак решил нас поддержать, И по моим расходам он Всего лимон, всего лимон.

Квиточки ревизор наш Чечин Все просмотрел, все поглядел, Всё прожевал, попил, поел, Расправил молодецки плечи, Текло и в рот, и по усам, И что сказал — он скажет сам.

Володя Недорезов. Тогда же при помощи фонда ФИНИК была выпущена книга известного биофизика Л. Блюменфельда «Две жизни» о войне. Мы собирались большой компанией у Сергея Никитина в его квартире на Университетском проспекте. Он угощал нас приготовленным лично им пловом, а мы обсуждали идею выпуска этой книги. Д. Сухарев читал свои стихи. Позднее состоялась презентация книги в Доме ученых на Кропоткинской. Вел презентацию Сергей Никитин. Пригласительный билет делал Канер.

***

 ^{56} «Лазер-принт» — ООО, бывшее одним из спонсоров проекта.

В заключение раздела помещаем драматический отрывок, который можно рассматривать как замысел продолжения «Архимеда», к сожалению, оставшийся неосуществленным.

Диоген

(научно-фантастическая пьеса) Действие 1 Первая картина.

1-й грек:

Ну и жара сегодня! Солнце как с цепи сорвалось — того и гляди удар схватишь!

2-й грек:

Н-да... Сейчас бы две кварты «Афинской», пару афинянок да и на пляж, в «Золотой бор». Так нет, сиди здесь и жди градоначальника... Я, говорит, приду к половине пятого, посмотрю, как оракулы отбиваются, и с вами займусь. А зачем им, оракулам, отбиваться? Работа у них творческая, неземная — как никак, судьбы предсказывают. А вот ты попробуй предсказать судьбу, сидя на табеле!

3-й грек:

Э, да что там оракулы... Воды б сейчас испить — в горле пересохло, как в пекле. Пол жизни за стакан воды!

Диоген (вмешиваясь в разговор):

Так в чём же дело? Сзади тебя автомат с газированной водой! Опусти трехлептовую монету — и сохранишь свои полжизни!

1-й грек:

Эх, Диоген, Диоген! С одной стороны, ты мыслитель, а с другой — дурак дураком. Ну, где это видано, чтобы в Древней Греции разменивали монеты?! Вчера, хотя бы — ехал я на колеснице без кондуктора — так пока набрал сдачи на свою драхму, пол Афин исколесил. Да, в Древнем Риме — там всё по другому. Там уж если стоит автомат — так рядом пять менял сидит, и каждый к себе зазывает: «А ну, говорят кому разменять 15 драхм на 500 трехлептовых монет!» Хорошо!

2-й грек:

Так даже если б монеты были — опять же древние греки все стаканы порастащили! Да, древним грекам палец в рот не клади!

3-й грек:

Опять же, навешал плакаты градоначальник — «Пей оливовый сок!» Да ты меня не агитируй, что пить, ты лучше

повесь указатель — «Вон там, налево, за углом, можешь выпить». Нет, что ни говори, и воды нет, и нет в жизни счастья!

(Диоген во время разговора уходит в комнату, и выносит мешок с деньгами).

Диоген (гордо):

Есть в жизни счастье!

Все греки (иронически):

Да ну?! И где ж оно?

Диоген (похлопывая по мешку):

Вот здесь!

(развязывает мешок)

Налетайте, детки!

Берите монетки —

Драхмы и лепты...

Купишь и хлеб ты,

Купишь и воду...

Деньги — на бочку,

Деньги — народу!

(греки с удовольствием разбирают монеты, некоторые пьют воду из рук).

1-й грек:

Что бы мы делали без автоматов!

2-й грек:

И без Диогена!

3-й грек:

А до чего мне звук её нравится!

1-й грек:

Ну, недаром ты в музыкальной школе учился!

(Тебя из консерватории выгнали!)

4-й грек:

Вот пью я эту воду — и думаю. До чего же хитро устроена эта машина! В будущем повсюду будут одни автоматы! Встаешь утром, нажимаешь кнопку...

1-й грек:

Опять завёл свою пластинку... Сказал бы лучше спасибо Диогену...

Все греки:

Ты, Диоген мыслитель, ты мужчина...

С тобою в жизнь приходит дармовщина!

(Появляется градоначальник в сопровождении двух легионеров, все замирают по стойке смирно).

Градоначальник:

Ну, как ребята, скучаем без работы и без начальства?

Все греки:

Да как сказать? Мы что-то замечаем,

Что без работы не скучаем...

И хоть начальство наше очень славно —

Нам без него не скучно и подавно...

Градоначальник:

Но-но! Родная мать (быем себя в груды) приходит к своим заблудшим детям, а те её встречают без всякого энтузиазма. Нехорошо это, не по-гречески! А я для вас постарался — превосходную работёнку нашёл... (к легионеру) Читай скрижали...

Легионер (нудным голосом):

... погонщик мулов по маршруту «Македония-Абиссиния».

Работа на воздухе, небо синее.

По ночам — звёзды и луна.

Через полгода — оплата сполна.

Ты идёшь через горы и плато —

и, естественно, идёт зарплата.

Если будешь работать живо —

получишь 3 драхмы на кружку пива.

1-й грек:

Не густо!

Легионер (не обращая внимания):

Нужен один грек, желательно с музыкальным образованием,

для переноски крупногабаритных арф.

Выдается спецодежда — очки и шарф.

Оплата — одна лепта за арфоипусажень.

Работа — чуть ли не каждый день...

2-й грек:

А чего-нибудь эдакого, поинтересней?

Градоначальник:

Поинтеллигентней? Более творческое? Конечно, есть. (*легионеру*) Читай дальше...

Легионер:

Требуется 4 грека чистить Авгиевы конюшни.

Для инициативы и творчества — непочатый край.

Три дня попривыкнешь — и покажется рай...

3-й грек:

Может, кому и покажется. Да только не мне.. Я ведь дегустатором работал...

4-й грек (легионеру):

Вот слушаю я тебя — и думаю. До чего же хитро устроена жизнь! А вот в будущем всю работу будут делать одни автоматы! Встаёшь утром, нажимаешь кнопку...

Градоначальник:

Пускай будущим занимаются оракулы — за то они и получают драхмы! А ты бы о себе позаботился! Смотри — много будешь думать — мало будешь кушать! Ишь, чистоплюи! Драхмоеды! Студнеядцы! У нас — демократия! Каждый сам зарабатывает деньги на жизнь!

Диоген:

Напрасен гнев твой, о градоначальник! И хотя он как нельзя более соответствует твоему лицу и сану, но зачем, скажи, этим миленьким древним грекам надрываться на работе? Зачем?

Градоначальник:

Зачем? А почему не спросишь ты, зачем они дышат? Почему ты не спросишь, зачем они живут? Почему не спросишь, зачем, вообще мы все? Спроси любого порядочного афинянина — и он ответит тебе — мы живём, чтоб получать блага, которые дарует нам природа. Но кто им даёт эти блага? Уж не ты ли?

Диоген (выносит второй мешок):

Я дам им блага! Вот этих драхм хватит на полгорода! Молочные пусть льются реки — смелей берите блага, греки!

Греки (хором):

Ты, Диоген, мыслитель, ты мужчина...

Градоначальник:

А, ну, молчите! Что за чертовщина! Ты что, в лотерею выиграл? Или в Риме скончался твой богатый родственник? Драхмы куры не клюют? Блага — это тебе не идеи. Ими налево и направо не разбрасываются. Их копят. Читать надо объявления: «В сберкассе драхмы накопила — все блага запросто купила!» То-то! (Берёт монету на зуб) Э, да они фальшивые! То-то я смотрю, что — ты расщедрился...

Наталия Тиме. Отдельную книгу можно было бы издать под названием «салфетки». Все, кто общался с Канером, прекрасно поймут, о чем идет речь. Потому что на салфетках Канер писал стихи, обращенные персонально к кому-то. Я храню много таких салфеток, которые мне прислали те, кто их сохранил.

Конечно, все это — экспромты, Валера был блистательным импровизатором в любом застолье, порой молниеносно откликавшимся на происходящие вокруг события. Приходится иногда слышать мнение, что он недостаточно работал над стихами. Но стихи, писавшиеся

дома, — для спектаклей, поздравления по поводу торжеств и др., а также старые стихи, готовящиеся к публикации, подвергались тщательной шлифовке. Иногда на поиск нужного слова уходило несколько дней. Такой случай работы над арией «валютной аспирантки» Валера описывал в «Шизиках футят» (с. 101).

Адресат не установлен

Я не граф, чтоб писать автогр<u>а</u>ф, Не зоограф, писать чтоб автограф... Я немножко по людям географ — А точней, длинноногий жираф...

(5.12.94)

* * *

Наша жизнь — как эта песня длинная, Вся в шипах, в колдобинах, в сучках — Одному — пусть слепота куриная, Боль другому — в розовых очках... Мы умрём однажды в осень серую, Я и ты, кто не хотел быть в дурачках... Я скажу [...] верую: ???
Ты родился в розовых очках...

* * *

Сергей, ну что сказать — привет! Тебя однажды звал «ДУЭТ», Послали мы тебе билет — Ты пренебрёг... Уехал чёрти ты куда, Но не грусти, не вся беда, Увидишь нас ещё, когда Наступит срок.

* * *

Когда у нашей милой пышки В груди энергии излишки — Ни за какие я коврижки Играть не буду в кошки-мышки.

* * *

Ты вовсе не сомкнула глаз,

Ты пироги впихнула в нас, Ты показала высший класс, И отошла. Сказала: всё, ребята, пас, Закончен бал, и мой наказ — Смените на дисканты бас — И все дела. А рифма лезет — не унять: Кого-то надо догонять И на себя потом пенять, Когда рассвет...

Аншукова Наташа

Натали, Натали! Ты скажи — ну в кои веки Мы с тобой, как человеки, Вместе выпить не могли? Натали, Натали! Ну скажи, хоть на пороге — Как мои с тобой дороги Разошлись, как корабли! Натали. Натали! Не одно прошло уж лето... А с тебя уже портреты Монолизовы пошли... Натали. Натали! Знаю я — не первый сорт... Дам леща я в натюрморт, Чтобы Игорь не как чёрт, На меня смотрел вдали, Чтоб за всё мне сообща Игорь сам мне дал леща!

Баранов Толя

Дорогому символу человеческой порядочности от посредственного ученика. Толе от композитора. 24.05.97

(на сборнике стихов «Приходит время»)

Беляева Дина и ее подруга Маша

Дети — жизни всей цветы! Маша, Дина — это ты! Терпсихора, Мельпомена — обе музы с Вэ эМ Ка. Им и море по колено без вина, без коньяка, Без студента-дурака, что устраивает сцены Просто из-за пустяка, и готов себе вскрыть вены — Откровенно и мгновенно — столь у муз различной сцены Радость жизни велика... Дети — цветики травы. Дина, Маша — это вы.

4.01.96

Богланова Люба

1.

Знаю я наверняка — Гость свалился с потолка, Я не Карлсон — дед Мороз, Я вам сказочку принес. Поглядите дружно дети Сказ на видеокассете, Там за кадром ваша мама Через месяц будет прямо, Прям с экрана нежно петь И «Марией» души греть!

2

Рождественская сказка про конфеты и нос

Лена кушала так долго — Утекла аж речка Волга. И за этот за обед Папа нас лишил конфет. Чтоб решить такой вопрос — Откусила папе нос... Я поплакала, грустила — Нос на место прилепила. Папу в нос поцеловала — И конфеты поедала.

3.

⁵⁷ Речь идет о католическом песнопении «Ave Maria».

Мама громко песни пела И вела все в доме дело, Чтоб холодный вихрь не дунул...

Мама громко песни пела, А у папы мысль горела — Папа думал.

4

В нашей России петь можно смело: «Аве Мария!» — Лена пропела. Ей вдохновенно ответил Валера — «Терра инкогнито» — стало быть, терра! «С неба ангел к нам спустился И сказал: Христос родился!»

5.

В нашем милом интерьере Подселился к Терри Джерри... В мире каждый подневолен, Все под Богом ходим мы — Терри очень недоволен: Меньше нормы на кормы... И собрался Терри с духом — Прокусил он Джерри ухо... Горевали мы, грустили — Джерри чуть не усыпили... Он сейчас слегка хромает Лену с Катей умиляет... В общем, нечего бояться! Джерри с Терри подружатся...

6.

Все лишнее оставив Терпсихоре, Поет в Большом, в большом Катюша хоре. А учится в соседней красной школе, Где учит математику бемолей. Я посмотрю — хоть в профиль и хоть в фас — По-видимому, будет высший класс! Ну, а пока в обычной школьной массе Она в десятом, предпоследнем, классе...

7. Любе, Саше, Кате, Лене — Песнь грядущих поколений..

15.01.95

8.

Подвластен ей оркестр, орган И даже Папа Римский, если Сидит он, принимая в кресле⁵⁸... Уж если голос Богом дан — Тогда не важно, что есть в чресле.

Букейханов Срым

А в Новый год пою я, Срым, У нас минога и налим, И Ркацетели, и Алигота... А ты растаял, вдруг, как дым, И в свете дня уехал Срым На всякий случай вдруг в Алма-Ата! А там, бывает, окна бьют, Когда вдруг пленумы пройдут И все не сразу разберут, где правота... Но дни пройдут. Чуток пожгут. Кого, где надо, соберут И все поймут, что все зер гут и красота!

Васильев Саша

Художник. Где-то — математик. Предприниматель. Филантроп. Пошел в «Агрохимбизнес», чтоб «ДУЭТ» бывал в пансионате...

4.01.95

Гордина Люба

Я почему-то подумала, что быстро справлюсь с воспоминаниями, и это было очень наивно с моей стороны, т. к. папок с салфеточными шедеврами у меня оказалось аж четыре штуки! Первое, что я решила сделать сначала — перечитать, а потом из этого взять самые интересные

⁵⁸ Люба Богданова удостоилась быть принятой Папой Римским Иоанном Павлом II зарисовки. Но когда я взглянула на часы, было уже пять часов утра, а я разобрала только одну папку... Тогда пришла мысль, что буду наугад брать из папок салфетки, картонки, обрывки писчей (и не очень) бумаги и что-то «увековечу» в своих воспоминаниях. Сейчас у меня в руках не салфетка, а открытка с напечатанным на машинке стихом, датирована 31.12.86, т. е. в канун Нового года:

А это чудо, в общем, объяснимо — Уж так назвали — прямо в глаз и бровь: Горда, поскольку Гордина.

Любима.

Поскольку называется — Любовь.

Об этом знают все на свете — С нее пошла любовь в «ДУЭТЕ».

Возьмет аккорды фортепиано, Польются звуки — визави.... Какая ж Волга без баяна, Какая ж песня без Любви?!

Вообще, надо сказать «любовных» стихов, адресованных мне, было весьма много. Поговаривали даже, что Валера «неровно дышит» по отношению ко мне, в связи с чем мне приходилось отшучиваться, к сожалению, в прозе (увы, я не говорю стихами с детства!). Больше того, у всех сложилось (и у меня тоже) впечатление, что сей факт некоторое время очень беспокоил Наталью Тиме (как ни пытались ее разубедить...). Но на мои упреки в адрес поэта последовал следующий опус:

Я вышел из родного клуба, Что на Кропоткинской стоит, И ошалело молвил: «Люба!» Не многожен я, Индивид! (датировано 30.05.86).

На этом же листе A4 с обратной стороны портрет самого себя.

Особые отношения были у Валеры с моим мужем — Игорем Гординым. Известно всем, что Валера мог позвонить практически в любое время суток, если ему «загорелось» срочно что-то выяснить. Однажды такой звонок последовал где-то около 2-х часов ночи, трубку поднял Игорь и пригласил голосом, в котором я не ощутила никакой нежности: «Тебя к телефону твой хахаль зовет». На что с другого конца провода

последовала тирада:

Это я то, Игорь, хахаль? Ты подумай, ты постой! Я ж от Любы только ахал, Я не Охальник какой!!!

И еще несколько творений Канера было оглашено в порядке «мести» Гордину, исполнявшему на сцене во время спектаклей роль такелажника фортепиано и по совместительству осветителя. Но сначала ведущий громко объявлял в микрофон: «У фортепиано доктор технических наук Игорь Гордин!». Выходил И. Г., а с ним и еще ктонибудь, и торжественно, под аплодисменты перемещал рояль из одного угла в другой:

Игорь! Знаю, ты — мыслитель! В струнах ты — неотразим.... Но как техник-осветитель И как грузчик — ты один (05.03.88).

Вытаскиваю наугад следующую нетленку-«месть», датированную уже 31.01.96 в день рождения И. Г., но с налписью «Любе»:

Любви все возрасты покорны — Не думайте, не только Гордин...

И юноша в семнадцать лет, И наш безудержный поэт — Из бани красный, как из горна, Почти что молодой, задорный, Предвосхищая юмор черный Зеляевой — прекрасно-вздорный, Дудю в дуду один куплет: Любви все возрасты покорны — А не один лишь Игорь Гордин....

Высоких качеств он достоин, А в поле и один не воин, Каким бы Гордин ни был он, И как бы ни был опьянен Своей вокалистой феминой — В любви все возрасты едины, И я пою куплет недлинный:

Любви все возрасты покорны — Не думайте, что только Гордин!

Итак, ночь следующая... Было бы нечестно не вспомнить о посвящениях ко дню моего рождения. На желтом (может быть, от времени) листке бумаги начертано (отрывок):

У меня Любовь одна — Люба Гордина, Я б ей дал стакан вина И два ордена —

За ее сладкоголосое

пение

И за то, что у нее День рож-де-ни-я.

Как откроет она рот, Прям все падают — До чего она народ Пеньем радует.

Спой, Любаша, дорогая, Свою арию, Подыграю, если знаю, На гитаре я.

Что у нынешних певиц — Только хрип и вой. Говорят, пропал вокал У Архиповой.

Пусть другие зеленеют От зависти. Образцовей ты их всех И Синя-ви-стей...

Уймитесь, волненья и страсти! — Я снова Вас слышу со сцены.... И чтоб не устраивать сцены, Скажу очень сдержанно:

Здрасьте!...

Потом под следствием скажу — Я Вами очень дорожу!... (05.03.88)

Гранберг Игорь

Экспромт лепил он всю дорогу. Он Гранберг, Что с него возьмешь! Хромает на любую ногу И развращает молодежь.

Грищук, Комберг, Литвиненко, Мильто

Услышав песни мощный звук Сошлись Сергей, Мильто, Грищук, Глотнули пару рюмок — не пошла... Сказал Серёга: мать твою! Мильто, я тему задаю. Грищук, тебе всё по ... И все дела.

Пой, Мильто! Пусть не то, Через край налито, Через край налито, Но мило.

Ты ведь доктор наук Съешь, Грищук, весь курдюк, Съешь, Грищук, весь курдюк — Три кило.

Боря Комберг, Не ешь. Ведь и так светит плешь. Ведь и так на гамак повело...

А Серёга — наплюй, Пей, но носом не клюй, Хода нет не вистуй, Пусть назло...

Губерман Игорь

Глаголом русским как повелевать?

Дуть, вистовать, ковать, совать, ховать... Прими скорей, подарок, Губерман, И эту вот книжонку — суй в карман!

Рея — нет, не для еврея! Для еврея — гонорея, А потом отвар пырея. Так как сам себя мудрее.

И возвращаясь к теме бытия, И Гарики читая пред соитьем... Я чувствую журчание ручья И чувствую людей созвучья нити.

Ну что такое Губерман? Он губернатор, графоман Иль гувернёр всех мыслей наших? А просто он носил параши И знает: за словом в карман Полезет разве фраерман, Но нет, не те — кто пил из чаши!

Пусть я на четверть иудей, Но не могу вскрывать я кассы, Но не могу я, как халдей, Топтать копытами людей И личность отделять от массы...

Нет, видно, я не понимаю Всю актуальность пункта пять! Она пришла ко мне, немая, Пленила, волнами вздымая, Ушла — ни в сказке описать... Ужель Булгаковским трамваем Велю ей паспорт показать?!

Ты тонок. Остр. Судьбы года Тебя не очень гладили когда-то... Благодарю, что ты тропой солдата Прошёл свой жёсткий путь. И навсегда...

Ах, Игорь! Ты, конечно, матершинник,

Хотя философ, где-то тонок, сноб, С твоею бабой я б, как именинник, Не сомневаясь, грохнулся б в сугроб!

Ах, Игорь, я завидую тебе! Ты осознал своё признанье в мире, Ты ощущаешь: дважды два — четыре, А я все пять ведь чую на горбе!

Будет у России счастье в силе! У любого — дом и доберман, И когда совсем говно отмылят, К нам опять приедет Губерман.

Свет гаснет. Время стынет. Яйца тухнут. Не удержать былого ни хрена... Как жалко, что исчезли кухни, И все былые времена.

Когда я в русском поле чистом Любуюсь старым медяком, То бишь, старинным пятаком — Я приезжаю оптимистом, Чтобы уехать... чудаком.

Уж час восьмой. А занавес закрыт. Наверно, там у них в Иерусалиме Так принято. А мы, как гуси в Риме, Пришли сюда, чтоб изучить иврит.

Когда стояли мы в строю, Имея унитаз мишенью, Я тоже влил свою струю В атеистичное мышленье.

Над рекой стоит туман. Я влюблённая такая, будто трахнул Губерман. 22.12.95

Гущин Владимир

Ну что, скажите, пожелать? Какая стать, ядрена мать! Пока, Валера, ты от тоста не застыл, Запомни: Что Гущин — самый крепкий тыл В законе.

Зубова Ира

Да будь я даже без зубов, Да будь я даже рода грубого — Из самых дальнейших рядов Я прокричу: О браво, Зубова!

Иванов Гена

У Гены так сложились гены: Чтоб урезонить — сил не трать. И голосом, как автогеном, Он может рать переорать.

Икорская Галя

Как рядом с лысиной прекрасен женский волос! Как рядом с корпусом стройна рентгенограмма! Вот будут выборы — и я отдам свой голос, Чтоб врач сказал мне — я от Сима иль от Хама! 9 октября 1997 года.

Кандидов Валера

А помнишь: были мы в Сибири, — Вдруг вспомнил друг его Просвирин, — Старушка, помнишь, не для вида Сказала: «Как он чист душой!» «Старушка» оказалась Лидой И закормила всех лапшой.

В чем прелесть! Он всегда ведь в духе И потому на юбилей Жужжат поэты, словно мухи, Налей, налей, налей!

Капцов Леонид

* * *

И от жизни безудержных пыток, Где на черный идет красный изм, Поднимаю я желтый напиток За свою многоцветную жизнь!

(у Капцовых)

Ковалёва Света

Вы дивно ставили балет! Но ведь прошло так много лет... Полцарства тоже я отдам, Не за коня, что любит плётку, И не за румбу и чечётку — Чтоб с Вами посидеть, мадам!

Козлова Оля

Это что за дурные привычки!? Дескать, места мне нет в электричке. Вам природа дала всё богато — Красоту, разум гомеопата, Так что я никогда не поверю, Что пред Вами закроются двери Проходящего мимо экспресса... С Новым годом в Москве Вас, принцесса! 1985

Колодяжная Люся

С гитарой

в красной мантии

Люси

Поет — ах, ах —

про дальнюю дорогу...

Но, как известно,

на Руси

Для счастья

надобно немного.

Ты в красной курточке,

как будто мушкетер —

Вздыбилась грудь,

и взгляд вполне хитер...

Ая, ну как

гвардеец кардинала:

Мне мушкетеров,

видно, было мало...

Комберг Борис

Поскольку было ничего не слышно, Додумал я, что Боря написал: Козе — баян, закон — что дышло, Вассал вассала не вассал...

Кон Лиза

Как каждый в юности стеснён! Мильон табу, сухой закон... Но подойдёт двадцатый год — И будет всё наоборот! И захлестнет волна стихии...

Пока же — взрослые плохие, В презент духи — и те сухие!

8.III.1984

***

Под Новый год

разуй глаза —

Не извивайся,

как гюрза,

Науки изучай своя — Будь как очковая

змея,

А после доблестной

работы

Ты можешь

и надеть

колготы!

1988 г.

***

Лизавета! Ты ли это?!
Гёрла — высший класс!
Ботл, тачка, сигарета,
Хэви-мэтл-джаз...
Но всего ценней на свете —
Труд, здоровье, счастье, дети!
Попадай лишь в эти сети!
Поздравляю! Всё. Приветик!

8.III.1989

Конашенко Сергей

Он композитор, Конашенко, Он исполнитель, он Сергей, Давай, Серёга, Летку-енку — Давай скорей её, ей-ей.

Красильникова Таня

Далёко, далёко, далёко Стоит золотая стена, За нею Олег жил и Лёка, И телик стоял у окна...

С утра просыпается телик, Издав музыкальнейший вой... Олег забирает свой велик — Срывается в лес голубой.

А Лёка, а Лёка, а Лёка Кричит, просыпаясь: ура! И прыгает к маме с наскока И маму разбудит с утра...

А папа, очки одевая, Спросонья, шатаясь, идет И громкость наощупь включает, И телик поет и поет.

Далёко, далёко, далёко Лесов золотая стена... За нею Олег жил и Лёка И телик стоял у окна.

Крылов Сергей

Он пел, как маленький трубач. Играл — как маленький Касальс⁵⁹. Цыплёнок жёлтый в зимний вальс Склевал все кудри — плачь не плачь...

Пахнет дымом. И грустно очень — Понимаешь уходит осень! Ну, а ему всё нипочём! Он был способным москвичом.

Кудрявцев Женя

1

В гости к Жене не по плану Я зашел в один из дней. У него не дом, а пряник — Нет, кунсткамера, верней.

Он живет и — в ус не дует. Сам себе он на уме! Он и режет, и рисует, И сплетает макраме...

Он, как витязь из былины. Он, когда войдет в экстаз, Может вылепить из глины Белоснежный унитаз.

От шедевров глаз двоится. Зад не в силах оторвать... Дело мастера боится, Если все дела — на пять!

2

Кандинского с «Черным квадратом» Кудрявцев покрыл черным матом. Мое все резное бунгало

⁵⁹ Испанский виолончелист, дирижер и композитор.

И так проживет без Шагала... Р. S. Какая была красота, Когда был один Калита! Кудрявцев, волосом богатый, Готов хоть в Штаты в депутаты! А вы друзья, как ни садитесь, Все в депутаты не годитесь!

Подписи под картинами Жени Кудрявцева:

Синий волос в белом свете — Муза спит на винтурете. Маска издавна светла, А под маскою — свекла... Ну чего же ты не давишь На кроваво-белый клавиш?

(Стилизованный портрет Марины над винтовым стулом, перед клавишами)

Чечин, Полищук, Кудрявцев и Канер идут в баню. (Аввакум с сотоварищами идут в сруб на сожжение)

Здесь целомудрие, не блуд, Ну почему я не верблюд? (Марина пьет чай на фоне верблюдов)

Бокал, как эйфелева башня, И зад суровый, как поклеп. С башкой рукастой день вчерашний Смакует милый губошлеп. (Пьяная компания напились до чёртиков)

Кудрявцева Марина

1.

А прическа у Марины, Как у Кеннеди Жаклины! У Марины бюст с утра — Как у Мерилин Монра! Юбка-то на ей лежит — Словно на Бордо Бриджит. И в глазах у ей огни Как у Жиардо Анни. И, видать, у ей в нутре,

Как у Симоны Синьоре. И за ней любой пижон Мчит, как за Мари Бежон ^{60} .

2.

Марина — не только перина, Марина — волненье, экстаз, Торпеда, тайфун, субмарина, Грохочущий унитаз...

(Простите, случайная строчка). Марина — мальвина, краса, Огонь, капитанская дочка, Багрянцем покрыты леса...

Нет, все эти сложны сравненья, Марину ни с чем не сравнишь — Явленья, мгновенья, каменья, В двустволку заряженный пыж...

P. S. Кто видел красную калину — Тот навсегда поймет Марину.

3

Надпись на книге Лао Дзы ^{61}

Я эти строки не писал, Но, чувствуя бедром Марину, Я понимаю паутину Стихов, иероглифов... — застрял.

4.

Меня с доски почета крали И резали из стенгазет, И говорили тихо: краля! Когда я шла в ватерклозет.

5.

Ты —

девушка

высшего класса!

Ты режешь

⁶⁰ Французская актриса (несуществующая).

⁶¹ Древнекитайский философ..

по кости моржа!

Увидят тебя

папуасы-

Сожрут ведь,

от страсти дрожа...

6.

От нее,

как от иконы,

свечение —

У Марины, что ни день —

приключения...

Ей бы мужа

заменить

на верблюда —

Вот судьба!,

И два горба!

Просто чудо!

7.

На берегу Москва-реки Стоит красавица Марина, И продает не шашлыки, А превосходные картины. Я покупатель, полон прав — Купил, дарю, и как жираф, Своей находкою доволен... Марина! Я картиной болен.

8.

Не верь тому,

что раньше

я писал

И называл степною

кобылицей —

Вассал мово вассала

не вассал —

Нахал и только.

На верхах пылится.

А я, Марина, взял и

написал —

Вассал мово вассала

не вассал.

Левина Лена

Лена Левина пришла — Говорит, что я дошла... Новый год — не Новый год, Всё прям задом наперёд! Тише, Леночка, не плачь! Выпьем вместе спотыкач! В год свиньи с небес нам рок Вдруг отвалит окорок?! (картинка — Темвортская свинья)

Литвиненко Сергей

Поэты, дружно станьте к стенке — Андрюша, Белла, Евтушенко. Склоните перед ним коленки — Акын народный Литвиненко!

* * *

Ему дано от Бога видеть, И от судьбы дано — смотреть... Он мог за всех спокойно выпить, А окосеть всего на треть...

* * *

Любовь и разлука — Две верных подруги... Ну что же ты, сука, Ослабил подпруги?! (Литвиненко, из предвыборных речей)

Лягин Петя и Оганесян Женя

Заткнётся Лундстрем и Калягин, Когда поёт наш Петя Лягин. Заткнётся также Петросян, Когда поёт Оганесян.

Миляев Валера

Мне всё равно — любить иль наслаждаться, Мне всё равно — читать иль не читать... Всё не могу никак конца дождаться, Немножко отоспаться и... поспать.

Недорезов Володя

В личной жизни ты — железо. В путешествиях — металл! Ах, Володя Недорезов — За тебя я жить устал!

Наталья глядит на часы, Полина вино наливает, А я женихаюсь в усы, А жизнь все проходит и тает.

Где-то глас тальянки, Где-то песни скрипы... Там и я по пьянке Обнимаю липы.

Мне в этом мире все едино Что сто рублей, что два рубля — Но мне бокал нальет Полина — Я моментально — в кренделя!

В краю далеком есть жена, В углу надежном — куль пшена. Но нам, друзья, не все равно, Когда развалится страна.

Сидим мы за водкой, Володя с селедкой, А дальше в колготках все дамы сидят... Мы пьем Мукузани, Мы сами с усами, А там на татами грузины гудят.

Он к совершенству безразличен, Черту срезает, и приличен.

Не перепью я ни на йоту, Когда со мною рядом Джотто!

Ах, Вова, как странно — Сюрприз для Леграна Вручаем тебе⁶²; Маэстро и мастер! Рисуй — на, фломастер! — Чертей на трубе... А эту вот кружку Возьми, друг, на мушку — Так нужно судьбе...

1986

* * *

Средь бемолей и диезов, Антимоний, антитезов И великих жизни срезов Появился Недорезов...

Рос он среди сверл и фрезов, И хоть щас слегка облезлов, Но когда-то мог так врезать — Что на столб случалось влезать...

Жил — похож на ирокеза, Был душой богаче Креза,

* * *

Ты самый лучший среди нас, Ты — финансист, титан и стоик... Пусть твой ячмень на левый глаз На правый мой придет с попоек.

* * *

Если дома с нами Тата — Не боюсь я супостата... Если дома с нами Тата — Значит, будет жизнь богата. Если дома с нами Тата —

 $^{^{62}}$ Речь идет о подаренном Володе «шербурском» зонтике; Легран – автор музыки к этому фильму.

Будут песни и кантаты. Если дома с нами Тата, Словно Винни-Пух с плаката, За щеками сок томата — Знать, была ума палата У родителей твоих... Значит, выпьем за двоих! Р. S. Да любая в жизни плата За тебя ничтожна, Тата!

Три Натальи за столом Восхищали нас челом, И глазами, и устами, И различными местами. Потому за всех Наташ — Лезу в третий я этаж...

Ах, оставьте ваши споры, Для чего у петуха Столь воинственные шпоры, Что доводят до греха... Худо-бедно в наше время Петушок не клюнет в темя! ...Имя, знамя, семя, стремя — Здравствуй, молодое племя!

1.1.93

* * *

Калина, ягода-малина Сломила навзничь исполина. И он, глотнув пивка из Клина, Забыв жену, и мать, и сына, Надув, как парус, парусину, И приняв душ, отмыв всю спину, Сыграв ноктюрн по клавесину, Взглянув на случай на осину, И сочинив про все былину, И песню вспомнив про долины И заодно про взгорья... Мину, Весьма достойную акыну, Изобразив. Создав картину Про ногу друга. Про Полину — Стакан забросив за щеку, Воздал он дань Полищуку!

Вова с виду водолаз, У него прищурен глаз, Сочиняет он былины И картины пишет тож... В доме он живет один — Все уехали из дома. Сам себе он господин — Ждет уж год большого слома....

13.01.94

Недорезова Полина

Полина! С Окуджавой не балуй! Двенадцать бьет на сумке новогодней... Миляев ждет заветный поцелуй, А Вова лом не вытащил сегодня. (Новый год в Эстонии)

Петров Валя и Климов Володя

Петров — в 29-ть, А Климов — в полста... А хватит ли девок На наши уста? Года — будто вешки, Хотя ни к чему... Давайте без спешки Стремиться к уму...

Полищук Женя

Надпись на книге «Поль Гоген. Жизнь и творчество»

А в жизни так заведено: Один спускается на дно, Другой выныривает бодро, От брызг отряхивая бедра...

Ах, в жизни так заведено: Кому Гоген, кому пурген, Кому по сердцу — автоген... А в общем, это все равно!

А коль родился — пей вино, Работай в преф, ходи в кино, И не зови друзей на дачу — Не подают в вокзалах чачу

Ни опоздавшим, ни бродягам, Ни оптимистам, никому... Кончаю я писать бодягу — Тебя — есть повод! — обниму...

Твои <u>законные</u> друзья: Оля Валера 9/X-65 г.

* * *

Надпись на книге «Недопетый звук»:

Жене — от недопитого композитора недопетый звук. 23.05.96

* * *

1.

Предрассудки все — белиберда! Женя! Как прекрасна борода! Но за бородою ты гляди! К куафёру Канеру ходи!

2.

Кто в белокаменном портале (Пока еще не освистали) Явился людям, как смельчак? Кто? Горбачев? Попов? Собчак?

3.

Его всегда
вело наитье —
И потому
он не напился.
У них случилось
вдруг событье —
Вероотступник
вдруг явился...
И вот он мчится
во Владимир,
Когда почти народ
весь вымер...

1991

4.

Жил я жизнею хоря,
Ничего не говоря —
По пещерам где-то
лазил,
Пару баб случайно
сглазил,
Ничего не говоря —
В общем жил — как будто

зря...

Глас явил — почти в пустыне, Понял жизнь, забыл о сыне, И молюсь, пока остынет пища. В общем, не коря В себе бывшего хоря С прошла лета и поныне Для меня взошла заря...

Нынче бросил якоря —

5.

Полищук — он, например, И поэт, и фокстерьер... Отпустил усы и баки — Как положено собаке... Рядом Люся — с виду шавка, Но на самом-самом деле

От стихов у Люси давка, И от песен — зуд на теле...

13.01.94

6.

Ужасно умный.

А отец — как я.

Вы можете представить?

Во семья!

И добр, как бобр.

И выпить не дурак.

А что неаккуратен —

в этом брак...

7.

По виду —

немытый дьячок...

По взгляду —

поддатый сачок...

Но может

задать столь вопросов —

Что ясно:

церковный философ!

8.

Ты живешь.

дружок,

в другом измерении,

У тебя друг<u>и</u> совсем

намерения...

Ты бородку отпустил,

пальчик вымерил —

Но зато в своей душе

скверну выкурил...

9.

Полищук.

Который Женя —

Вроде жил он

без движений,

И без мыслевыражений —

Разве что любил

варений

Откровения мгновений — Но — поклонник

песнопений,

И церковных откровений, Верил в силу он

женьшеня —

В общем,

женщин всех горений

Принимал

он без сомнений —

В этом был

он крупный

гений.

Ведь недаром

он Евгений,

И сомнения

томлений

Отвергал.

И даже в крене

Выпрямлялся.

Сало в хрене

Жрал и в пост.

И в жизни пене

Верил, верил:

выйдешь в сени —

Так, отлить...

а там руками

Заменивши туалет

Обоймет

тебя поэт,

Дорогой

Валера Канер...

10.

* * *

Я глядел

в картины

Пиросмани —

И балдел

от тел

знакомой Мани...

Минарет глядел

в Ленинакане —

И балдел

от тел

знакомой Мани...

Холодел

от многих

тыщ в кармане —

И балдел

от тел

знакомой Мани...

На Памире,

Тереке, в Тамани —

Я балдел

от тел

знакомой Мани...

В пелене,

в нирване,

и в тумане —

Я балдел

от тел

знакомой Мани...

А проснулся,

как всегда,

в дурмане —

Рядом Женя.

Оба после бани.

Следующий ниже цикл зарисовок, сделанных на 50-летии Е. Полищука (9.10.1991), Валера озаглавил так:

Псалтырь 50

* * *

За рядом сидящую всадницу,

А также за крепкую задницу...

* * *

Я философ.

Выпил. Ни в дугу

Ничего сказать

я не могу.

* * *

Я жил. Я рос.

Гомункул из пробирки.

Но что б я делал

без Сокирки!

* * *

Жена вопит:

у наших ушки на макушке!

Зачем висишь соседке

ты на ушке?

* * *

Сказала Люся

всем без дураков:

Я вижу лишь

пять пьяных мужиков,

Пока еще горшков мы

не набьем,

Давайте мы с Сашулей

вам споем!

* * *

Я выпил крепко.

Мир кружился зыбко.

Марину уважаю

за улыбку.

* * *

Не обращай, Марин,

на них внимания —

Всё это пьяная компания.

* * *

В свои полста хотелось спеть — Свалилась голова, как плеть. Судьба меня качала, И нервы, как мочала. А всё ведь от лукавого Луки, И море вытекает из руки...

(слушая Визбора)

* * *

Полищук! Поет ребенок! Ты же ржешь,

как жеребенок!

* * *

В сорок лет ты пел,

как Лель!

А в полсотни заболел!

* * *

Крекотень пришел,

едрёна вошь!

Все уже

контрольные проверил.

С вами, негодяями,

на каторгу пойдешь!

Ну и ладно!

Крекотня похерил!

* * *

Люся косит

левым глазом —

Полищук попал

в маразм!

Опростал бутыль на треть — Ни хрена не может спеть!

* * *

Дайте временно мене Посидеть в своем гумне, Философию обнять, Люсю чтобы чуть унять...

* * *

Разрешите мне в полста Вас поцеловать в уста, А потом еще размазать Всеми красками холста!

Рукавишников Валера

Валера, ты мчишься со скоростью света, И только кричишь: Эй вы, держись!» Возьми «Фаэтон» для Родео на крыше, Но очень прошу,

не взлетай на нем ввысь. 1978

* * *

Не верю ни в вещи, ни в гроши я... И именно потому Хочется сделать хорошее Дому сему. Р. S. Мечтой сегодня полон глаз. Но пуст я. В следующий раз. Р.S. P.S. Не канут в лету Слова поэта.

28 ноября 1978 г.

* * *

Одинокий, забытый, больной, Ты лежишь в этот свой день рожденья. Чечин разве что, как наважденье, Забежит. И к тому же кирной.

Всех Азим-баламут разобрал. Ничего. Мы свое уже выпили И к тому ж написали на вымпеле: «Мы готовы, коль будет аврал».

А пока что в семейной тиши — Миша, Маша, Наташа и внуки — Не помрешь ты в семействе от скуки. Только сразу стакан не глуши.

1995 год

* * *

Ты родился, как обычно, Как и братец твой Вадим. Как и братец жил прилично И тебе мы воздадим.

(тоже на день рождения)

Рукавишникова Наташа

Ты, мой милый, как гармонь,

Трехэтажная трехрядка... Чресседельник и супонь Нужны, правда, для порядка.

Семенов Сережа

Отец физ-юмора законов⁶³ Недаром сеял семена — И вырос юморист Семёнов⁶⁴, И в огороде бузина.

Сулимов Володя

Не ловит налимов Володя Сулимов: Без лишних затей Рожает детей.

***

Сулимов, ясно, в год собачий Щенок, имеющий полдачи. Его другая половина, Здоровьем обладая львиным, Недурный принесла помёт, Жизнь рядом с ней, не сахар — мёд, Жаль, что Сулимов не поймёт.

Сулимова Лида

Встретил Лидочку на гимнастике — Что за грация, что за пластика! Что же я стою, истукан, — Предо мной Айседора Дункан.

Тиме Наташа

* * *

Наш Тиметический эскиз

⁶³ Имеется в виду Ю.В. Гапонов, многолетний сотрудник ин-та атомной энергии им. И. В. Курчатова, руководитель студии «Архимед» в этом ин-те.

⁶⁴ Ученик Гапонова, также сотрудник Курчатовского ин-та и активный участник студии «Архимед».

Не в силах отразить каприз Всех Ваших тонких струн игры...

И он тем более бессилен Изгибы отразить извилин Всех полушариев коры...

1.1.89

Наташа! Сгодится Одна нам вещица Ах, ETKVL⁶⁵, Аминь! Ты, как у синицы, Подкрасишь ресницы И съещь «Витамин».

* * *

У самовара я и свет Наташа. Она пьет чай, я водку пью, И после восемнадцатой пою:

У самовара я и моя Маша!

***

Наташа, нежная жена, Наташа, верная подруга... Когда душа вином полна — Она, как северная вьюга...

8.10.94

* * *

Под Новый год в любом трюме Гляжу, и вижу лишь Тиме! В метро, в трамвае, в Цуме, в Гуме, И даже среди бочек в трюме! Р.S. Когда спросил: В чём дело, братцы? Ответ был короток и прост:

⁶⁵ Эстонский Республиканский Союз потребительских обществ, сокращенно ЭРСПО (ETKVL).

Ну надо ж эдак поднабраться! А вроде только пятый тост!

* * *

Наташа восхищала двух ежей. Наташа воспитала двух мужей. Никто не знает, что дает ей силу — Но сила есть — гипноз — быть вечно милой...

* * *

Лапуша! Ты благообразна, Великолепна, и вообще... Но, дорогуша, несуразно Окурок замечать в борще.

* * *

А в Жуковском мы в сороковых Кувырком по лестницам бежали. Ты, любя, мне с чувством дал под дых, А в итоге с братом вы упали.

* * *

У меня жена одна.
Мы всё выпили до дна...
Как всегда речитативом
Говорим, что нужно пиво
Вместо прошлого вина...
У меня жена одна...

У меня жена одна...
Как стог сена, аль копна
Посреди степи бескрайней...
Как в горах подснежник ранний,
Как затишье после брани,
Растворённость как окна
В новый мир — жена одна...

У меня жена одна...
И сомнений пелена
Если вдруг в глаза нахлынет —
Всё в душе сгорит, остынет,
И сомнения откинет

Непроросшего зерна Мысль, что женшина олна...

У меня жена одна... Словно круглая луна, Несмотря на фейерверки, Недоверья и проверки, И подходов разных мерки, И отсутствие пшена — У меня жена одна...

Цибина Кира

Я рифмовал так много имя Кира — Секира, счастье мира, пира гул... Но из нее весь гул Гвадалквивира Высокой нотой в наш летит аул...

***

Ах, Кира Павловна, от Бога Вам дано Все, чем я восторгаюсь так давно!

***

Таинство музыки и голоса понять — Нет, невозможно. Разве лишь наитье... И нашу жизнь сплошною строчкой, нитью Насквозь пронзает эта благодать!

***

Хотя зима, и не поют скворцы, Из-под плаща еще молчит гитара, — Увидишь Вас — и будто бы пыльцы С цветка набрал, и захмелел с нектара!

5.02.98

Когда вдруг Люба, Кира, с ними Петя — Пусть даже на троих, я млею два часа... Неважно, Верди или Доницетти — А важно, как чаруют голоса! Дуэт пусть, соло, трио, хор — Но все одно! Амор! Амор!

5.02.98

***

Бил Саддама разгромил,

Дал бюджет бездефицитный, Много баб не загубил — А пристали: слишком сытный! Так бы к нашему пристать... Правда, нечему там встать...

Кире Павловне (перевод из Бодлера)

Я понимаю, йес оф кос! И только Вам пою я оды, Когда ведет Вас в поле пес — Вы совершенство от природы!

** *

А в жизни все наоборот — Но важное — не делать позы. Я не могу есть бутерброд, Когда со мною рядом розы!

Чекалин Сергей

Он как из бронзы отчеканен.

Хоть бородат,

ан однолюб.

Его фамилия —

Чекалин,

Он крепок,

как мореный

дуб.

29.X.94

Чечин Валера

1.

На олимпийских трассах ассы — У Чечина друзья по кассе. Тон встречи задает всем Канер, Как фильмы итальянцев в Каннах. На стадионе гимн и клятвы, Как промелькнувший метеор, Ворвался и погас твой взор.

В нем удивленье, в нем кокетство И рядом с любопытством — детство.

2

Не будет Чечин обесцвечен, Хотя пройдет полсотни лет. Положит голову на плечи И пьяно скажет: Я — поэт!

3.

Там гутарит Пьер Харвей 66 — Срым покрылся сыпью... Чечин, ты себе налей — Я оттуда выпью... Клянется в честности судья, При всем честном народе... Когда польется та ж струя И в нашем огороде?..

Двенадцать пробило. Устал Полищук. Года и блюда подкосили. И сердца тревожно-прерывистый стук... И «Знамя» его утащили.

С той поры прошли лета — Память тихо тает... В целом где-то Срымота Нас ведь украшает...

В Калгари горит огонь... Над Вигвамом ассы... Лучше ты меня не тронь — Без больничной кассы...

Для тебя, Евгений, я не буду Бить, как перед свиньями, посуду И не буду я писать хитро: На метро Все равно не попадешь, Полищук, едрёна вошь!

4.

⁶⁶ Канадский лыжник и велосипедист.

А эти каменные стены — Ничто в отсутствии Елены!

5.

Полифонические ночи Я временами проводил — И надирался что есть мочи, И пешкой гоголем ходил. Полифонически был рад, А все едино — мономат. Ах, эта мысль каким же пнем Подсказана была? Ах, почему ходил конем, Забросив удила? Ах, почему ходил слоном, Как в лавке той посудной... Ферзя не сыщешь днем с огнем — Он пал в той битве трудной. Король стал голым, как всегда. Семь бед, и плюс одна беда. Серьезность вечно подводила — Всегда ответственно играл... И ты руками разводила, Когда я глотку раздирал. И вот в итоге интеграл — Не депутат, не генерал, Не пленник, и не конвоир, А мойдодыр... Гвадалквивир шумел маняще, И что-то вылезло из чаши.

Ночь прошла. Конец стихам. Обыграл, зараза. Хам! Слон — офицер. Ладья — тура. А на хера? Вся жизнь — игра... Резьбой занялся. Потянуло... Ты лучше бы купил два стула! Приписка для Чечина под стихом «Отчет о научно-туристической поездке по странам зарубежной Европы» («Издранное», с.32)

Когда в Европе сядешь на коня — Почешешь в шопе, Вспомнишь ты меня...

22.04.86

7.

Триптих Чечину— в первый приход в его квартиру в Тушино)

Стремился ты в лес, не к жене под бочок, Туда, где медведи рожают... И даже на кухне древесный сучок Тебя, милый друг, окружает...

Куда ты стремился — не знает никто. Медведи — и те сомневались — Пришел к ним на лыжах в дырявом пальто, И звери сей миг разбежались...

Бывает — стремился, стремился — и спился... Но ты, милый друг, не такой — Женился, развелся, и снова женился... Родился душевный покой.

8. Метаморфозы

Раньше — чуть гудит комар, Я пыхчу, как самовар... Нынче — сяду вдруг на шило, — Улыбнусь — как это мило!

Раньше — баба прет к другому, Я несу взрывчатку к дому... Нынче — баба кажет зад — Отвожу на телик взгляд...

Раньше плакал от поносов, Нынче просто стал философ!

Раньше мчался на работу, Раньше сутками горел, Нынче от работы рвота, Час побыл — офонарел...

Раньше видел перспективу (Правда, в чем она, не знал), Раньше брал презервативы, Нынче — шарик покупал.

Утолил незнанья голод, И теперь лишь с вами молод! Как люблю пять раз подряд Чечину поставить мат!

9.

Поэзия пустая лира Журчала, как струя сортира... Поэзии слепая муза Блуждала вяло, как медуза...

Поэзии шальная шутка Трещала, как призыв желудка... Какой Пегасик — легкокрыл Тебя, поэзия, покрыл?

И прозвучал ответа гул — То не Пегас был. Просто мул. Не обрюхатил, а лягнул.

10.

Школа шахматной игры

Не звенит моя гитара — Вновь на пешку два удара, Снова стало как-то плохо — А ты его доскою грохай!

А если будет снова шахать — Ты его часами трахай! Ставит мат на поле этом — А ты (наотмашь) табуретом!

Поделом, мол, поделом-А потом еще столом! Посмотри на мат с тоской, И еще разок — доской! Уж два часа упал флажок, А ты все давишь кнопку. Смотри, развяжется пупок, И вылетит все в топку.

Эх, я б тебе поставил мат — Да ген проклятый виноват! Знать предок мой по части шаху С шахиней дал, зараза, маху...

Но завещал для всей чечни — Учится в шахматы начни! А эти самые нейтрины Оставь с утра для Катерины!

12.

Не обращай внимания на время — Пусть бабы обращают —

им ведь бремя

По счету девять месяцев носить, И относивши, малость голосить...

А наша нива — игрища и пиво, Гитаристая творчества струна, Протяжные долги кооператива, И за идеи якобы война...

Луна

считает месяцы лукаво... Заткнись, халява! Счастливые часов не наблюдают, А просто в шахматы играют. Нам блиц —

как наркоману шприц: Пронзает просто до яиц...

13.

- В. А. Чечин «Мысли»
- 1. Как мне в шахматы играть? Важно, сразу не просрать.
- 2. А я пойду вот так, А я вот так пойду. Я не люблю атак — А ну их всех в п...ду.

3. Ставлю я под бой? — Ну и хрен с тобой!

4. Я — бамс! Я — бамс! Нас боятся. Жизнь напополамс, Братцы!

14.

Почувствовал себя артистом Чечин, Шаляпиным, Бернесом, так сказать... И говорит: чтоб я остался вечен, Хочу ту запись перезаписать... Сказал Крылов — вы слов же не боитесь — А вы друзья, как ни садитесь...

* * *

Что скажу, в тебе, погоже, Что так радует меня? — Рожа — раз, тюленья кожа, Крепкий зад, как у коня.

Валер, прекрасный кавалер (Ну Полищук сравним порою) Налил армянский «Мусалер» И очень ублажил, не скрою (Лена Чечина)

Широков Толя

Как кукурузные початки
Не сразу льют янтарь в зерно —
Тебя я знаю аж с Камчатки —
То ль с Усть-Камчат, то ль с Озерной.

Щеголькова Света

Надпись на карманном русско-французском словаре:

Меж пигмеев и ацтеков От опасных встреч Защищали человека Библия и меч.

И в пустыне, полной соли, На francais манер Скажет нож: «La mort insolent!⁶⁷», А глаза: «Mon cher...»

Эрамжан Рудик и Лана

1.

Едва уйдя от Жориного клана, Я вспомнил погодя — пленила Лана! Я землю рыл, поднял я гирей пудик, Но не пустил

Отеллоян — наш Рудик...

2.

Трудно мненья избегнуть двоякого, Если годы уплыли, как сон... Дорогой ты мой Амаякович, Ты прости меня за Херсон!

3.

Согласно поэтического плана — Передо мной сидит любава Лана. Мила! Мечта и руса, и армяна, Ни одного в характере изъяна, Все, что судьба дает, с улыбкой сносит... Я одного боюсь: а вдруг он спросит, (Как вопрошает Рудик неустанно) Зачем сюда пришла родная Лана?

Окино

* * *

У Эльдар Рязанова — Каждый год всё заново. Ну а если раскрутить — Всё одна и та же нить. Был гараж. Потом Роман. О, гусар мой бедный! Паспорт не клади в карман,

⁶⁷ Смерть нагла (*франц*.).

Народ ужасно вредный. Вокзал. Бесчемоданница. В итоге — бесприданница.

* * *

Мило Гурченко Людмила Сигаретою дымила. Пассажира обхамила. Шла потом на Колыму. Одного я не пойму — Как мыслителя большого Променяла на меньшого. Была великомученица, А теперь разлучница.

Ширвиндту

Кто порой под Новый Год Околесицу несёт? У кого на огоньке Не бокал — ведро в руке. Всё — отлично. Всё — нормально. Что пристал, как банный лист? Всё — отлично. Экстремально. Я теперь — ширвиндтурист.

* * *

Солнце всходит и заходит, Всё, что сняли — всё буза! Катанян усами водит — По усам течет слеза... На ветру клонится ветка, И в душе — большой изъян. Где моя японоведка? Моя детка? Кошканян? Локотки уже кусаю. Экибаны — никакой. Фудзияма. Хокусаи. Нагасаки день-деньской. Страшен в самурайской думе, На душе темным-темно. Прошлый раз шептала: в ГУМе

Продавали кимоно! Знать, какой-то Какасоне, Сукин сын и сутенер. Кто поставит на кальсоны Экибану, где протёр? Знаем эти экивоки, Знаем эти кимоно. Нет, восточные пороки Мне понять не суждено. Гейшу с горя взял, был весел, Но, увы — не то поймал... Петлю я на сук повесил — Ветку сакуры сломал. На часы подвешу гири — Пусть не ходят до конца! Новый Год без харакири, Что стакан без огурца! Что тоска мне сердце гложешь? Я страдаю, как в кино... Приходи скорей, в чём можешь, Лучше так, без кимоно.

О себе

О неизбежность бытия! О скоротечности идиллий! Я не хотел — меня родили И не спросили, рад ли я... P.S. Но вот который листопад Подумать ежели — я рад.

* * *

Понятие зарплаты растяжимо — Вначале сотни мало, щас — пятьсот... Быть может, возросло, что недвижимо? Уменьшилось вдвойне, наоборот! P.S. A резюме?

Лови всегда момент — Как говорят,

не в деньгах хэппи энд!

* * *

Я знаю, я не сахар Порою я — не я, Могу сказать с размаху, Но верю, что семья Основа долголетья, Основа всех основ... И чьи — неважно — дети, А важно — что любов!

1985

* * *

Канер — плотник, Канер — банщик, Композитор и поэт, Фантазер, самообманщик — Вот его автопортрет...

Добродушными руками Перцу сыплет всем под хвост Наш завхоз — Валерий Канер, Истопник и Дед Мороз.

***

Я Вольфганг, я Амадей, Моцарт просто я! В мире творческих идей Жил всю жизнь, друзья...

Жил всегда в своей манере, Не взирая на Сальери —

Так и вы, друзья, живите — Ноту верную ведите

И тогда когда-нибудь Вы поймете жизни суть!

1.

Знаю вас который год, Щас облаю всех подряд: Я могу быть Архи-мед, А могу и архи-яд. А зовут меня Валера, А фамилия Канер — Не ищите от холеры Вы изысканных манер.

2. На Новый год (?)

Подведем итоги, что ли, Сосчитаем все долги: Съели с кем два пуда соли, С кем расстались, как враги... Что потеряно навечно, Что беспечно родилось, С кем знакомились — на вечер, А с кем надолго пришлось. Сосчитает все утраты, Все находки подберет Николай, угодник святый... Завтра — новый счет пойдет.

* * *

Мчится тройка, птица тройка, Тянет белый коренной! Не стоим по строгой стойке, Идеалы — на помойке, Счастье в дружеской попойке, Чтоб дойти с неё домой...

* * *

Мне нравилось названье — акростих, Мне нравилось понятье — амфибрахий... А после я устал. Да ну их н $\underline{a}$ фиг, А ежели по трезвому — на ф $\underline{u}$ г...

Не только на салфетках

Рустамов Азим. Иногда на целине поздравления писались не на бумаге, а на обухе топора:

Чем заработать можно тыщи, Чтоб заменить машины днище? Что делает мужчину чище, Стройней, надежней? — Топорище!

1988 г.

Евгений Полищук. С годами, по мере возрастания в поэтическом мастерстве, Валера все более переходил на экспромты, которые сочинял во время различных посиделок, прямо за столом, и обычно записывал на салфетках. Впрочем, для этого подходили и детали интерьера квартиры, например, стенки туалета. Один такой стих долго висел в туалете у Марины Кудрявцевой, он был написан поверх плаката с девушкой в бикини:

Прекрасны бедра, шея, грудь, Но не хватает ей чуть-чуть. Любой простит мужчина крен, Когда она — не манекен.

В моем домашнем туалете творчество Валеры также занимало видное место. Дело в том, что в молодые годы на стенах туалета я размещал различные инструменты, чтобы всегда были на виду и легко доступны; среди прочего там был прикреплен и пенал со сверлами — от 1 до 10 мм с шагом в 0,1 мм. Эти сверла буквально не давали покоя Валере, и после каждого посещения туалета там появлялись все новые шедевры, например:

Ох, от сердца отлегло — Не попало в цель сверло.

или:

В ряду стояли дружно сверла, Но не бери меня за горло,

Мою квартиру, а следовательно, и туалет посещал еще один мой знакомый математик-поэт — Олег Козлов. Увидев стихи в таком неожиданном месте и также обладая склонностью к юмору, он немедленно включился в поэтическое соревнование с Канером, так что вскоре места на пенале стало не хватать и стихи начали писаться прямо на обоях. К сожалению, после ремонта квартиры эти бесценные реликвии не сохранились.

Наталия Тиме. В начале 1998 года Валера совершил свое единственное в жизни заграничное путешествие (Казахстан, Эстония и т.п. страны бывшего СССР, конечно, не в счёт) — в Италию, где обрела новую родину моя дочь Лиза. Памятью этой поездки остались следующие его зарисовки.

Скузи!⁶⁸ А после Пизы

⁶⁸ Извините (*итал.*).

И Флоренции,
Вероны после
И Венеции —
Без задних ног
Давил клопа
И не попал
я к гранд-папа...
1.02.98.

Рекомендаторе для гостилерри

- 1. Попивши кьянти, Не хулиганьте!
- 2. Не клади мину Под фемину!
- 3. Не пускай жену в «Мандаторри» ??? Себе на горе.
- 4. Не помня имени Не езди в Римини! 1.02.1998

Дмитрий Гальцов. У меня на столе подаренный Валерой на новый 1998 год серый шар из оникса в простой деревянной чаше. Земной шар? Символ вечности?

Земля вращается неспешно, Созвездья входят в мир луны, Чтоб завтра вновь из тьмы кромешной С восточной выплыть стороны. («Листья лета», с. 249)

В том году я навестил Валеру в больнице, где он залечивал язву и где Светлана Ивановна (доктор) нашла на снимках худшее. Валера дал мне гвардейский значок и устроил на обследование в свое отделение. Светлана Ивановна потом звонила, просила его предупредить, что надо срочно действовать. Но, увы, было поздно. Впереди была Голгофа.

Евгений Полищук. В мае 1998 года Валера вдруг пришел к нам домой, в Теплый Стан — поиграть в шахматы и вообще... Мы с ним, конечно, выпили, поговорили, но в тот день мне что-то нужно было срочно сделать по работе. Тогда

Валера пошел играть в шахматы к нашему соседу Игорю Зимину. Знать бы, что этот визит друга станет последним!..

Любовь Богданова. Теперь еще немного о грустном. О болезни Валеры я не знала. Он пригласил меня на свой день рождения 7 сентября 1998 года, народу полно, весело, шумно, Наташа Тиме разносит блюда со своими знаменитыми пирогами. Сижу рядом с Никитиным, от него и узнаю об этой дикости: Валера смертельно болен. В это как-то совсем не верится: стоит Валера, правда, в бейсболке на голове, сыплет шутками, одаривает всех гостей подарками. Он знал, что этот день рождения скорее всего последний, поэтому хотел оставить каждому из нас частичку себя. Мне подарил материалы об Иване Ивановиче Петрове. Вы можете это себе представить: знать, что обречен, но собрать друзей, веселить их... Какой силой духа, каким мужеством надо обладать!

Наталия Тиме. Беда пришла осенью 1998 года, когда Валеру положили на Пироговку с заболеванием желудка. Оттуда Валера писал:

Наташе лично — все прилично

(из больницы на Пироговке)

Пусть акции протеста, Плакаты, крики и дымы — С тобою, вечная невеста, Хоть и пор $\underline{o}$ знь —

но выпьем мы!

7.10.98

P. S. А в морозильнике стоит Презент от давешних обид.

Валерий Чечин. Осенью 1998 года Валеру положили в больницу на Пироговской улице: у него обнаружилось обострение язвы желудка. Тогда он был вполне бодр. Помню, что когда Женя Полищук и я посетили его, он с таинственным видом вытащил из-под подушки четвертинку водки. Мы немного выпили, но тут вошла Наташа, и Валера спрятал бутылку под одеяло, заткнув пальцем горлышко. Наташа подозрительно взглянула на наши радостные глаза и несколько странную позу Валеры. Наша пирушка продолжалась, как только Наташа выходила в коридор.

Евгений Полищук. Я работал тогда (как и сейчас) на Погодинской улице, а больница, в которой лежал Валера центр Клинический Первого Московского (ныне ЭТО государственного медицинского университет им. Сеченова, в народе она называется «600 коек»), располагается между Погодинской и Б. Пироговкой, как раз напротив моего издательства. Поэтому понятно, что Валера иной раз приходил ко мне на службу (поначалу он чувствовал себя неплохо), ну и я захаживал к нему в палату. Валера там обустроился (Наташа принесла из дома небольшой телевизор, я принес икону) и, как везде, продолжал писать стихи, среди которых теперь уже медицинская тема (кстати, некоторые из преобладала написанных там стихов опубликованы в «Листьях лета», например, «Доктору Светлане Ивановне от 821-й гвардейской палаты», с. 325).

Пациентские страдания

1.

Что ж вы в старом ищите козле? Мне на пузо вылили желе, И по пузу двигают утюг, И в меня внедряют ультразвук.

2

Таков судьбы кривой оскал — Никак я сдать не в силах кал! Как будто бы осколок скал В моей прямой кишке застрял...

3.

Молчаливый грузин на рентгене В позу вставил меня — я атлант... Не дышите! Не гните колени! — И со свистом включил аппарат. Отключил. Я об этом не знаю. Долго ль в позе атланта стоять? Он пришел через час. Вай, вай, ваю! Одэвайтесь — забыл я сказать...

4.

Врач посмотрел анализ мой и говорит: У вас апатия, синдром и бледный вид. Чтоб кровь насытить — в барокамеру...

Ну вот!

Задраили, ну точно как торпеду...
Не перепутали б азот и кислород —
А то не к той я станции приеду...
Соснул. И проснулся. Никак не пойму —
Откуда здоровья набрался?!
И я, как торпеда, прицелив в корму,
Навстречу сестричке помчался...

5.

Не гнётся шея — вот ведь в чём вопрос! Меня сгибает остеохандроз! И на массажном я лежу столе, А нерв зажат в моём спинном стволе... Наташа-массажистка так чиста, А бьёт по ребрам, словно Никита, Из фильма каратистка. Но брюнетка, А также позвонки сдвигает метко... Я к ней пришёл как мул, согнутый вол — А от неё запрыгал, как козёл...

6.

Соседа подключают к центрифуге — Он с нею третий час наедине, И кровь его танцует буги-вуги, И он встаёт — и снова на коне! Как будто бы без пуза в этот раз Промчался по Союзу на Кавказ!

7.

У матросов нет вопросов (Кроме тесных чуть трусов) Кровь из пальца — кровь из носа! — Чтобы в девять сдать часов!

А птичка-сестричка: «Ну что вы, как мел? Расслабьтесь»... Пытаюсь. В чём дело? Сломалась иголка — я так задубел, Пока она рядом сидела...

8.

Я с вечера желудок не питаю — Гастроскопия весь покажет мой живот! И с голодухи сразу я кишку глотаю —

Какой же сытый это дело заглотнёт?!

А что нас с Юрою роднит? — Имеем оба бледный вид, У нас хронический гастрит, И он, и я едим эднит, И гистадил, и трихопол, И оба любим женский пол. А что нас с Юрою разнит? Врач так про это говорит: У Юрочки кишка болит, А у Валеры — чуть плеврит, Всмотреться если чутко, И язва стен желудка.

> сентябрь 1998 г., ФТК ММА

Речитатив и ария язвенника

Есть мозоль — но дело не в мозоле! Был язвительным всю жизнь. И вот расплата:

Был здоровый дух в здоровом теле! Дух ушёл — а тело виновато...

Припев:

Эта язвочка — размером аж в пятак, Да не перестроечный, Петровский! Я хожу и думаю — а как Нам бы с вами выпить по

«Московской»?

А вокруг меня весь персонал — Только глянешь — пальчики оближешь! Вроде как бы я лежу в Париже, Где Дианы был последний зал...

Припев.

Не дышите! Это томогра... Не примите! — знать, кардиограмма. И уже неделю я — ни грамма, Пред УЗИ не кушамши с утра...

Припев.

Вдруг приходит юная такая — Прямо, как святая — но мягчей... И зажечь хочу я, весь икая, Несколько прописанных свечей...

Рассказ клинического ветерана

А у нас — свободные две койки, Телевизор, виды из окна... Млею я, как муха на помойке, Говорила опосля она...

А мужик — как дуб: чем старше стойкий...

Как ключи к варягу подобрать? Млею я, как муха на помойке, К липкой ленте чтоб не прилипать...

В общем, после дружеской попойки, Утром просыпаюсь — се ля ви! Млела я, как муха на помойке, Улетала — как раба любви...

Тёзка (романс)

Когда кишкою доктор в пузе шастал (Чего искал — не знаю, но шесть штук) Он десять лет назад решил: Всё, баста! Попили! Я не враг себе, а друг...

Тут перестройка, бабки, танцы-шманцы, Он с детства гильзы тачками грузил, И чтобы на зависеть от испанцев, Открыл он оружейный магазин.

Но эти, блин, финансовы акулы Налогами зажали — караул! Закрыл прилавок тёзка, стиснул скулы, И вновь в сердцах баранку крутанул.

Но нервы из-за этого кефира, Как струны натянулись — всё звенит... И капельница сверху, будто лира, Для тёзки, тихо спящего, бренчит.

Ах, тёзка! Затяни потуже пояс! Ведь Лев Толстой счастливым был в

лаптях!

Хоть бросил он Каренину под поезд, Не строил счастья на её костях...

А что же мы, Толстого что ли хуже? Что ль не видали вьюги и пурги?! ... Спокойная диета, пояс туже, И нервы, нервы береги!

Аналогии

Восемь процедур — все натощак! Это же какое сердце надо?! И поёт желудок серенады, Со спеца попавши на общак...

Я не знаю — может, всё мне сниться — То ль Бутырка это, то ль больница? И по коридору к дверям рая Нас ведут сестрёнки-вертухаи. Пол второго. Открывай кормушку! Я курю. И взят уже на мушку. С полотенцем на УЗИ — с вещёю, А слегка — прощупать дно глазное.

А лепила — тот приходит сам... Вот я и не верю, что Бутырка... А сосед пил мёд. И по усам Что-то каплей капало в пробирку.

Рекомендации пьющему язвеннику

Не грузил сосед мой раскалённый кокс, Но не хуже он шахтёра принимает... Перед рюмкой язвенника, знаю —

маолокс,

Как презерватив, предохраняет.

Евгений Полищук. Но были и серьезные стихи. Однажды, когда я уже уходил от Валеры, он пошел меня

провожать, и когда мы уже вышли из дверей больницы, он остановился, отошел со мной в сторонку и прочел одно из самых своих проникновенных стихотворений:

Я сделал все, что мог, и выложился в доску, И дарит мне восток рассветную полоску. Когда звенит звонок на откровенье с Богом, Скажу — вот всё, что мог, но упирался рогом...

.....

Чего душой кривить? Мадам, как говорится — Мне есть, о чем грустить, но нечего стыдиться...

(«Листья лета»,

c.262)

Но и тут мое гнилое редакторское нутро дало о себе знать, и вместо того, чтобы просто искренне восхититься Валериным шедевром, я не удержался от критического замечания (о котором жалею до сих пор): мол, выражения «выложился в доску» и «упирался рогом» принадлежат, говоря языком Ломоносова, к «низкому штилю», что не соответствует высоте темы... А ведь получилось так, что это стихотворение, написанное за полгода до его смерти, стало для Валеры примерно тем же, что «Памятник» для Пушкина, — только в мало пригодное ДЛЯ патетики время скомпрометировала себя!) поэт уже не мог сказать, что он «будет любезен народу», а ограничивает себя лишь тем, что ему «нечего стыдиться».

Валерий Чечин. Потом Валере поставили другой диагноз, и несколько недель он провел в туберкулезной больнице на ул. Достоевского. В мрачных палатах этой больницы состояние Валеры стало резко ухудшаться. Наконец, был поставлен правильный диагноз и Валеру перевели в Институт радиологии у метро «Калужская». Новый год он встретил на даче Литвиненко в Шугарово и даже покатался немного на лыжах. В конце апреля 1999 года Валера был еще в сносном состоянии: Наташа, Женя Полищук и я даже погуляли с ним на Воробьевых горах. Здесь я рассказал Валере о недавнем забавном эпизоде. «шабашников» заканчивали бурить 22-метровую скважину на участке моей невестки около Ленинских Горок. Предвкушая приличную оплату, один из них начинает мурлыкать: «А всё кончается, кончается, кончается...». «Откуда Вы знаете эту песню?» — спрашиваю я. «Так это народная, студенческая песня, мы её в Физтехе всегда поем, когда расстаемся». После моих подробных разъяснений один из парней говорит: «Ладно, командир, раз уж ты знаком с автором этой песни, мы тебе бесплатно пробурим еще три метра. И лишнюю обсадную трубу вмажем. Вода будет посвежее». Валера был очень доволен: его творчество «пошло в народ».

В эту встречу Валера сочинил такие экспромты:

Чечин и Ленин

В этот солнечный денек Ленин родился! А наш Чечин-паренек Взял и напился.

Чечин и Человечество

И будучи весь окоселым, Жалел Человечество в целом.

Там же мы сделали фотографии, которые оказались последними в жизни Валеры. Его снова положили в Институт радиологии, но остановить болезнь не удалось.

Сергей Чекалин. В последние три года мы несколько раз встречались с Валерой в Троицке у Лиды Широковой и на даче у Литвиненко. О его болезни узнал от Светы Ковалевой весной 1999 года. Светка тогда сказала: «Канер жилистый, выкарабкается». Не выкарабкался...

Азим Рустамов. Когда Валера тяжело заболел и лежал в больнице, он своим оптимизмом, шутками, стихами обаял весь медперсонал. В канун 8-го Марта он организовал концертпоздравление. У медперсонала было много смеха, радости, и он сумел создать им хорошее, праздничное настроение. Может, поэтому, зная конечный результат, его лечащий врач разрешил ему немного коньячку. Валера был очень обрадован и тут же сообщил нам, своим друзьям. Мы приносили небольшую бутылочку, выходили в коридор, где Валера организовал для себя сидячее место, и выпивали. Хоть немного, но мы дарили ему радость и поднимали настроение. Потом говорили только о хорошем, шутили. О Валериных болячках не говорили, он со свойственным ему юмором и самоиронией рассказывал проводимых процедурах, o

подшучивал над врачами. Общение с ним было легким и, как всегда, веселым, уныния он ни разу не проявил. В больнице он мысленно проживал всю свою жизнь, что отразилось в его стихах, в которых было много грустного, задумчивого и самоироничного (книга «Листья лета», раздел «Эпицентр»). Его настроение того времени особенно пронзительно трогательно выражено в стихотворении «Я что-то стал сентиментален...» («Листья лета», с. 348)

Валера был очень объёмен и совершенно неисчерпаем в воспоминаниях. У него было и осталось много друзей.

В заключение скажу, что жизнь каждого из нас определяется множеством факторов, но один из определяющих ее качество — друзья. Я одарен счастьем иметь много замечательнейших друзей, одним из которых был, есть и будет Валера Канер. Он одарил меня многими радостными минутами, часами, днями, годами общения, значительно обогатил мой мир дружбой, своей неповторимо яркой личностью. Спасибо, Валера!

Евгений Полищук. За два месяца до смерти Валера принял православное крещение с именем Иван — в память матери, которая так хотела назвать своего младшего сына. Крестил его отец Николай Скурат из ближайшего к дому Валеры храма пророка Илии Обыденного. Потом мы поднялись на смотровые площадки Храма Христа Спасителя, который также находится рядом с его домом. Как и Валера, я также был здесь впервые и вместе с ним смотрел на центр Москвы с высоты птичьего полета.

Валера избрал себе перед крещением двух восприемников: меня как крестного отца и Марину Сучкову как крестную мать, — так перед своим уходом из этой жизни он одарил меня кумой, которую я не раз видел в ДУЭТе, но с которой близко знаком не был.

В тот же день мы пришли к Валере домой, и он последний раз читал нам свои старые стихи. «Я доволен, — сказал он на прощание, — я сделал всё, что мог; родные, друзья — никто не подвел, все оказались на месте, все пришли на помощь по первому зову». Увы, в этом мире помочь ему было уже нельзя.

Володя Недорезов. Когда в последние месяцы своей жизни Канер принял крещение и был наречен Иоанном, он в точности повторил в этом плане судьбу Булата Окуджавы,

который тоже был наречен Иоанном перед самой своей смертью. В этом есть что-то символическое.

Петр Лягин. Незадолго до ухода Валеры я посетил его в рентгеновской клинике. Оказывается, находясь на лечении, он узнал, что у этого учреждения знаменательный юбилей — 75 лет со дня основания, и принял активное участие в организации его празднования.

Наталия Тиме. Валера написал целую поэму о жизни и проблемах этой больницы (Российского научного центра рентгенорадиологии), в которой каждому из ведущих сотрудников посвятил несколько строк. Эта поэма под названием «Три четверти века с улыбкой» была напечатана в виде иллюстрированной брошюры (см. Приложение XI), на ее обложке стоит дата выпуска: 25 мая 1999 года. Валере оставалось жить меньше месяца...

Вот еще одно из последних стихотворений Валеры.

В. В. КАНЕР, проф. физики каф., где остался стеклянный шкаф И два Максвелла на оси — Ясно, из-за недофинанси...

Поток рифмованного сознания в результате не возлияния, а из-под гамма-пушки по макушке.

Представлено на соискание Нормального мочеиспускания И явления мозгов шевеления а/ ЦЕНТРОМ РАДИОЛОГИИ,

Где — увы! — побывали многие Светлой памяти люди — Но об этом сегодня не будем, Раз законы у жизни строги /хотя порой флуктуация Взрывает море любви/...
Ты в пространстве, или в прострации — СЕ ЛЯ ВИ...

б/ НАСТОЯЩИМ БОЛЬШИМ УЧЁНЫМ,

Приходящим с хашем мочёным

Между северных, южных стран Краткой местною остановкой, Проф., зав. кафедрой, член-корром РАН, Озабоченным сыном Вовкой, Нужных премий лауреатом, Состраданьем всегда объятым, Понимающим суть момента, Настоящим интеллигентом — Может третьим быть. Хуже — пятым, Если вспыхнет застолий дым... Предпочтительнее — вторым.

СОДЕРЖАНИЕ ГАММОВА РЖАНИЯ ПОСЛЕ ДЛИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕРЖАНИЯ:

- 1. Мысли о небе. 2. Мысли о хлебе. 3. Мысли о теле.
- 4. Мысли о деле. 5. Числа без смысла. 6. Кантаты, как научные результаты.

Валерий Чечин. В те дни Наташа позвонила мне и попросила подежурить у Валеры в ночь с 22 на 23 июня. Я приехал днём 21 июня. Валера лежал в отдельной палате, говорить он уже не мог, сил хватало лишь на подобие улыбки. Было очень жарко; мне с трудом удалось его попоить, потом он закрыл глаза и забылся. Через несколько часов, ночью, Валера умер.

Поверить в это было так же трудно, как и в смерть родителей. Сразу же стало очень пусто в мире. Сейчас, через 15 лет, когда бывает очень плохо, меня выручают последние строчки, написанные Валерой: «Я сделал всё, что мог...». Или: «Былого не вернуть, ни доброго, ни злого... И кони из ночного умчались в Млечный путь».

Евгений Полищук. Последний раз я навещал Валеру в июне, зная уже, что надежды на выздоровление нет. С Валерой была Наташа. Когда, уходя, я обнял его в последний раз, то чуть не заплакал. Утром 22 июня мне позвонил Рукавишников и сказал: «Валеры нет с нами». Я поехал к Наташе — нужно было заниматься устройством похорон. Прежде всего нужно было выбить для него место на московском кладбище (родители Валеры были похоронены в Волгограде). Надо было, чтобы руководство МГУ попросило об этом руководство Москвы (тогда Лужкова). Олег Руденко взялся посодействовать и передать нашу просьбу ректору

МГУ Садовничему, для чего надо было написать «объективку» о Канере. Мы сделали это моментально, и вот что получилось:

«Без преувеличения можно сказать, что творчество поэтабарда В. В. Канера известно в любой студенческой аудитории. Для многих тысяч студентов и сотрудников МГУ его имя стало символом поколения шестидесятников, людей светлого жизнеутверждающего духа, горячих патриотов своей страны. Он был одним из организаторов и идеологов движения студенческих строительных отрядов, воспевшего его в своем поэтическом творчестве. Его песни и стихи способствовали тому, что это движение приобрело поистине всесоюзный размах. Если в начале своего творческого пути В. В. Канер студенческим поэтом физфака, автором «Архимед», то к концу жизни стал поистине народным бардом. Его песни вошли в компакт-диск «Барды XX века», их часто исполняют по телевидению. В последние годы жизни он создал театр «Дуэт» в Доме ученых РАН, был автором десятка поэтических сборников.

Свое поэтическое творчество В. В. Канер сочетал с научно-педагогической деятельностью. Аспирант бывшего ректора МГУ Р. В. Хохлова, он стал автором многих трудов в области физики нелинейных волн, а также воспитал целые поколения студентов-геологов, работая профессором на кафедре физики МГРИ».

О профессорстве Валеры (обычное представление о заслугах) тут было упомянуто лишь в конце.

Отпевание проходило в том же храме Илии Обыденного, где он крестился. Народу пришло множество, храм был переполнен. Певчих я пригласил через знакомого регента храма Иоанна Предтечи на Пресне, а совершить обряд — протоиерея Бориса Левшенко, хорошего проповедника, также выпускника МГУ (мехмата) и как Валера — кандидата физико-математических наук. Также отец Борис известен своей нелегкомысленностью, и когда уже на кладбище огромная процессия запела «А всё кончается...» вместо «Святый Боже», я внутренне затрепетал... Но уже после похорон отец Борис сказал: «Знаешь, а мне понравилось».

Сергей Чекалин. Канер обожал всякого рода розыгрыши, даже после смерти. Когда его провожали в последний путь на Востряковском кладбище, гроб сначала понесли не к той

могиле, и всей длинной процессии пришлось разворачиваться в другом направлении. В тот момент невольно подумалось, что Валера душой еще с нами и это его последняя шутка (он любил шутить в любых, даже самых мрачных, ситуациях).

Ирина Зубова. Валера очень многое успел сделать в жизни и оставил яркий след не только в памяти людей, которые его знали, но и в истории физфака, в науке, в поэзии. Даже будучи уже очень тяжело больным, он все равно продолжал активно и творчески работать. Мужество, с которым Валера переносил выпавшие на его долю испытания, вызывало и вызывает искреннее восхищение. Он очень любил жизнь и в любое дело, за которое брался, вкладывал не только все свои силы, но и душу. Говорят, что пока человека помнят, он жив. Значит, Валера будет жить всегда.

Валерий Шарапов. Конечно, Валера, как и все люди, был человеком сложным и, наверное, неоднозначным в каких-то делах. Но мы не биографы. Мы пишем о том, каким он остался в нашей памяти — талантливым Человеком и добрым Другом, оставившим в нашей памяти яркий след.

Герман Гусев. Чувствительное сердце поэтов часто обрывает их жизнь раньше срока, который нам так хотелось бы продлить. Но Валеру Канера всегда отличала постоянная уверенность в полной своей самоотдаче и разумной значимости всего им сделанного.

До самой смерти он сохранил свою улыбчивую уверенность в том, что жизнь прожита не зря. И то, что его лицо и мудрую улыбку невозможно забыть, является тому доказательством.

Феликс Саевский. Трудно представить себе, что Валеры физически нет. К сожалению, яркие личности покидают нас преждевременно. И тем не менее Валера есть — как угодно, в ощущении, в памяти и т. д. Просто не получается с ним видеться. Валера — яркая личность во всём: в науке, в педагогике, в поэзии, как строитель, в отношении с товарищами и вообще с людьми и т. д. При большой популярности Валера отличался скромностью.

Петр Лягин. Я никогда не видел Валеру унылым, угнетенным. Помог он и И. И. Петрову, случайно узнав о трудностях в издании его книги воспоминаний «30 лет в

"Большом"». С готовностью подключился и довел ее до «выпуска». Казалось, для него нет невозможного...

А какие замечательные стихи писал! От студенческой до гражданской лирики. Незадолго до ухода — «Стоит Россия в переходе...», «Я сделал всё, что мог...». Я счастлив, что многие из его стихов положены на музыку Димой Гальцовым и мне довелось их исполнять...

Валера всегда был центром притяжения, как мне кажется, еще и потому, что он брал на себя львиную долю работы по организации любого значимого мероприятия. Помню какое деятельное участие он принял в организации памятной встречи по случаю 40-летия движения стройотрядов, традиционных встреч на даче у их командира, в организации поездок ДУЭТовского коллектива в Звенигородский пансионат.

Среди замечательных стихотворений есть песня «А всё кончается...», вошедшая в диск «Песни нашего века», которую знает, кажется, каждый человек с юности... Помню, как шел после траурного мероприятия... конечно, в таком настроении... Идут молодые ребята-студенты. Спрашиваю у них: «Знаете "А всё кончается..."?» Они тут же продолжили, и невозможно было удержаться от слез.

Дмитрий Гальцов. Во всей полноте поэзия Валеры мне открылась, когда его уже не стало. На вечере памяти Людмила Колодяжная прочитала стихотворение «Здравствуй, муза». Прочитала ярко и артистично, как читают классиков. Совсем не так, как прочитал бы Валера, но это было убедительно. Стихи стали жить своей жизнью. Раскрылись новые грани. Музыка полилась.

А яблони, которые расцвели, остались для меня образом весны и поэзии на всю жизнь, и сейчас, каждый раз проезжая по улице Лебедева в начале мая, я чувствую, что лучше сказать об этом нельзя. Музыку на эти стихи я писал и переделывал много лет вплоть до 1998 года, когда, наконец, она стала казаться достаточно адекватной. И тогда я показал ее Валере; он был уже очень болен, но сразу проявил интерес — а ну-ка давай еще раз, но его стал мучить кашель. Это оказалось нашей последней встречей.

Людмила Колодяжная. Через полгода после ухода Валерия, близкие друзья собрались в киноаудитории Дома ученых, чтобы вспомнить Валеру, прочитать его стихи, спеть

его песни. Одно из стихотворений (Здравствуй, Муза!) по просьбе Натальи Тиме прочитала я. На этой встрече присутствовал Дмитрий Гальцов, композитор, доктор наук, музыкант. Через некоторое время он создал свой известный цикл на стихи Валерия Канера «Яблони расцвели». Это была композиция из 7-ми песен и нескольких стихотворений. Дмитрий пригласил меня читать стихи Валерия в этой композиции. Было несколько репетиций у Дмитрия дома.

Вечер памяти Валерия Канера состоялся в конце мая 2000 года в Большом зале Центрального Дома ученых. Зал был переполнен. Мы с Сергеем Никитиным успели до начала концерта несколько раз прорепетировать программу. Концерт открывали Сергей Никитин и Любовь Богданова. Затем мы исполнили музыкально-поэтический цикл Дмитрия Гальцова на стихи Валерия Канера.

С этой композицией мы выступали еще два раза — в Геологоразведочном институте (с Сергеем Никитиным) и в Детском театре Людмилы Ивановой — Валерия Миляева (пел Петр Лягин). Композиция записана и ее можно найти в сети Интернет.

Евгений Полищук (из статьи в газете «Советский физик»). 28 мая 2004 года в конференц-зале корпуса нелинейной оптики состоялся музыкально-поэтический вечер памяти Валерия Канера, физика и поэта, барда, автора оперы «Архимед», режиссера эстрадного театра «Дуэт» в Центральном Доме ученых РАН...

Зал был заполнен до отказа, пришли друзья поэта, коих он имел великое множество, главным образом, выпускники физического и других факультетов МГУ; среди седовласых старцев замечалось и некоторое, впрочем, весьма умеренное количество «младой поросли».

Начался вечер вполне традиционно: основные биографические данные о В. К. огласил его соавтор по научной деятельности Олег Руденко, он же кратко осветил некоторые полученные В. К. научные результаты, которые затем легли в основу диссертации последнего. Но закончил он свое выступление совсем в ином ключе, прочитав отрывок из поэмы В. К.: «Введение в акустику криволинейную» (коей он также является соавтором). Эту же «криволинейную» тему продолжил другой соавтор В. К., по «Архимеду» — Валерий Миляев, ко всеобщему удивлению посвятивший немалую

часть своего выступления пропаганде синергетики (по меньшей мере спорного научного направления, не имеющего притом никакого отношения к В. К.).

На этом вступительная часть закончилась, и перешли к творчеству самого поэта. Поочередно сменяя друг друга, вечер вели пять ведущих: остроумный Александр Кон (физфак, 1963), непринужденная Людмила Колодяжная (мехмат), косноязычный Евгений Полищук (физфак, 1964) и выпускники других вузов — обаятельный Евгений Оганесян и задушевный Петр Лягин. Программа была составлена так, чтобы по возможности полнее раскрыть все многочисленные дарования В. К. — поэта, драматурга, композитора, режиссера, художника, бойца ССО и т. д. Были прочитаны многие его стихи, исполнены многие песни.

Вечер состоял из двух отделений. В первом в концертном исполнении прозвучали арии из оперы «Архимед». Затем с докладом «Из истории студии "Архимед"» выступил многолетний руководитель этого театра, созданного для исполнения одного единственного спектакля, Юрий Гапонов (он рассказал о том, как внедрил текст и фонограмму оперы в качестве экспонатов в музей Бора в Копенгагене).

Далее по программе шла лирика — пожалуй, самое ценное в творчестве любого поэта. Было исполнено около полутора десятков подлинных шедевров В. К., в свое время круживших головы многим девушкам нашего (±3–4 ближайших к нему) курсов:

Ах, какая нынче ночь,

Вся Москва белым-бела,

Я дождусь, сомненья прочь,

Я хочу, чтоб ты пришла

(исполнил член вокальной студии Дома ученых РАН Петр Лягин). Особенно удачным было исполнение Песни для женского голоса («Не принимай меня всерьез») Ксенией Бегун: оно было проникновенным, чувствовалось, что, несмотря на юный возраст (физфак, 2000), она, как говорится, полностью «в теме» и вполне способна коллизию Татьяны Лариной перенести на почву современности:

Не задавай земной вопрос,

Ответа точного не жди,

И если правда, что всерьез,

То лучше сразу уходи...

Контрапунктом к этому выступлению стало исполнение

песни «Былое не вернуть» Вадимом Козловым (физфак, 1958).

Затем настала очередь хореографии. Пусть не совсем в полном составе, зато в постановке великой Алёны Казанцевой (химфак) кордебалет Института физической химии исполнил «Разминку» и «Сан-Ремо — 100» (последняя песня написана в стиле кимовской «Uno, uno, uno, un momento» из фильма «Формула любви», но лингвистически на порядок интереснее).

Второе отделение концерта открылось циклом песней, связанных с ССО («Целина родная», «Голубые мои дороги», «Туман над Алданом», после чего слово взял командир первого целинного отряда физфака Сергей Литвиненко, рассказал о В. К. как о великом бойце ССО и даже прочел свой стих «Памяти поэтов» (хорошо еще, что не спел).

От строительной темы было рукой подать и до темы общественной. Как и все мы, в юности В. К. был не чужд гражданской тематики (стихотворения «Воскресник в МГУ», «Пионерам» и др.), но все же сказать, что он страстно интересовался политикой, нельзя. Но как истинный поэт, он, конечно, не мог не выразить в слове свое отношение к тому, что происходит в стране. Таково стихотворение «Судьба моя, Россия», к большому сожалению не спетое, а прочитанное величайшей певицей физфака (а затем в течение десяти лет солисткой Большого театра) Любой Богдановой, самой крутой Венерой оперы «Архимед».

Для следующего своего стихотворения на ту же тему — «Переход» — В. К. нашел удивительно емкий символ новой России. Поэту случалось писать о разных переходах, в том числе о фазовых, квантовых и т. д.; здесь же речь шла о переходах подземных — в метро и под московскими площадями. Думается, что это — вершина современной гражданской поэзии: несмотря на отсутствие обычных в таких случаях сарказмов и филиппик, имеющий сердце человек за эпически бесстрастным описанием картин современной жизни угадывает боль за униженных людей, за великий народпобедитель, за то, что:

Стоит Россия в переходе

Под яркой лозунга строкой —

Стоит при всем честном народе,

Стоит с протянутой рукой.

Концерт завершился замечательной музыкальнопоэтической композицией: «А сегодня на улицах яблони расцвели...», которую блестяще исполнили Дмитрий Гальцов (музыка, фортепьяно), Петр Лягин (вокал) и Людмила Колодяжная (чтение стихов).

Вечер продолжался более четырех часов, для участников и зрителей, хорошо знавших друг друга, это была возможность погрузиться в прошлое, в более молодые годы. Почти каждый исполнитель предварял свое выступление какими-либо эпизодами встреч с В. К., было прочитано и спето множество его экспромтов, которые не вошли ни в одну из его печатных книг.

Под конец весь зал стоя исполнил самую знаменитую песню поэта «А всё кончается...». Но концертом всё не кончилось — пришедших на вечер ждал еще фуршет, где можно было пообщаться друг с другом в неформальной обстановке.

Любовь Богданова. Я очень счастливый человек по жизни, но самой большой своей удачей считаю своих друзей. Все они, конечно, очень разные, но каждый из них замечателен по-своему. Но, даже если бы их не было так много, а был бы только Валера, человек удивительного таланта жить, можно было бы считать, что жизнь сделала мне подарок. Не знаю, как другие, но про себя могу с уверенностью сказать, что реализовала процентов на 5 то, что получила при рождении; Валера же сделал намного больше, а главное, он, как и Толя Широков, оставил в сердцах своих друзей вечную память о себе. Именно поэтому в день его рождения и в день смерти мы приходим к нему на могилу, читаем его стихи, поем его песни и поминаем его.

Людмила Колодяжная. Да, вот уже 15 лет, как Валеры нет с нами. Но мы два раза в год посещаем его могилу на Востряковском кладбище (зимой и летом), мы поем его песни и читаем его стихи. Он — с нами!

Наталия Селезнева. «...Не могу я быть без вас, друзья!» Я думаю, что не только я готова подписаться под этой строчкой самой знаменитой и любимой всеми песни «А все кончается...», но и другие авторы этого сборника воспоминаний о Валере Канере. Воспоминаний, которые, пока мы живы, не закончатся никогда.

Виталий Соколов. До самых последних дней Валеру окружали друзья. Поэтому я предложил сделать обложку, на которой помещены фотографии авторов этой книги.

Дмитрий Гальцов. Во что инвестировал Валера свой талант, свою энергию, свою жизнь — «усовершенствуя плоды любимых дум, не требуя наград за подвиг благородный»? В стихи, в глубокое проникновение в души окружавших его людей, в память друзей.

Наталия Тиме. В заключение привожу стихи Валеры, которые можно рассматривать как его завещание:

Давайте не насиловать друг друга, Шумами струны душ не заглушать, Неважно — или северная вьюга, Иль южного загара жжет печать. Давайте не насиловать друг друга, Шумами струны душ не заглушать,

Давайте же... Неважно что — давайте Ценить в любом лишь то, что ценит он... Вы напевайте, или наливайте — Но только так, что как итог — бон тон. Давайте же... Неважно что — давайте Ценить в любом лишь то, что ценит он...

Давайте. Мы покуда с вами живы, Друг друга каждым взглядом согревать. Дуэтом, хором иль речитативом — Давайте быть. И жить. И горевать... Давайте. Мы покуда с вами живы, Друг друга каждым взглядом согревать..

1995

Иллюстрации к 10-ой главе:

Библиография

- 1. О. В. Руденко. Валерий Канер. Физик и поэт. Вопросы истории естествознания и техники. Т.4. М.: Наука, 2001. С. 157–167.
- 2. В. А. Миляев. Ласкающийся еж. М.: Изд. Харвестпринт, 2003.
  - 3. В. Г. Недорезов. Шаги по времени. М., 2008.
  - 4. Шарапов В. М. Всполохи былого. М., 2008.

Художественные произведения В. Канера

- 1. Шизики футят. М.: Байтик-Интерпринт, 1994.
- 2. Сто стихов. М.: Интерпринт, 1995.
- 3. Недопетый звук. М.: Аргус, 1996.
- 4. ИзДранное (Шизики футят, вып. 2). М.: Байтик, 1994.
- 5. Приходит время (Поэты физфака МГУ 60-х). М., 1994.
- 6. Люди идут по свету. Книга концерт. М. Физкультура и спорт, 1989.
- 7. Среди нехоженых дорог одна моя. Сб. туристических песен. М.: Профиздат, 1989.
  - 8. Песни нашего века. Сб. М.: Ай Ви Си, 1999.
- 9. День физика в МГУ (совместно с В. Миляевым) // Природа. 1980. № 5.
- 10. К истории не... оптики. (совместно с В. Миляевым) // Природа. 1979. № 9.
  - 11. Листья лета. М.: Вертикальный мир, 2000.

О Канере вспоминали:

Богданова Любовь Букейханов Срым Гальцов Дмитрий Гордина Любовь Гусев Герман Егорова Ирина Зубова Ирина Иванова Людмила Кандидов Валерий Колодяжная Людмила Кон Елизавета Кудрявцев Евгений Кудрявцева Марина

Литвиненко Сергей

Лягин Петр Малов Леонард Манолова Олеся Недорезов Владимир Недорезова Полина Никитин Сергей Никитина Татьяна Полищук Евгений Рукавишников Валерий Рустамов Азим Саевский Феликс Селезнева Наталья Соколов Виталий Сучкова Марина Тиме Наталья Тонеева Гита Чекалин Сергей Чечин Валерий Шарапов Валерий Щеголькова Светлана

Приложение I. ДЕТСКИЕ СТИХИ

Человечек Нынче спят беззаботно пальто, Потому что уже — воскресенье... Это солнце гудит, или кто Спозаранку устроил веселье?! А у радуги восемь цветов, И она выплывает из речек... Удивляюсь я — вот ты каков, Человечек ты мой, человечек! В мире правды живешь ты легко. Как моторчик, стучишь неустанно. Побежим далеко-далеко? А куда побежим — это тайна. Ты по лужам, по лужам пешком, Ну а нет — залезаешь на плечи. Не грустишь ни о чем, ни о ком, Человечек ты мой, человечек!

Как? Зачем? Отчего? Почему? Это что, для чего, как же это? Я вопросов твоих кутерьму Развязать не смогу до рассвета. В день загадок настроишь ты тьму На любом ирокезском наречьи... Я тебя лишь по взгляду пойму, Человечек ты мой, человечек! Вот на шкаф ты зачем-то залез — Да не шкаф, а совсем даже горы! Нужно пушку тебе позарез — Охранять чудо — спичечный город. Мир твой полон волшебств и чудес — Как на елке сверкают в нем свечи... Будь же чист, как заснеженный лес, Человечек ты мой, человечек!

Семейный совет

Папа все ходил, ходил, А потом меня спросил, Оглянувшись виновато: А хотел бы ты бы брата? Я сказал: А мне хоть — пять, Мне их — хоть десятки! Веселей тогда гулять И играть нам в прятки. Мама крикнула сердито: Хоть стыдись ребенка ты-то! А для Темкиного брата У тебя тонка зарплата!

Качели

Я сначала еле-еле
Забирался на качели...
Но теперь — как в бурю, качку,
Подо мной качели скачут!
Змей-Горынычем, Кащеем
Разъяренные качели!
Раз и два!
Раз и лва!

Ноги где, и голова? Небо где, и где земля — Я рисую кренделя. Вверх — вниз! Вверх — вниз! Это мамочке сюрприз, Это я лечу на крыльях, Это я набрался сил! ... А потом качели срыли — Дескать, скрип невыносим.

Змей

Все на свете мы умеем — Мы сегодня пустим змея! Мы купили пять катушек, Начертили солнце тушью, Что-то клеили, крепили, Хвост, мочалку прилепили. Мол, смотри и разумей — Это чудо, это змей! Он поднялся С первым ветром, Он казался Точкой светлой, Он крутился колесом... А потом сломалось что-то И на проводе, как фото, Вдруг повис он... Вот и все!

Бастион

Солнце, жарко, мы устали! — Папу дома убеждали. Но промолвил — Баста! — он: Мы идем на бастион. Это — старый равелин Из бетона-стали. Сторожил он вход в залив, Пушки тут стояли. А теперь на башнях пыль.

Сквось бетон растет ковыль. Я смотрю из башни в шель, Видно море, видна цель, Папу с куревом в зубах... Я кричу из башни: Бах! Я стрелял прямой наводкой, Укрепленья штурмовал... Шел потом морской походкой И стрелял зубною щеткой, И «Ура!» во сне кричал.

Пес

У меня, смотрите, нате — Есть знакомый пес-приятель! Он способный к дрессировке, Он хвостом виляет ловко, Он ученый, как и папа, Он дает по просьбе лапу. Он под музыку поет И торпедою плывет! На спине меня легко он Покатает, как на пони. И меня он, словно щит, От любого защитит! Вы, наверно, не видали Большей песиной красы. Чуть ему медаль не дали — Подвели его усы! Не какой-то Пес-барбос — Охотничьей Породы! Даже курицу принес Через огороды!

Вечер

Я к окошку подойду, Я немножко подожду... Вон сошел с трамвая кто-то, Может, он идет с работы? Может, мне несет в портфеле Книжки или карамели? И веселеньким звонком — Добрый вечер! Тили-бом! ... Мне пора уж спать давно — Не приходит все равно. Он, наверно, задержался, Он — минута — и придет! Не автобус ли сломался, Не застрял ли в гололед? Вечер. Шторы на окне, Не приходит он ко мне...

Укол

Как ты думаешь, легко — Ниже пояса укол?... Врач пришел с веселой шуткой И достал ужасный шприц! Я крепился. Было жутко. Вспомнил тыщу небылиц. Рассказали мне про муху, И про трех богатырей, И про маленького Мука, И про грохот батарей. Я оттягивал минуту — Способ верный и простой... Но раздалось почему-то Оглушительное — «Ой!». ... Боль прошла. И врач ушел. Ну, подумаешь, — укол!

Мы читаем

Мы читаем по слогам: Э-то по-уть до-ро-га. Мама сердится немного — Надо: Это путь дорога! Мы читаем дальше — по-рог... Он взрывается, горит? Да не порог он, а порох! — Мама грустно говорит.

Мама с папой чуть не плакали — Это: шкурка из каракуля...
Кто на ней чертил каракули? А быть может, каракули — Это вроде карп акулий? Папа с мамой повторяли, Что терпенье потеряли, Что пора, не тратя даром, Ударенье вбить ударом...
Должен делать ударенье Там, где надо, не на-до! ... Потому я начал пенье — До, ре, ми, фа, соль, ля, до-о!

Дед Мороз

Я уж знал, что в Новый год Дед Мороз ко мне придет... Он всегда, когда на елке Шпиль уткнется в потолок, С бородой приходит колкой, Открывает свой мешок... Доставал оттуда штуки — Лодку, пушку, паровоз, Потирал, как папа, руки И бубнил под красный нос: Ну-с, а как себя вели вы? Не наказывали вас? И смущенный, и счастливый, Я шептал: всего лишь раз... А потом искали папу — Он куда-то исчезал. На Морозе-деде тапок, Как у папы, вбок торчал. А потом ходили кругом, Дед Мороз, как папа, пел, Про форель, и про подругу, Как простуженный, сипел. А потом горели свечи И бенгальские огни... Новый год сегодня. Вечер. Почему-то мы одни...

И в глазах у мамы капли, И на елке канитель.... Ни Мороза нет, ни папы — Закружила их метель.

Приложение II. ЗА СЕМЬЮ ЗАМКАМИ

(Москва, Бутырка, ИЗ—48/2, 206. 2.12.1970 — 4.02.1971)
1. Я проснулся — машу руками («Сто стихов», с. 66)

2.

И, будто хроник кинокадры, Проходит жизнь в тревожном сне... Ты человек, и все ж пока ты — Лишь тень на каменной стене. Любимой взгляд, весны рассветы, Как в МХАТе — занавес закрыл... За что? Вопросы без ответа. За что? Прозренье — выше сил! Неужто жизни перепутья Способны бросить тень на свет? И оступившись, не вернуть мне Ни правды, ни любви, ни лет? Неужто подлость так всесильна, Что мир способна оболгать? И как зловонная трясина, Не засосать — так в грязь загнать? О, как горька несправедливость! И, словно в сказке Бибигон, Я жил — несладко, но счастливо, Я честен был, а стал смешон. Я в жизнь входил не черным ходом, Я верил людям и добру... Но, как ворота пред народом, Вдруг дегтем — имя поутру. Ни слез, ни жалости не надо. Лишь справедливость — и ничто! И колет в голову кувалдой Необъяснимое — за что?!

3.

А если не коснулась вас беда, Как просто быть убийственно логичным, И видеть только нет, и только да. А остальное — лишнее и лично... Да. безусловно, белое — бело. Но белая фата иль белый саван? Бесспорно, не добро — так, значит, зло. Зло — беззащитно, или зло — гнусаво? Зло.

Зло.

Зло.

В вены шло, В жилы. Кровь студило, Щеки жгло. Неосознанное, непонятное Мухоморами расцвело, И тревожит память помятая — Как случиться такое смогло? Как,

Как,

Как.

Как такое произошло? Горе-горькое по свету шлялося, И на нас невзначай набрело... Пропасть. Бездна. Лечу, глаз выпуча. Уши рвет неслышимый крик... Я одну лишь заповедь выучил, Я одну лишь истину вымучил — Я люблю вас, люди! Как лик Божества Андрея Рублева. Я вам верю. И мой ярлык Пусть не скроет правды и слова! Нет, не скроет. Иначе — что ж? Нет ни правд, ни добра, ни веры... А над миром все так же рожь, Все такие ж дома и скверы, Все такие ж цветут сады,

Все по-прежнему — любят, не любят... Лишь немногим больше седых, И немногим меньше прелюдий.

4. Здесь убить человека... (*«Сто стихов»*, *с.* 28)

5. Бессонница

И кажется минутой Что нету ничего — Ни цели, ни маршрута, Ни мира самого, Ни счастья, ни страданий, Ни солнца, ни любви, Ни праздников, ни зданий, Ни мыслей, ни крови... Как мы учили в школе Про витязя, про бой — Стою в пустынном поле Огромной головой. Она вертит глазами, С трудом шепча слова, Ее рассудок занят, Ее поймешь едва... И редкая синица Вспорхнет из-за куста, А голове — не спится. Она пуста! И только дым былого Выходит из ноздрей... Да, что вы, что вы, что вы! Проснитесь поскорей! Расшевелитесь, встаньте, Отбросте чепуху! Ну, голова пустая, Ну, брови на меху — Да мало что приснится! Нельзя так долго спать! Так можно усомниться, Что дважды два — не пять, Что стен — всего четыре,

Что три богатыря, Что на часах две гири, Что лишь одна заря... И потому — не лезьте, Не надо в петлю лезть! Осталось все на месте, Все, как и было, — есть.

6. Уголок Дурова Сжало, как бочку, думами Голову в кулаке... Я дресированный, в Дурова Маленьком уголке. Слон тут кивает шляпою Как заводной — сто крат. Белые мышки лапою Дергают за стоп-кран. Не пробудятся скоро Пара сонливых сов. Тут говорящий ворон Знает с десяток слов. Козлик, прося копейку, На пьедестале сел. Ишет начало белка В маленьком колесе. И на потешных скачках Равенство служб и прав. Лев тут живет с собачкой, И с кенгуру — жираф. Кормится кашей манной, Ставши ручным, питон. Даже питон гуманен, Если дают пять тонн. И саблезубые тигры Сабли снесли на склад... Все тут спокойно, тихо — Чудо, не зоосад. Дам ветерану-моржу Сыра кусок — держи! Я тут работаю сторожем И наблюдаю жизнь.

7. Верьте!

Я ухожу в рассветы, Может, в последний раз... Верьте мне, люди, верьте! И не потом — сейчас! Солнечный путь перерезан, Разведены мосты... Словно каленым железом, Сердце отметил стыд. Я не приучен к фальши — Камня за пазухой нет... Болен я — вера ваша Только поможет мне. Боль, как прожектор, светит, Гулкая, как фугас... Мне убеждать: Поверьте! — Нужно впервые вас. И не виной — бедою Колется голова. Я вашей веры стою, Верьте в мои слова! Совесть мою проверьте, Дайте, как древним, яд — Лишь покачнусь от ветра, А на ногах — устоять... Вкривь не искал маршрута, К людям я шел всегда, Разве должна минута Перечеркнуть года? И под усмешкой-плетью Не отведу я глаз... Верьте мне, люди, верьте! Я ведь поверил в вас...

- 8. 1918 год («Сто стихов», с. 30)
- 9. Быстрее, быстрее, быстрее... (*«Листья лета»*, *с.* 88)
- 10. Часы остановились

11. С Новым годом!

С новым годом! — бокалы гудят, С новым счастьем! С надеждою новой! Елки в залах огромных горят И в глуши непробудной сосновой. С треском бьют конфетти, как горох. Словно в душу, глаза смотрят жарко... Он всегда застает нас врасплох, И всегда в старом что-нибудь жалко... Новый год — он метели метет, Запорошено взлетное поле. Нету елки — да сам самолет С огоньками — не елка ли, что ли? Приползал дед Мороз и в окоп, Наливал выше нормы по чарке. С новым счастьем! Чтоб пуля — не в лоб, Чтобы пили уже на гражданке! С новым счастьем! Чтоб не было слез! Чтоб не сесть вам мишенью на мушку! И баланду сует дед Мороз, Как в чулок новогодний, — в кормушку... Бой часов целомудренно ждем, Быть, не быть? — между адом и раем Мы тепло руку старому жмем И с надеждой на новый взираем. Свет гирлянды под утро поблек, Новый год укрепился, наверно... С новым счастьем тебя, человек, Если старое было неверно!

12.

Ах, как щемит, как щемит, щемит Сердце в этот последний миг... Мои мысли и песни с теми, Кто кипящим бокалом гремит. Кто, прервав веселье на время, За меня поднимает тост... Ах, как щемит, как щемит, щемит! Болью ломит мозги и кость...

Как в каком-то придуманном мире, В непонятном тревожном сне, Просыпаешься — я ли? Мы ли? — За решеткой кружится снег. Задувает его сквозь щели Время новое, Новый год! Ах, как щемит, как щемит, щемит И придти в себя не дает. И в щемящем рассвете этом, Где — куда ни толкнись — стена, Память гулко звучит, как эхо, Как порвавшаяся струна. Я у сердца прошу прощения — Может, нужно и должно понять! Ах, как щемит, как щемит, щемит, Головы не дает поднять. Не дает отойти, забыться, Острым комом стоит у рта. Стоит только прикрыть ресницы — Надвигается чернота... Видно, стала душа мишенью, Уязвима стала — невмочь... Ах, как щемит, как щемит, щемит В новогоднюю эту ночь!

13.

Как иголка в стоге сена, Потерялся человек... Может, он сломал колено, Совершив из жизни плена Непродуманный побег? Может, он застрял на пляске? Может быть, чужие ласки? — Не смыкает кто-то век — Как иголка в детской сказке, Потерялся человек! Где же мог он заблудиться? Где ему, чего не спится? Носит чей его ковчег? ... Стог стоит — не подступиться, В нем потерян человек. Как иголка — в стоге сена...

Жил он, вроде бы, степенно, Вспять не гнал ни туч, ни рек. Как же так? Обыкновенно — Заблудился человек. Он устал идти по полю, Вот он стог! Посплю я вволю, Коль устрою здесь ночлег... Стог был проклят. Хлебом-солью Он встречал. И с криком боли В нем скрывался человек. Колдовство свершило дело... Желтизна сменилась белым, Грузит сани дровосек. Вновь ручьем весна запела, Солнце сено жжет несмело — Там — иголкой — человек! Не спасут от колдовства Ни стенанья, ни слова... Есть лекарство против яда: Если дети из детсада, Взявшись за руки, придут И волшебную громаду, Стог с иголкою — зажгут. Шелуха слетит от пламя — Не минутами, так днями Сгинет зло. Уйдет навек. Ну, а сталь не плавит пламя — И найдется человек!

14.

Души задраены в люки, Лишь перископом зрачки. Словно подлодки, люди Тонут в глубинах тоски. Плыли — не худо-бедно, Нынче ушли на грунт. Видно, слова-торпеды Поразодрали грудь. Холод в проемы ринул — Морем соленых слез. Мир отчего не принял Или не понял — SOS!

Штормов магнитных шум? Волны над лодкой украсило Радугой чьих-то дум. Над головою — толща. Плавает рыба-меч, Ищет, наверно, тоже Чью бы корму отсечь... Сделался склепом кубрик, В нем кислорода — глоток. И потому не курят, Дышат через платок. В оцепененьи сонном Стук водолазов ждут... Может, открыть кингстоны, Может, на горло жгут? Тише! Винты, не волны! Слушай спасенья гул! ... Я до конца не понял, Мой собеседник уснул. Верить мне хочется — вот как! В то, что они живут, Грузной морской походкой Старым причалом идут. Скажут: беда — не горе, На тебе, парень, пять... И в безнадежном море Нужно надежду ждать! 15. Я, кажется, забыл свои стихи,

Может, заклинил рацию

Я, кажется, забыл свои стихи,
Забыл слова любви, и чувства — песни.
Как ни трудись — не вспомнишь — ну хоть тресни —
Пустяшной самой, малой чепухи.
Я, кажется, немножко автомат:
Сесть, встать, умыться, убирать посуду...
В углы и стены тыкаешся всюду.
А всюду — лишь квадратный каземат.
Четыре шага вдоль, и два налево,
Опять четыре, и опять лишь два.
Тут ни к чему слова и голова,
Тут лишние потоп, Адам и Ева...

А впрочем, голова всего нужнее. Многообразье мира — только там. Глаза открой — напрасно — пустота. Ты с нею спишь, встаешь и дышишь ею. И редко память вдруг взорвут огни, И сердце тормозится, как стоп-краном. И снова пустота. И как бураном Заснежены, неторопливы дни.

16. Как ветка яблони под тяжестью плодов... (*«Сто стихов»*, *с. 53*)

* * *

Это было или не было? Может, призрак или сон? Рыбку-счастье частым неводом Тянет память колесо. Тянет ласковые звезды, Тянет яркую иглу, Тянет трепетный, как воздух В час миража, поцелуй... Непонятно. Полночь. Гулко. На земле — мгновенный рай... Завершенность переулка, Как его ни повторяй. Мысли рвутся или стынут. Точек нет — одни тире. Нарочито мы простые — Не бывает так в игре. Нарочито откровенны. Не бывает — невпопад... Миг — и спящую царевну Оживляет чей-то взгляд... Не бывает так на свете — Словно в сказке, хорошо... Опрокидывает ветер, Как боксер, в глубокий шок... Глаз открыл. Гляжу. А небо-то — Как затянуто в лассо...
Рыбку-счастье частым неводом Тянет память-колесо...

Полярное сияние⁶⁹

А на Земле, за белым кругом Который день — полярный день. Здесь многодневно ждут подруги, И не растет за ними тень. Они пойдут, ведя плечами, Встречать — красою напоказ. К забытой пристани причалил Волнами трёпаный баркас. Не красен челн, не хитры снасти — Весло да пара парусин... Тут не затихнет, не угаснет Под звуки ветра хор осин... Здесь все отрублено — навеки, И человек — кряжистый сруб — Идет, откидывая ветки, В кольцо заждавших, жарких рук. И за полгода долгих лета Ни слова зря, что лишне — прочь. И от захода до рассвета Полгода быстрых мчится ночь. И дом забытый станет кровом, А в небе речкой голубой Горит сияния корона Над вдруг ожившею избой. Назавтра к морю он с восходом Сойдёт с песчаного горба, Где станет ждать его полгода И веки вечные — судьба. И потому-то мысль-бинокль Не гнёт морщины надо лбом. ...Белеет парус одинокий В тумане моря голубом.

1970-е

--

 $^{^{69}}$ Опубликовано (неполностью) в «Листьях лета» (с. 74).

Я улечу к тебе на шаре Своей несбыточной мечты. Я говорю с тобой ночами, Как наяву — со мною ты. И все знакомое до боли, И все родное — до небес... Как в этих буднях мало холим Своих любимых экс-невест! Забыли мы, что в мире — фрески, И розы, должные цвести... Прости за сны, прости за резкость, За скупость на стихи — прости! За суету прости, за прозу, За сумосбродные года... Когда над нами бродят грозы, Мы ищем то, что навсегда. И я тебе навстречу руки, Как наяву, во сне тяну... И, переплыв залив разлуки, В глазах твоих я утону. Глаза целуя ненасытно — Ах, голова, не закружись — Благодарю тебя за сына, Благодарю тебя за жизнь! Благодарю, склонив колени Перед тобой, как пред весной... Благодарю, что тень сомнений Меня обходит стороной. Слова почти возненавидив, Скажу — душой не покривлю — В который раз тебя увидев, Как в самый первый: «Я люблю».

* * *

Ты подойди ко мне лучше, На удивление всем... Красная шапочка, слушай — Я ведь тебя не съем. Нет, ты меня не бойся — Стал я совсем ручной. Плакать не станешь больше

И убежишь со мной. Спросим себя однажды — Помнишь или забыть? Красная шапочка, как же, Как нам с тобою быть? Тесно от взглядов острых И от людских попурри... Необитаемый остров Нам бы хоть кто подарил! Тропики или полюс — Лишь бы твои глаза, Лишь бы трава по пояс, Лишь бы прошла гроза. Ты мне — не меньше — рада. Море и неба шелк... Красная шапочка, правда — Я ведь не серый волк! Кончился день вчерашний. Лампа в твоем окне. Ты на высокой башне. И не допрыгнуть мне! Скрылся — не прыгай, поздно — Красный беретик твой... Только услышат звезды Волчий протяжный вой.

Я не знал... (*«Листья лета»*, *с.* 87)

* * *

Не бывает пустоты — Это здорово! Это я, а это ты — Это дорого! Кинофильм смотрели: «Слон И веревочка». Это — счастье. Это — сон. Ты — дюймовочка. Жизнь восторженно легла За беседою. Гном я или великан — Я не ведаю.

Но для принца Я какой-то Рассудочный. Как в зверинце, День деньской Ходишь сумрачный. И вопросы задаешь — Ох, риторика! А увидишь — запоешь, Вот история! Снова лилии цветут, Колокольчики... И не верилось, что тут Счастье кончится. И казался нам одним Мир подаренный! Если б мы считали дни Календарные... Но влюбленные часов Не заметили. Чаппи вниз пойти весов Не замедлили. На одной — моя любовь. Там мне весело. Но судьба — ох тяжка! — вновь Перевесила. Не металл, а дым колец. Мысль всклокочена. ... Стой. Приехали. Конец — Сказка кончена.

Песня

Что же ты не назвалась Мне и на этот раз? Где же ты потерялась, Как же ты не нашлась? Как невидимка-фея Трижды на каблучках... Ветер холодный веет, Осень на облаках... Может, в крутой дороге

Скорости не учли? Может молчали долго И оттого — ушли? Может, своих боялась Вспыхнувших солнцем глаз? Где же ты потерялась, Как же ты не нашлась? Может, не слышал кто-то Звуков волшебных плач? Может, высокой ноты Не одолел скрипач? Так что струна порвалась — Вот и вся песня-сказ... Где же ты потерялась, Как же ты не нашлась? Как невидимка, тает Над головой рассвет. Я за тобой слетаю В каждую из планет. Может, к Луне умчалась. Может, звездой зажглась? Где же ты потерялась, Как же ты — не нашлась?

Три сосны

Тают льдины, капели, весна От тепла сонный лес пробудился... Как случиться могло — в трех соснах Среди белого дня заблудился? Три сосны, три сосны, три сосны, И на вас — чье-то имя плюс некто. Приходили вы в долгие сны, Отряхнув верхушки от снега. И казалось, вы были нужны, И казалось, вас звали и ждали, Три сосны, три сосны, три сосны, Вы бы лучше на месте стояли! Ты, одна — ты мне дом иль жена, Ты, вторая — мне парус иль петля? Ты укрой меня третья сосна, Чтоб последнюю песнь смог допеть я. Три сосны, три сосны, три сосны, Вы как три неразлучных героя, Вы как дом — три угла, три сосны Без четвертой — не спрячут, не скроют. Три узла, три мечты, три весны, Три желанья, три сна, три печали, Три сосны, три сосны, три сосны — Вы бы лучше меня не встречали! Не ласкала б меня ваша песнь И не грела бы вечная хвоя...
Три сосны, заблудился я здесь, Три сосны, почему вас не двое?

Голубое небо

И куда ты не бросишь взор — Разбросала зима снежинки, И вокруг — таинственный бор И единственные тропинки. Это мы с тобой, иль не мы? Это зеркало, или омут? И стоят деревья — немы, И немые с тобой мы оба... Не увидишь, наверно, снов, Словно белый тот снег — без грима; Не отыщешь, наверно, слов, С белизною его сравнимых. Словно лес тишиной, тобой Заколдован я, заворожен, Словно холодом, звук любой, Даже нужных слов — заморожен. Ну скажи сама — Не робей! Я люблю тебя, понимаешь?! Только слово — не воробей, Если вылетит — не поймаешь. Видно, ноту я взял не ту, Видно, песню я спел без блеска... И летит она в высоту Над безмолвьем чужого леса. Только неба голубизна, Только яркость зенита слепит... Только жизнь у меня одна,

И по новой — ее не слепишь.

Гимн двум (*«Сто стихов*

Приложение III.

МАЙ

(отрывки из поэмы)

I

Мы очень любим праздники, Цветы на мостовых, Когда гуляем праздные По улицам Москвы. Мы любим, чтоб парадно, Нарядно абсолютно, Чтоб Левитан по радио Отсчитывал салюты. Мы очень любим праздники Красивые и разные... Но май всегда особенный, Торжественный и милый, Май не праздник сотен – Целого мира! Май с цветами майскими, Солнечными парками, Май с очками-масками, С любящими парнями. Май с глазами синими, Праздничными клубами, Май с друзьями сильными И радужными клумбами. Он, как голос Собинова, Весенний и зимой. Он всегла особенный Май мой! Доносит в тамбур лязг несносный, Открыта дверь — и вихрь в лицо. И подмосковное кольцо Несётся зеленью откосной. Сверкают стёкла в окнах лач. Летит над полем майский грач, И электрички ритм колёсный Зовёт, зовёт куда-то вдаль... Дороги голубая сталь, И сосны, сосны, сосны, сосны... Сосны в Подмосковье, На площади Манежной В небесах рискованно Голубь белоснежный. Ну так, выше голову, Выше поднимай, Видишь, в небе голуби – Это тоже май!

II

В заросли черёмухи
Врастаются Черёмушки,
И пустыри коровьи
С палатками «Утиль»
Для фронта новостроек
Сегодня — тыл.
Натянутой лескою,
Стремительный, как
молва,
Летит проспект Ленинский
—
Большая Москва.

Летит проспект без сутолоки И машинных заторов. Кафе «Спутники», магазины — «изотопы». Открытые троллейбусы, как открытый форум, На перекрёстках ребусы Решают светофоры. И в солнечном аспекте Радужной весны Люди на проспекте Просторны и честны. В венце цемента пыльного Коричневей горчицы С картин Пименова Девчонки-крановщицы. Жилой и строительный, В огнях реклам-монист Летит проспект стремительно Дорогой в коммунизм. Но где-то сбоку улочка, Которая поуже, Где грязь полощет юбочку, Как в миргородской луже. Где люди туманны, Стары, как мир. Мир самообмана, И обмена квартир, Мир чувств по порциям, Спины-моста, Где не за дело борются, А за места. Где сытенькие ушки (???брюшки?) месяцы, года бредут по переулку Дорогой в никуда. И чтоб не стать скептиком От улицы узкой, Пройду по проспекту

С заставы Калужской. От центра до Внукова По улице снов. По улице внуков – Мечте отцов. По улице зелёной, Рабочей и парадной, Которая залогом Простоты и правды. Что переулков льдины И улиц спектр Превратит в единый Ленинский проспект!

Ш

Май итожит любые вопросы -Он без стука входит в Он ворвётся в душу и спросит: Ну, а чем ты встречаешь май? Все живут обычными буднями. В сорок лет достигают Суматоха времени бубнами Вечерами в затылке звенит. Люди просто читают доклады, Изучают прибор лихой. Получают в кассе оклады И порой алмазные клады Открывают в тайге глухой. И, наверное, так же просто, Подытоживая умы,

Человек обычного роста

Облетел на «Востоке» мир.

Стонут горьковские гагары

У истории на весах. Буревестником Юрий

Гагарин

Прочертил весну в

небесах.

Новостями радио забито

Все эфиры до краев

полны:

Первые ракеты на орбите

Летят не для войны.

Человек веками и веками Жил у тяжести земной в

плену,

А сегодня сброшен этот

камень,

И корабль, хоть завтра —

на Луну!

Отметая все преграды

косности,

И земли апрельской

притяжение

Человек советский в

космосе

Совершает первое

движение.

И огромный мир-

аудитория

Восхищённым эхом

повторит,

Что сегодня новая история

По часам советским

говорит.

А старушка ойкает: Ах,

батюшки!

В небе — человеческая

тень!

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Но ракеты в поднебесной

выси

Многотысячный готовил

ym.

Сколько их, таких обычных физиков, Сколько их готовило

триумф!

Сколько их работало,

фантастов,

Пионеров завтрашнего

дня!

Над Москвой ударили

фонтаны

Яркого салютного огня!

Одни плывут в кильватере, Другие — в авангарде. Первооткрыватели

И просто дяди.

Одни плывут в кильватере

С двуспальными

кроватями,

С анкетной непорочностью

И твердолобой прочностью. Не о них, и не им. Гимн — другим! И на Марсе массе Сладко спится. Первому на Марсе

О скафандр биться. Шли люди первые в

Саяны.

Отбросив пыльный

абажур,

К огню полярного сияния И на огонь из амбразур. Их ливни сутками

мочалили,

В тайге пожары жгли...

Они молчали.

Шпи.

Они пенькой и лыком

штопали

Куски изодранных рубах,

И в землю ввинчивались штопором На испытательных гробах. Сбивали ноги, но вставали. А полночью, на Самотёке, Невесты ждать их уставали В столичной, личной суматохе. Они делили крохи ужина – Обычный хлеб обычных смертных. А где-то сытость незаслуженно Срывала их аплодисменты. Не всем им памятники ставили, Не все их кости находили... Лёд тронулся. Вскипали И трактора чертей будили. На улицах — фонарики, Курица на блюде,.. Фанатики, фанатики! Нет, — ЛЮДИ! Первые парни, Дробившие скалы, -Бауманы, Папанины, Кибальчичи, Чкаловы. Живут, ругаясь матерно И против шерсти гладя. Одни плывут в кильватере, Другие — в авангарде! Бейся и майся Этого ради: Первым — на Марсе, Не на параде!

IV

Над нами небо майское, Над нами тишь и гладь. Свободны мало-мальски – Идём в баскет играть, Едим сырки творожные, Читаем «Правду» мы... А новости тревожные Окутывают мир, Стреляет май на Западе, Взбивает взрывов кудри, Не холостыми залпами Салютуют в Кубе. Мы знаем революцию, И войны с белофиннами Лишь по резолюциям И по кинофильмам. А тут — перед глазами, Всё чётко, как на бланке. Землю взяли, И взяли банки. Железных кубинцев Железная каста. Лозунг: Биться! И: Фидель Кастро! .....

V

А весна такая хорошая! На деревьях уже листы. Скоро сессия — книги брошу я, Побегу покупать цветы. Мы с тобой пойдем с букетиком Побродить в Нескучном саду. Я тебя, наплевав на этику, Поцелую у всех на виду. Я читаю себя, не Есенина, Забавляю, шучу, грублю... А весна такая весенняя! Я весну, как тебя, люблю. Расстегнули прохожие вороты, Растворили окна дома. Он советский сорок

четвертый Этот солнечный Первомай!

Мы привыкли ночами

зимними

Диаматы мотать на ус. Мы привыкли, что он

незыблемый

Этот праздник и наш

Союз.

Мы привыкли каждое лето

Казахстанской идти

целиной.

Мы привыкли к тому, что

столетия

МГУ стоит под луной.

Мы привыкли встречаться

с ветрами,

Что материя — всюду

первична.

Это очень хорошая — к

светлому

К замечательному

привычка.

Все геройства кажутся

буднями,

Но попробуй согнуть нас в

дугу!

Разрывается спорами

бурными

Общежитие МГУ.

Спорят физики, спорят

медики,

Спорят так, что клубится

пар.

Со студентами из

Америки,

Со студентами из ЮАР.

В безрукавках, в костюмах

новеньких,

Понимаешь? — Давай,

понимай!

О политике, экономике,

И о том, где сегодня май.

Спорят страстные, спорят

яростно,

Блещут доводы, как ножи.

И становятся сразу

ясными,

Убеждений святых

рубежи.

Это гимн человеческий.

Вот он!

Понимаешь? — давай

понимай.

Это твердый сорок

четвертый,

Убежденный Советский

май!

И еще немного о счастье:

Скажите, от солнца куда

убегу?

От солнца куда деваться?

Если двадцать показывает

градусник МГУ,

И тебе тоже двадцать?

Этот праздник весны и

юности,

Он величественен и прост.

Это праздник щемящей

юности.

Так давайте за юность

гост!

За тех, кому девятнадцать

лет!

За тех, у кого еще нет

анкет

За тех, у кого порою монет

Даже нет на обед.

За тех, кто язвителен,

честен и прям,

За тех, кто любит, за тех,

кто упрям!

За тех, у кого иногда лишь

грусть

Туманит всегдашний свет, За тех, кто стихи не пишет

и пусть,

Но сердцем всегда поэт!
За тех, кто в походах встречает рассвет,
За тех, кто щедро транжирит смех.
За ночи мечтаний, за первый успех,

За тех!

В мире много наносного,

лишнего,

Но когда-нибудь это

кончится.

Вам не хочется счастья

личного?

А мне — так очень

хочется.

Май тому порукой и

залогом,

Завтра — в майских солнечных руках.

Будет май — талантливый,

зеленый

На планетах и материках.

Будет солнечное

поколение.

Не увидит оно беды. Ледоколом атомным

«Ленин»

Май ломает пудовые льды.

Выше голову, голову

выше!

Выше голову поднимай. Майский голубь под

солнце вышел -

Лучезарный ликует май!

Приложение IV.

ЦЕЛИННАЯ АХИНЕЯ

Том I. Кантата

Дым клубами рвался по

стеклу,

Раздвоясь, струилась рельс

змея

Сквозь осеннюю сырую

мглу

Проступала скользкая

земля.

Падал снег на ржавые

берёзы,

Кроя их холодною росой...

У окна она большие слёзы Вытирала толстою косой.

Рельсы в детство тянутся

куда-то...

Где оно, святое? — Не

вернешь.

Годы, как у пня в лесу

опята,

Разрослись. Как

вспомнишь, не заснёшь.

Детство. Детство, детство

золотое,

Ты осталось в омуте годов.

Существо младое, налитое,

Ни забот не знало, ни

трудов.

Лишь цветы и розовые

утра,

Свежесть, незабвенье и

весна.

И не надо быть какой-то

мудрой,

Ночи проводить в тоске

без сна.

Думать и следить за

каждым шагом,

И казаться милой и живой... Кончено, теперь хоть с Копет-Дага Вниз бросайся гордой головой. Он такой хороший и весёлый, В жертву бросить он себя Голова забита комсомолом, К сердцу не найдёшь его мостов. Он всегда торопится по На меня посмотрит разве вскользь... Дело было летом, вечерело. Тени протянулись вкривь и вкось. Шел навстречу мне он. Близко, рядом, И рука коснулась об руку. Он поднял глаза и этим взглядом...

Том II. Песнь Прощайте, поля Казахстана. Прощайте, степные огни. Рыдать я и плакать не стану, Хоть просишь меня: «Ну, рыдни!» Нет, плакать — не дело мужское, Как кремень — душа у мужчин.

Лень мне дальше думать,

дураку.

Подругам своим поручим. Нас слякоть и снег провожали, Бухгалтер нам денег не дал. Но мы на прощание ржали Сквозь свой пожелтевший оскал. Пронзительный свист паровоза, Булаево где-то вдали... Ударили осени ранней морозы, И мы из совхоза сбегли. Нам мил полусумрак вагонный, Вокзалов ночных суета. Во мраке сидишь полусонный, Не поезд — одна маята. Но что нам — бессонные ночи... Для нас одиночество — Мы бодры и только есть хочется очень, А денег не стало нисколь. Всё медленней тянется время, Всё звонче у нас в животе. На то мы — бродячее племя. Мы — племя голодных чертей. А воздух — сырой и тяжелый, За сосны цепляется дым. «Довольно! — изрёк вдруг один из пижонов. Давай-ка том третий

Мы карие очи туманить

тоскою

родим!» Давай!

Том III. Диалог
....
В голове у тебя — как в лесу выжжено.
Чего ж мне обижаться на Богом обиженного? –

Кого обидел Бог — вопрос иного сорта.
Начнём-ка лучше том четвёртый.
—

P. S. Замазав вопрос, ты умственно бос.

___

Босс!!

Том IV. Элегия Тоска, тоска, любовная тоска. И говорят, что это где-то Как будто я — уснувшая кобыла, И на меня обрушилась доска. Такое же духовное страданье. Мне так же трудно, тяжело сейчас Сижу перед окном который час -С трудом глотаю я свои рыданья. О не могу! Перед глазами сумрак,

И в голове — лишь выстрелы крови... Но нет, я гордый, не молю любви, Во мне проснулся настоящий турок. Безумец я? Быть может, никому Не выдам никогда немого горя, И, разве лишь, прочтя любовь во взоре, Ты, дева, внемлешь горю моему. Плевать на дев! На дно души томленье. Пусть тяжесть мук обрушится на нас. Мы слышим узункульцев дикий глас -Всё нипочём спыхавшим это пенье. Оно меня тревожит, раздражает, Давно уже идею потерял. И зеркалу безумно повторял: Скажи, что эта рожа выражает? Когда бы не был я измятый Вагонным шумом и тоской. Писал бы дальше деньденьской, Остановлюсь на томе пятом.

Том V. Дефективные сонеты *** Вы, ребятки, Любите шахм<u>а</u>тки. В шахматках, детки, 64 клетки. Я ужасно рад – На каждой клетке — мат.

Лампочки, лампочки Светятся, светятся. Бедные лапочки Трудятся, трудятся. Стало быть, сбудется, Стало быть, встретятся... Глобус всё кружится, Глобус всё вертится. Что-то не верится, Что она — спутница.

Дым паровоза. Черные пашни. Плачут берёзы О лете вчерашнем. Ржавые рощи, Мокрые тропы. Лес, позаросший Пахучим укропом... Пахнет потопом.

***

Она стояла. Но искра металла На платье из вискозы вдруг попала — И долго-долго девушка рыдала, Когда себя без платья увидала.

***

В одном купе играли в карты трое.
Все трое — Шумные герои.
И спал четвертый,
Мастер спорта...

Он был боксёр, и поутру из купа, Рыдая, вынесли три трупа. Глупо!

***

«Люби меня! — Луна сказала Марсу. – В шесть раз я уменьшаю массу». Отрезал Марс: «К такой вот дуре Имеет слабость лишь Меркурий!» Об этом вся галактика слыхала И Марса не одобрила, нахала.

***

Я проиграл... Но это дело Души нисколько не задело. Прошла волна, При встрече всё круша, Но светится душа, Всё так же хороша... И я, едва дыша, Шепнул на ухо: «Ша!»

Заснули все. И только за доской Играют, не жалея свой покой Два человека. Время больше нет — Кончаю дефективный я сонет.

Том VI. Раздумья.

Сижу я на полке. Висят облака Табачного сизого дыма. Снега за окошком, как

слой молока, Куда-то проносятся мимо. Душа безмятежна, душа глубока, Как банка пустая сгущенки, Как ясный безоблачный взгляд старика, Как смех мелодичный левчонки! Любуюсь душою. И часто, порой, Сижу я в забвении лунном. Так часто сидел Магомет под горой В каком-то терпенье чугунном. Мечтаю с надеждой о завтрашнем дне, Сквозь грусть вспоминаю вчерашний. В слезах засыпаю, но даже во сне Я полон смятеньем всегдашним. С тех пор, как тебя я не вижу нигде, Мне нет во вселенной покоя. Со мною ты — в счастье, со мною — в беде, И даже в покое — со мною. Но ежели в поезде нету И если ты где-то далёко, Гробницы сомнения в муках дробя, Я жажду заветного срока! Я встречусь, я встречусь, я встречусь с тобой, И крепко сожму твои руки. Тогда ерихонской завою трубой, И зверски примусь за науки. Науки, науки... Забытый физфак. И ты над раскрытою книгой. Как жизнь хороша! И ничтожный пустяк Заставит от радости прыгать. Пыхтит паровоз всё быстрей и быстрей, И скоро покажется город. Москва! Огрубевшее сердце согрей И снегу насыпь ты за ворот. Науку отбросить во имя любви Иль сердце во имя науки? Глупец, сочетание их ты лови, А лучше-ка брось эти штуки.

Том VII. Эпилог. Сережа спал, сопя упрямо носом, А Поляков вещички собирал. Согнулся Канер над стихом вопросом, И на гитаре Стеблин В. играл. Ему Володя Полторацкий помогал, А Саша Зайцев, загрустив чего-то, На них скептически взирал,

И Полищук рукой скрывал зевоту. Устали все. Все выспались изрядно. Москва вдали виднелась уж, синея. Последняя строка. Ну, ладно – Кончаю с грустью ахинею.

Приложение V. PERSONALIA

Едва рассвет забрезжит ранний, Лучи пока еще не жгут – А на линейку ветеране С немытым профилем бредут... Что в непривычно ранний Подняло интеллектуалов, Привыкших тратиться помалу И протирать, проснувшись, глаз Часов так в десять для начала? Ужель безжалостные вои: «Мы не поклонники ра-аазбоя...», Которые шершавят шкуру И хочется аппаратуру Отрядной «Дружбой» распилить, Облить бензином, запалить, А в заводящего пластинку Цементным запустить ботинком?! Нет! — Зычный голос

Литвиненко: «Подъем! Подъем! Подъем! Подъем!» – Заставит вас полезть на стенку Иль прыгнуть с камнем в водоем, Но не проснуться в шесть Нет, шепот Толика: «Пора! Линейка через две минуты!» -Сна сладкого не сбросит путы, Не заработает кора Больших и малых полушарий... Так что же пробужденье дарит? Друзья, не верьте в сплетни, в слухи -Кто будит ветерана? — Мухи! В подготовительной текучке Мы взяли темные очки, И клей, и форму, и значки Увы! — забыли о липучке... И мухи, словно камикадзе, Берут нас всех на абордаж, Пикируют, и доктор наш Приблудный Тариэль Тевзадзе, Лекарств набравший от инфарктов, Перед простым бессилен фактом: Он каждый день травил A результат — увы! —

За драгоценное лекарство, таков: Чтоб крана направлять Коты отравы поднабрались, стрелу... А мухи так же А до рассвета, утром рано, Скажи, зачем встает размножались... Но мы, простите, Татьяна? Чтобы четвертовать барана отвлеклись.... Линейка, флаг отряда — Иль, в крайнем случае, свинью? ввысь! Знобит. Бодрятся Семью оставила свою! Ну, что ж — лиха беда ветераны... Но что вас гонит в эти начало! Кастрюльки на котлы страны, Что имя носят — Сэ Сэ О? сменяла Что заставляет сердце И место в голубом строю... А для чего себе на шею биться, Герой снабжения Шекшеев По пыли в кузове носиться, Взвалил и гвозди, и С собой, с недугами цемент, сразиться -Кирпич, презенты, Мол, мы посмотрим, кто инструмент, Штаны отряда (что Вот Эл. Толстов, борясь со спалил)? Зачем, помимо провианта, Он вундеркинда-Стоит — красавец ясноокий. музыканта Что ищет он в стране Себе на шею посадил? далекой, Так, сразу, это непонятно, Что кинул он в краю А выяснишь — весьма родном? занятно... Вот бородач стоит, Как, ветераны, вы философ. нашлись? Ну на какой же из Кто вам придумал это вопросов Он не нашел еще ответ? И под знаменами какими И на каком витке спирали Сюда, друзья, вы Его сомненья обуяли собрались?

послали?! скуки? -Один наш флаг — в Невзоров мается в углу мозолях руки!.. Готов тотчас отдать полцарства Вот перед нами, чтоб

Что философствовать со

И домик сторожить

Валять не любит дурака, зажечь, Серега в желтый Играть отнюдь не любит в матюгальник прятки – Он молча режет правду-Толкает пламенную речь. Он командир у нас, начальник -И прыгает до потолка, В который раз пытаясь Костьми готов за дело На путь наставить Раз нужно, ежели во имя! (И даже не всегда своими.) Иванова... Серега наш рожден был (Но тот из всех путей хватом избрал Простой шаляпинский Быть не боялся виноватым И все решал, рубя с хорал...) Пройдемся далее по штабу плеча!.. Бывали иногда накладки: (Гэ. Иванов срифмует: После отбоя — Бабу! Но стих наш внутренне физзарядки, А после чачи — ча-ча-ча! здоров.) Грищук. Один из Но коллектив умел он слушать докторов. И в меру критики Явился в мексиканской откушать. майке – Он был гигант ужасной И ну закручивает гайки, Да так, что крякнул сам силы, Пока его не заносило... Петров, Который никогда не Вот правая рука — Мильто. крякал, Он тоже знает кое-что А как верблюд, ходил со По части строек и нарядов, шпаком Потоков, циклограмм, И молча песни напевал. (А если вслух — то шарадов. Ох, и сгущались как-то наповал!) Для суперветеран тучи, фундамент Когда панели и людей Он намешал в такую кучу, Он за день лихо откопал, Что хошь — усни, а хошь Залил бетоном сей — балдей! орнамент Такие ритмы у Мильто, И памятник себе создал! Что вечно где-нибудь не (Пример Серегу заразил – Он позже глыбу водрузил.) Широков — левая рука. Да, там на домиках орлы!

Им Вэ. Кандидов дал закваску, Но сам не вынес эту встряску -Ушел, не достелив полы... Его прекрасная две трети, Та, что ценнее всех на И для него, и для отряда – Графиня кухни, Лида-лада, В слезах всю ночку просидела И с ним наутро улетела... Не будет свято место пусто! И вот с утра крошит капусту Наташа, милая Тиме. Что у Наташи на уме Помимо каши, простокваши? По вечерам на кухню наши Холостяки идут гурьбой, Чтоб разрешить вопрос любой... Но мы с Тиме ушли от Дома. Масштабы. Теоремы. (Без доказательств.) Строй орлов -Косичкин. Полищук. Малов. Борец за правду Рощин Саша. Что чай ему, что простокваша, Что квас, что кофе, что компот -Все перемелет, все пройдет! (Аж чрево издает аккорд.)

А на объекте бьет рекорд! Пилист-дружбист Вэ. Васильцов – Пример для любящих отцов: На стройке проявляет пыл, А отпуск тоже сохранил. Работал с ними Крекотень Непревзойденным был в футболе: Двоих он уложил на поле, Устало крякнул, скрылся в тень. Да, это славная бригада! Когда они не для парада, А для работы на века Торчат под шутки Грищука Из кузова грузовика -Ну просто чистые зэка! Вы приглядитесь в этот Одни домушники стоят! Вот кукольник наш Шурик-жмурик В улыбке хитрой брови хмурит, Вот мастер рубки Матвеец, Печник-умелец Еремец, Печёнов, что курить бросает И курева не покупает, А все стреляет и стреляет... Макеев, старый медвежатник, Саевский, что уткнулся в ватник, И с удовольствием, без лжи, Кладет словечком этажи... Был всем им бабкой

повивальной опор, И к нам на постоялый двор Беляев. Договор кабальный, Кого же только не заносит! По слухам, он в Москву Собкор примчится. Быстро привез спросит, И поручений целый воз. Что было двадцать лет Вот Швом, любитель назал? потасовки. Тут кто-то вспомнит, кто Вот сам Руслан, чердачник приврет. Корреспондент откроет ловкий. Король блицтуров рот, Философа на пень посадит Полищук. Азим-кирпичник. Что за И щелкнет в профиль или стук в фас – На первом домике А снимок подписью раздался? пригладит: Кирпич азимовский «Что время делает из нас!» распался! Потом киношники А кто в сторонке ловит примчатся, фото? – Софиты врубят, суетятся. Шарапова фотоохота. Рассадят нас, как на А рядом с ними — как ни прилавке странно -Красавиц-кукол Друг Женька-Шикин расписных, (Мол, для экранов всей зам. декана. Пока он просто страны!) подмастерье, И достают для тех, кто в Но станет ветераном, плавках, верю! Одни дежурные штаны. Стоят домушники. Ну, И нам не раз придет на ум: Друзья! К чему весь этот Вполне здоровая среда! шум, Гэ. Иванов — Маныч-И этот гам, и суета? Гудило, Не лучше ль — неба И он жн — синя борода. чистота, Затянет песню — ну беда! А если важна красота – Ведь никакая в свете сила В совхоза жителях ищите Его, брат, не остановила! И их о подвигах спросите!

И пусть софитов яркий

Не заслонит, чей хлеб

дым

едим!

Теперь понятно и ежу,

С чего соцветье ветеранов

Попало прессе под вожжу.

Мы бьем рекорд во весь

Но я отвлекся от отряда, Γ де жил кто надо, кто не надо:

Спецкоры с конскими

хвостами,

Спецкоры с пестрыми

значками -

Все промелькнули перед

Все побывали тут.

Но цель стиха — сказать о

тех

Кто обеспечил наш успех... Сережи страсть, любовь и

ласка -

Объект-объектов, чудо-

сказка!

Там лес и дол, видений

полный.

В обед гостей нахлынут волны,

От удивленья шапки сдвинут,

Пожмут плечами — и

отхлынут...

Там Вэ. Поповкин тихо

ходит

И красоту на все наводит.

Лохмач Чекалин — боцман Дзюба —

С конфетой бродит, точно

краб.

Весь срок простроил свой корабь,

А тот дал течь, и вскоре — дуба.

Там Люся с Галей

там люся с галег выжигали

Кроили, шили, вышивали Из тонких досок кружева, И благотворно повлияли На все бригадные слова.

Ну, например, когда Вэ.

Чечин

Свалил на череп мне

брусок,

Ответ был нежностью

отмечен:

«Сними, пожалуйста,

дружок!..»

Там Рукавишников ворота И там, и сям наворотил. Там Полторацкий крышу

крыл –

Да так и не докрыл чего-

то..

Там у колоды Федосимов

Шедевр творил из

древесины,

А взглядом он из-под

очков

Весь день смотрел-ловил

сачков.

Там рядом дед Мицай и

Зайцев

Живут сложней самих

китайцев:

Покуда Саша вырезал, Мицай топорик своровал...

Одним из главных контрабасов

Ночных курений — Ю.

Гридасов.

Изобразил он крокодила, Как говорят, в чем мать

родила...

Бугор там голосом

келейным

В трусах хоккейных иль

семейных,

Едва зефир прогонит

тучку,

Организовывал летучку. (А чтобы поддержать

накал, плана И Ёжиков, и Бабаханов! Он в час обеда исчезал.) Алексеёв, что был А также целую неделю бугором, Там Слава был при Как Алитет, уходит в горы, трудном деле. Оставив сказочной всей И не одну рабочью смену Достойно отстоял рати Разворочённой бани Письменный! Потом на рамнике клал кратер... Ох, эти, эти мне оотъезды, стенку Приезды, съезды, Товарищ Вова переезды! Бондаренко. Вот едут суперветераны, Он молод был. В трудах Вот едут ультра СэСэО, кипел, Осуществить чтоб наши И громко с Люсей песни планы. А что такого? — Ничего. И улетать не захотел... Ведь знают, что у нас не (Но тем не менье улетел, Крым, Поскольку много важных А едут. Вот в работе дел). Срым. Но я опять к своим Галым с друзьями строит вернусь. Что там за молчаливый Здоров Галым! Согнет и гусь ломик. На рамник сумрачно С ним рядом доктор стремится? -Вэ. Евдокимов. Он боится, Ситникофф, Целитель шизофренников. Что Ефимков ему Он доказал в один момент, приснится. Что каждый пятый член Имен, друзья, у Ефимкова, Мильон: Боб, Соня, отряда -Его надежда и отрада, Владик, Вова, Потенциальный пациент. А имена — так может Всех перечислить нету статься сил! Нам для отчетов Ах, кто там строил, кто пригодятся. там был! Потемкин Боря. Добрый Ты мне, приятель, не малый. поверишь -В обед поспит он для Там гвоздь забил товарищ начала, Вериш! Потом поест, опять поспит И по проценту дал сверх

А после уж бетон долбит. нейдет, Бетонщик старый — Вэ. Еще одна эмблемы шьет, Два журналиста пьют Козлов. Долбит бетон без лишних компот, Две поварихи рубят мясо – И землю роет, точно крот. Рабочей силы прорва, А у костра откроет рот масса! Весь собирается народ, Вот это ритм! Вот это да -И жители, и ветеране, Организация труда! И бодро тянут: «Гей, И, наконец, апофеоз! цыгане!..» Ах, наш Сергей, какой Уж за полночь. Народ с колосс! Сумел орбиту закруглить купанья Везут шоферы-ветеранцы. И космонавта приземлить Аж с вечера, не поутру – Жучки устраивают танцы У лекционного костра. Прям к ветеранскому Отбой! И мне кончать костру! От всех пелинных пора. Про что сказать забыл я? ветеранов Привет тебе, о Сарафанов! Производительность труда Ну ж был денек! Полы В отряде нашем — хоть натерты, Надеты брюки, а не Однажды я после обеда шорты. Проспал. Проснулся! И Разлит повсюду хлор, тогда На всех обуты мокасины, И из ценнейшей древесины Открылась странная Горит, горит костер! картина: Назавтра были все готовы (Не верю! Что за ерунда!) Рабочий день в разгаре Рабочий день затеять самом, новый А в штабе, рядом с И до конца стоять... комиссаром Но зазвенели вдруг Сидит завхоз, а также стаканы врач, На дне рожденья Считает что-то психопач, ветеранов -А пара суперветеранов Сухой закон забыт... Себе залечивает раны. Я пью, друзья, за чувство Рисует мастер меры, За ветеранов-пионеров циклограммы, Вулканом Алексеев бьет, И за здоровый быт! Что рисовать никто

Приложение VI. ВЕТЕРАН-30

Проблемы есть на белом

свете -

Во всех они отозвались И в первый раз отцы и

дети

(Или в последний?)

собрались...

А в жизни так уж — либо-

либо –

Орел иль решка, клад иль

шиш:

Иль ты под глыбою

лежишь,

Иль сам себе поставишь

глыбу!

Здесь в это лето

тридесятое

Мы бодро высыпались в

мир

Неоперенными гусятами, Еще ни в чем не

виноватыми,

И Чечин выстроил сортир.

Виной всему был Литвиненко –

Поэт целинного труда.

Куда б не двигались года,

Как ни ломалась бы

коленка,

Как ни томила бы икота Порой директора с утра –

Его звала тоска почета

И вновь в те степи

привела...

Теперь ему и черт не брат

_

Стоит вальяжный

демократ.

С Серегой вместе в это

лето

Пришли в священные края

Антон, Борис, а также

Света —

Героя сборная семья...

А вот, вглядись, узнай — а

BOT

Для командира антипод,

Смягчающий лихой удар – Широков, вечный

иомиосов, в

комиссар,

Он в это лето с сыном зван

_

С тех пор и помнит вся

Россия,

Как все проблемы половые

Познал взрослеющий

Иван.

Астроном, гастролер,

Пеле,

В бетоне весь, в дерьме, в

земле,

Могуч, красив, как солнца

свет,

Грищук приходит на обед.

А с дочкой малолеткой

Апей

Мы все с восторгом

рисовали.

Мудрил, дымил, как

паровоз,

В работе знал лишь

«майна-вира»

А дочка — как кусочек

сыра –

Тихоня, а бренчала лира...

Исаков, раз возник вопрос, Свою веснущатую Иру

На всякий случай вмиг

увез.

Наверное, известно вам:

Он, Швом, всегда трещал

Зовется Валентин Петров! по швам, За дочерью голубоглазой И на бетоне надломился, Однажды он не уследил Но рассмеялся, не И поздно ночью горькой разбился. Всегда он выход находил: фразой За опоздание корил... Артрит, подагра — ох, не Покуда с дочками ругались ласка! Сев в инвалидную коляску, Наш Швом наличники Росли дома. Пред вами их пилил... этапы. Пока он там пилил под А это Чечин-гвоздодер, грушей, И сын Сережа — прямо с Являлась на берег Катюша гор. Могуч. Белёс. В делах Как явь родительской размерен мечты -И дьявольски самоуверен. Она, бегущая галопом По крыше, как архар, В концерте, или ходил, Покуда вниз не угодил. землекопом, Как гений чистой красоты! Но только крякнул, тут же По виду — вражеский встал, И с крыши Канера послал. агент, По сути — старый На пиво смотрит он игриво декадент, Сереже не давайте пива! Поэт, не знающий основ – Короче, Гена Иванов. Вот новоявленный студент Нет, в нем изъянов не ищу: Фракционера злую волю Вот гений будущий И всю гнилую мехмата. сердцевинку, И папа млеет виновато И даже спертую машинку И отпускает комплимент – Я за одно ему прощу -Когда Сашуля на висок За дочь его, циркачку Папуле скидывал брусок. Администратор встал к Толпа казахов замирала станку! Шекшеев в руки взял (И видно, так стоит каркасы – поныне Когда в рискованном А Петька-сын, отца бикини подпасок, Венера гвозди забивала! Отцу не подавал руку... Кряжист, надежен. И (Отцы не только стены суров. крыли)

Но труд — основа бытия: На «Зиле» с грузом Потом с объекта уходили прикатил – Они, как лучшие друзья! Три тыщи он кэ.мэ. Яхтсмен. Отец. Хороший покрыл -Не мыт, не брит. Глаза лектор. Он был опалубки горят: Давай семейный мне директор. Бетона Юра кубатуру подряд! Упорно гнал, и без затей,.. Не бойсь, за мной не А сын, один из трех детей, заржавеет! Был одиозною фигурой Я, может, этим знаменит – (Или казался) лишь в А если Митя заболеет, Его Анюта заменит! начале... Но волны гальку обкатали В плаще вобще он как комбриг. Их все с любовью Но это Комберг. Он возник Вдруг как явление в степи. провожали. Вот наш японец — Во-ло-А вместе с Борей — дочка Лера. Глаз специфичен, очень Ее любимая манера – меткий -Ночами в темный пруд Миллиметровщик без нырять. И каждый раз часы терять. рулетки Не станет забивать гвоздя! Нырял Сергей, как Сын Саша у него хвостом, крокодил, И за отца он станет Часы в минуту находил. Давным давно пора понять грудью! Зачем им бронзы многопудье Валеру не дано унять! В мужском сообществе Всё глубже в даль уходит святом! детство... Два квартирьера — Миша Удел наследников не с Гришей. прост: Пусть так и не дождались При Грозном задница крыши, наследство, Пусть Миша конкурс При нас наследство — псу анекдотов под хвост... В итоге так и не провел – Но это к слову... Запечатлело четко фото Сын в полку. Наташа Кто нас к большой победе рядом, повариха, И Лиза — прачка и Любя гитару и футбол. врачиха.

И если можно так сказать, Мы все трудились понемножку... А Лиза норовила ножку Из под халата показать... Наш фотогений — Вэ. Шарапов. Сын Лёша — славный футболист. Копал, опережая папу, Мяч посылал — в сухой лишь лист. Однажды Леша потерялся За кирпичом поехал. Смел! Отец едва не поседел -И, выпучив глаза, метался По всем объектам — бел, как мел... Нашелся сын! Отец остался Брюнетом. Но слегка вспотел. Любому в глаз смотри мужчине — Реликт. Философ. Грамотей. По той или иной причине Они явились без детей. Вот Владик. Тем он знаменит, Что все смотрел в теодолит. Вот Крекотень. Он футболист, К тому ж с годами полемист. И в напряженные моменты Считал кувалду аргументом.

Вот Васильцов. Сплошной

укор —

Не едет сын. Погиб трамблёр. Ну прямо кругом голова! А соло пел — забыл спова... Вот Алексеев. Спорщик ярый. Изобретатель, Архимед. Казахи звали: Старый дед, Иль аксакал, иль шкипер старый. Сидякин Саша мускулист. На кладке фундаменталист. Он тихо-мирно камень кпап – Козла никак не отлавал. О, Лида! Наша кухни муза! Кандидов — он глава союза. Был бригадир, стал звеньевой. Куда приводит жребий твой? Был тверд. Столбы под лаги клал, Девчонок грузчиками слал. Хороший стиль, и верный Воспринял ихний сын Антон. Вот Аня-дочка. Айкануш. А вот Азим — двугорбый муж, Но очень любяший отец. Он камни ел, как холодец – Ему лишь только подавай! Красив, как хлеба каравай! Вот два красавца встали в

Могуч. Вонюч. И волосат.

Великолепная четверка! Ну так и тянет крикнуть: «Горько!» Семья Руслана. Галя. Лена Красивы. Лихо ставят стены. Попала Лена на физфак. А вот еще забавный факт: На время Дима укатил, А с ним Руслан — его женил, И снова в степи прикатил. Спешил, болтают, он, Чтоб новой свадьбы не сыграть! Танюша — на кухне. А Умчалась далеко-далеко, И всех мужиков заменила Она на растворном узле... Откуда берутся в ней силы? -Ложится в предутренней мгле, Встает врменами. Не ноет И маму весьма беспокоит... В казахстанском, брат, На растворном на узле, Ну, скажу я вам, дела -Запевают два козла! Пусть вас не обманет, друзья, оболочка! Вот Феликс Саевский и Шурик-сыночек... И Феликс унял свою прошлую прыть: Он в сына ушел. И крепился, как мог -

Словечко дурное читал между строк, Себе он лишь крыши позволил покрыть. Приехал раньше Леша. Позже — Юра. Но Юра позже Леши улетел. Справлялся сын с любым из сложных дел, А папа в кладке — крупная фигура. Шикарен Шикин. Только что-то, Справляя тонкую работу, Мрачнел профессор на полах... А дочь Гузель, отбросив страх, Вся в милых радостях, делах, Нахохотавшись до икоты, Ночь отменила в пух и прах! И знает лишь один Аллах Про девичьи круговороты... Бригадир. Словами ясный. Профиль — из «Калины красной». Рукавишников прекрасно Строил многие дома. Жизнь, как жизнь. Сложна — весьма. Миша-сын у Срыма в банде Загрустил. Но на веранде, Взявши в руки молоток, Влился в мужеский поток, Семь потов с себя отжал И грустил, что уезжал...

Отец — мудрец. Сын — А Лера — конечно, любимая дочь новичок. Сын — инок. А отец — Свободным художником дьячок. (Простите, так смотрелось Во взгляде — воля. Мышц фото.) налив. Сергей Чекалин без Вэ. Орданович — не компота Сизиф! Большой обеденной бадьи Напрасно воду не мутит. А что он делает? — Бутит. Не мог решать дела свои... Сын Костя — не Как камикадзе, Женя-сын абитурьент, Себя у Рощина нашел, А первокурсник-И с шифером — ну как математик, орел – Ходил по жердочкам И на гитаре в сей момент Сыграет юный наш босым. Вот Гриша — гений романтик. Их тонко чувствую нутром ремесла! У Рощина — большая Ведь всяк Чекалин в силе... сипа! Жена французского посла Две гитары за углом Жалобно завыли... Его на крышу не пустила. Юра — ох, фигура! Он, раздвигая ковыли, Люся — в нашем вкусе! Высоткой управлял с Женя — вся в движенье! Земли. Отец все решал половые А сын — подручный, милый Паша – А мать шпаклевала углы, С ним варится любпая каша! А Женя с ума тракториста И снова — папы-одиночки. свела. А. Рощин — старый Но все ее мысли светлы. верхолаз. Вот детскую банду Как Диоген, прожил он в возглавивший Срым бочке, На сказочном на городке -Не улыбнувшись — ну ни Уменьем своим и стараньем своим Лексей Толстов, Беляев Он к людям входил Едва заданье получив, налегке. Ныряли в творческий За сердце порою хватался — невмочь заплыв, Бывало — такие дела... И выполняли, даже боле...

Из них двоих воскликнул Всех девок убери с объекта! Невзоров. Он в душе — Ворчал порой. Ведь жизнь не сладка! Стихией оказалась кладка, В ней тело млело и душа... А это — ждановский Роден! Храпун-ваятель. Ю. Гридасов. Он к бармалеям высших классов Имел в душе левацкий крен. Старался из последних Но Канера не выносил. Был Володя в Коктебели, Средь писателей и чтиц. Его мысли задубели От разглядывань лиц... Лошадиной силой был... Лена сделала не мало – Экскаватором копала... Ну откуда столько сил! – Дядь Валера научил... Прораб и любитель кумыса, Носитель новаторской мысли. Пэн Игорь Петрович. Герой. Само воплощенье терпенья, В два ночи проснувшись

от пенья,

долой!

Воскликнул: Козлова

Жена, Марина, — если надо – Нас выручала маринадом. Боцман. Шкипер. И завхоз. Рядом с ним Димуля рос. Отец — могучий, бородатый, Но не был никогда поддатый... А сын — от песен аж балдел, Но сам их никогда не пел. Вот основа для успеха. По земле кружится эхо – Смехов, Смехов, Смехов, Смехов. Митя, Лена, Миша, Гена – Все работают мгновенно. Шутки, ржанье, топот конский – Александр Марадонский. С ним Еленский Вольдемар Ест родительский кошмар... Но не зря прошла работа – Оба у Тоски Почета... Кудрявцев Евгений -Наш местный Эрзя. Назвать его гений? – Так меньше нельзя! Сыночек Сережа. Он рядом с Эрзей, Сам вырезал рожу, Увлекшись резьбой. Валера Рагульский Дочурку привез И ейной гитарой Встревожил совхоз. Знакомое дело – Младая пора. Гитара гудела

Попов. С утра до утра... Опять сплошные мужики -В работе не давил клопов. Радиорубщик Коля, Старался он, что было сил, Прощал любые всем грехи, Когда и ногу отдавил! Окроме алкоголя... А вот ничей Матроскин-Банкузов. Нам придатый Буров. Любимец местной врач. Сначала он понесся вскачь шантрапы. Он даже вырезал фигуры И задавал нам всем И очень много съел крупы. вопрос: У вас порок или понос? Мильто. Саевского Потом на местных двойник, То бишь достойный перешел И к ним в доверие вошел. ученик. К нам приходил лишь по И каждый наш боец гадал: Ну чем его Саевский взял? ночам -Как и положено врачам. Вот Паша — Крекотеня В. Гущин вроде с нами тень. Работал дружно целый А сам с мешалкою дружил. А чем еще нас удивил? Ему для ей ничто не жалко Он всех тарантулов Ах, милая бетонмешалка! словил. Художник Саша — У командира много сил -Он не тарантулов ловил... оформитель. В отряде был сухой закон, Когда трудился — рядом Самим Серегою зритель Его стамеской любовался, введенный... Его приемам обучался. Но в солнцепёке Вот Боря Суздальцев полудённом всё знает. Он вышиб дно, и вышел В работе он себя ломает. BOH -Нет, не работает — поет! И командиров пригласил, И тьму советов раздает. И вместе с ними закусил... Поймешь всю прелесть Понять их можно. Столько права вето, пет Когда забьет фонтан Прошло. Не деться от советов! судьбы! Мы раньше не поставим Они возглавили штабы, точки: А кое-кто и комитет – Пред вами дети-одиночки. Ну как осудит ветеран Достойный сын отца — Бальзам на швы их старых

ран!

Два месяца, как два часа, В степи стремительно прошли...
Поют в лесочке голоса –

Поют в лесочке голоса – Мы снова к глыбе подошли...

И вспомним мы — пройдут года – (Они всегда пройти стараются)

Не повторяется, не повторяется,

Не повторяется такое никогда!

Порой взрываясь, как

тротил, Всё это Срым наворотил...

Фотограф рядом. И поэт у ног твоих. И что нам надо, Надо — на троих?!

Приложение VII. УСЬВАЕНИЕ

(музыкальнодраматический отчет о байдарочном походе физиков по уральской речке Усьва во главе с известным советским путешественникомсамоедом, с. н. с. ФИАНа Валерием Андреевичем Чечиным)

Глава І. Выход на режим

Последний раз допито пиво, А с рыбой — может, повезёт...

Завхоз Люси речитативом Ведёт финансовый учёт. Начальник Чечин спит на полке.

И прячет карту на груди... Коми-пермяцкие просёлки И, может, волки впереди. Там, среди топей непролазных,

Нас ждёт палаточный ночлег.

Здесь — тридцать упаковок разных

На десять разных человек. Озёр и рек иссохли чаши – Жара. И вид на урожай. И машинист по просьбе

нашей

Привстал на станции

Визжай.

Притормозил на полминуты –

Мы, как десантники, пошли:

пошли

Байдарки вниз летели

круто –

На сорок метров полегли. И чудом-юдом всё успели, Почти не понеся урон... Почти у цели. Плотно сели В отдельный мягкий спецвагон.

И в гор уральских сердцевину, В таёжный непочатый

край

Единственный вагончик двинул

Двух дизелей тянитолкай...

Была жара. Дожди не шли.

Байдарки на себе несли...

1. Колодяжная сага «Уральский караван». В первый день привычно Люсин Слышен голос боевой – Яки посуху, по Усьве Тянем лодки бечевой. На второй разверзлись хляби – После завтрака, с утра. Как в Маниле иль в Пенджабе – По утрам комар кусает, Прибывает всё вода... Чечин чем нас подкупает? –

Тем, что водит не туда! Нет, не Истра, не Торопа, Эта речка — новый класс! Справа Азия. Европа Слева мчится мимо нас. Карта Чечина гадала – Нам сухой порог встречать. Петрографию Урала Будем лбами изучать... «Тормози, Сергей, направо!» – Женя взвыл, как горный сван.

А Марина вяжет саван Сразу на весь караван. Впереди, как на картине, Понаддув с трудом борта, Канер плыл с Наташей Тиме В неизвестные места.

В неизвестные места. Вслед на свадебной байдарке,

Философски не ропща,

Полищук, не выпив старки, Лодку внукам завещал. Жизнь мазком ложится крупным — Это вам не группы Ли! Скоро кончатся все крупы —

Дальше трупы будут ли? Люся Женю уважает (Как противника в войну) И за борт его бросает В набежавшую волну... Я страдаю, как скиталец. В жажде видов отощал. Чечин всем нам чёртов палец Меж других двух обещал.

Вот он с Леной в скорбной молчи
Замыкает караван...
Всё равно поход закончим, Посетивши ресторан!
... Но пока от ресторана, Где вино и шашлыки, Отделяют, как ни странно, Сто километров реки.
А у реки — ужасный нрав: Ручей забился в исступленьи, Вот слился с рукавом

рукав, И угрожает наводненье... Встречаем в жизни не однажды

Метаморфоз подобных жуть:

Боялись умереть от жажды,

Теперь боимся утонуть...

2. Вечернее дождливое

чечено-самоедское. Два перехода до победы, А от беды — один пропил. Уже кедрач упал на кеды, Что у палатки я сушил. Уже подмок последний порох, И влажно давит тишина. Уже ко мне, скрывая шорох, Клонится пьяная сосна. В Баку в шесть метров наводненье -Вешают ночью голоса⁷⁰... А в это чудное мгновенье Ручей на метр поднялся. Уже давно утихли споры -На всё согласная она И ждёт волну в палатке скорбно,

Как Тараканова княжна... И нам не деться от идеи – Ночлег, ковчег, Голгофа, склеп...

От плесени, как иудеи, Мы обрезаем мокрый хлеб.

Уже от влаги куча тварей Шабашный водит хоровод. Уже и хариус — вот харя!

Не виден между мутных вод.

Уже несёт меня по ветру, А кто-то воет из кустов, И скоро восемь километров Тех обозначенных крестов. Уже на скалах пишем имя — Здесь мы брели, невесть куды... И нам — чего уж там, сухими — Вообще не выдти из воды!.. Но что спасает-выручает, Когда вокруг стихии жуть? Нас плыть никто не заставляет — Мы можем просто повернуть...

3. Полищуко-Маклайская ида (или ода???). Мы не туристы — им норд-осты, Рекорды, кроки подавай – Мы путешественники просто, Ну, как Миклуха и Маклай. И нам маршруты — не обуза. А что нам главное? — Покой! И мы, как Робинзоны Крузы – Свернули шмотки, и домой... Над нами карта не довлеет, Ну разве если с дамой пик, А если лошадь околеет – Не стать Пржевальскому в тупик! Он лошадь новую откроет, И даст ей имя:Россинант, Как Дон Кихот, усы поброет

⁷⁰ «Би-би-си» и «Голос Америки», которые мы преступно слушаем по вечерам. — *Примеч. ред*.

И новый вскроет консервант... А если одолеет скука, Бивачный надоест уклад, Не испугаешь Джеймса Кука – Он повернёт штурвал Пусть нам пороги не по росту -Мы не заплачем: ай-яй-яй! Мы путешественники просто, Ну, как Миклуха и Маклай. И если брать нас всех до кучи, В аспектах нашей кутерьмы -Как Америго мы Веспучи, И как де Гама Васька мы. Пусть не открыли белых пятен – Зато не ставили крестов... И мне в Москве ну так приятен Мой сохранившийся остов! Но чтоб остовы, сохранились, Чтоб сил хватило на Столбы. Едва мы в дождь остановились,

4. Тиметическое эссе «Следопыты»
Он сразу после завтрака исчез –
Кругом шумел сурово брянский лес.

Пошёл Евгений по грибы...

Точнее, лес стоял уральский там. За ним пошли девчата по следам. Наташа, самый главный следопыт, сказала – «Вон ногою белый сбит!» Марина — просто Кожаный чулок – Сказала: «Здесь присел он под кусток!» Вот след! Сапог! Портянки вон шмоток! Видать, в неё сморкнулся, как в платок... А вон, гляди, дымеется вдали! – Ну что ты, это ж козочки прошли! Уже и Люся не смотрела вдаль И примеряла тёмную вуаль. Уже считала (сколько слёз не лей!), На сколько не отксерится⁷¹ рублей. Короче, все леса вокруг прорыв, Они пришли, сказали — Женя жив! И тут же он явился, как Христос, И куртку подосиновых принёс... И грибы поевши эти (Подчистую всё смели), Наши доблестные дети

⁷¹ Отксериться — снять ксерокопию (новославянское).

Пузом книзу полегли... Кто-то ставит рыбе сети, Кто читает «Группы Ли».

5. ПапуЛино-МамуЛино-СашуЛино оно. Вундеркиндом он родился Возле Лейпцига, вдали. Через город весь возился В детский садик в группу Ли. С той поры года уплыли, Но остался интерес -Ко всему, чему учили, Ли прибавить, как диез. Ой!- кричит мамуля. Ой ли?- вопрошает, ставя знак. Стой! – кричит мамуля. В стойле не могу стоять никак! Пой!- папуля просит. Пой Всё сомненью подвергай! Пей! — зовёт папуля. В пойле До сих пор не вижу кайф. Так всегда — глазам не веришь -Подрастает молодёжь... Ты добро упорно сеешь,

6. Серёжин хариус (зарисовка)
Тормози — папуня мне орёт — лаптей!
Я весло, как якорь, в воду — и стою...
Так крутнёмся мы на месте раз-другой,
И опять уже в

А совсем другое жнёшь...

кильватерном строю... Мой братаня вдруг женился, чудак -Видно, кто-то подцепил на крючок... А меня-то не подцепят — я рыбак! Мой девиз — ручейник, спининг и сачок... У меня с утра ужасный был клёв. У меня к тому ж вполне спокойный нрав. Кличет хериусом мама мой улов -А ответ детсада: Вася, ты не прав!.. Дети, кров, родная юрта Бесконечно дорога.... От величья до абсурда, Как известно, два шага. Солнце темя припекает, Изнуряя организм, И к поэту прилипает Липкой лентою лиризм... ЛИ-ли-рическое отступление. Ливень лился лирой Листа, Липкий листопад... Литр за литром лицеисты Лижут лимонад. Лихо линия лимана Линчевала лис... Лизоблюд ли из Ливана, Или блюдолиз? Лилипуты-акмеисты, Лига лилий, лип... Лихорадят ли лингвисты Литургии лик?.. ... Всё вокруг располагало Верить в словеса, И природа предлагала

Горы и леса
Ну как неистребимо вечен
К прекрасному в народе
вкус!
В тигровых плавках вышел
Чечин,
Сморкнулся смачно в
перекус...

7. Марш Мендельсона «Сатиновый рай» Мой милый по-французски ни бум-бум. Он думает, что их скала ля скала... Он не повёл меня на свадьбу в ГУМ -Поплыл со мной по Среднему Уралу. Напрасно говорить — Кома сова ж? — ??? Он всё равно в ответ осину Мой милый из рубашки сшил шалаш, И днище прилепил из стеклоткани. Мой милый очень ценит наш роман! Не полиглот, но и не чужд дизайну – Из старых плавок на бок сшил карман, По-ихнему лишь зная: вира, майна! Мой милый, может, малость молчалив -Зато он любит странствовать по свету... А то, что он сморкнулся в коллектив -Не принимай за чистую

монету... И вновь за ним вступаем в речку Лету, Пусть не приняв за чистую монету... Но что с того? — И смех, и грех сквозь слёзы, Когда поток вас тащит под берёзы, Как будто снова новой жертвы просит И сходу вас стволом берёзы сносит. Жестокие, как крымские татары, Стволы осин ломают ствол гитары... Перелезаем через трубы, дамбы, Где, кажется, ещё чутьчуть — и амба! Вот по щеке хлестнула ветвь куста, А вот на вас стремится бык моста, Вот, стукаясь бортами о простенок, Впадаем в элегический оттенок...

8. Золотая ты моя элегия... (под маринадом) Ой, ребята, золотые — я боюсь! Там, в Баку, на метров шесть подняло... Вдруг и к нам дойдёт, и я растворюсь? — Поплывёт венком по речке весло... Не трусиха я. Напрасно не злюсь.

Я видала кой-чего, на веку! Я Отряскиных⁷² с ружом не боюсь, А на эту б не глядела реку!.. Золотой ты мой, ты мой золотой! Ты послушай, как там речка свистит! Не мотай своею лысой головой -Ведь совсем не всё то злато, что блестит! Говорила ж я — на Белую пошли! Там, на Белой, я была бы А что Чапаева там белые взяли -Так тогда ж, мои, гражданская была! Золотые вы мои, что скажу Если только доплывём мы домой, Я вязать на много лет завяжу, Золотой ты мой, ты мой золотой! А золотой байдарочку жалеет, Тележку от которой потерял, И по камням бредёт всё тяжелее Стреноженный наш контрадмирал.

9. Капкан. Рондо каприччиозо Зачем связался с вами я в путину? Зачем связался, не возьму я в толк! Я, словно папа Карло Буратинов, Из брёвен мог нарезать целый полк! Зачем одел я синюю кепчонку С загадочною надписью «Речфлот»? Зачем забыл про старую печёнку И с вами ем консервный антрекот?! Да я грести могу лишь только прямо! Река змеёй. Ну как по ей грести?! А на корме мой сын. А между — мама. Ну как тут душу, как тут отвести! И, стиснув зубы, я роняю слёзы, А слёзы в воду капают кап-кап... И вдруг я вижу мощный ствол берёзы, А на стволе — того мошнее кап! Скорее приставайте, капитаны! Я жизни оправдание нашёл

И выдолбил кровать, и под

каштаны

⁷² Братья Отряскины — бывшие десантники, любители пьяной езды с ружьём на мотоцикле, милые дачные соседи.

В Неклюдово⁷³ поставил и расцвёл...

Глава II. Вибрация

Ах, до чего во снах просты О тихой пристани мечты! Нас переносит без движенья На сотни вёрст воображенье! А если парочку-другую Разок налить, потом другой? -Об этом Чечину толкую, А Чечин — как глухонемой!

Монолог Чечина о силе воображения. Считай, что я тебе уже налил. Считай, уже четвёртую рюмашку. Считай, уже ты килькой закусил И корочку понюхал, как ромашку. Ну что тебе бы не вообразить, Что мы с тобой вторую раздавили И начали тихонько голосить, Какими мы когда-то где-то были? А зенки протерев,

вообрази, Что ты вчера глотнул изрядно зелья, Не зная как, домой пришёл в грязи, И голова трещит, как от похмелья... Но не трещит с похмелья голова, И не сжимает сердце от тревоги, И ни к чему ненужные слова – Настали долгожданные пороги! *

Я знаю — если поперёк потока Меня поставит, будто в горле кость, Поток байдарку заглотнёт жестоко И к камню припечатает, как гвоздь. За поворотом — тихая лагуна, Но камни-пики взяв наперевес, Кипящие, ревущие буруны, Как конница, летят наперерез. В обход я вправо корпус лодки двину – Успел, ушёл, по краю пронырнул! Но как противотанковая мина, Валун меня на взлёте тормознул.

И вновь байдарку с места я

Неклюдово заброшенная деревня, гле Отряскины живут Кудрявцевы.

не строну, И зная — на войне, как на войне, На камне круговую оборону Я занял в окружающей вопне. И солнцем ослепляясь на За жизнь цепляясь посильней клеща, В атаку я бросаюсь на фарватер, Каменьями по днищу скрежеща. Иль грудь в крестах, Иль громко хлопну дверью -За всё, что накопилось, заплачу!.. Ломая вёсла, как теряя перья, Навстречу тихой заводи Вот встали в тихой гавани палатки. Вот в сауне попарившись На днища мы поставили заплатки И не спеша играем в дурака... Куда вся злость, куда усталость делись? Разнежились, расслабились, разделись... Ах, мода, мода! Мода -да! Когда-то ездили на тройке, Теперь в порядке перестройки По-русски говорит Бурда.

Быть может, в этом есть

вся суть – Но странно Люсю вижу я: Одна — оранжевая грудь, Зато другая — рыжая...

Крик. Песнь Сольвейг в исполнении Люси. Напротив утёса, чуть выше покоса, Она кейфовала в парной – Спелее кокоса, ядрёней матроса, С самой соревнуясь луной. Напротив утёса, решив всё колёса! И мужа-барбоса забыв, Звала Арамиса, Атоса, Портоса Примчаться на этот мотив. Напротив утёса, где изредка осы, Вас в голое тело взбодрят, Она горевала про девичьи косы, Что где-то в анналах лежат... В который раз — рассвет, закат, И вновь — порог и перекат...

Мелвилл-Полищук. Охота на китов (трио для альта, скрипки и древесина) Я на носу, во весь я рост, В руках — гарпун-весло. Где кит-валун вздымает хвост, Туда меня несло. А вон касатка, как змея, Крадётся, ё-моё!

И как победоносец, я В неё вонзил копьё! Сойдёт с тебя тут сто потов -Вода от них кипит! На километр — сто китов, И каждый норовит! А у меня байдарка-рвань, И книзу тянет груз... Мне ваша не нужна ворвань, И ваш китовый ус! Я на носу, я так привык, Чуть что — весло в бурун! Вот Белый кит, вот Моби И я всадил гарпун! И точно как в романе том Не вымысел, а быль: Напрягся кит, взмахнул хвостом, И сделал оверкиль... И вновь таёжная стоянка, И вновь не выпитая пьянка. И вновь вещает Би-би-си, Что там творится на Руси..

Глава Ш. Амфитеатр

Выдь на Усьву! Чей храп раздаётся Над великой уральской рекой? Этот храп у нас песней зовётся — Это Чечин ушёл на покой. Я был доверчив и беспечен И в тот отправился поход, Где командир Валера Чечин

Уморит голодом народ. Я третьи сутки голодаю И у берёзова ствола, Себя жалеючи, рыдаю, Что нет ни стула, ни стола. Не то, чтоб я теряю силы – Я кое-что ещё могу! – Но жизни хочется красивой, Где место есть и для рагу. И просто действует на нервы, Порою вызывая шок, Что в изголовии консервов Лежит у Чечина мешок. Ведь, экономя сухофрукты, Мечтал завхоз, не тратя Чтоб привезли в Москву продукты И ели их до сентября... Грибы и ягоды созрели, Как наст, лежит малины пласт -Пусть хлеба нет, зато тут зрелищ У валунов большой запас... Вали сюда! Гляди, ребята! Байдарки косяком летят! Что там Балтийская регата Престижней Усьва всех регат! Там, где в лесах оленьи панты. Там, где порог и водопад – Идут упрямо дилетанты,

По большей части наугад.

Плывут кастрюли,

Консервов, вёсел

балалайки,

ледоход... немножко Поддатый парень в И чуть ополоснув оскал, Наш Чечин — нет, не за красной майке Взывает тупо: Где проход? картошкой – Вот два упорнейших А у подножья диких скал атлета Отважною лесною кошкой На камень сели на века... Он на вершину путь искал... Мы — как в театре Стоит себе гора Бассег. оперетты На всё взираем свысока. Вокруг — некошеные Глянь! — восхищается травы Марина – Дают лекарства для аптек Тот, в красной майке, И для несчастного затонул! отраву. А вон, гляди, плывёт Там заповедник. Тишь. перина, А вон, гляди, нырнул баул! (Но правда, злоязыки Ещё один по камням бают,*: Что ночью скалы Глубоко режет борозду, раздвигают И тихо плачет: Где тут И сопла огненно поют)... наши? -Итак, силён в народе зуд, Вернее, страсть сильна в Да вон по берегу бредут! А вон, гляди, плывёт мужчине, Уж если он сюда попал, дедуля! Да на байдарке, не в воде! То след оставить на Вон два лося валун вершине, На которой ещё не бывал... свернули И чешут дальше... Где же, Но щука сторожит не зря -Чтоб сонно караси не Хохочем мы, в театре сидя плыли... Сказать короче — егеря Уж так ведётся на веку: Туда их просто не пустили. В своём глазу бревна не Но если уж в народе зуд -Они Столбы глядеть видя, Чужому рады мы сучку. ползут. Мы сами давеча промокли, И мне за ними не поспеть Едва на дно-то не пошли... Остался, чтобы песнь Но театральные бинокли Сейчас бы очень допеть... помогли!.. Тут сухарей кулёк А утром, глаз промыв неполный,

Тут о заре прихлынут На брег песчанный... Из лагун Семёрка витязей голодных Приходит от Столбов холодных. И с ними Чечин-топотун. Всем жарко. Все надели плавки. Залезли в воду, как моржи. Кудрявцев, как начальник главка, На камне мраморном И с гор спустившись, на лету Наводят дамы красоту... Мне в жизни ничего не И радостно сопит ноздря, Когда Марина, как русалка, Японка как с календаря, Распустит жгучие кудря – Цыганка? Фурия? Вестапка? (О всех поэтах плачет палка.) А солнце всё жарит, а солнце всё шпарит -Вот-вот — и растаю, ейей! А Чечин в осоке сварганил солярий -Воркует с голубкой своей.... Ну просто загадка, и нам не понять -Ну как этот ворон могёт ворковать? Вопрос, впрочем, вечен —

любовь-то ведь зла! И разве наш Чечин похож на козла?! Нет, не похож!Ну разве на apxapa, Что гордо по горам несёт рога... Консервы съедены. Обглодана гитара. И кед уже воспет, как курага. Меня сшибают даже мухи, Когда встречают на пути. И с голодухи к молодухе Не смог бы нынче подойти. И кушать мне как-то неловко – Блины не имеют цены: Марина с больною головкой, Стеная, лепила блины. Наташа ей тесто месила, А боль отражалась в лице. Наверно, двух дам укусила Единая муха ЦЕ-це. Вот Люся вмешалась, и снова Весёлый запел огонёк... С больной головы на здорову Струился костёрный дымок... А утром снова день тревог, И ждет одна из трёх дорог... У дороги Чечин, у дороги Чечин – Он кричит, волнуется, чудак: Время не теряйте, вещи

собирайте,.

Ведь и так, и так, двенадцать ведь и так! Ты не бойся, Чечин, не грусти, помятый — Мы твоих не тронем сухарей! Пусть вода спадает, пусть хоть всё съедают — Ну никак, никак не можем мы скорей!

*

* *

Вода упала. Лодка встала. К воде дорога подошла. Марина свитер распускала. Малина залежью пошла. И ваши все стихотворенья, Ничто в сравнении с вареньем! Горит надья. Висит бадья. Марина пенки подъедает, А все малину собирают – Не собираю только я. А Чечин с Женей с утречка Приносят хлеба три мешка. Руками всплёскивает Люся: Ну дурни, господи Исусе! А Чечин — так трухлявый пень! А мой — так просто гад ползучий! А если нас отрежут тучи, Так где пшено про чёрный лень?! Ты сдохнешь — Бог тебя прости! А сыну надобно расти!... В глухой траве поэт московский

Настроен очень

философски. Преодолел мильон преград Горящий взгляд и мокрый О дети, дети! Жизни цвет! Голодный думает поэт, Жуя солёную рыбёшку, Что зайчик⁷⁴ на червя поймал... Да если б с пивом — он и трёшку За рыбку дивную отдал... Но пива нет — грустит А в чём, однако, детский пвет? Марина в ярости дрожит, Что зайчик вновь с немытой шеей. И Люся, как Бардо Бриджит, Визжит, что от сынка дуреет... А Полищук байдарку И хладнокровие хранит. Сашуля логикой владеет, Формальной логикой сполна: Определи мне поточнее, Папуля, чем важна она – Случайная величина.... Папуле вскоре не нужна Ни жизнь, ни слёзы — ни хрена, Ну разве что одна луна,

⁷⁴ Примечание: Зайчик с немытой шеей — любимый сын Марины.

Чтоб волком выть и всё забыть... А впрочем, я сгущаю краски! Вокруг природа — словно в сказке, И неба синего кусок, И из сельпо томатный сок, Грибы с тушенкой на обед, Люси молчания обет – Ну как прекрасен белый свет! Лишь жалко, что бутылки Поскольку Чечин стал — И третий год за свой он счёт Не курит, и вино не пьёт...

Глава IV. Большая волна

Я знаю шуточку одну С призывом: Не гони волну! Отнюдь не каждого устроит Волна, которая накроет. И пусть на гребне вы волны — Не упадите с вышины В пучину, или на паркет... — Так рассуждал с утра поэт 3а уровнем реки следя,

Так рассуждал с утра поэт, За уровнем реки следя, Который рос после дождя, И вскоре затопил причал, Где лодку он припарковал... Да, каждый жди свою волну!..

Вновь мелкий дождик. Ну

и ну!

Плывём в надежде. И встречаем На диком бреге рыбака. Он нам кричит издалека, Что зря волны не ожидаем. (Марину взволновала весть

_

А где же ждать нам? Прямо здесь?!) И вот нежданно, как война, Накрыла эта нас волна... Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий На наш костёр мочились тучи, В лицо, за шиворот, на лоб

Потоп, потоп, потоп, потоп!

С промокшего — и взятки гладки...

схватке, Бежим по лесу без оглядки

Не устояв в жестокой

И ставим в панике

палатки...,.

Лишь Чечин на часок исчез,

И, порубив окрестный лес, Такую запалил надью, Что впору вызывать судью И слушать дело про поджог

И отправлять его в острог...

Но от огня большой был

прок –

Сначала высохли штормовки,

Потом носки, потом трусы, Потом у Чечина усы Зажглись при виде Пусть он с дитём, слегка поллитровки... керной, (Да, я забыл, что он аскет – Но, в общем, парень Усы погасли, плавки заводной – Провёл по книжному по Расплавился поэтов кед, рынку, Достал по блату У Жениных штанин изъян четвертинку, Что ль Тришкин он одел На танцы было пригласил, кафтан? Но, погрустивши, И удивлялся Женин сын отпустил... Логической задаче: Довольные, идут к реке – Резинка есть, а нет штанин Несут в набитом рюкзаке Трёх Заболоцких, пару Ну что же это значит? Рильке, Итак, огонь, вода и трубы И десять штук — в томате килька... Мы за ночь всё прошли. С А запах четвертинок звал – Вот то-то станем на утра Несём байдарки на гора привал! И вроде не давали дуба, Вот то-то будут И вроде сырость не трясла, бишбармаки.... И не сжигал огонь дотла – Но впереди пугают знаки: То ль водосброс, то ль Вода опять вперёд несла И не внушала нам тревоги, камнепад, То ль Ниагарский Поскольку смыла все водопад... пороги... И вот Шумихинский порог Ревёт, стреляет, как из пушки – Стоит среди семи дорог. Держите ушки на Пойдешь направо — топь макушке! Короче, надо разузнать, трясин. Налево — прямо в В какой струе куда сигать... магазин. Конечно, мы идём налево Уж сколько раз твердили миру – Евгений, дети и две девы. Не зная вод, не суйся В байдарках девы вброд! заскучали -А тот, кто знал лишь Глазами в мужиков майна-вира – Всё у того наоборот! стреляли И одного себе поймали: Ан всё не впрок! Ан всё не

впрок! тянет ко дну, И Чечин уволок в порог! А следом возьми дорогую (В конце отнюдь не буква жену! Но то ль он не видел, а то Сплошное «Гэ», как в ли не слышал, слове «Гёте»), (А может, решил, что И вы, не знай куда, вдруг шанс ему вышел -Сесть в бочку, и дальше плывёте, поплыть в одиночку) Но стукнетесь — Короче, уплыл и поставил наверняка! И так как жизнь нам тем точку... Она ж белугой голосила: дорога, Сыми меня, о Женя Вновь вышли девы на брега, милый! А мужики, перекрестясь, На Белую — я ж говорила! Закрыв глаза, в байдарки Смотри, уж остров — хрясь! – затопило!~ И понеслись по воле вод, Вода до икр уже дошла! Как бочка, в кой Гвидон Ой, посмотрите, по ппывёт! колена! На миг оставим мы пока Ой, мне не выбраться из Гвидона — Е. Полищука, плена – Чуть ниже пояса... Дела! И остановимся на той, Я ж вас на Белую звала! Что звала мужа Сыми меня, мой золотой... «золотой»... На мыс след за мужем Уплыл, зараза! Ну, постой! Ну если чудом я спасуся – ступила она, Но что всего хуже — за С тобой поговорю, как ней шла волна... Люся То речка, сбирая с отрогов Ещё не ведает пока, Ведя свово Полищука! дожди, Омывала кусты, и стога, и Ты мне теперь мозги не берёзы, пудри, В поток превратись С любовею не лезь зазря – неизбежный и грозный, Иначе, где остались кудри, Пустыня будет, не кудря... И гнала, и гнала волну Вернись, спаси — ведь впереди... Ой, Женя! — Марина хуже будет! кричит — подожди! Тебя общественность Забыл у меня ты вещичку осудит... Но вспять порога не Возьми кинокамень — он проплыть -

Успел версту он проскочить... Погибла! — Слёзы в три ручья -По грудь почти утопла я... Ну, не по грудь, так до пупа... В последний путь... Зови Зажги свечу, рисуй портрет -Ой, утопил! Спасенья нет!.. Глядь, а к ней уже летит Маленький байдарик, А в байдарике сидит Тоненький комарик, А на лбу его горит Маленький фонарик – Лбом он, знать, задел порог, Но один фонарь — не впрок. Пусть комарик весь продрог, Жар в глазах, сопля в носу Я тебя сейчас спасу! Ты на рюкзаке сиди, Ноги мне в карман клади, Глаз зажмурь, живот прими, И за шею обними! Кинокамень вниз сыми – Мне на лысину не ставь! Ну, давай, Наташа, правь! Долго сказка говорится -Да легко несёт водица... Зайчик скачет на брегу – Мама, мама, не могу Без тебя поднять ногу!

Не ногу, а ногу! –

Кричит она с порогу... Привёз зайчиху дед Мазай –

Теперь слезай и лобызай...

А в это время наш Гвидон Услышал на утёсе стон... (Из нас любой уже привык, Что этот стон был Люсин крик. Привык любой, ну да не он Ведь это свой, родной был стон!) И вот резвей, чем пёсбарбос, Пройдя порог наперекос, Прорезав носом пены мглу, Форштевнем он срубил скалу... Им, видно, правил Гименей –

Он всё, что знал, сказал о

ней...

А я бы и рад был остаться, И рад бы тянуть бечевой, Да гонит — Поедем кататься! -Наташин призыв боевой. И волны меня не пугают – Река мне, как карта, видна: Вон, справа, над камнем вскипает, Волнища размером в слона. Чуть влево беру и взлетаю На гребне волны, как шальной, И вижу — о дева святая! – Тот камень внизу подо

мной! И в камень врезаюсь я сходу, И корпус — почти пополам... В такую шальную погоду Нельзя доверяться волнам!... Но сохранилась целой водка, И нетерпенье душу жгёт, Когда байдарка, как подлодка, Устало к берегу бредёт... А в довершение стеной Пошёл сначала дождь грибной, Потом простой, потом ядрёный -Под полиэтиленом стоны, Кругом вода, одна вода, И мы посередине -Скажу, когда пройдут года Я помню и поныне Тот железнодорожный

Я помню и поныне Тот железнодорожный мост, Привязанной верёвки леер, И вертикальный наш конвейер, И наш восторг, и наш компост, И приютивший нас

18 июля
— 8 августа 1987 г.
Средняя Усьва —
Бассег — Усьва.

Приложение VIII. ШАГИ ПО ДОМУ. 1985 год. (1986 ???)

Вступительно-заключительная песня: Пусть играет не в терцию скрипка, И слова не оттуда поют. Вашу жизнь однократно улыбка Удлиняет на десять минут. Ну, а если взыскательный зритель На спектакле хоть раз хохотнет, Он здоровья прибавит и, как долгожитель, В анналы науки войдет. Начинаем, начинаем – В этом зале гаснет свет... На спектакль приглашает Многоликий наш ДУЭТ! Занавес открывается ЭКСКУРСИЯ ПО МОСКВЕ

ЛИКТОР:

Через несколько минут от здания ГУМа отправится автобусная экскурсия к одному достопримечательному месту столицы. Дорогие ученые москвичи и гости науки! Просим вас занять места и на всякий случай пристегнуться ремнями, иначе мы не можем гарантировать, что вы скоро не сбежите. Итак, экскурсия начинается, автобус отправляется! (Рев мотора).

Слайд: «Ноу смокинг, затянуть ремни!». Пока наш водитель разогревает мотор, посмотрите налево на до боли знакомую Спасскую башню. (Слайд: старый вид башни). Нашим гидом будет закоренелый москвич, видный из себя специалист по изучению планировки и перепланировки центра Москвы Савелий Говорунский.

ВЕДУЩИЙ:

Друзья! Мы начинаем путешествие от этих сложенных из обожженного временем кирпича буро-малиновых стен Исторического музея. (Слайд: Исторический музей). Недавно это неудачное творение зодчего Шервуда отметило столетие открытия и тридцатилетие со для решения о срочном капитальном ремонте. Если бы мы заглянули внутрь, мы поразились бы близкому соседству всех эпох. На правой стороне на обычных лесах плотно уложены уникальные

экспонаты последних десяти веков, а на левой, тоже на лесах, неторопливо и основательно покуривают немногочисленные ремонтники 1986–90 годов и на период до 2000 года. И не беда, что несколько ограничен доступ к экспозиции — зато как глубоко проникают в тайны истории маляры и сантехники, когда располагаются для скромной трапезы на предметах боярской утвари XVI столетия, а чай подогревают в топке паровоза Черепанова!

ДИКТОР:

Сейчас мы оставим слева Исторический музей и повернем направо...

ВЕДУЩИЙ: Кстати, это сейчас так просто, а ведь было время, страшно подумать, когда проезд загромождало культовое сооружение — часовня Иверской Божьей Матери (Слайд: Старое здание часовни). Теперь здесь широкий проезд, закрытый, правда, уже 23 года для проезда.

ДИКТОР: Мы выезжаем на горячо любимую москвичами и гостями столицы площадь Свердлова (Слайд: Большой театр). ВЕДУЩИЙ: Да, ведь это не удивительно. Здесь находится гениальное творение архитекторов Тона и Бове — Большой Театр, в который, бывало, ходили москвичи. До революции здесь был так называемый «привоз». Сейчас это место, расположенное точно посредине треугольника «ГУМ-ЦУМ-Детский Мир», точнее было бы назвать «увозом». Сюда в основном ходят гости столицы. (Слайд: Треугольник, в середине памятник Минину и Пожарскому, оба вместо доспехов увешаны сумками с покупками). Вон там, правее, трехэтажное зданьице. Это и есть ЦУМ. Раньше он назывался Мюр и Мерелиз и был скандально известен обилием товаров, связанным с низкой покупательной способностью тогдашних москвичей и гостей столицы.

Кстати, сейчас немногие из старожилов помнят, что в былые времена «гостями» назывались те, кто продавали товары, а вовсе не покупали их. В старом смысле это слово сохранилось сейчас по отношению к так называемым «заморским гостям». ДИКТОР: А вот справа гордость нашего современного градостроительства — высотный корпус гостиницы «Националь». Горделиво вознеся он, как бы бросая упрек своим низкорослым собратьям (Слайд: Новый корпус «Националя»).

ВЕДУЩИЙ: Да, его четкий параллелепипед (творение архитектора Громоздилова) возвышается над исторической

застройкой подобно баскетболистке, приглашенной на вручение правительственных наград вместе с командой юных гимнасток...

ДИКТОР: А дальше открывается величественная панорама Ваганьковского холма. Белым парусом взвился на нем поставленный Баженовым Пашков Дом, и, кажется, вот-вот улетит журавлем в небо! (Слайд: Дом Пашкова).

ВЕДУЩИЙ: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе,» решили метростроевцы и высокопроизводительным взрывным методом врубили прямо в толщу холма четвертую станцию метро. Холм дрогнул, но устоял. Хорошо ставил когда-то холмы Господь-бог! (Слайд: Здание Ленинской библиотеки с трещиной, через которую выпадают книги).

ДИКТОР: Сделанная с большим вкусом станция метро «Боровицкая» позволит на целых пять минут сократить путь книголюбам Бибирева к сокровищнице знаний. И не беда, что сокровищницу закроют на ремонт! Своевременно построенная станция метро станет отличным книгохранилищем.

А теперь наш путь проходит по улице с поэтическим названием Волхонка...

ВЕДУЩИЙ: Слева, где вы видите густой пар, некогда возвышался не представляющий архитектурной ценности, сделанный в псевдо-русском стиле Тоном и украшенный Клодтом, Верещагиным, Суриковым храм Христа-Спасителя... Сколько же вдохновенного труда пришлось приложить, чтобы создать здесь оазис здоровья — бассейн! А справа полюбуйтесь великолепным зданием музея им. Пушкина (Слайд: Здание Пушкинского музея. Внизу стоит длинная очередь, которая продолжается и на фризе, но уже в виде барельефа). По слухам, именно здесь Иван Сергеевич Тургенев сказал: « Не будь тебя, как не впасть в уныние при виде того, что совершается дома!» Кстати сказать, музей использует находящийся рядом бассейн для улучшения микроклимата своих залов, как естественный увлажнитель. (Слайд: станция метро «Кропоткинская»).

ДИКТОР: Мы приближаемся к Кропоткинской площади. Когда-то здесь стояли стены Белого города. Но как только разрядилась тогдашняя сложная международная обстановка, их сразу снесли... (Слайд: Крупным планом ноги памятника Энгельсу). Нет, товарищи, памятник не Кропоткину... И не Метростроеву.

ГИД: А вот и Пречистенка — милый сердцу каждого москвича

уголок! (Слайд: Разваливающийся домик с овощным магазином). Именно здесь впервые начали селиться дворяне. Роскошные особняки в стиле позднего рококо отлично гармонируют здесь с постройками в стиле раннего барака... ДИКТОР: Кажется, сама история говорит с нами в этих переулках! Здесь бывали Герцен и декабристы, Пушкин и Денис Давыдов, московские ученые и заместители председателей горисполкома (Слайд: Разрез земли с трубами). Когда в 1948 году в Гагаринском переулке прокладывали теплосеть, то обнаружили в земле клад монет XV-XVI веков в количестве 1687 штук. А когда в 1978 году в том же месте снова прокладывали теплосеть, то обнаружили в земле клад труб в количестве 1687 штук, оставшихся от первой прокладки... Сохранились и старинные дворянские дома. (Слайд: Вход в Дом ученых). Вот за решеткой сада, охраняемый двумя львами, величественно и спокойно дремлет Дом ученых. Дальше ехать никак нельзя, не осмотрев подробно эту достопримечательность. Остановимся здесь. Можно расслабить ремни... (Слайд: «Расстегнуть ремни!»). ГИД: Первым владельцем дома был московский губернатор Архаров, и именно здешних обитателей стали называть «архаровцы». Владельцы дома менялись, а великолепный особняк стоял. (Слайд: Старое здание дома ученых). Сюда нередко заглядывал Александр Сергеевич, и, видимо, именно здесь пришли ему на ум строчки:

... Огромный запущённый сад,

Приют задумчивых дриад..

Везде высокие покои,

В гостиных штофные обои,

Царей портреты на стенах

И печи в пестрых изразцах.

Все это крепко обветшало,

Не знаю, право, почему...

Великий поэт не мог предположить, что в 1922 году по решению Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦеКУБУ) здание отойдет в ведение академии наук, а то бы он, конечно, знал... Открыв массивные двери и пройдя мимо вахтеров, членов секции «Экология и защита от окружающей среды», мы попадаем в фойе.

Вспыхивает свет. На фоне эмблемы ДУЭТ а два солиста.

ДУЭТ У ЛЬВОВ

На старой улице Москвы, где находили клады,

Давно лежат седые львы у каменной ограды. Молчат годами эти львы и рук не пожимают, И не склоняют головы и хвост не поджимают. Мощеных улиц столько лет они видали виды! Рычал утрами львов дуэт: «Привет, кариатиды!» Другие виды из окна — за модой не угнаться... Теперь дуэт прописан на Кропоткинской,16. Сюда, от знаний ошалев, ученый шел порою. Ему откроет старый лев призвание второе. А если горе от ума — порой и так бывает — «Ученье — свет, ученых тьма», согласно львы кивают. Дуэт усталых царь-зверей, он не рычит, не лает, Лежит он молча у дверей он слишком много знает. Впускает в Дом без лишних слов в дни сессий и премьеры. У этих добрых, мудрых львов хорошие манеры.

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ:

Мы едем, едем, едем в научное турне. Два года этим бредим — и вот мы на коне! Купил себе ботинки, постригся под битла, Ответил без запинки, с кем бабушка жила. Красота, красота! – все расписаны места! Ира из ОВИРа, спец из Армавира, Некто в шляпе, всех пугая — вот компания какая. Вот кампания какая! Мы ехали и пели про елочку в лесу, И все везли в портфеле сухую колбасу, Чтоб не пришлось отведать на собственном горбу — Там дважды пообедать, и вылетишь в трубу. Не беру, не беру на конгрессы я икру Заверну я в шмотки две бутылки водки, Мелкий частик, лещ в томате, -Вот на десять дней и хватит, Вот на десять дней и хватит! Я в Риме и в Париже следил за складкой брюк. Все взяли, что я рыжий? — я тоже взял утюг. Во взгляде сталь и в позе, и облик весь иной. Нас даже мафиози обходят стороной! Все плати! Все плати! Нас спасал их шоп «Тати». В этом самом шопе все, что есть в Европе -По дешевке, за бесценок — лишь слегка другой оттенок. Лишь слегка другой оттенок.

На стендовых докладах являл я блеск ума. Кормили до упаду, и все за счет «фирма». За мизерную цену купил там три «Бурды», Научного обмена прекрасные плоды! Красота, красота! Не берем в мешке кота. Грузим в чемоданы рыжие «бананы», Майку тете Вале с видами Версаля, Для себя компьютер, и журнал для муттер, Сашке три монетки, и таблетки Светке, Для Сереги ручки, в них такие штучки! «Кэмел» сигареты, видеокассеты, Для пирожных вилку, «Божеле» бутылку, И кассетник «Шарп» сверкает — вот компания какая. ВОТ КОМПАНИЯ КАКАЯ!

ПРИКАЗЫ ПО ДОМУ УЧЕНЫХ

ДИРЕКТОР: В связи с тем, что с момента идеи закладки капустника МДУ прошло 50 лет, разрешите ознакомить вам с юбилейным приказом.

Приказ № 345 от 30 мая 1986 года.

1. В целях упорядочения работы секций и коллективов Дома ученых, а также улучшения их деятельности в имеющихся 6-и залах, 2-х беседках и 1-м буфете приказываю:

а/ объединить комиссию женского актива, комиссию молодых ученых и демографическую секцию в общий коллектив «Молодо-зелено», закрепив за ними навечно Зеленую гостиную и турбазу «Гауя»;

б/ слить секции: пищевую, автомобильную, охотоведения, садоводства и цветов, строителей, исследования земных недр в единую агропромышленную секцию с предоставлением турбазы «Михалево» и выселением из Москвы; в/ организовать на базе беседки из членов клуба любителей бега, секции медико-биологических проблем и вокально-инструментального ансамбля единую «Виви-секцию»; г/ изыскать внутренние резервы в бильярдной комнате по размещению шахматных столиков, для чего бильярдные столы поставить в два яруса один на другой, а бильярдистам

2. Уполномоченным на то членам МДУ изменить и дополнить штатные расписания вверенных им институтов следующими должностями:

а/ почетный директор,

укоротить кии.

б/ народный зам. директора, в/ заслуженный завлаб, г/ далеко ведущий научный сотрудник, д/ самый младший старший научный сотрудник, е/ самый старший младший научный сотрудник,

ж/техник — за всех смотритель.

- 3. Утвердить новое положение о премиях с присуждением почетных званий:
- а/ лауреат квартальной премии
- б/ ударник хоздоговорного труда
- в/ заслуженный изобретатель годового отчета.
- 4. В связи с предполагаемым капустником, независимо от его названия (ДУЭТ, ТРЕПЛЕТ или СЕКСТЕТ) приказываю: а/ вызвать подразделения Московского военного округа б/ за два часа до начала, если зал будет набит до отказа, закрыть ворота и калитку и повесить объявление «Концерт отменяется»;

в/ в случае, если зал через час после начала еще будет пустым, открыть ворота и калитку и повесить то же объявление; г/ зав. культотделом заранее указать на недопустимость проведения подобных мероприятий.

ДИКТОР: Как вы поняли из приказов, самым массовым коллективом у нас теперь будет сводный народный хор. Вам сегодня повезло — заглянем в Большой зал. Здесь на ваших глазах этот творческий коллектив впервые замахнется на понастоящему масштабное произведение.

Занавесоткрывается

На сцене хор и солисты. На красном заднике сверкающий орган. Выходят дирижер и музыковед, последний садится за столик с лампой.

МЕССА ХА—ХАМОЛЬ

МУЗЫКОВЕД: Сегодня в этом зале прозвучит одно из ряда вон выдающееся произведение музыкального искусства — Хаха мольная Месса «Диссертеус пассионен», что означает «Страсти по Матфизике». Месса написана в строгом стиле и присущими только ей мягкими красками звуковых аллегорий раскрывает проблемы защиты работы типичным диссертантом конца XX века. Портрет автора Мессы, недавно найденный в запасниках кабинета Истории физики и названный «Портрет неизвестного в кедах», сегодня впервые представлен уважаемой аудитории (сверху спускается портрет). Перед

вами поясной портрет молодого человека на фоне сельского пейзажа. Лицо, обрамленное снизу небольшой бородкой, распахнутый стеганый камзол, устремленный внутрь себя взгляд, тонкие руки, лежащие на толстой диссертации... Однако, вернемся к Мессе. Как и всякая Большая месса, она состоит из 12 частей, часть из которых безвозвратно утеряна. Произведение начинается могучим аккордом. Это мощно вступает хор «Кирие элеисон», что в переводе означает «Помилуй меня, Ученый совет».

ХОР: Кирие элеисо-о-он!

БАС: Господи, помилуй защищающегося!

XOP: (на мотив «Хазбулат удалой»):

Ты помилуй меня, наш Ученый совет!

Ради этого дня я трудился пять лет.

Я принес тебе труд — семь печатных листов,

Свои тридцать минут защищаться готов.

Тот, кому невдомек, что у Шефа есть враг,

Разберет между строк, что враг Шефа -. неправ.

МУЗЫКОВЕД: Вторая часть — басовая ария «Кредо» отражает материалистическое мировоззрение и будущую кредитоспособность автора.

БАС: (на мотив «Крамбамбули»):

Ученые — гиганты мысли и демократии отцы!

Гранит науки мы разгрызли, как разгрызают огурцы.

ХОР: Закончим измерения, напишем уравнения –

Открыто новое явление!

ТЕНОР: Когда прибор шалит, как дева,

а ты со схемой не знаком,

В порыве праведного гнева

по ней шарахни кулаком!

ХОР: Закончим измерения, напишем уравнения -

Открыто новое явление!

МУЗЫКОВЕД: Следующая часть — канцона «Агнус Деи» («Божий барашек») описывает беззаботную жизнь соискателя, в которой терять было нечего, а потери, если они и бывали, не вели к трагедиям. Эта часть утеряна первой, зато сохранилась четвертая часть «Дона нобис боне оппонента», написанная в ритме старинной сарабанды.

СОПРАНО: (на частушечный мотив)

Ой, не спрашивайте, девки,

не тяните за язык.

Я признаюсь, оппонент мой –

больно каверзный мужик!

МЕЦЦО: Мне подружка говорила,

говорила — не врала,

Чтобы я из Дом-ученых

оппонентов не брала.

СОПРАНО: В кружева я наряжусь-ка,

нацеплю-ка бус и лент,

Погляжу, чего напишет мой красавец-оппонент...

МЕЦЦО:Ты, подружка дорогая,

хорошо себя веди,

На свово на оппонента

ты глазочек не клади!

BMECTE:

Ох, строги вы, оппоненты и суровы неспроста.

Мы найдем у оппонентов уязвимые места!

МУЗЫКОВЕД: Пятая часть мессы — «Лакримоза», что

означает: «Я плачу по запудренным мозгам»...

XOP:

Все защищаются, все защищаются –

А защищаться никому не запрещается,

Теоретически блестяще вычисляется

Экономический практический эффект.

Все защищаются, все защищаются,

И сотни новых направлений открываются...

БАС:

А через год с ужасным скрипом закрываются,

На что и тратится могучий интеллект...

МУЗЫКОВЕД: Пропуская не найденные во время антракта шестую и седьмую части, попытаемся настроиться на тональность автора. Само название следующих частей — «Диес ирэ» и «Туба мирум» («День гнева» и «Отпусти с миром») независимо от желания авторов ввергают нас в пучину противоборствующих стихий. Вы только прислушайтесь, как драматично развивается глубокий внутренний конфликт, и как по-разному, но каждый в свою сторону, одну и ту же тему ведут две партии: партия фортепиано и партия барабана. Части играются без перерыва.

XOP: («Колыбельная» Моцарта)

Спи, наш Ученый совет...

В зале погасим мы свет.

Кресел обивка мягка,

Речь диссертанта гладка.

Наш председатель, не спи,

Если уснешь, не храпи,

Не завались на паркет...

Спи, наш Ученый совет.

Усни... усни...

ДИРИЖЕР (до этого почесывался смычком, вдруг поворачивается к залу, прикрепив на лбу рожки. Поет на мотив «Серенады Мефистофеля»)

Не ходи, о друг мой нежный,

На Большой совет, на Большой совет,

Не узнав, что с темы смежной

Нету здесь врагов,

Что врагов здесь нет.

А иначе на зашите

Может выйти злобный критик

С отзывом в зубах!

Xa-xa-xa-xa! Xa-xa-xa-xa-xa!

Мой совет: до утвержденья

Не входи в расход!

А иначе угощенье на корню сгниет,

На корню сгниет...

Xa-xa-xa-xa! Xa-xa-xa-xa-xa!...

МУЗЫКОВЕД: Как естественное развитие предыдущей темы, светло и оптимистично звучит классический дуэт двух оппонентов «Бенедиктус» — «Не важно, что бумажно, а важно, что денежно»(утерян вместе с исполнителями), который тонко и ненавязчиво приводит к заключительной части Мессы «Эт ин спиритус вини» и Хоралу.

СОЛИСТЫ (на фоне баховской органной прелюдии):

Все по правилам игры -

Только белые шары.

Кто-то бросил черный шарик –

Не давать ему икры!

Хорошо идет икра –

Защитившему — ура!

Что у Кати в дипломате –

Доставайте на гора!

Это вовсе не банкет, это так — а ля фуршет,

Никакого алкоголя на столах в помине нет!

ХОР (на мотив баховского хорала):

Бла-го-да-рим наших шефов!

Бла-го-да-рим оппонентов!

Бла-годарим У-че-ный Со-вет!!!

ВЕДУЩИЙ: Из комнаты научных секций нетрудно попасть через служебный вход в Зимний сад с его огромным стеклом и фонтаном. Теперь, когда особняк теряет постепенно черты пошловатой роскоши конца XIX века и приобретает здоровый научный аскетизм, только Зимний сад не изменился. Это любимое место активного отдыха ученых — столовая с буфетом. Кстати, если вы потерялись в Доме ученых, встречайтесь в центре — у буфета...

Но далеко не всех зовет большая наука. Многие остаются в столовой. Поэтому здесь буквально негде с яблоком упасть, как остроумно заметила однажды буфетчица.(входит буфетчица в наколке, пародирующая Пугачеву) РОМАНС БУФЕТЧИЦЫ (на мотив «Айсберга») Вот опять толпа ученых у буфета нарастает, Пробиваются к прилавку и садятся по столам. Кто в столовой не работал, тот, конечно, не узнает, Как опасны члены Дома нам и нашим поварам! Припев

А мы тебе — обеды, как в лучшем ресторане, А мы в тебя, как в омут — продукты чередой! А ты такой голодный, как айсберг в океане, И все твои печали подчеркнуты едой! Ты пьешь пива гектолитры, Ты икры съедаешь тонны,

Лишь мелькают горы хлеба, ветчины окорока... Ради нашего буфета ты и ходишь в Дом ученых,

Ты и айсберг в океане смог бы съесть наверняка! Припев

ВЕДУЩИЙ: Но не хлебом единым жив ученый. Пройдем в Голубой зал. Кстати, замечу во избежание ложных толкований — зал называется голубым исключительно за характерный цвет стен. Здесь сегодня вечер, приуроченный к 50-летию официального признания парапсихологии лженаукой — «Телекинез и научно-технический прогресс». Вечер ведет кандидат тех самых наук Вольф Рамов.

Занавес открывается

На сцене за столом реципиент в наушниках и индуктор. На столе горит лампочка

ИНДУКТОР: Принимая информацию, которую не передают, и передавая информацию, которую не все воспринимают, парапсихология быстро завоевала популярность. Простота

методов исследования (наложение рук) и доступность приборов (карты Зенера) привели к тому, что уже в трехстах лабораториях используют эти методы, и всегда имеется пара приборов для паракинеза, парадонтоза и параферанса. Вот сидит известный специалист Федор Федорович. У него биополе часто принимает форму той или иной ауры, но наблюдать ее могут далеко не все.

Чтобы биополе Ф. Ф. стало видно из зала, мы преобразуем его сегодня в более привычную форму, например, в электрическую. Оказалось, что у Ф. Ф. напряженность поля в ненапряженном состоянии равна 127 вольт. Сейчас от его биополя горит вот эта лампочка. Слабо пока горит. Ф. Ф., можно вас попросить напрячь биополе? (Ф. Ф. напрягается, лампочка загорается ярче). Спасибо, расслабьтесь. (Лампочка гаснет).

А теперь мы проведем более трудный опыт -чтение мыслей на расстоянии с помощью преобразования их в звуковую форму. Ф. Ф., можно попросить вас напрячь мысль? (Ф. Ф. напрягается, индуктор подносит микрофон к голове тишина). Ф. Ф., попрошу еще раз! (к залу) Товарищи! Вы должны настроиться на абсолютное доверие и доброжелательность! (подносит микрофон — тишина, стучит пальцем по микрофону). Товарищи, прибор абсолютно надежен. мысли он читает, просто у Ф. Ф. их сегодня, наверное, нет. На всякий случай, проверим еще раз (Подносит микрофон, слышно: «Ждите ответа... ждите ответа...») Друзья, отрицательный в частном случае результат еще не означает отсутствия явления в целом. Сплошь и рядом мысли не преобразуются в доступную форму. Спасибо, Ф. Ф., не напрягайтесь больше. Теперь мы переходим к передаче мыслей на расстояние.

Сегодня мы можем передать мысль на расстояние до 6 м. Я встану у края и передам одну мысль Ф. Ф. (Встает, напрягается) товарищи, абсолютная тишина и благожелательная атмосфера! (смотрит на часы) 4,3,2,1 — начали! Готово! Мысль передана на расстояние 6 м за 3,4 секунды!

Проверим усвоение мысли (подносит микрофон, слышен звук спускаемой воды) Блестяще! А теперь сеанс скоростного телекинеза. Ф. Ф., станьте в центре, мы будем вас передвигать. (делает пассы руками. Ф. Ф. уплывает направо за кулисы, в тот же момент из левой кулисы появляется его брат-близнец

— это Амур и Север Сидоровы).

ИЗ ЗАЛА: А поддаются ли внушению представительницы прекрасного пола?

ИНДУКТОР: Не всегда, но попробуем. Светлана Терентьевна! (С. Т. выходит и становится на возвышение. Индуктор делает пассы, она поднимает руки, вслед за которыми с помощью прозрачной лески задирается юбка. Индуктор смущен) Достаточно, достаточно! Сеанс окончен (все берут приборы и уходят) Ф. Ф., а стол? (Ф. Ф. напрягается, и стол сам уезжает за кулисы)

Занавес закрывается РАЗМИНКА

СПОРТСМЕН: Меня, как самого спортивного, просили провести разминку... Итак, вы уютно расположились в креслах, вас активно тянет ко сну... Есть предложение: давайте разомнемся!

У вас слегка затекла шея, чуть сильнее — левая нога, на которую наступил сосед справа, плечи тоже затекли. Вы повернулись к соседу и пожали плечами: »Что за чушь?» Тем самым вы уже начали делать упражнения. (Появляется акробатка)

Их можно выполнять в парах, как мы, а можно и самостоятельно. Итак, положите кисти рук на плечи соседа, а кисти ног — на спинку кресла... Смелее, начали! (поют вдвоем)

Откройте рот! Закройте глаз! Вот ишиас у вас проходит, А если вдруг колени сводит, Ногою — раз! Другою — раз! Вы не завлаб, а баобаб, И ваши руки — это ветки. На них качались наши предки, А вот потомок чуть ослаб. Отбросьте страх! Ногою — мах! Прогните ствол в районе таза! Потом еще четыре раза Вверх поднимитесь на носках. В шестом ряду закройте рот – Уже другое упражненье -Налево корпусом движенье, Потом направо и вперед. Забросьте на ногу ногу

(Да на свою — не на соседа!) Подвижность тела — наше кредо. Скажи себе:»Я так смогу!» Меняйтесь креслами... опять... На ручки кресла сели, встали... Не на работе вы, а в зале -Не бойтесь кресла потерять! Снимите стресс, расслабьте пресс... Ваш сон исчез — вы снова в силе! Глаза открыли, рот закрыли, И вновь к спектаклю интерес! ДИКТОР: Поспешим теперь в знаменитую Зеленую гостиную. Путь туда так тяжел, что напоминает Критский лабиринт, слава Богу, без вахтера, т. е. без Минотавра. Зато те, кто дойдут, будут вознаграждены посещением пробного занятия Университета итальянской культуры. Занавес открывается Плакат «Сан-Ремо-100», из под которого на ступеньках, покрытых ковром торчат ноги танцовщиц и исполнителя. вниманию исполнитель уверенно утвердился в мире итальянской музыки. Он сам пишет, сам исполняет и сам

Плакат «Сан-Ремо—100», из под которого на ступеньках, покрытых ковром торчат ноги танцовщиц и исполнителя. ВЕДУЩАЯ: Бона сера, добрый вечер! Предлагаемый вашему вниманию исполнитель уверенно утвердился в мире итальянской музыки. Он сам пишет, сам исполняет и сам слушает свои песни. Имя исполнителя — Валентино Табуретти! В песне рассказывается, как трое молодых парней на берегу моря в заброшенной таверне встречают юную девушку и спасают ее от разбойников. На всякий случай напоминаем, что Аморе — по итальянски — это любовь, Вентура — судьба, Дуро — твердость, Предуро - непереводимый оборот, означающий — задумчивый мужчина, Кальсони — штаны. Остальные слова понятны по тексту, поскольку песня исполняется на русском языке. (Уходит. Плакат поднимается, открывая танцовщиц и Табуретти, который радостно спускается на сцену)

ПРИДУРО

Аморе пьяно квесто манифесто! Синьора белла донна виста престо! Йо предури, пэрдоно, примавера, Кальсони, кон тут кьера, бона сера! Суббото. Что-то презентари вита? На договора премиа упита... Динаре покантаре, кьянти маре – Компанья, банья, литро популяре...

О, йо придуро! Публика, грациа, вентуро, Фонтано, пьяно итальяно, фигуро дуро! Базиле секонд кьянти откупоре, Гитаре аккордаре: «Ми аморе!» Се тут как тутто коменданте Ванья В моменто к нам подсенто в ресторане. Бамбина уна юна — о нормале! Артиста прима — бюсто колоссале! Морале ля софита Афродита, Скандале специале: А иди ты! О, йо придуро! Публика, грациа, вентуро, Спагетти, куро, сигаретти, фигуро дуро! Дуро примеро престо заразито – Питаро часто, баста, всо допито. Бандито элементо в денто дало, И Ванио отбросило сандало. Базиль фундаментале каратаре -Сержанто прибежанто пер швейцаре. Базиле погрузили фаэтоне -«Арривидерчи, Рома...» — тихо стоне. О, йо придуро! Вентуро, грациа, микстуро, Салато, вегето, спинато, фигуро дуро... Занавес закрывается

ВЕДУЩИЙ: Вы уже поняли, что пригласить знаменитость в такое престижное место, как Дом ученых, не представляет никакого труда (если не считать некоторых трудностей с оплатой). Но когда хочется собрать несколько знаменитостей трудности возрастают. Но выступление все же состоится! ПАРОДИИ написаны членами авторской группы ДУЭТА — О. Сухаревской, А. Петровым, Л. Зеляевой и другими.

АХМАДУЛИНА

Себя влекла я в суете сует — Изыскана, стройна, неотразима — Долой от антикварных магазинов, В науку. В кандидаты. На совет... Мне красил интеллект округлость лба, Сплелись вальяжно робость и отвага. Всесилием инструкций строгих ВАКа Меня сюда направила судьба. Отринув груз былых инсинуаций, Я страждуще впорхнула на Совет Не защищаться, но вершить балет

Защиты кандидатских диссертаций.

Я изложила суть своих заслуг

В изящно-изнурительном запале,

А после оппоненты выступали,

И отзыв тоже был зачитан вслух.

Мне подписала этот документ

Нервически, как в старых кинолентах,

Жена большого член-корреспондента,

Сама — большая член корреспондент.

Со мною вместе защищался Дождь.

Чудак! Привыкши к старому бонтону,

Он воду лил, как прежде, монотонно,

Не в ту струю, которой нынче ждешь.

Но вот настал голосованья миг.

О, мой Совет, меня ты не провалишь!

Ведь здесь сегодня каждый — мой товарищ,

А я люблю товарищей моих!

ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Все встаньте!

Вы, зрители,

Встаньте!

Ученый, погибший в крутом коммерсанте,

Встаньте!

Весь наш ДУЭТ,

Встаньте!

И вы, директор Дома Ученых,

Товарищ Шкаровский,

Встаньте!

Хочет Капустник на место в программе гарантий.

Капустник! Как пустынь, как пустошь -

Так пост после пуска пуст,

Как после компоста капуста –

Кто пустит? А пустит, так пусть!

Мы помним, как почти что на «авось»

Все это так внезапно началось.

Идея представлялась обреченной:

«Антимиры» — наш смех и Дом Ученых.

Как бред, как танк на новгородском вече,

Смотреться должен здесь капустный вечер!

Еще не вышел пыл вечерний,

Но как ни утешаю я себя,

«Дубовый лист виолончельный»

Уже готов сорваться с ясеня... И резко, как серпом по молоту, Я брошу в зал «Пока мы здесь, мы будем молоды! И потому — Виват Капустнику!» ЕВТУШЕНКО Со мною вот что происходит: С наукой жизнь меня не сводит. И, приглядевшись хорошенько, Я думаю: «Не то ведь, Женька!» Живу, как в клетке золоченой, Но ощущаю с ходом лет, Как хочется мне в Дом ученых – Буфет в России — больше, чем буфет... Мне нужно пищи для ума -Ведь я не чужд научных споров. Я жил на станции Зима, Как Ломоносов в Холмогорах. Но я пешком не шел в Москву Дождись теперь обоза с рыбой!` Рос, бронзовея на плаву, И стал вполне весомой глыбой. Не зря закон Лавуазье Открыл коллега Ломоносов: На поэтической стезе Я не боюсь сплошных заносов. Наскучит Лондон — еду в Рим, Потом в Париже быть просили... Среди премьер, премьеров, прим Я так люблю воспеть Россию! Назло врагам я помню Русь, Объездив больше полусвета... Я в Дом ученых проберусь Под кожей статуи поэта! РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Я сегодня на пари ставлю: В Дом Ученых я приду с помпой – За себя и за того парня Все, что было не со мной, вспомню. Не абстрактно и отвлеченно -Прямо, документально, звучно – Весь застой разъяснял я ученым,

Что наука должна быть научной. Перестройки я был прорабом... Но сегодня — другие лидеры: Слово «Рынок» уже пора бы Всем писать только с крупной литеры! Так доколе — спрося по простому -Будут разные интеллигенты Здесь болтать о «традициях Дома», И жалеть его сдать в аренду? За науку, статейки и лекции Вам не взять настоящую цену. Я прошу: «Товарищ Дирекция, Не пускайте ученых на сцену!» А чтоб были о вас поэмы, Как о БАМе и целине, За раскрытье гражданственной темы, Сдайте сцену в аренду. Мне! ФИЛАТОВ

ПОТЕШНИК: Верьте аль не верьте, но жив на белом свете Федот-борец — удалой молодец. Как показали в эфире пьесу, много было к нему антиресу. Еще бы! Он ить народный герой, царя — долой, а сам — пир горой! А дальше и вовсе страсти: пошел Федот по научной части. И в этом царстве, развитом государстве, в сказочной Академии наук началися проблемы вдруг!

И вот академический князь-президент — ума в ем огромадный процент зовет к себе — ни много, ни мало — крупного научного генерала.

КНЯЗЬ: Что ты вытянулся весь,
Отдавать не надо честь —
Не застойный, чай, период.
Настоялся, можешь сесть.
Кстати, Ваше благородь,
Снял бы саблю в будни хоть,
Шесть значков лауреатских
Тоже лучше отколоть...
Прочитал я твой отчет
Академии насчет...
Значит, очень популярен
Этот, как его... Федот?
ГЕНЕРАЛ: Ентот Федька, не спросясь,
На тебя клевещет, князь,

То есть, говорит всю правду

Про научную про власть.

Тут доходят вести с мест,

Будто ходит манифест,

Чтоб от имени ученых

Его выдвинуть на съезд.

Прикажи, князь-президент!

Мы его в один момент:

Мол, генетик, кибернетик,

Отщепенец, диссидент...

КНЯЗЬ: Погоди, нельзя, как встарь -

Наверху теперь не царь.

Понимать должон. Ведь ты же

Академик-секретарь.

Вот и нянька из дворца

От известного лица.

Говорит, чтоб мы законность

Соблюдали до конца.

Понял, старый дуролом,

Что негоже напролом.

Вон соседей-педагогов

Разгоняют поделом...

Нам не нужен резонанс.

Академия де Сьянс -

Это, братец, не казарма.

Ты учти такой нюанс.

Только хочешь или нет,

Быть тебе без эполет,

Если этого Федота

Изберут сейчас в Совет!

ГЕНЕРАЛ: Я скажу без громких фраз:

Будет выполнен приказ!

Не извольте сумлеваться,

Чай, оно не в первый раз,

ПОТЕШНИК: Объявил генерал аппарату аврал. Корпят референты, а идей хрен-то!.. Пришлось на условиях

хоздоговора добиваться с Ягой разговора.

ЯГА: Ты чевой-то бел, как мел?

Аль в столовой общей ел?

Аль в архивах отыскали

Кой-чего из старых дел?

Дак глотни бузинный квас,

Коль ослабили Указ.

Он не хуже «Солнцедара»

Приведет тебя в экстаз.

ГЕНЕРАЛ: Будешь, бабка, мне в меню

Предлагать свою фигню,

Я ж по цензу возрастному

Вмиг тебя угомоню.

Если ты в своем уме,

Ворожи хоть на дерьме:

Как Федоту полегальней

Испоганить реноме.

ЯГА: Колдуй, баба, колдуй, дед!

Дай совет, пожди ответ:

Как Федоту срезать квоту,

Подорвать авторитет?

Так!.. Эге!.... Ага!.. Угу!..

Мы согнем его в дугу!

Я такого порученья

Не желаю и врагу:

Разузнать к исходу дня,

Всейсистемы не браня,

В механизме торможенья

Где какая шестерня!

потешник:

Зовет Князь Федота в Главное здание, вручает

государственное задание. Печати, визы и графы на месте. И

номер проставлен — все честь по чести...

КНЯЗЬ: В высших сферах позарез

Вызывает антирес,

Как мы будем развиваться –

С ускореньем или без?

Вернуть былое: Валерий Канер глазами друзей

Подписано к печати Формат 60+90 1/16
Бумага офсетная
Гарнитура Times New Roman Печать офсетная
Объем 500 тр.
Усл. печ. л. 30
Тираж 300 экз.
Изд-во